

V. GORDON CHILDE

NEW LIGHT
ON
THE MOST ANCIENT EAST

LONDON

1952

Гордон Чайлд

**ДРЕВНЕЙШИЙ
ВОСТОК
В СВЕТЕ НОВЫХ
РАСКОПОК**

Перевод с английского
М. Б. ГРАКОВОЙ-СВИРИДОВОЙ

Предисловие и редакция
проф. В. И. АВДИЕВА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Москва—1956

Книга английского археолога Гордона Чайлда «Древнейший Восток в свете новых раскопок» представляет собой обзор недавних археологических раскопок, имеющих большое значение для древнейшей истории Востока. Книга снабжена большим количеством иллюстраций, таблиц и карт. Печатается по IV английскому изданию.

Редакция литературы по историческим наукам.

Заведующий редакцией канд. ист. наук СЕМИН И. П.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Крупные раскопки, произведенные в течение последних 30 лет в Восточной Африке и в Азии, поставили перед археологами и специалистами в области древней истории ряд очень важных историко-археологических проблем. Находки древнейших земледельческих орудий и костных остатков домашних животных, прирученных в глубокой древности, дали повод к постановке вопроса о том, где впервые возникло земледелие. Когда же были обнаружены древнейшие поселения и наиболее ранние города, населенные ремесленниками и торговцами, возник вопрос о причинах появления городского строя. Наконец, найденные в глубоких археологических слоях материалы и изделия, доставленные из соседних, а иногда и из далеких стран, натолкнули на мысль о существовании в седой древности примитивного торгового обмена. Одновременно с этим были обнаружены многочисленные черты сходства между орудиями, глиняными сосудами, произведениями искусства и иероглифическими надписями, добытыми во время раскопок в самых различных странах Востока.

Буржуазные ученые обычно объясняли такого рода факты переселениями (миграциями) народов, что, по их мнению, приводило к покорению культурно отсталых племен более цивилизованными и более сильными народами, приносившими в завоеванную страну свою более высокую культуру. Советские специалисты, критикуя эту «теорию миграций», тесно смыкающуюся с реакционной расовой теорией, особенно в тех случаях, когда факт миграции или завоевания не мог быть доказан ввиду отсутствия точно установленных исторических фактов и главным образом письменных данных, противопоставляли «теории миграций» несомненный факт самобытного культурного развития древних народов. Конечно, этому не противо-

речат отдельные заимствования культурных достижений других народов, что объясняется ранним появлением примитивного торгового обмена, тесно связанного с многочисленными войнами.

На все эти важные историко-археологические вопросы пытается ответить крупнейший современный английский археолог Гордон Чайлд в своей очень интересной и ценной книге «Древнейший Восток в свете новых раскопок». Не будучи узким специалистом в области восточной археологии, Гордон Чайлд смело взялся за изучение сложных и трудных проблем археологии древнейшего Востока, так как, по его мнению, «археология доисторического и протоисторического периодов Древнего Востока является ключом к правильному толкованию европейской предистории. Последняя в своей начальной стадии является главным образом историей подражания восточным достижениям или, в лучшем случае, их усвоения. О самих же достижениях мы узнаем из археологии Востока» (стр. 24—25). Это признание Гордона Чайлда имеет тем большее значение, что оно основывается на глубоком изучении всех известных современной науке историко-археологических фактов. Будучи видным специалистом в области западной археологии, Гордон Чайлд основательно изучил не только результаты раскопок древнейших поселений, погребений и храмов на территории древневосточных государств, но остроумно и со знанием дела сопоставил их с фактами древнейшей истории народов Востока. Это дало возможность Чайлду прийти к правильному выводу, что восточные народы задолго до западных создали ряд культурных ценностей, которые во многом повлияли на развитие западных цивилизаций и нередко даже были заимствованы западными народами.

Это утверждение Чайлда, основанное на твердых объективных данных современной археологической науки, позволяет правильно оценить вклад народов древнейшего Востока в сокровищницу мировой культуры.

Опираясь на прекрасное знание археологического материала, Гордон Чайлд смело выступает против общепризнанной в буржуазной науке «теории миграций», в особенности в тех случаях, когда всякое сходство в памятниках материальной культуры или в области идеоло-

гии объясняется без достаточных оснований миграцией или завоеванием. Так, например, Чайлд, внимательно рассмотрев вопрос о древнейших связях между Египтом и Шумером, приходит к тому выводу, что «новые прилипы этнические элементы могли проникнуть в долину Тилла в герцейский и послегерцейский периоды... но нельзя предполагать, что они принесли с собою какую-то готовую культуру, стоявшую на более высоком уровне, чем местная додинастическая культура» (стр. 159). Допуская, что в архаический период между египтянами и шумерийцами существовали какие-то не только экономические, но и культурные связи, Г. Чайлд, однако, выдвигает единственно правильный тезис «о наличии здесь явления не диффузии, а самостоятельного развития» (стр. 161).

Стараясь рассмотреть каждую историко-археологическую проблему в ее полном объеме, стремясь наиболее полно изучить и осветить вопрос об аналогиях и связях, объясняющих культурное развитие отдельных древневосточных народов, Г. Чайлд выступает против попыток одностороннего рассмотрения такого рода вопросов и попыток пайти родину той или иной культуры. Критикуя Христиана, который «ошибочно полагал, что весь последовательный ряд месопотамских культур должен начинаться с «культуры Сакче-Гёзи», которая в действительности является иноземной для Месопотамии» (стр. 173).

Г. Чайлд совершенно справедливо утверждает, что «нет никаких оснований полагать, что культура Хассуны была принесена в Ассирию в готовом виде. Она могла развиться на месте в тот период, когда благоприятное природное окружение позволило примитивным земледельцам-скотоводам выработать систему земледельческого хозяйства, совместимую с жизнью в оседлых поселениях» (стр. 173). Устанавливая, таким образом, факт самостоятельного возникновения в Северной Месопотамии земледельческой культуры, Г. Чайлд в то же время не отрицает наличия очень древних экономических и культурных связей между древним населением Хассуны и соседними племенами. По мнению Чайлда, «широкое распространение некрашеной и расписной керамики указывает на то, что культуры Хассуны имели связи как с Востоком, так и с Западом» (стр. 173—174).

Прекрасно владея огромным фактическим материалом, главным образом археологическим, Г. Чайлд не ограничивается его тщательным анализом, но пытается на основании его глубокого изучения ставить и разрешать большие исторические проблемы. Одним из таких важнейших вопросов является вопрос о том, как и в силу каких причин развитие экономики и социальных отношений привело к появлению городов и к возникновению государства в странах Древнего Востока. При изучении этого капитального вопроса Чайлд большое внимание уделяет экономическому фактору. Так, он неоднократно указывает на то, что переход древних народов к земледельческому хозяйству был крупнейшим переворотом в экономике. Не меньшее внимание в своем труде Чайлд уделяет развитию металлургии, отдавая себе ясный отчет в том, что более совершенные металлические орудия и более интенсивные формы земледельческого хозяйства дали возможность производить большее количество продовольствия и ремесленных изделий, что явилось одной из причин возникновения торговли, появления городов в качестве новых экономических центров. От Чайлда не ускользает и тот несомненный факт, что именно в эту эпоху появляются новые слои населения, в частности ремесленники, и что одновременно с развитием производства появляется имущественное расслоение общества на бедняков и богачей, появляются рабство, укрепленные поселения и древнейшие государственные образования. Так, описывая археологические памятники Египта амратского периода, когда получают развитие земледельческое хозяйство и металлургия, Чайлд, основываясь на изображении пленников и водоносов, предполагает, что «возможно... в тот период уже существовало рабство» и даже частная собственность, на что указывают значки, начертанные на сосудах и, очевидно, обозначающие их принадлежность определенному хозяину (стр. 96). Далее, основываясь на находке модели обнесенного стеной городка и подлинных стен, обнаруженных Флиндерсом Петри при раскопках южного поселения в Негаде, Чайлд предполагает, что в те времена «некоторые поселения, возможно, были укреплены» (стр. 95). Наконец, он указывает на то, что «на одной палетке этого периода, хотя

и найденной в Верхнем Египте, вырезано изображение Красной Короны, которую позднее носили фараоны как символ царской власти над Нижним Египтом» (стр. 96). К сожалению, мировоззрение Чайлда не позволяет ему сделать дальнейшего шага и вскрыть причинную связь, соединяющую вполне правильно отмеченные им факты. Основная историческая закономерность, связывающая все звенья этой цепи, заключается в том, что появление металлических орудий и применение искусственного орошения привели к настолько значительному прогрессу в области земледелия и производства ремесленных изделий, что отныне вожди и богачи смогли использовать труд рабов; работая на своих хозяев, рабы и бедняки могли не только прокормить себя, но и создать добавочные продукты, которые обогащали рабовладельцев, частично шли на содержание вначале общинных, а позднее государственных правителей и, наконец, в качестве избыточных продуктов превращались в товары. Развитие торгового обмена, конечно, еще более обогащало рабовладельцев, содействуя более глубокому классовому расслоению.

Возникновение рабовладельческой эксплуатации, углубление классовых противоречий требовали создания государственного аппарата власти, который бы обеспечивал богачам возможность использования труда рабов и бедняков. Так, основные исторические факты, правильно замеченные Чайлдом, неизбежно приводят к установлению основных закономерностей развития древнего общества. К сожалению, английский археолог, собрав огромный и ценный исторический материал, не сделал последних обобщающих и единственно правильных выводов, которые, несомненно, вытекают из всех ныне установленных археологами и историками конкретных фактов, характеризующих жизнь древнейших народов.

Но все же большую ценность в труде Чайлда представляет сопоставление всех этих существенно важных исторических фактов. Показывая огромное прогрессивное значение земледельческого хозяйства, которое в древнейший период египетской истории, в частности в амратский период, еще сочетается со скотоводством и с собирательством, Чайлд отмечает тот несомненный факт, что в

условиях аллювиальной долины «в герцейский период земледелие и скотоводство становятся основным источником пропитания населения, и не лишено вероятия, что оно уже в какой-то степени базируется на искусственном орошении» (стр. 109). Особенно важно отметить, что в данном случае Чайлд видит в этом факте общеисторическое явление, типичное для экономики древневосточных народов, стоящих на одном уровне экономического и культурного развития. Так, говоря о хозяйственном строе древнейшей Индии, Гордон Чайлд указывает на то, что «условия жизни на аллювиальной равнине так же, как в Египте и Вавилонии, требовали организованного объединения сил для контролирования и регулирования полых вод, от которых зависело само существование людей» (стр. 262). Характерно то, что Гордон Чайлд совершенно не связывает факт возникновения искусственного орошения с так называемой «организующей» деятельностью государства. Наоборот, он ясно и отчетливо показывает, что чисто экономические потребности приводят в уже глубокой древности, в период первобытно-общинного строя, к необходимости объединения сил для упорядочения орошения полей, связанного с разливом больших рек. И действительно, при раскопках неолитической стоянки в Меримде были обнаружены большие корзины из камыша, обмазанные глиной и врытые в землю, служившие для хранения зерна, большие зерновые ямы и деревянные серпы с кремневыми вкладышами, что, несомненно, указывает на значительное развитие земледельческого хозяйства, которое в естественных условиях Нильской долины могло основываться лишь на искусственном орошении, которое в ту эпоху возникало лишь в своей самой примитивной форме.

Наряду с этим было бы интересно проследить появление древнейших иероглифических знаков, которые использовались в древнейшие периоды для обозначения тех должностных лиц, которые должны были следить за оросительными работами. Очевидно, в период разложения первобытно-общинного строя это были еще представители общинных властей, впоследствии превратившиеся в царских чиновников.

Очень большое значение придает Чайлд возникнове-

нию и древнейшему развитию металлургии, что произвело целый переворот в технике и экономике того времени. Подробно описывая древнейшие формы металлических изделий (орудий и оружия) и начальные этапы в развитии металлургической техники, Чайлд при описании культуры того или иного древнего народа постоянно отмечает специфические отличия, но в то же самое время пытается установить и типологические черты сходства. Так, например, указывая на то, что в Древнем Египте в герцейский период появляется «более ясное представление о принципах настоящей металлургии», которые начинают применяться на деле (стр. 110), Чайлд в то же время отмечает, что некоторые черты, в частности, способ укрепления орудия в рукоятке, дают возможность «отличать египетские традиции в области металлургии от месопотамских» (стр. 110). Очень подробно и вдумчиво описывает Чайлд своеобразные черты металлургического производства в древней Индии, что стало возможным после крупных раскопок в Мохенджо-Даро и в Хараппе, открывших новую страницу в археологии и древней истории Индии. По словам Чайлда, древнеиндийские металлурги умели плавить различные металлы, серебро, свинец и медь, а также обрабатывать золото. Дав подробный и детальный перечень металлических изделий, найденных в развалинах древнеиндийских городов, Чайлд отмечает, что древнеиндийские металлические орудия и оружие производят впечатление более примитивных, чем шумерийские. Однако, к сожалению, он не разъясняет, не иллюстрирует и не доказывает этого положения. Это тем более необходимо, что культуры Мохенджо-Даро и Хараппы все еще представляются довольно сложными конгломератами, не вполне изученными до настоящего времени.

Развитие металлургии в Нильской долине приводило, по мнению Гордона Чайлда, к возникновению древнейшей торговли. Основываясь на целом ряде конкретных фактов, английский археолог устанавливает несомненное наличие экономических и культурных связей древнейшего Египта с Восточной пустыней, с Синайским полуостровом, с Северной Африкой и даже с другими странами. Эта тема могла бы быть развернута Чайлдом значительно

шире¹, но и те факты, которые он приводит в своей книге, дают возможность установить существование примитивного торгового обмена в эпоху, непосредственно предшествующую возникновению древнейших государств в странах Востока.

Существенно важным историческим фактом является наличие торгового обмена у самых разнообразных народов древневосточного мира. Чайлду удастся довольно убедительно показать, что торговые нити связывали многочисленные народы Древнего Востока. Так, например, даже древние племена, населявшие Северную Месопотамию, в частности в районе распространения халафской культуры, привозили раковины с берегов Персидского залива и доставляли обсидиан из северных областей, расположенных близ озера Ван, возможно в Шамирамальти. Больше того, Чайлд делает смелую попытку установить факт наличия торговых связей между Северной Индией, Средней Азией, Месопотамией и Египтом. По его словам, «мы имеем конкретные свидетельства о существовании к 2500 году до н. э. обширной торговой сети, охватывающей всю территорию от Тигра до Инда и Окса и на запад — от Евфрата до самого Нила» (стр. 258). Именно этим можно отчасти объяснить те черты сходства, которые позволяют сближать отдельные памятники материальной культуры, найденные на обширной территории, расположенной между Индом и Нилом.

Чайлд отдает себе ясный отчет в том, что такое развитие экономики должно было привести к крупному социально-экономическому перевороту. Неоднократно отмечает он в своей книге, что именно в этот период происходит накопление богатств в одних руках и появляется деление общества на более богатых и более бедных. Так, описывая Египет в герцейскую эпоху, он говорит: «Все эти технические и экономические достижения способствовали росту благосостояния Египта герцейского периода. Но возможно, что богатства распределялись теперь менее

¹ См. В. И. Авдиев, Возникновение и развитие торговых и культурных связей древнего Египта с соседними странами. Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов, Москва, 1954.

равномерно, чем прежде. Различия в величине и убранстве могил заставляют предполагать разделение членов общин, по меньшей мере, на более бедных и более богатых» (стр. 113). Аналогичные факты Чайлд констатирует, касаясь древнейшей истории Месопотамии. Так, в поселениях халафской культуры были обнаружены подвески с вырезанными на них геометрическими орнаментами. Чайлд предполагает, что эти своеобразные «печати», наложенные на комок глины, использовались для утверждения «права собственности владельца печати на содержимое тары... В таких случаях это могло бы обозначать, что приобретение «богатств» и товарообмен уже практиковались и поощрялись обществом» (стр. 177). Конечно, процесс накопления богатств, появление имущественного неравенства, начатки классового расслоения, возникновение рабства и рабовладельческой эксплуатации автор мог бы показать гораздо ярче и полнее, если бы он использовал шире древнейшие письменные источники, а также данные языка и древней письменности, которые ярко иллюстрируют процесс нарастающего классового расслоения. Но даже опираясь лишь на чисто археологический материал и ограничившись рамками историко-археологического исследования, типичного для современной западно-европейской науки, автор все же сделал значительный и смелый шаг вперед, указав на то, что обогащение и связанный с ним товарообмен «общественно поощрялись».

Вопрос о появлении древнейшего классового государства в странах Востока является одним из сложнейших вопросов древней истории. Вполне естественно, что один только археологический материал совершенно недостаточен для того, чтобы всесторонне осветить эту сложную проблему, проследить процесс образования государственной власти и вскрыть его причины. Для этой цели необходимо использовать разнообразные письменные источники, сохранившиеся главным образом на территории Египта и Месопотамии. Однако, основываясь почти исключительно на археологических материалах, на результатах раскопок, на памятниках материальной культуры и произведениях искусства, Гордон Чайлд приводит целый ряд интересных фактов, иллюстрирующих процесс

возникновения государственной власти в странах Востока. Так, например, подробно описывая и внимательно анализируя погребения вождей додинастического Египта и гробницы древнейших египетских фараонов, Чайлд показывает постепенное увеличение размеров гробниц, возрастающую их пышность и роскошь, наличие человеческих жертвоприношений, сложный заупокойный ритуал и сопоставляет все эти факты с древнейшими произведениями искусства, на которых сохранились изображения древнейших фараонов. Особенно существенно то, что Чайлд подчеркивает военный характер древнейшей царской власти. По его мнению, в то время происходили военные столкновения с «целью захвата скота, земли или другой добычи», на что указывают, в частности, «укрепления вокруг городов и деревень» (стр. 129). Еще более резко указывает на это Чайлд, описывая возникновение государства в древнейшей Месопотамии. Так, например, подробно анализируя памятники, найденные в Уруке, относящиеся, по его словам, ко времени появления цивилизации в Шумере, Чайлд обращает внимание на «изображения царя на поле брани», которые свидетельствуют «об организованном истреблении людей». Этот же ярко выраженный «военный» характер древнейшей царской власти Чайлд отмечает и при описании находок в Уре, в частности военных колесниц, обнаруженных в царских гробницах. Считая «военную колесницу» типичной «военной машиной» того времени, Чайлд полагает, что «погребение такой машины должно символизировать воплощение государства как силы принуждения в лице земного династа и юридически обосновать определение таких гробниц, как «царских» (стр. 232). Если бы Чайлд использовал в своей книге большой фактический материал, который можно почерпнуть из письменных источников древнейшей истории народов Востока, он мог бы гораздо ярче и полнее обрисовать этот военный характер древнейшей царской власти. Будучи ограничен узкими рамками западноевропейской исторической науки, Чайлд не сумел установить причинной связи между возникновением рабовладельческой эксплуатации и появлением древнейшего классового государства, которое должно было дать богачам и рабовладельцам возможность

безнаказанно эксплуатировать трудовые массы и в то же время держать их в жесткой узде. Но и те отдельные высказывания относительно военного характера царской власти, которая по существу была «силой принуждения», ясно указывают на то, насколько далеко отошел автор от обычной для буржуазных ученых идеализации древнейшего классового государства.

Несомненным достоинством книги Гордона Чайлда являются, как это уже было указано выше, обилие и полнота археологического материала, что позволяет автору с большой убедительностью сделать ряд очень важных исторических обобщений. Особенно существенно то, что Чайлд дает очень широкую в географическом отношении картину возникновения и развития древнейшей культуры в странах Древнего Востока. Так, он вводит в свою книгу новые археологические материалы, полученные во время раскопок в Сахаре, в Судане, в Палестине, Сирии, Северной Месопотамии, в Иране, Белуджистане и в Северной Индии¹. Однако одновременно с этим следует указать, что Чайлд все же не исчерпал всего доступного ему материала и обошел молчанием такие важные в историко-археологическом отношении районы, как Малая Азия, населенная уже в III тысячелетии до н. э., Закавказье и Средняя Азия, тщательно обследованные советскими археологами в течение последних 30 лет. Использование ценнейшего историко-археологического материала, обнаруженного в этих местностях, дало бы возможность Чайлду углубить свой анализ важнейших памятников культуры древневосточных народов и нарисовать более широкую картину возникновения цивилизации в странах Древнего Востока.

Несмотря на то, что труд Гордона Чайлда основан на очень большом фактическом материале и представляет несомненный научный интерес, с некоторыми утверждениями автора нельзя согласиться. Так, например, автор утверждает, что «лучшим средством примирения классовых интересов является подчинение их одной независимой власти» (стр. 238). Так смотрели на государственную деятельность Солона античные историографы, считавшие,

¹ См. Э. Маккей, Древнейшая культура долины Инда, Москва, 1951.

что Солону удалось «примирить» богачей с бедняками. Но в настоящее время глубокое изучение конкретных исторических фактов приводит к совершенно иным выводам. Установление государственной власти объясняется не стремлением «примирить» непримиримые классовые противоречия, а, наоборот, стремлением богачей и рабовладельцев подавить протест трудовых масс, постоянно выступавших против гнета своих эксплуататоров. Поэтому древнейшая государственная власть не могла быть «независимой», но всецело зависела от произвола правящего класса рабовладельцев, интересы которых она призвана была с самого начала упорно и последовательно защищать. Это ясно из всех письменных документов древневосточной истории, в частности видно из текста древнейших законов, которые всегда стояли на страже классовых интересов богачей, владевших скотом, рабами и землей.

Нельзя далее согласиться и с некоторыми другими утверждениями автора, которые отчасти связаны со старой теорией «миграций». Так, например, Чайлд считает возможным «предполагать, что форма царской власти в Месопотамии и ритуал погребения царей были заимствованы из монархии фараонов» (стр. 238). Однако такое предположение ни на чем не основано. Сам автор в своей работе неоднократно указывает на совершенно самостоятельный процесс возникновения культуры как в Месопотамии, так и в Египте. Письменные указания источников не дают никаких оснований для предположения о том, что форма царской власти в Месопотамии была заимствована из Египта. Наоборот, анализ источников показывает, что царская власть возникла в древнейшем Шумере вполне самобытно, причем можно даже проследить процесс ее развития. Что же касается до сакрального характера царской власти в Шумере и в Египте, то в этом следует видеть типичную черту древневосточной деспотии, которая во всех странах древневосточного мира основывалась на идеологии обоготворения царя и царской власти и широко использовала для этого религию и искусство¹.

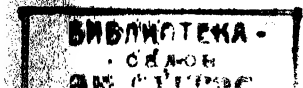
¹ В. И. Авдиев, Идеология обоготворения царя и царской власти в древнем Египте, журн. «Историк-марксист», Москва, 1935, № 8—9.

Нельзя признать правильными и предположения Чайлда, что «египетские писцы заимствовали каким-то образом в Шумере идею наделения пиктограмм фонетическим значением» (стр. 357) и что парус был заимствован египтянами у шумерийцев. Изучение древнейших египетских надписей архаического периода, а также всех изображений этого времени с несомненностью показывает, что египетская письменность возникла и развивалась в Египте вполне самостоятельно и что парусные лодки и корабли появились в Египте независимо от каких-либо иноземных влияний. Природные условия в Дельте и в долине Нила требовали уже в глубокой древности широкого использования водного транспорта, и поэтому нет ничего удивительного в том, что в Египте уже в архаический период появились парусные лодки и корабли.

Иногда Гордон Чайлд допускает в своем труде и некоторые преувеличения, которые нам могут показаться чрезмерными, но которые объясняются искренним увлечением автора и его стремлением как можно ярче выразить свою мысль. Так, например, Чайлд, несомненно, преувеличивает значение торговли в древнеиндийских городах, развалины которых были обнаружены в бассейне Инда. Он пишет, что в них «торговля была настолько хорошо организована, что... обеспечивала регулярную доставку... продовольствия... металла... раковин... предметов роскоши» (стр. 268). Конечно, о регулярной доставке товаров в эти древнеиндийские города говорить не приходится. В этих словах автора звучит явная модернизация.

Но несмотря на перечисленные недостатки, книга Гордона Чайлда является выдающимся трудом в современной западноевропейской историографии. На основании огромного археологического материала, полученного в результате новейших раскопок и тщательно проанализированного автором, в книге дается яркая картина возникновения древнейших цивилизаций в странах Древнего Востока, умело написанная рукой большого мастера. А то обстоятельство, что автор в основу своих обобщений кладет экономический фактор, делает его труд особенно ценным.

2 Гордон Чайлд

Подчеркивая несомненный факт вполне самобытного возникновения культуры у целого ряда народов древневосточного мира и в то же время указывая на наличие очень ранних экономических и культурных связей между многочисленными народами, населявшими обширные территории между Нилом и Индом, автор тем самым резко выступает против необоснованных извращений, основанных на пресловутой расовой теории. Таким образом, труд Гордона Чайлда является прогрессивным научным трудом, который проливает новый и яркий свет на процесс возникновения и развития древнейших цивилизаций и поэтому принесет несомненную пользу советским читателям,

В. Авдиев.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

Хотя из пятнадцати лет, прошедших со времени выхода в свет последнего издания этой книги, значительная часть падает на годы разрушительной войны, тем не менее этот период явился свидетелем новых открытий в Передней и Центральной Азии, столь многочисленных, что книга требует пополнения в виде новых глав, и столь неожиданных, что содержание старых глав оказывается устаревшим. Пожалуй, наиболее неожиданный новый материал был обнаружен в могильнике столичного города Мемфиса в Саккара, относящемся ко времени I египетской династии, и в гробницах той же эпохи, расположенных на противоположной стороне Нила близ Гелуана, некоторые из которых уже были выстроены из камня; кроме того, в Нижнем Египте была определена последовательность «додинастических» культур, соответствующая известной уже на протяжении пятидесяти лет последовательности культур в Верхнем Египте. Одни лишь Палестина и Сирия дали материал для новой главы, так как период до 2000 года до н. э., почти не освещенный в 1935 году, иллюстрируется теперь хорошо документированным рядом богатых культур. В самой Месопотамии неолитическая предистория, прежде являвшаяся лишь постулативной, начала принимать отчетливые формы с 1941 года. В бассейне Инда обширные раскопки Уилера снабдили нас, наконец, конкретными данными для восстановления картины общественной жизни и материальной культуры цивилизации, которая хотя и владела в полной мере письменностью, тем не менее еще является для нас доисторической. Открытие монументальной каменной архитектуры в Египте эпохи I династии, великолепной, натуралистически выполненной, портретной скульптуры IV тысячелетия в Шумере и не менее

натуралистичных скульптурных портретов в долине Инда требует иллюстрации новым фотоматериалом, так же как пересмотра принципов искусства эпохи цивилизации.

Возможно, что общие контуры картины, набросанной нами в 1935 году, не претерпели заметных изменений, однако некоторые места этой картины становятся несколько более отчетливыми и ее контуры заполняются многочисленными яркими подробностями. Таким образом общая форма подачи материала сохраняется, хотя в подразделение его вводятся некоторые изменения. Мы должны, однако, заранее предупредить читателя еще о трех менее существенных изменениях. Исследователи теллей вполне естественно нумеруют наслаивающиеся друг на друга поселения или храмы в том порядке, в каком они их находят, то есть сверху вниз. Некоторым читателям, возможно, будет нелегко запомнить, что первый храм в раскопках был в действительности последним, выстроенным на этом месте, между тем как древнейшее здание помечено, например, номером 16! Однако поселения и храмы, в отношении которых имеются такие разногласия, в настоящее время уже слишком широко известны в археологической литературе под этой обратной нумерацией, так что перенумерация их в историческом порядке их существования или сооружения мешала бы читателю, знакомому с первоначальными источниками. В связи с этим я сохранил установившуюся терминологию, но в качестве уступки любителям вставлял знак минуса в тех случаях, когда слои перенумерованы в обратном порядке, начиная от наиболее позднего.

Во-вторых, я ввел термин «эпоха древнейших фараонов» как общее наименование «архаического» периода и культуры Египта во времена I и II династий, для приближения к термину «раннединастический», применяемому теперь к архаической культуре и периоду досаргоновской Месопотамии. Наконец, поскольку последовательность культур, весьма несовершенно установленная французскими археологами, производившими раскопки в Сузах, не является больше стандартом для Ближнего Востока (как это было в 1928 году), суммарное представление о ней дается в носящем в значительной степени технический характер приложении к главе VII, которое может быть

опущено без ущерба для ясности общего повествования.

Я хочу принести глубокую благодарность профессору Мустафе Амеру, в настоящее время ректору университета в Александрии, и доктору Ризкана из Каирского университета, любезно допустившим меня к еще не опубликованным материалам их открытий в Маади; Заки Сааду, директору королевских раскопок в Эзбет эль-Вальде, оказавшему мне такую же любезность; Ф. Дебоно, пополнившему сведения, изложенные в опубликованных отчетах о его раскопках в Эль-Омари, и У. Б. Эмери, показавшему мне новые материалы из Саккара.

Возможностью помещения таблиц XIII, XIV и XXXVI мы обязаны генерал-директору Общества изучения древностей в Багдаде; таблиц XXXIII и XXXIV — главному хранителю Отдела восточных древностей в Лувре; таблицы III b — управлению Британского музея, таблицы XXXVII — профессору М. Э. Л. Меллоуэну; таблицы XXIXa — профессору Р. Э. М. Уилеру и таблицы XXIX b — директору музея при Гарвардском университете. За ряд сведений и советов, помимо отмеченных в сносках, я обязан также профессору Роберту Брейдвуду, доктору К. С. Куну, профессору С. Пигготу и моим коллегам — доктору К. Кеньону, профессору Меллоуэну и профессору Уилеру. Линдсей Скотт и мисс Айсабел Смит любезно помогли мне в чтении корректур.

ОТ ИСТОРИИ К ПРЕДИСТОРИИ

Всего тысячу лет назад Шотландия и другие области Северной Европы еще не знали письменности и были погружены во мрак варварства. Еще тысячелетием ранее весь наш темный континент вставал перед нами в свете истории, источником которого являлось лишь несколько точек на берегах Средиземного моря. В следующем тысячелетии меркнут одна за другой и эти точки и, наконец, только призрачное сияние героических мифов освещает легендарные стены Трои и Тиринфа. Археолог может пролить некоторый свет на прошлое наших диких предков и предшественников, выкапывая из земли их примитивные орудия и грубые украшения и систематизируя их по приблизительным хронологическим категориям или территориальным группам. Таким образом он восстанавливает картину материальной жизни различных народов, населявших на протяжении последовательных эпох Британию и соседние с ней территории, а порой по их изделиям может даже проследить пути передвижения отдельных групп людей.

Народы, о которых мы таким образом узнаем, почти неизбежно остаются безымянными, их духовная жизнь, в сущности, является для нас закрытой книгой, и многие могут вообще усомниться в древности их происхождения. Но одно обстоятельство отчетливо прослеживается на всем протяжении туманной и неясной истории этих первобытных европейцев: распространение на Запад, усвоение и приспособление для местных нужд изобретений, сделанных на Востоке. Лишь основываясь на изучении предметов восточного типа, ввезенных или скопированных по типу восточных и найденных на территориях распространения культур в Европе, мы можем питать

надежду на то, что нам удастся определить, и не только в относительном выражении, возраст нескольких культурных групп, существовавших до середины первого тысячелетия до н. э. в Европе, которая еще не знала письменности.

На Ниле и в Месопотамии наш путь на протяжении целых пятидесяти столетий озаряется ярким светом письменной истории, и, всматриваясь в глубину этого периода, мы находим уже в самом его начале организованную систему управления, городской уклад жизни, письменность и сознательное искусство. Кроме того, там, на территории Древнего Востока, по крайней мере некоторые эпизоды из великой драмы завоеваний цивилизации еще разыгрываются на открытой сцене. Правда, ее важнейшие моменты — та революция, в результате которой человек вышел из рамок чисто паразитического существования и с переходом к земледелию и скотоводству стал созидателем, независимым от прихотей окружающей его природы, а позднее дошел до открытия металла и использования его свойств, — свершились еще до поднятия занавеса. Тем не менее на берегах Нила и Евфрата мы стоим несравненно ближе к истокам цивилизации и скорее можем надеяться проникнуть в сущность этих величайших этапов на пути прогресса, чем при самом тщательном исследовании кухонных отбросов в Прибалтике или раковинных куч на побережье Шотландии. Нередко данные, добытые на Востоке, служат письменным комментарием к предистории Европы. Некоторые народы Древнего Востока находились в близком родстве с неолитическим населением отдельных частей Европы или с потомками живших там раньше палеолитических охотничьих племен. Разве исключена возможность, что через посредство восточных сородичей наших предков-варваров мы сможем получить некоторые сведения даже о духовной жизни последних? Разве изучение быта и обычаев Востока, отраженных в письменных текстах, не может пролить свет на быт и обычаи безмолвной тогда Европы?

Отсюда следует, что археология доисторического и протоисторического периодов Древнего Востока является ключом к правильному толкованию европейской предистории. Последняя в своей начальной стадии является

главным образом историей подражания восточным достижениям или, в лучшем случае, их усвоения. О самих же достижениях мы узнаем из археологии Востока.

Нигде в области археологических или антропологических исследований не было сделано таких потрясающих открытий, как на территории Древнего Востока. Стоит только вспомнить об открытии в Бадари некогда процветавшей неолитической культуры, более древней, чем любая из всех ранее известных неолитических культур, — открытии, вписывающем совершенно новую главу в историю древнейшего Египта, или о всем великолепии шумерийской цивилизации конца четвертого тысячелетия до н. э., или о драматическом вступлении Индии на арену истории Востока в результате раскопок Хараппы и Мохенджо-Даро. До сих пор еще не было сделано попытки оценить эти революции с точки зрения истории человеческой культуры, основанной на чисто археологическом материале. Даже самые археологические материалы этих эпох мало доступны для рядового исследователя в области предистории. Пусть это послужит мне извинением в том, что настоящая моя работа представляет собою обзор результатов исследований специалистов, работающих в этой и близкой к моей, но все же другой области науки, и в том, что этот обзор поспешно является односторонним и неполным и не содержит окончательных выводов.

Прежде всего необходимо подытожить некоторые выводы историко-филологического характера, имеющие существенное значение для определения древней хронологии, составляющей основу моего повествования, и представить актеров, играющих ведущие роли в нашей драме.

В Египте письменные источники — прежде всего компиляция Манефона на греческом языке, составленная при Птолемеях в Александрии, а также отдельные фрагменты более древних египетских анналов, в особенности так называемый Туринский папирус, написанный около 1300 года до н. э., и Палермский камень, надписи на котором были сделаны приблизительно еще на четырнадцать столетий раньше, — позволяют датировать археологические памятники примерно третьим тысячелетием до н. э. и позднее. Этот исторический период, начинающийся

ся с объединения Верхнего и Нижнего Египта в единое царство первым фараоном, именуемым по традиции Менесом (на самом деле это лицо собирательное), Манефон подразделяет на династии. Современные историки признают три основных периода расцвета Египта — Древнее, Среднее и Новое царства, отделяющиеся друг от друга периодами упадка или даже полного хаоса; Древнее царство соответствует III—VI династиям Манефона, Среднее — XI—XII, а Новое — XVIII и XIX. На протяжении всего этого периода мы имеем возможность определять в солнечных годах возраст большинства памятников. Кроме того, благодаря имеющемуся списку царей с указанием времени их царствования все это можно проверить еще с помощью определенных астрономических дат, составляющих особенность египетского календаря.

Египетский календарь представляет собою первое письменное отражение успешного сочетания числа с точной записью наблюдений. Он является прародителем нашего календаря, который отличается от него только небольшими исправлениями, внесенными сначала Юлием Цезарем, а позднее папой Григорием. Однако изобретение календаря было прямым откликом на особые условия земледелия в долине Нила. Весь земледельческий цикл в Египте зависел от ежегодных разливов Нила. Эти разливы повторяются с такой регулярностью, какой мы не находим ни в одной другой системе рек: достаточно пятидесятилетней записи наблюдений, чтобы убедиться, что промежуток между двумя разливами был равен в среднем 365 дням¹. Те, кому это было известно, могли предсказывать, когда следовало начинать цикл земледельческих работ, и вполне возможно, что земледельцам такие успешные предсказания казались знаком божественного всеведения. Трудно сказать, являлось ли основой власти Менеса именно такое «всеведение», но, как бы то ни было, он или какой-то его неизвестный предшественник использовал, повидимому, это открытие в качестве основы

¹ См. Neugebauer O., Die Bedeutungslösigkeit der «Sothisperiode» für die älteste ägyptische Chronologie, *Acta Orientalia*, XVII, 1938, 169—195, и «La Période sothiaque», *Chron. d'Egypte*, 28, 1939, 258—262.

официального календаря, заменившего лунный календарь — такой, каким и по сие время пользуются многие народы, стоящие на ступени варварства или дикости. Искусственный тропический год был разделен на 12 месяцев по 30 дней в каждом; к этим месяцам были добавлены пять остающихся дней.

Какой бы замечательной точностью ни отличалась эта первая попытка создания солнечного календаря, он имел погрешность приблизительно на шесть часов в год. Столетие спустя эта постепенно увеличивающаяся погрешность уже во сто крат превышала первоначальные четверть суток и расхождение между официальным и действительным тропическим годом стало слишком заметным. Официальные названия времен года — «Разлив», «Сев», «Жатва» — утратили всякую связь с теми полевыми работами, для упорядочения сроков которых они предназначались, и календарь стал явно непригоден для той цели, для которой он, собственно, и был составлен. Однако к этому времени он, должно быть, подобно христианской пасхе, уже слишком прочно вошел в употребление вследствие своей связи с разными личными и местными праздниками, чтобы его можно было легко изменить. Поэтому он удерживался вплоть до завоевания Египта Юлием Цезарем, который, как чужеземец, мог пренебречь «туземными предрассудками».

Однако еще в период Древнего царства чиновники фараонов изобрели новый способ регулирования сроков земледельческих работ. Оказывается, что на долготе Мемфиса предутренний восход Сириуса, по-египетски Сотиса, совпадает с началом разлива Нила. Соответственно с этим чиновники использовали наблюдения за Сотисом для подачи сигнала к началу земледельческого цикла. Один раз за 1461 год предутренний восход Сириуса совпадал с началом официального года. Этот период называется циклом Сотиса. Один из таких циклов начался в 139 году н. э., и египтяне оставили записи, показывающие соотношения между официальным и звездным годами, определяемыми по Сотису, при нескольких царях XVIII династии и при Сенусерте III (XII династия). Эти записи дают нам достоверную дату для периода Среднего царства, начало которого на основании полных

династических списков следует, повидимому, относить приблизительно к 2000 году до н. э. Однако нет никаких оснований предполагать, что введение календаря относится к началу одного из циклов Сотиса. Таким образом, вопреки утверждению Эдуарда Мейера применение официального календаря в эпоху IV династии еще не доказывает, что календарь был впервые введен на один цикл Сотиса ранее, то есть в 4236 году до н. э. Повидимому, он был введен уже после того времени, к которому относятся первые письменные источники, вероятнее всего — в период царствования Менеса. Но датировать это изобретение следует с помощью династических списков, сличая их для проверки с официальными биографиями и беря при этом в качестве исходной даты 2000 год до н. э. Вследствие несомненной растянутости списков и вероятного преувеличения продолжительности отдельных царствований определение этой даты в 1950 году колебалось между 2830 и 3188 годами до н. э.¹

Создание календаря — этот первый шаг к правильному исчислению тропического года — заставляет предполагать, что, по меньшей мере, в течение пятидесяти лет люди перед этим вели запись наблюдений за разливами Нила и, по всей вероятности, пользовались для этого какой-то системой условных символов, то есть знали письменность. Можно ли приписывать все эти достижения царствованию первого фараона Менеса? Согласно традиционной версии, сохранившейся только в поздних документах, но получившей, тем не менее, общее признание², Менес был царем Верхнего Египта, который, завоевав Дельту, объединил всю долину Нила в одно царство. После смерти он, подобно всем своим преемникам, стал отождествляться с покровительствовавшим ему божеством — Соколом Гором и получил новое имя, «имя Гора»; Менес, имя которого не было обнаружено ни на одном памятнике, превратился, согласно одному из мнений, в

¹ Шток защищает минимальную дату (Stock, *Die erste Zwischenzeit Ägyptens, Analecta Orientalia*, 31, Rome, 1949). Сьюэл является сторонником более отдаленной даты (Glanville, *The Legacy of Egypt*, 1941, 2—11).

² Некоторые сомневаются, являлся ли Менес определенной личностью. См., например, *Annales du Service*, XLI, 1942, 290.

«Гора Нар мера»¹. Но различные предания говорят о том, что до объединения в Верхнем и Нижнем Египте существовали самостоятельные царства² с собственными эмблемами (Красная и Белая Короны и т. д.), результатом соединения которых явились в конце концов двойная корона и знаки царского достоинства фараонов, правивших после I династии. Вместе с тем культ Гора еще до объединения существовал в западной части Дельты, и возможно, что место его средоточия в Гиераконполе являлось вторичным центром его распространения. Зете на этом основании утверждает, что объединению Египта с юга вождем клана Сокола, Менесом, предшествовало более раннее объединение, осуществленное тем же кланом Сокола и начавшееся в западной части Дельты; в таком случае борьба между Гором и Сэтом (богом Нубета = ? Негада), упоминаемая в египетских мифах, может отражать это завоевание южного Египта. Согласно Зете, результатом этого завоевания явилось образование «додинастического» объединенного царства со столицей в Гелиополе, близ Каира. Если это Гелиопольское царство действительно существовало, вполне возможно, что именно оно является первоначальной родиной условных знаков египетской письменности; среди египетских иероглифов бросается в глаза значительное количество изображений растений и животных, типичных для Дельты. Но хотя Брэстед³ и утверждал, что на Палермском камне имеются ссылки на царей объединенного Египта, предшествовавших I династии, тем не менее существование объединенного Гелиопольского царства является еще только предположением, не находящим прямых подтверждений ни в археологических материалах, ни в письменных документах.

Вместе с тем мы находим свидетельства о периоде если не политической, то, во всяком случае, культурной

¹ Такого мнения придерживается Петри (в своих более поздних работах) и Эдвардс; Рейснер, Эмери и вначале Петри отождествляли Менеса с «Гором Ахе».

² См. Ranke, *The Beginnings of Civilization in the Orient*, JAOS, Suppl., 4, 1939, 1—15.

³ *Bull. Inst. Franc. d'Arch. orient.*, XXX, Cairo, 1932, 702, cf. *OLZ*, 1932, 704.

гегемонии Севера над Югом, в то время как сам Север находился под сильным влиянием Азии. Филологи отмечают в египетском языке примесь к его африканской, в значительной степени хамитической, основе семитических элементов и из совпадения слов «левый» и «правый» со словами «восток» и «запад» делают вывод, что семитические элементы проникли в Египет с севера вместе с семитическими племенами или завоевателями, прокладывавшими себе путь вверх по течению реки, так как указанные слова принадлежат к «семитическому» наслоению в египетском языке.

Новый ключ к дальнейшему разъяснению этого вопроса дает нам сравнительная этнография. Тот факт, что еще на заре египетской истории мы сталкиваемся с исключительной зрелостью общественных и религиозных устоев, не только побуждает нас углубиться в исследование процесса их развития, но наряду с этим дает нам также и средство к облегчению этой задачи. За внушительной фигурой всемогущего и обожествляемого фараона вырисовывается тень другого, более скромного владыки — «божественного» царя, как его характеризует Фрэйзер, — который был облечен властью благодаря своей магической силе и платил за это тем, что должен был расстаться с жизнью прежде, чем сила эта начинала убывать, по мере ослабления его тела. Фараон был не только обязан выполнять многие из тех функций, которые возлагали на таких «божественных» царей современные им варвары; он избежал их участи только благодаря введению магического обряда, заменившего ритуальную смерть. Праздник Сэд, периодически справлявшийся всеми фараонами начиная с Менеса, представлял собою магическое отождествление царя с Озирисом, умершим и вновь воскресшим богом. Значение этого праздника и цель, которую он преследовал, заключались в стремлении вдохнуть в монарха новые жизненные силы и энергию путем символического изображения смерти и воскрешения¹. Этот праздник являлся пережитком того времени, когда предшественники фараонов действительно

¹ См. Moret, *Tribe to Empire*, 151 ff., Seligman, *JRAI*, 1913, 665.

должны были умереть, обставляя этот акт особым ритуалом, чтобы освободить место для молодого и сильного преемника, дабы магическая сила не исчезла с их слабеющим телом.

Далее, внимательное изучение загадочных полубогов-полуживотных египетского пантеона дало возможность предположить, что Сокол Гор, Корова Хатхор, Змея Нейт и остальные божества возникли из тотемов. Это значит, что до объединения Египта в одно государство там существовало множество отдельных кланов со своими тотемами; животные и растения, считавшиеся родоначальниками и покровителями этих кланов, превратились в местных богов, занявших затем после объединения страны шемсу-гóрами каждый свое место в национальном пантеоне, верховным божеством которого стал Сокол — тотем победившего клана.

В верхнем течении Нила и сейчас живут племена, близкие по типу лица, физическому сложению, черепным пропорциям, языку и одежде к древнейшим египтянам¹. Во главе этих племен стоят чародеи — «повелители дождей», или «божественные» цари, которые еще до недавнего времени подвергались ритуальной казни; сами же племена делятся на кланы, каждый из которых имеет свой тотем. В качестве примера можно указать на племя шиллуков, существование которого относится непосредственно ко времени, предшествующему божественной монархии Менеса; управление этим племенем сосредоточено в руках царя, ведущего свой род от животного (тотем) и еще недавно подвергавшегося ритуальной смерти. К еще более древней фазе относится племя динка, представляющее собою группу автономных кланов со своими тотемами.

¹ Seligman, *JRAI*, 1913, 597ff., Petrie, *Anc. Eg.*, 1915, 70. Попытка связать шемсу-гóров со страной Пунт (напр., Hall, *Anc. Hist.*, 92) должна быть отброшена в связи с исследованиями Зете; отождествляемые с ними «месниу» также являются скорее не «кузнецами», а «гарпунщиками», охотившимися с гарпуном на гиппопотамов в болотах Дельты; ср. Moret, *Nile*, 108, and Hall in *CAH*, I, 261. Предания о стране Пунт, на которые ссылается Холл, могут с тем же успехом служить доказательством наличия среди населения династического Египта элементов, родственных народу, жившему в этой южной области Абиссинии или Аравии, точное географическое положение которой до сих пор не определено.

мами, находящимися нередко в состоянии войны друг с другом; во главе каждого клана стоит «повелитель дождей», которого по ритуалу убивали до наступления старости. Из всего этого можно вынести впечатление, что общественное развитие этих племен, населяющих верховья Нила, приостановилось на стадии, пройденной остальными египтянами еще до начала их письменной истории. Перед нами — живой музей, экспонаты которого служат дополнением к нашим коллекциям и воскрешают перед нами отдельные моменты доисторического прошлого.

Таким образом, предания и данные филологии, сравнение религиозных верований и обрядов и этнографические сведения проливают в какой-то степени свет на перемещение племен и династий, на характер религиозных и общественных революций, происходивших в долине Нила задолго до начала третьего тысячелетия до н. э. Материалы же, являющиеся конкретным отражением человеческого прогресса и перехода человека от дикости к цивилизации, были добыты именно здесь с помощью лопаты археолога. Они в значительной мере подтверждают правильность изложенных нами вкратце преданий и выводов и в то же самое время дополняют их и расширяют их сферу. Но, помимо этого, они проливают также свет на живую связь между древнейшими египтянами и людьми, населявшими в глубоком прошлом нашу Европу, вынуждая ее хоть на мгновение открыть свои безмолвные уста.

Несколько ниже мы дадим подробный разбор археологических материалов, отражающих не абстрактную эволюцию, а взаимодействие многочисленных конкретных групп и позволяющих судить о культурных заимствованиях у народов других отдаленных областей. Но прежде всего нам следует дать некоторые пояснения по поводу того, что должно лежать в основе всей этой картины, которую мы хотим восстановить. Почти все наши сведения о так называемом додинастическом Египте основаны на раскопках погребений, не содержащих письменных документов, которые могли бы снабдить нас календарными датами. В лучшем случае мы можем делать предположения о длительности периодов, представленных

каждым могильником. Однако благодаря Флиндерсу Петри мы имеем возможность расположить могилы в их относительной хронологической последовательности. Петри начал с анализа эволюций волнистых выступов, служивших вначале ручками у определенного типа кувшинов, но с течением времени утративших свое практическое назначение и выродившихся в простой волнистый орнамент. Далее он сопоставил несколько стадий этого последовательного процесса с фазами в развитии других предметов из инвентаря тех же гробниц. Наконец, он разработал числовую шкалу, по которой можно определить место каждого отдельного погребения в его хронологическом отношении к остальным¹. Шкала состоит из так называемых относительных дат (о. д.), перенумерованных от 30 до 80, которые, конечно, не дают точного представления о длительности периодов, а только отмечают последовательные моменты в хронологическом ряду, не давая никакого ключа к определению разделяющих их интервалов. Вступление Менеса на престол датировалось о. д. 77, но в настоящее время кажется более верным приобщить это событие к о. д. 60; «додинастический» период обычно начинали с амратской культуры, приурочивая ее к о. д. 30; в таком случае культура Бадари была отнесена ко времени, предшествующему этой относительно дате.

Длелись попытки установить хотя бы приблизительно абсолютную величину о. д. 30 путем определения продолжительности додинастического периода. Флиндерс Петри, сравнивая в количественном соотношении додинастические и доримские династические погребения близ Диосполи, пришел к заключению, что продолжительность додинастического периода была приблизительно равна периоду фараонов. Таким образом, о. д. 30 падает по краткой хронологии на шестое тысячелетие, а по Петри — приблизительно на начало девятого тысячелетия до н. э. Пик и Флсер, применяя другой способ вычисления, приходят к выводу, что продолжительность додинастического периода была вдвое меньше. Макивер и Мейс утверждают, что

¹ Впервые помещенная в «Diospolis Parva» эта система подверглась дальнейшей разработке в «Prehistoric Egypt», а новые относительные даты приложены к «Corpus of Pottery».

в одном могильнике, служившем местом захоронения в течение всего периода, насчитывается около 500 погребений. Если предположить, что община, которой принадлежал могильник, приближалась по величине к обычной современной феллахской деревне, следует считать, что период, представленный этим могильником, равняется двум тысячелетиям из расчета, что в наши дни в этих деревнях умирает в среднем один взрослый в четыре года.

Следует напомнить, что все наши сведения о додинастическом Египте не имеют большой давности. Полный труд, озаглавленный «Доисторический Египет», был издан лишь немногим более пятидесяти лет тому назад. До 1895 года все сведения о Древнем Египте начинались только с эпохи пирамид. Когда в 1895 году Амелино и де Морган случайно натолкнулись на гробницы I династии, то примерно в это же время Петри раскопал ряд еще более древних погребений, относящихся к тому времени, когда вся жизнь на берегах Нила была сосредоточена в бедных деревушках, население которых не имело никакого представления о письменности. Вступительная же глава к указанной выше книге, озаглавленная «Бадари», была напечатана только в 1924 году. Но значение открытий, сделанных в Бадари, не ограничивается тем, что благодаря им появилась возможность вписать новую главу в старый труд. Они подтвердили правильность содержания старых глав, явившись первым стратиграфическим обоснованием системы относительных дат Петри. В поселении близ Бадари типы керамики, выделенные на основании изложенной позднее теории, были обнаружены в разрушенных хижинах, расположенных выше хижин, содержащих черепки посуды, более древнее происхождение которой было до этого лишь предположением, а теперь получило, таким образом, наглядное подтверждение. И вот открытия Брантона в Таса дают нам новое предисловие к вступительной главе «Бадари»! Нужно, правда, оговориться, что эта последовательность характерна только для Верхнего Египта. Раскопки 1940 года близ Каира дали коллекции, которые не находят параллелей в более южных областях.

Обратимся к Месопотамии. Дошедшие до нас фрагменты летописи, составленной на греческом языке Биро-

сом, и неполная коллекция глиняных клинописных табличек, заключающих в себе отрывки местных анналов, должны были дать полный список царей и династий, правивших здесь со времени «потопа», а также имена некоторых монархов, относящихся ко времени, предшествовавшему «потопу». Если бы не пробелы в источниках, мы могли бы, сложив годы, определяющие длительность отдельных царствований, получить полную хронологическую схему всех событий начиная с того времени, когда «царская власть низошла с небес». Но за период с 1930 по 1950 год было установлено, что цивилизация в Месопотамии восходит не к такой глубокой древности, как это предполагалось раньше. Объединение в долине Тигра и Евфрата произошло гораздо позднее, чем в долине Нила. В начале периода письменной истории Нижняя Месопотамия все еще делилась на несколько автономных городов-государств. Наконец, при Хаммурапи, одном из царей I вавилонской династии, эти города были объединены в одно царство, или империю. Но и это объединение было неполным, и впоследствии империя Хаммурапи была в течение некоторого времени разделена между различными династиями того времени. Таким образом, даже список событийных царей дает завышенную дату I династии, если не что-то вычитать, не принимая во внимание совпадение времени некоторых царствований, располагает всех правителей в один последовательный ряд. К счастью, примерно в период царствования Хаммурапи Ассирия превратилась в единое царство, целостность которого ни разу серьезно не нарушалась вплоть до падения Ниневии, боровшейся с Мидией. В наше время путем сопоставления вавилонских списков с ассирийскими, а также с египетскими источниками и чисто археологическими данными удалось установить, что вступление на престол Хаммурапи произошло около 1790 года до н. э.¹ или, по крайней мере, около 1760 ± 30 .

Но империя Хаммурапи была не первой империей. До него шумерийские цари III династии Ура и еще раньше

¹ Sidney Smith, *Alalakh and Chronology*, London, 1940; однако Олбрайт (Albright, *BASOR*, 88, 1942, 28—33) считает, что вступление Хаммурапи на престол произошло на 60 лет позднее, в 1728 году до н. э.

Саргон и другие семитические цари Аккада создавали империи, объединявшие весь Шумер и Аккад (Нижнюю Месопотамию) и существовавшие около столетия каждая.

В эпоху империи Ура какой-то шумерийский писец составил список городов, пользовавшихся время от времени суверенными правами, включив в него имена и годы правления властителей каждого имперского города. Приняв приведенные в этом списке даты на веру, мы могли бы путем простого сложения помеченных в нем периодов установить исторические даты царствования любого царя после, а также и до «потопа». Но мы не можем этого делать. Во-первых, не только монархи, относящиеся ко времени до «потопа», но также и многие из более ранних правителей, относящихся к периоду после «потопа», являются личностями, несомненно, легендарными. Получается, что двадцать три царя I династии Киша (первая династия после «потопа») царствовали в общей сложности 24 519 лет 3 месяца и 3 с половиной дня! Во-вторых, между последней правительницей «III династии Киша» и ее сыном, явившимся основателем «IV династии Киша», вставлена «династия Акшака», охватывающая 117 лет! В-третьих, ни в одном памятнике того времени, обнаруженном до 1924 года, не содержится никаких сведений ни об одном из монархов, предшествующих в списке царей аккадскому царю Саргону; в 1924 году была найдена надпись с именем А-анни-падда, первого царя I династии Ура, за которой в списке царей следует династия Урука, состоявшая из легендарных царей. И, наконец, в-четвертых, документы, относящиеся ко времени после царствования Саргона Аккадского, говорят о том, что цари, разделенные в списке промежутками в несколько столетий, в действительности правили каждый в своем городе в одно и то же время.

Вполне удовлетворительное объяснение тому, что здесь произошло, дает Джекобсен¹. Составитель собрал списки местных «царей» Киша, Урука, Ура и других городов. Но, решив, что каждый из этих царей, подобно царям III династии Ура, властвовал над всеми этими городами, он разбил эти списки на части и расположил

¹ «The Sumerian King List», OIAS, II, Chicago, 1939.

их в одном последовательном порядке. Кроме того, по всей вероятности, к достоверным документальным данным он сделал некоторые дополнения, почерпнутые им из эпоса и мифологии. Внося в списки некоторые исправления на основании сохранившихся документов того же времени, мы можем довольно твердо датировать вступление на престол Саргона Аккадского 2325 $\pm$ 25 годами до н. э., а А-анни-падда из I династии Ура — 2580 годами до н. э. Вполне возможно, что какие-то цари действительно царствовали в Уре и в других городах еще в более ранние времена; но, хотя письменность получила свое развитие задолго до А-анни-падда, ни одно из более ранних имен, помещенных в списке царей, не было обнаружено в каких-либо других документах того времени.

Сведения о времени, предшествовавшем «потопу», опираются, конечно, в большей степени на поэтические, чем на исторические источники. Но отложения, свидетельствующие о наводнении, были действительно обнаружены в Уре, Уруке, Шуруппаке и Кише, хотя и в совершенно различных археологических горизонтах. Таким образом, мы не можем ни определить, какое из этих наводнений считалось «потопом», упомянутым в списке царей, ни утверждать, что этот «потоп» был историческим фактом. Тем не менее важно отметить, что храм, признанный древнейшим в Месопотамии, был обнаружен в 1948 году в Эриду, который в списке царей назван первой до «потопа» резиденцией царей после того, как «царская власть низошла с небес».

Некоторый свет на этот древнейший период жизни человека в долине Тигра и Евфрата проливает лингвистика. В исторический период население долины состояло из двух отдельных этнических элементов, говоривших на различных языках. Южная часть, включавшая города Эриду, Ур, Ларса, Лагаш, Умма, Адаб, Урук и Шуруппак (Фара), была заселена вплоть до объединения всей страны под властью I вавилонской династии удивительным народом, известным под названием шумерийцев (от семитического названия страны — Шумер) и отличавшимся от других по языку и одежде. Как свидетельствуют археологические раскопки, шумерийцы некогда, в ранние времена, распространились также и в северной части

Вавилонии и даже проникли в Ассирию. Но здесь они смешались с народом, говорившем на семитическом диалекте, родственном древнееврейскому, ассирийскому и арабскому языкам. Еще в эпоху I династии Киша — первой после «потопа» — мы встречаем среди лиц, упомянутых в списке царей, правителей с семитическими именами; а северные города — Киш, Сиппар, Акшак, Опис и Агаде (название которого в форме Аккад. было позднее присвоено всей Северной Вавилонии) — были по традиции резиденциями семитических правителей.

Политическая власть перешла в конце концов к семитам. Но еще долго после этого шумерийским языком, подобно латинскому языку в средневековой Европе, продолжали пользоваться в ритуальных и магических формулах, а некоторые черты более поздних вавилонских законов могут быть прослежены до их шумерийских источников. Поэтому шумерийцев обычно считают основателями вавилонской цивилизации.

Возможно, однако, что и сами шумерийцы представляли собою смесь различных народов или происходили от какой-то неизвестной народности. Их традиции несколько противоречивы; легенда об Оанне, человеке-рыбе, который вверх по течению доплыл до Эриду и научил людей строить города, указывает на их южное происхождение. Поклонение божествам, установленным на искусственных возвышениях, заставляет предполагать, что они происходят от какого-то горного народа. Названия нескольких городов, упомянутых как резиденции царей, правивших «до потопа», например Шуруппак и Зимбир, трудно считать шумерийскими. Их окончания напоминают окончания, свойственные таким языкам, как аншанский язык Элама, на котором в историческую эпоху говорили в гористых областях восточнее Тигра. Эту неопределенную группу языков Шпейсер¹ предложил назвать яфетической. Действительно, гористые области к западу от Загра были заселены в древности людьми, которые не были ни семитами, ни шумерийцами и отличались от последних светлым цветом кожи. Смит называет

¹ Speiser, *Mesopotamian Origins*, Philadelphia, 1930; критику точки зрения Мейера см. Meissner in *AFO*, V, 1—10.

их субарейцами, и возможно, что их язык был яфетическим в шпейзеровском значении этого слова. Возможно, что некогда родственные им племена и захватили Шумер.

К счастью, материалы археологических раскопок позволяют проследить необыкновенно отчетливую последовательность культур, хотя и было бы рискованно присваивать какой-либо из этих культур лингвистические названия. Многие поколения населявших долину Тигра и Евфрата людей жили на одних и тех же местах, в деревнях, а позднее и в городах, в домах, построенных из сырцового кирпича. С течением времени дома, конечно, разваливались, но в таких случаях люди только разравнивали и утрамбовывали оставшуюся от стен глину и на образовавшейся таким путем приподнятой площадке строили новый дом. Тем временем повышался также, повидимому от свалки на нее мусора, и уровень самой улицы. В конце концов каждое поселение превращалось в холм, или *телль*, состоявший из наслоений от развалин жилищ, сменявших друг друга¹. При научном проведении раскопок такого телля каждое наслоение, представляющее собою новый уровень повышенных полов с накопившимся на них мусором, иллюстрирует в хронологической последовательности культуру отдельного периода, причем совершенно очевидно, что нижние слои древнее верхних. Таким образом, вскрытие одного телля дает возможность установить последовательность культур на отдельном поселении, раскопки же целого ряда холмов показали, что такая последовательность повторяется. Конечно, простым смертным было неудобно строить свои дома на крутых склонах или вершинах высоких холмов, поэтому спустя некоторое время все поселение переносили на новое место. Иначе обстояло дело с обиталищами богов. Шумерийские города исторического периода выросли вокруг храмов. Подобно средневековым бюргерам, которые всегда стремились расширить и разукрасить свои христианские соборы, состоятельные набожные шумерийцы постоянно перестраивали свои храмы, стараясь придать им как можно больше пышности. При этом, однако, они обычно

¹ Замечательное описание этого процесса дано у Фрэнкфорта. См. Frankfort in "Town Planning Review", XXI, Liverpool, 1950, 100.

не сравнивали все священное строение с землей. Старые стены храма, напротив, оставались неразрушенными высотой иногда до нескольких футов, но все пространство внутри них заполнялось глиной, а снаружи они облицовывались сырцовым кирпичом, образуя платформу, на которой и воздвигался новый храм. Поэтому надстроенные таким образом храмы служат прекрасным дополнением к стратиграфии культур поселений.

Опишем в нескольких словах неизменную картину, возникающую в результате обобщения материала раскопок ряда поселений. Под зданиями эпохи Саргона и династии Агаде мы обнаруживаем строения из плоско-выпуклых кирпичей (кирпичей с одной плоской и другой подушкообразной стороной). Раньше этот период называли просто «досаргоновским». Христиан предложил называть это время «периодом плоско-выпуклых кирпичей», но в конце концов восторжествовало другое название — «раннединастический период». В 1936 году Фрэнк-форт разделил этот период на три фазы. Эта классификация опубликована еще не во всех подробностях, но даже А-анни-падда отнесен по ней к III раннединастическому периоду.

Ниже древнейших стен из плоско-выпуклых кирпичей мы находим остатки других стен из плоских черепицеобразных кирпичей, сочетающихся с совершенно иными керамическими, глиптическими и эпиграфическими стилями. Они характеризуют собою фазу Джемдет-Насра, названную так по поселению в Аккаде, где в 1926 году была впервые открыта эта культура. Вскоре после этого, в 1930 году, немецкие археологи обнаружили под храмом эпохи Джемдет-Насра в Варке (древний Урук и библейский Эрех) остатки новой культуры, определяющей урукский период. Обе эти культуры встречаются по всей территории позднейшей Вавилонии и обычно ассоциируются уже с определенным видом письма, что позволило Делюга объединить их в одну группу под названием «протописьменных» культур.

Еще более древними и уже чисто доисторическими являются поселения обеидской культуры, названной так по поселению близ Ура, исследованному в 1922 году, и выделяющейся среди других своей расписной керамикой.

В Шумере остатки обеидской культуры найдены в нетронутом грунте в Эриду, Уре, Уруке и других поселениях, но в Аккаде, за исключением одного поселения, они, по видимому, отсутствуют. Затем юни появляются вновь в Северной Месопотамии, где встречаются на многих поселениях от Курдских предгорий в Ассирии, восточнее Тигра, до изгиба Евфрата близ Кархемыша и даже западнее. Здесь, на севере, обеидской культуре предшествует так называемая халафская культура. Эта культура была впервые обнаружена Оппенгеймом еще до 1914 года, но ее место в стратиграфическом ряду было определено Меллоуэном только в 1933 году. После 1945 года в Ассирии были открыты две или три еще более древние фазы. Первая из них была обнаружена в Хассуне при проведении там раскопок Ллойдом и Сафаром. Хассуна I является древнейшей из всех земледельческих культур Двуречья, открытых к 1950 году, но возможно, что в Джармо — поселении, расположенном в предгорьях восточнее Хассуны, — удастся обнаружить еще какую-нибудь более древнюю и более примитивную культуру.

Мы сделали краткий обзор той части древнего мира, которая приблизительно за 3 тысячи лет до начала нашей эры вступила на путь истории. Остается только упомянуть еще одну область, которая, хотя еще и не возникает перед нами в историческом освещении, тем не менее может гордиться цивилизацией, не уступающей цивилизациям Египта и Шумера. Этой областью является долина Инда; начиная с 1920 года здесь был сделан ряд открытий, развернувших перед нами картину настоящей городской культуры, в которой уже процветали и письменность и другие виды искусства, характерные для цивилизации. Древнеиндийские письма до сих пор еще не расшифрованы, и мы не располагаем легендами, которые помогли бы нам в толковании новых археологических данных. В одной из последующих глав мы познакомим читателя с тем, что представляют собою остатки этой цивилизации. Здесь же мы ограничимся тем, что отметим существование на заре истории третьей области, уже вступившей в период исторического развития.

ГЛАВА II

ОБРАЗОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ АРЕНЫ

Три древнейших центра подлинной цивилизации, названные в предыдущей главе, расположены в поясе между двадцать пятой и тридцать пятой параллелями, который в наше время представляет собою самую жаркую и сухую климатическую зону на земном шаре. Климат всех трех древних центров цивилизации так же, как и климат расположенных между ними областей, отличался крайней засушливостью и чрезвычайно жарким летом, хотя в каждом отдельном случае это было вызвано несколько различными причинами. С географической точки зрения этот климатический пояс также отличается известным единообразием. Египет, Шумер и Пенджаб расположены в долинах больших непересыхающих рек, пересекающих довольно обширное пустынное плато. Конечно, рельеф этого плато неоднороден и имеет свои физико-географические особенности. Западную его часть — Сахару — никак нельзя назвать равниной; поверхность ее пересекается значительными горными хребтами и впадинами, расположенными иногда ниже уровня моря. Аравийская пустыня является естественным продолжением Сахары и отделена от нее только узким углублением, представляющим собою долину Нила; сама же она перерезана глубокой впадиной Красного моря. Восточнее Красного моря и протянувшейся по его побережью гряды невысоких гор пустыня понижается по направлению к Месопотамской низменности и Персидскому заливу. Противоположный край низменности ограничен Загром и параллельными ему горными цепями Западного Ирана, обрамляющими другую, еще более возвышенную пустыню, которая по своему географическому положению относится к Анатолийско-армянскому

нагорью, но по климату приближается скорее к Аравии. Наконец, с другой стороны, плато обрывается, уступая место знойной низменной западноиндийской равнине. Таким образом, от побережья Атлантического океана до подверженной влиянию муссонов Центральной Индии тянется одна сплошная зона засушливых областей, которые, несмотря на значительные различия, тесно связаны между собой благодаря отсутствию непреодолимых физико-географических барьеров, которые могли бы помешать их общению друг с другом. Полоса, протянувшаяся от Атлантического океана, по меньшей мере, до Тигра, отличается такой однородностью, что мы с полным правом можем применить по отношению ко всему этому пространству распространенное название Афразии.

С юга Сахара окаймлена саваннами, переходящими в тропические леса, в то время как восточнее саванн и в южной Аравии муссонные дожди способствуют произрастанию растительности, характерной для джунглей. Еще восточнее границей нашей полосы является Индийский океан, а за Индом она снова упирается в типичные для зоны воздействия муссонов джунгли. Северной ее границей, казалось бы, должно служить Средиземное море, но в климатологическом отношении области выпадения зимних дождей в Испании, Италии и Греции скорее приближаются к Сахаре, чем к странам, находящимся в области распространения циклонов и расположенным севернее Пиренеев, Альп и Балканских гор. И действительно, в физико-географическом отношении эти горы скорее являются рубежом, чем Средиземное море. Точно так же и в Азии, хотя пустыня и тянется к северу от Эльбурса, захватывая Туранский бассейн, настоящей северной границей нашей полосы является продолжение тех же самых складок Анатолийского массива: Кавказ и Эльбурс, а еще дальше — Гиндукуш и Гималаи. Тем не менее Центральноазиатская пустыня, особенно в Таримском бассейне, мало отличается от Аравийской.

В настоящее время вся эта полоса жестоко страдает от недостатка дождей, в результате чего часть ее за пределами ирригационных каналов, питающихся водой больших пересекающих ее рек, в сущности совсем не заселена людьми. Атлантические циклоны, питающие влагой

Северную и Центральную Европу, достигают Средиземноморья только зимой, не захватывая Сахару. Правда, те же самые сильные зимние ветры достигают Месопотамии, Иранского плоскогорья и даже долины Инда, но при пересечении горных районов Палестины и Сирии они теряют так много влаги, что, за исключением узкой полосы в северной Сирии, более восточные области не получают достаточного количества осадков и даже Средне-Иранская возвышенность в сущности представляет собою пустыню. В то же время целый ряд причин препятствует выпадению в бассейне Инда муссонных дождей, в результате чего в этой области выпадают только циклонные дожди с запада¹. При таких условиях вся область, за исключением долин пересекающих ее рек, может прокормить лишь небольшие разбросанные там и сям кучки населения, которое не имеет достаточной материальной базы для культурного прогресса и, в сущности, населена довольно отсталыми племенами.

Иные условия царили здесь в те времена, к которым относится начало нашего повествования. В тот период, когда Северная Европа до самого Гарца находилась под ледниковым покровом, а вершины Альп и Пиренеев были также покрыты ледниками, направление влажных атлантических ветров под сильным арктическим напором отклонилось к югу². Циклоны, пересекающие в наше время Центральную Европу, проходили тогда через Средиземноморский бассейн и северную часть Сахары, а затем, не утратив всей влаги на побережье нынешнего Ливана, направлялись через Месопотамию и Аравию в Иран и Индию. В выжженной зноем Сахаре в то время выпадали регулярные дожди, а в более восточных областях ливни были не только обильнее, чем в наши дни, но и выпадали в течение всего года, а не только зимою. На Иранском плоскогорье осадки, хотя и не достаточные для создания обширных ледников, наполнили водою большие впадины — теперешние солончаковые пустыни, превратив их

¹ О муссонах в Индии см. Simpson, *Q. J. Met. Soc.*, 1921, 151 ff.

² В *Q. J. Met. Soc.*, 1921, Брукс дает карты с предполагаемыми направлениями дождевых ветров в различные доисторические фазы. См. также его работу «*Evolution of Climate*», London, 1924.

в неглубокие внутренние моря, наличие которых оказывало смягчающее воздействие на климат.

Таковы климатологические данные, которые подтверждаются и геологическими исследованиями. Сухие русла — вади, пересекающие Сахару, впадающие с обеих сторон в Нил и осушающие Аравийское плато, свидетельствуют

Рис. 1. Наскальный рисунок, Сахара, Кеф Мессинуэр близ Гельмы (Алжир).

об эрозиальной силе протекавших некогда по ним потоков дождевой воды. В Иране и Белуджистане¹ высота береговых линий вокруг древних озер свидетельствует о разливах упомянутых выше внутренних морей; можно также проследить, что в эти моря впадали речки и ручьи, затерявшиеся теперь в пустыне.

Следует предполагать, что в тот период, когда большая часть Европы представляла собою тундру или открытые ветрам степи, на поверхности которых оседали, образуя лёсс, мельчайшие частицы земли, растительность Северной Африки, Аравии, Ирана и долины Инда представляла собою лесостепь и саванны, напоминающие современный растительный мир северного побережья Средиземного моря. В то время, как во Франции и южной Англии паслись мамонты, шерстистые носороги и северные олени, животный мир Северной Африки был,

¹ Sven Hedin, *Overland to India*, II, 214 ff., *AJA*, 1950.

повидимому, близок к современной фауне Родезии¹. О наличии в прошлом в этих краях, представляющих собою в наши дни сплошную пустыню, таких животных свидетельствуют рисунки, вырезанные, высеченные или написанные краской на скалах людьми, которые охотились там на слонов, гиппопотамов, газелей, диких быков и ослов и других типичных для лесостепи травоядных, а также на пантер, львов и медведей, питавшихся мясом этих животных. Такие изображения встречаются часто в Сахарском Атласе², Фесане, Триполитании³, Венатском оазисе, в пустынях по обеим сторонам Нила⁴ и даже в Аравии⁵.

В настоящее время, однако, считается, что большая часть этих рисунков относится к современному геологическому периоду, то есть к тому времени, когда спускавшиеся с гор ледники и ледяные покровы в Европе уже растаяли⁶. Окончание оледенения не повлекло за собою внезапного и катастрофического образования пустынь в Северной Африке и Передней Азии. Современные условия абсолютной засухи являются результатом очень медленного постепенного процесса, который, весьма вероятно, не обошелся без участия людей и их домашнего скота. В конце концов ведь не изменение климата превратило за какие-нибудь полстолетия Оклахому в засушливую пустыню. Наскальные рисунки свидетельствуют, в сущности, лишь о том, что «родезийская фауна» и соответствующая растительность существовали до того времени, пока скотоводы не начали использовать последнюю в качестве корма для скота.

Как бы то ни было, но в эпоху последнего оледенения

¹ Boule, *L'Anthr.*, X, 1900, 57.

² Frobenius, Obermaier, Hadschra Maktuba, Munich, 1925; Flamande, *Les Pierres écrites*, Paris, 1921; Solignac, *Les Pierres écrites de la Berberie occidentale*, Tunis, 1928, etc.

³ Graziosi, *L'Arte rupestre della Libia*, Naples, 1942; Réygasse, *L'Anthr.*, XIV, 1935, 534—570.

⁴ Winckler, *The Rock Drawings of Southern Upper Egypt*, I, 1938; II, 1939.

⁵ Man, XXXII, 297; *AJA*, XXXVII, 383.

⁶ Vauflrey, *L'Art rupestre nord-africain*, *IPH*, Mém. 20, 1939; Winckler, *op. cit.*; Graziosi, *op. cit.*, 238; *L'Anthr.* LV, 1951, 48.

травянистые пространства Северной Африки и Южной Азии были, повидимому, не менее густо населены людьми, чем тундры и степи Европы. Надо полагать, что такое естественное окружение было более благоприятным для человека. И действительно, по всей территории Северной Африки, в Сирии, Палестине, Курдистане и на Иранском нагорье мы находим следы жизни охотничьих племен, снаряжение которых состояло из каменных орудий — однолезвийных и остроконечных двулезвийных ножей, напоминающих орудия мустьерских охотников на мамонтов, населявших в начале последнего оледенения (Вюрм I) Европу и Среднюю Азию. Большинство этих ножей было, однако, изготовлено по типу техники Леваллуа, требующей более строгого предварительного выбора материала и большего мастерства, чем методы, которыми обычно, хотя и не всегда, пользовались европейские мустьерцы. Более того, европейские мастера мустьерских орудий и некоторые из их африканских современников в Марокко ¹, Восточной Африке и Родезии ² были неандертальцами, или неандерталоидами, то есть принадлежали к боковым ответвлениям человеческого рода, которые едва ли могли в ходе дальнейшей эволюции породить современного человека; что же касается леваллуа — мустьерцев Палестины ³, то, по крайней мере, некоторые из них являются представителями более широкой группы, стоящей уже на пути к современному типу, — *Homo sapiens*, как мы с гордостью называем себя.

Первые из известных к 1947 году в Европе более поздних представителей вида *Homo sapiens* появились там, владея уже набором значительно более совершенных каменных орудий, сделанных большей частью из длинных и узких ножевидных пластин, процесс изготовления которых отличался от технических приемов производства пластин типа Мустье и Леваллуа. На этом основании ученые пришли к заключению, что орудия из ножевидных пластин являлись исключительной принадлежностью

¹ Howe, Movius, A Stone Age Cave Site in Tangier, *Peabody Museum Papers*, XXVIII, Harvard, 1947.

² Nature, CXXXVIII, 1936, 1082—1084, JRAI, LXXVII, 28.

³ Keith, McCown, The Stone Age of Mount Carmel, II, Oxford, 1939.

Homo sapiens, и типы орудий, производство которых базировалось на обработке ножевидных пластин, получили название «неоантропических», в отличие от орудий типа Мустье и Леваллуа, изготовлявшихся, как предполагали, только более примитивными племенами «палеоантропического» типа. В настоящее время мы убеждаемся, что

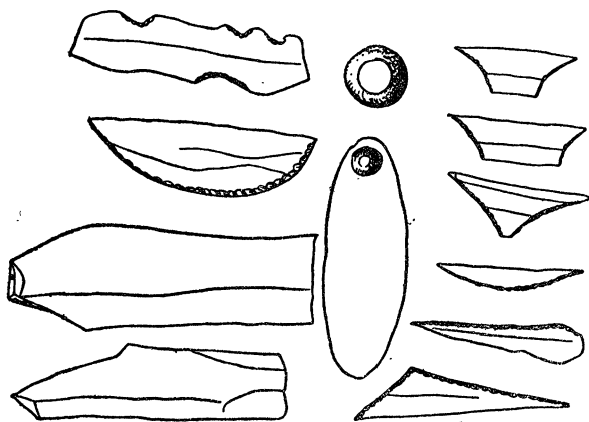

Рис. 2. Капсийские кремневые ножевидные пластины и дисковидная бусина из скорлупы страусового яйца из Аин Маухад ($1/4$).

такая терминология может ввести в заблуждение. В рассматриваемых нами областях более древний тип пластин не везде уступил место ножевидным пластинам, как это было в верхнепалеолитической Европе.

До сих пор в Палестине и Сирии, именно там, где мы прослеживаем в леваллуа-мустьерском человеке современные (неоантропические) черты, последние коллекции леваллуа-мустьерских орудий содержат значительное количество настоящих ножевидных пластин. Собственно говоря, эти коллекции, относящиеся к так называемой эмирийской культуре¹, скорее, чем какая-либо иная

¹ Turville-Petre, *Researches in Prehistoric Galilee*, London, 1927, 3—14; Garrod, Bate, *The Stone Age of Mount Carmel*, I, 50—53. Профессор Гэррод придерживается того мнения,

культура на земном шаре, могут служить наглядным примером перехода от палеоантропической или раннепалеолитической традиции широких пластин к неолитической — позднелитической традиции ножевидных пластин.

В следующем слое на смену этой переходной эмирийской стадии производства орудий приходят в большом

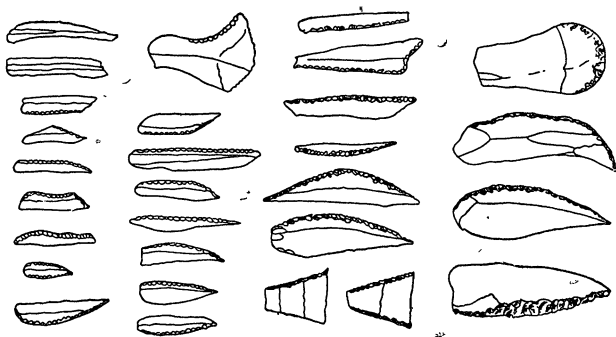

Рис. 3. Позднекапсийские или гетульские ножевидные пластины и микролиты типа Морсотт и Али Баха (Константина) ($1/4$).

количестве настоящие орудия из ножевидных пластин, родственные ориньякским орудиям, встречающимся в Крыму, на Балканах, в Центральной Европе, во Франции и в Англии¹. В то же время орудия из ножевидных пластин, найденные в пещере Зарзи² в Курдистане, состоят в таком же тесном родстве с орудиями граветтийцев, знакомыми нам по стоянкам Южной России, Моравии и Нижней Австрии. Даже в Малой Африке большие раковинные кучи в пустыне и убежища под скалами дают образцы сделанных из ножевидных пластин орудий капсийского (рис. 2—3) и оранского типа, которые можно

что слой F в Мухарет-эль-Ваде отражает не просто механическое смещение орудий, а переходную стадию в их производстве.

¹ Garrod, PPS, IV, 1938.

² Garrod, American School of Prehistoric Research, Bulletin, VII, 1931.

сравнить с шательперронскими и граветтийскими орудиями Европы; подобные же орудия характерны также для стоянок этого времени в Восточной Африке¹. Но в обеих этих областях мастера по обработке камня отдавали предпочтение оружию, состоявшему из мельчайших геометрической формы кремневых пластинок-микролитов, которые получили распространение в Европе лишь в современный геологический период в так называемых мезолитических культурах.

С другой стороны, на значительных пространствах в Африке техника обработки ножевидных пластин уступает место производству орудий из широких пластин, продолжающему традицию Леваллуа периода верхнего палеолита. Но большинство этих орудий имеет одно существенное отличие от более древних орудий из широких пластин и от современных им орудий из ножевидных пластин: они часто бывают покрыты двусторонней ретушью, в процессе нанесения которой, заключавшемся в удалении с обеих сторон или поверхностей и с обоих режущих краев мелких пластинок, первоначальная пластина становилась тоньше и приобретала определенную форму. Из других пластин делали резцы, тщательно обработанные орудия, которые раньше связывались исключительно с неолитической техникой обработки ножевидных пластин.

Одна группа этих позднепалеолитических орудий из широких пластин, известная под названием атерийской, представляет охотничьи племена, населявшие в свое время всю Северную Африку от атлантического побережья до оазиса Эль-Харге в Египте². Эти охотники изготавливали из пластин превосходные двусторонние ретушированные наконечники копий и даже черешковые наконечники стрел (рис. 4); пользуясь стрелами, они должны были владеть и луком, хотя это отнюдь не обозначает, что это было их собственное изобретение. Нужно отметить, что иногда вместе с характерными атерийскими

¹ L. S. B. Leakey, *The Stone Age Cultures of Kenya Colony*, 1931; *Stone Age Africa*, 1936.

² Caton-Thompson, *The Aterian Industry*, *JRAI*, LXXVI, 1946.

орудиями встречаются орудия, подобные эмирийским наконечникам из Палестины. В самой долине Нила аналогией традиции Леваллуа является, повидимому, себильская культура. Но в этой культуре двусторонняя ретушь почти не встречается, между тем как склонность к оружию с вкладышами приводит к увеличению производства микролитов¹.

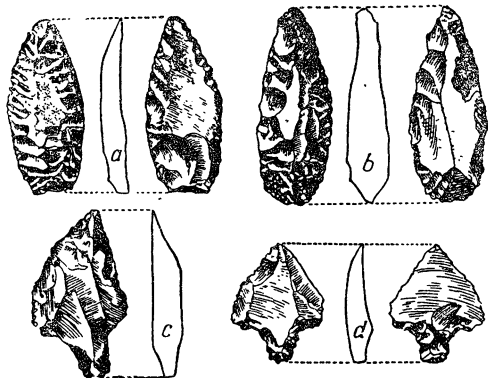

Рис. 4. Атерийские остроконечники с двусторонней ретушью (a—b) и наконечники стрел (c—d); (a, c, d— $\frac{1}{3}$; b— $\frac{1}{4}$).

Наконец, в Сомали и Восточной Африке в числе орудий так называемой группы Стилл Бей мы находим двусторонние ретушированные остроконечники типа атерийских, но не встречаем наконечников стрел. Позднее в Египте в производстве кремневых орудий наблюдается явное господство атерийской традиции двусторонней ретуши, между тем как в Азии отчетливо выделяется традиция обработки ножевидных пластин.

Издавна распространено мнение, что в Европе тщательно отделанные мелкие кремневые орудия геометрических форм были особенно распространены в период

¹ Vignard, in *Bull. Soc. Préhist. Franç.*, 1928, 200 ff.; Huzayyin, *The Place of Egypt in Prehistory*, Institut d'Égypte, Mém., XLIX, Cairo, 1941; Caton-Thompson, *PPS*, XII, 1946, 100—118.

появления первых земледельцев-скотоводов, с конца плейстоцена и древне-каменного века до начала неолита. По этой причине описательный термин «микролитический» часто смешивают с классификационным термином «мезолитический». В действительности некоторые европейские охотничьи общины пользовались микролитами геометрических форм еще в эпоху последнего оледенения (Вюрм II—III)¹; точно так же в Северной Африке и Кении микролиты могут быть отнесены ко времени палеолита. Вместе с тем и в Европе и в Африке микролиты геометрических форм не выходят из употребления и после колонизации этих мест земледельцами-скотоводами, то есть на заре неолитического периода. Таким образом, эти мельчайшие кремневые орудия при всей красоте их отделки не могут сами по себе служить руководством для определения относительной древности их создателей. Доктор Лики опрокинул предположения кабинетных ученых-археологов, доказав путем практических экспериментов, что дротики с микролитическими вкладышами являются особенно эффективным оружием при охоте на определенные виды дичи и что сами микролиты могли без труда изготавливаться как из ножевидных, так и из широких пластин. Поэтому нет ничего удивительного в том, что микролиты на территории Старого Света, заслуженно пользовались широким распространением и долго не выходили из употребления. Хотя группы очень сходных между собою микролитов и разбросаны по всей территории от Джон-о'Гротс до мыса Доброй Надежды и от атлантического побережья до гор Виндхья в Индии (рис. 5) и пустынь Монголии, тем не менее сами по себе они не могут служить доказательством ни наличия мезолитических поселений, ни миграций населения; попытка же приписывать их какой-то «карликовой расе» является совершенно необоснованной и полностью противоречит тому, о чем свидетельствуют сохранившиеся до нашего времени останки людей, изготавливавших эти орудия.

¹ Например, Peyrony, *Laugerie Haute, IPH, Mém.*, 19, 1938; *L'Anthr.*, XLIX, 1939—1940, 702; Bouysonnie, *ibid.*, L., 1946, figs. 61, 63; Lacorre, Barral, *Rev. Etudes Ligures*, XIV, Bordighera, 1949, 19—34.

Нельзя также при определении эпох и рас опираться лишь на стили в искусстве. Можно, например, отметить удивительное сходство между рисунками на стенах неглубоких убежищ в юго-восточной Испании (рис. 6), в Ин-Эззани (Центральная Сахара) и даже в Южной Африке. Но даже испанские рисунки мы относим теперь к самому концу плейстоцена (Вюрм III) или даже к началу голоцена, между тем как некоторые бушменские

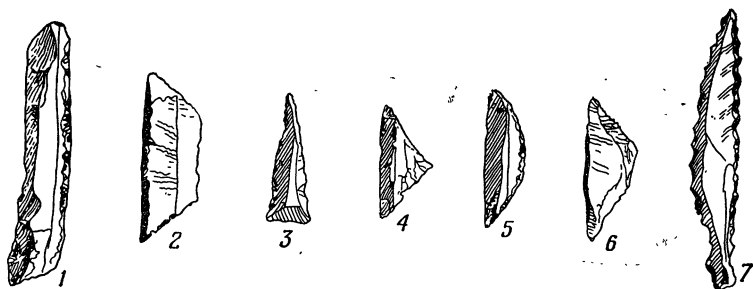

Рис. 5. Микролиты из района горы Виндхья (Индия), British Museum, Stone Age Guide (нат. вел.).

рисунки принадлежат уже к историческому периоду. Обычно натуралистические или полунатуралистические магические изображения, нанесенные краской, выцарапанные или вырезанные на скалах, принадлежат охотникам, но это совершенно не значит, что охотники должны были отказаться от этого обычая, если в дополнение к охоте они начинали заниматься скотоводством или выращиванием злаков. Петроглифы, подобно микролитам, свидетельствуют о том, что многие в настоящее время безлюдные районы были населены охотниками, но сами по себе они еще отнюдь не свидетельствуют об их принадлежности к глубокой древности.

В свою очередь огромные кучи раковин и костей промысловых животных в Малой Африке и в Нигерийском и Египетском Судане, нередко скрывающие в себе людские погребения, и подобного же рода культурные наслоения в пещерах Передней Азии являются результатом пребывания здесь общин, которые либо постоянно жили на этих местах, либо ежегодно разбивали там свои стоянки.

Рис. 6. Сцены, изображенные на стенах убежища под скалой в Альпере (юго-восточная Испания), по Брейлю ($1/8$).

В настоящее время лишь в редких случаях удается определить возраст такого поселения или стоянки. Можно только с уверенностью сказать, что, если даже жители этих поселений и перешли уже к земледелию и скотовод-

ству, они не перестали при этом заниматься охотой. Но были ли эти люди простыми собирателями, или нет, условия всей жизни в Афразии требовали, повидимому, частых и далеких передвижений. Охотники, особенно в такой степной полосе, какой стала Афразия в после-мустьерский период, вынуждены были, преследуя стада животных, передвигаться на большие расстояния. Засуха или другие обстоятельства, приводившие к уменьшению дичи, могли заставить их совершенно переменить место. Такие обычные или вызванные чрезвычайными обстоятельствами передвижения приводили к взаимному общению нескольких групп, принимавшему форму дружественных отношений или враждебных столкновений. Такое общение давало возможность обмениваться дарами и опытом с друзьями или похищать различные предметы у врагов и перенимать их приемы и обычаи. Следовательно, окружающая среда, накладывая свой отпечаток на характер населения, в значительной мере облегчает распространение новых изобретений и открытий.

Особенно быстро распространяются изобретения,носящие характер экономической революции. Переход к производству пищи — сознательному выращиванию съедобных растений, особенно злаков, и приручению, разведению и отбору животных — явился такой экономической революцией, величайшей в истории человечества после того, как человек овладел искусством добывать огонь. Она открыла людям возможность прибегать к более богатому и надежному источнику пищи, который находился теперь под собственным контролем человека, предоставляя ему почти беспредельные возможности и требуя от него взамен лишь приложения его сил. Судя по результатам промышленной революции в Англии, естественным следствием таких изменений должно быть резкое увеличение населения. При этом дети — тяжелая обуза для охотников — в хозяйстве, основанном на производстве пищи, могут уже в раннем возрасте быть использованы для прополки полей или для присмотра за скотом. Главное, однако, то, что численный рост населения немедленно влечет за собой необходимость в расширении территории. Особенную склонность к кочевому образу жизни имеют скотоводы, но в определенных усло-

виях и земледельцы не могут строго придерживаться оседлого образа жизни. До сих пор еще во многих областях Африки практикуется примитивная форма земледелия, так называемое мотыжное, или огородное, земледелие. Люди, обычно женщины, обрабатывают мотыгами небольшие участки земли и засевают их до тех пор, пока они не перестанут давать урожай. При этом не применяются никакие удобрения, не практикуется и планомерное оставление земли под паром. Когда участок истощается, люди расчищают и возделывают новую полосу целины. Наконец, когда вся земля в округе оказывается использованной, поселение переносят на новое место. Таким образом, мотыжное земледелие нередко влечет за собою необходимость в кочевом образе жизни.

В тех случаях, однако, когда возделываемая площадь представляет собою постоянный оазис или пойму вади, подвергающуюся периодическим наводнениям, необходимость в миграциях отпадает. Вместе с затоплением наносится новая земля, которая, откладываясь в виде ила на полях, вновь восстанавливает плодородие этих полей.

Если разливы происходят с достаточной регулярностью и в определенное время года, они могут заменить дожди, необходимые для орошения полей. И если вообще при обработке заливных полей создание постоянных поселений становится возможным, то в последнем случае это делается почти неизбежным. Чтобы полностью использовать все возможности, связанные с орошением, необходимо прокладывать каналы для отвода излишней воды или для орошения полей, испытывающих недостаток влаги. А затратив столько труда, чтобы сделать свое поле плодородным, земледелец уже ни за что не оставит его по доброй воле, так как он вложил в свою землю капитал. Кроме того, создание мелиоративных и ирригационных сооружений требует обычно объединенного труда всей общины. Эти сооружения являются связующим экономическим началом, способствующим развитию общественной солидарности. Возможность установления контроля над доступом к источнику водоснабжения наделяет общину большой властью. Это в конечном счете приводит обычно к политическому объединению всей территории, зависящей от одной речной системы. Мы еще

убедимся на конкретных примерах в том, что в основе развития наиболее развитых цивилизаций лежало прежде всего оросительное земледелие. Это не должно непременно значить, что оросительное земледелие возникло позднее мотыжного, или огородного, земледелия. Перри и Черри, например, придерживаются совершенно противоположной точки зрения.

До сих пор имеются также разногласия относительно того, что сыграло большую роль в создании экономики производства пищи — земледелие или скотоводство. Профессор Менгин¹ является представителем школы, придерживающейся того мнения, что одни группы людей положили начало приручению животных, а другие — выращиванию растений. Приручение животных возникло, по его мнению, среди охотничьих племен, а земледелие — среди племен, занимавшихся преимущественно сбором корней, семян и ягод. Смешанная форма земледельческого хозяйства могла явиться лишь результатом слияния скотоводов и земледельцев. Другие ученые считают, что земледелие предшествовало скотоводству. Только земледelec мог добиться успеха в приручении диких животных, так как производимая им пища обеспечивала корм и скоту. Характер археологических материалов свидетельствует о неправильности последней точки зрения; естественно, что пастухи, жившие в шалашах и пользовавшиеся костяными орудиями и сосудами из кожи, не могли оставить после себя таких отчетливых следов, как земледельцы, оставившие нам кремневые серпы, зернотерки и, что весьма вероятно, уже и черепки глиняной посуды.

Как бы то ни было, но условия все усиливающейся засухи, о которых мы бегло упомянули выше, должны были стимулировать переход к экономике производства пищевых ресурсов. Усиленная концентрация населения на берегах ручьев и у пересыхающих источников вела к все более интенсивным поискам новых средств пропитания. Животные и люди тянулись к оазисам, которые постепенно отделялись друг от друга все более широкими полосами пустыни. Такое невольное и близкое сосуще-

¹ Menghin O., Weltgeschichte der Steinzeit, Vien, 1931.

ствование людей и животных и могло явиться причиной, породившей между ними тот вид симбиоза; который подразумевается под понятием «одомашнение животных».

На территории Афразии росли в диком виде различные съедобные травы и водились пригодные для приручения животные. Только здесь, в этой полосе, правда, повидимому, скорее в ее азиатской, чем африканской части, под рукой у человека находились одновременно как полезные для него виды растений, так и животных.

Учитывая современный ареал распространения диких злаков¹, ученые предполагают, что выращивание хлебных растений зародилось впервые в Азии. Действительно, дикий ячмень встречается в Малой Азии, Закавказье, Туркестане, Афганистане, Иране, Палестине и, возможно, в Каменистой Аравии. Но он был также обнаружен и в Мармарике; это означает, что в фазу дождей естественная область произрастания злака, являвшегося предком современного дикого ячменя, расширилась, и растение распространилось из Палестины через Суэцкий перешеек и дельту Нила далее на запад. Более того, Вавилон, основываясь не на находках отдельных колосьев дикого ячменя, а на количестве культурных разновидностей его, предполагает, что вторым центром первоначального выращивания этого злака является Абиссиния, хотя там до сих пор еще и не было найдено образцов дикого ячменя. Считается, что родиной дикого предка пшеницы двузернянки (*Triticum dicossum*, с двадцатью восемью хромосомами) были Западный Иран, Месопотамия, Сирия и Палестина. Однако, по мнению Вавилова, выращивать двузернянку начали впервые в Северо-западной Африке, хотя эта область являлась, вероятно, вторичным центром распространения этого злака, тогда как первоначальным центром была Сирия. Другой вид пшеницы — однозернянка (*Triticum monocossum*) растет в диком виде на Балканском полуострове, в Малой Азии, северной Сирии и на границе Ирана и Курдистана. Некоторые ботаники придерживаются мнения, что обыкновенная пшеница (*Triticum vulgare*) и

¹ О злаках см. Peake, *JRAI*, LVII, 1927, 22 ff.; Antiquity, VII, 1933, 73 ff.; Schieman, Entstehung der Kulturpflanzen (Ergebnisse der Biologie, 19), Berlin, 1943.

родственные ей виды с сорока двумя хромосомами (например, ежовка, *Triticum compactum*) являются результатом скрещивания двух вышеупомянутых видов. Дикие предки обыкновенной пшеницы и близких ей видов неизвестны. Если основываться на выводах Вавилова, то первоначальный центр разведения этих видов должен находиться в Афганистане или недалеко от него. В таком случае следует предполагать существование нескольких центров зарождения земледелия. Если родиной обыкновенной пшеницы и ежовки (а также мелкосемянного льна) является Западная Азия, то возможно, что двузернянку, ячмень и крупносемянный лен начали впервые вырабатывать в Северной или Восточной Африке.

Значительно лучше аргументированы предположения, касающиеся домашних животных, особенно овцы¹. В Африке нет диких овец; так называемая берберийская овца, в сущности, не принадлежит к этому виду животных. Напротив, в Азии известны три вида диких овец, от которых и произошли домашние породы. Муфлон, *Ovis musimon*, который в настоящее время водится в северной части Средиземноморья — в Корсике и Сардинии, — когда-то был широко распространен и в континентальной Европе. Другая несколько отличающаяся от муфлона разновидность дикой овцы обитает в гористых областях Передней Азии, на всем пространстве от Анатолии до Эльбурса и Загра. Изображение, повидимому, уже прирученного азиатского муфлона имеется на одном шумерийском сосуде IV тысячелетия до н. э. (табл. XX, b), но его европейские сородичи были приручены в относительно позднюю фазу доисторического периода в Европе. Древнейшая в Европе домашняя овца, кости которой были найдены в озерных поселениях Швейцарии и других древних слоях Центральной и Западной Европы, *Ovis palustris*, является прирученным потомком азиатского уриала (*Ovis vignei*) — длиннохвостой овцы. Родиной этой последней разновидности являются северные склоны Эльбурса, Туркестан, Афганистан, Белуджистан и Пенд-

¹ J. Cossar Ewart, Proc. Highland and Agric. Soc., XXV, 1913, 160 ff.; Antonius, Grundzüge einer Stammesgeschichte der Haustiere, Vien, 1922; Hilzheimer, Zeitschr. f. Säugtierkunde, III, Berlin, 1928.

жаб. Считается, что к этому же виду принадлежит и древнейшая египетская овца — *Ovis longipes*¹. Третья разновидность овец древнего мира, аргал, водилась восточнее области распространения уриала. Если можно делать выводы на основании анализа современного распространения животных, то становится ясно, что, по крайней мере, овца была ввезена в Африку и Европу из Азии. В то же время не лишено, однако, вероятия, что в фазу дождей какая-то разновидность муфлона или даже уриала водилась и в Северной Африке. Азиатские и европейские виды животных редко встречаются в составе плейстоценовой фауны Северной Африки, однако, судя по наскальным изображениям верблюдов, некоторые из этих видов были там все-таки представлены. Нередко на позднепалеолитических или мезолитических поселениях Северной Африки можно встретить кости, определяемые как кости «овцы или козы»². Там же были обнаружены загадочные петроглифы, изображающие прирученных баранов, принадлежащих, очевидно, к виду *Ovis longipes*.

Имеется много свидетельств о различных представителях семейства быков; особое внимание следует, пожалуй, обратить на то, что наряду с громадным животным типа *Bos primigenius* в Северной Африке водилась также мелкая разновидность быка³.

Таким образом, мы видим, что в Афразии были налицо все условия для развития экономики производства пищи. И действительно, в некоторых мезолитических культурах уже имеются намеки на зарождение этой новой формы хозяйства. В Северной Африке на поселениях капсийской и оранской культур были найдены большие гладкие камни, похожие по форме на зернотерки и, несомненно, применявшиеся для растирания чего-то⁴.

Многие петроглифы наряду с дикими животными, служившими охотничьей добычей, изображают уже, несомненно, прирученных овец и крупный рогатый скот.

¹ Hilzheimer, *Antiquity*, X, 1936, 195 ff.; Keimer, *Annales du Service*, XXXVIII, 297.

² L'Anthr., XLII, 476.

³ Ibid.

⁴ L'Anthr., XLII, 429; cp. Vaufreyc, *L'Art rupestre nord-africain*.

Такие явления, однако, не могут служить доказательством того, что революция уже произошла. Конечно, они говорят о смешанном хозяйстве, но не обязательно переходного периода. До тех пор, пока кучи кухонных отходов и наскальные рисунки не будут датированы с большей точностью, нельзя с уверенностью сказать, что представленные в них сельскохозяйственные орудия и домашние животные не являются результатом, возможно даже довольно позднего, заимствования из областей, бывших первоначально колыбелью земледелия и скотоводства. Что касается Африки, то мало вероятно, что эти рисунки и кучи отходов были древнее первых сельскохозяйственных поселений в долине Нила; они могут, напротив, относиться к значительно более позднему времени.

В настоящее время известна только одна культура, которая может с основанием претендовать на такой хронологический приоритет и на название переходной. При раскопках в Иерихоне было стратиграфически установлено, что в последовательном ряде культур Палестины так называемая натуфийская культура¹ предшествовала местному неолиту, а неолит Палестины, как мы увидим ниже, находится, по всей вероятности, в абсолютном хронологическом соответствии с египетским.

Натуфийцы были охотниками-рыболовами и обычно жили в пещерах, расположенных близко от воды и от тех мест, где водилась дичь. Наше представление об их физическом сложении² сводится к тому, что это был низкорослый народ, представители которого достигали роста не более 1,50—1,57 метра и имели длинный узкий череп. Подобно современным племенам банту и некоторым древним племенам, населявшим окраины Сахары, они имели обыкновение вырывать у себя с корнем передние зубы. Натуфийцы ловили рыбу на прикрепленный к лесу крючок (их костяные крючки являются, вероятно, самыми древними из всех известных рыболовных крючков)³ или с помощью тонких костяных гарпунов (рис. 7).

¹ Garrod, Bate, *The Stone Age of Mount Carmel*, I, 1937, 9—16, 30—40, 119.

² Keith, *New Discoveries relating to the Antiquity of Man*, 1931, 209—213; cf. *IPH*, *Mém.*, 9, 1932.

³ *JRAI*, LXII, 1932, 272; *Ant. J.*, XXVIII, 1948, 52—54.

Их охотничье оружие было оснащено геометризированными микролитами сегментовидной (рис. 8, 22—26), треугольной (там же, 27—30) и трапецевидной (там же, 31) формы. Эти микролиты покрывались иногда ретушью с обеих сторон (рис. 8, 30) — прием весьма необычный в технике изготовления микролитов, неизвестный нигде за

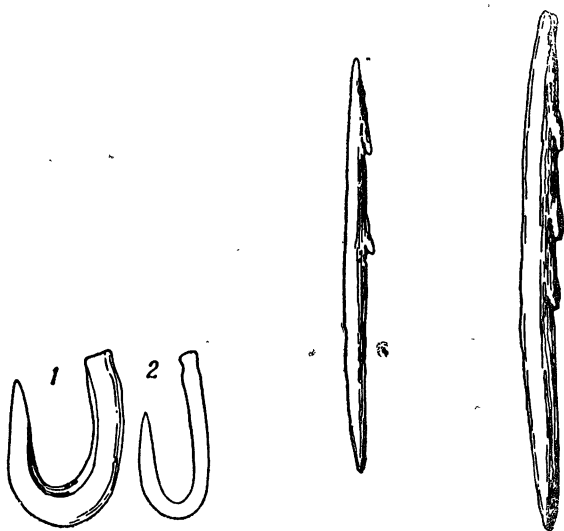

Рис. 7: Натуфийские рыболовные крючки (1—2) ($\frac{2}{3}$) и гарпуны ($\frac{3}{4}$).

пределами Палестины, кроме Гелуана в Египте; в противоположность этому микросверла (рис. 8, 7—10) являются обычными спутниками производства микролитов. В поздненатуфийских отложениях появляются уже, однако, треугольные наконечники стрел с боковыми выемками у основания, сделанными для прикрепления их к древкам¹ (рис. 110). Некоторые небольшие ножевидные пластинки вставлялись наподобие зубов в рукоятки из ребер оленя в вырезанный вдоль края ребра паз; иногда

¹ Neuville, RB, XLIII, 1934, 253.

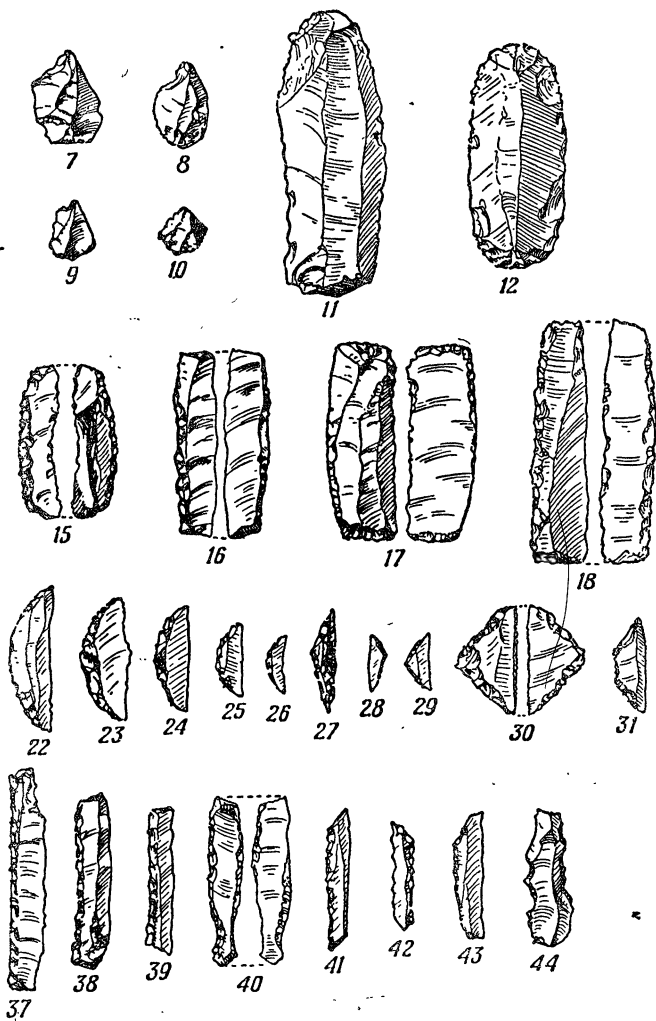

Рис. 8. Натуфийские микролиты, по JRAI₁ (1/3).

7—10 — микросерфы; 22—26 — сегментовидные; 27—30 — треугольные (30 — с характерной гелуанской ретушью); 31 — трапециевидный.

одному из концов рукоятки придавали форму оленьей головы. Отполированные от употребления края зубьев говорят о том, что эти своеобразные ножи применялись для резки какой-то травы, и вполне возможно, что изображение на рукоятке травоядного животного свидетельствует о стремлении повысить эффективность орудия с помощью симпатической магии¹. В Мухарет-эль-Ваде (гора Кармил) натуфийцы выдолбили перед жилищем круглые углубления с приподнятыми краями, которые могли служить как для ритуальных целей, так и для толчения каких-то семян. Базальтовые песты, из которых один вырезан в форме оленьего копыта, несомненно, предназначались для дробления чего-то; почему не предположить, что ими толкли семена трав, сжатых ножами из оленьих ребер? Никому неизвестно, что это была за трава, которую натуфийцы срезали и семена которой они толкли, но есть основание полагать, что Палестина была одной из областей распространения дикого ячменя и пшеницы двузернянки. Вполне вероятно, что именно эти однолетние злаки и жали натуфийцы; почему бы они не могли и начать культивировать их? Ведь известно, что они изготавливали из кремня довольно массивные заостренные орудия, которые вполне могли быть использованы для вскапывания земли.

Натуфийцы украшали себя цепочками, ожерельями, браслетами и поясами из просверленных раковин и костяных подвесков, вырезанных в форме оленьих зубов; некоторые подвески являются прообразами так называемых бусин с крыловидными выступами, широко распространенных в поздненеолитической Европе². Покойников предавали земле прямо на месте стоянки. Некоторые из них, погребенные в самой пещере, лежали на спине в вытянутом положении, причем десять покойников, расположенных в три ряда, один ряд над другим, составляли как бы отдельную группу. Остальные были погребены на горной террасе перед пещерой, более ранние — в сильно скорченном, а более поздние — лишь в слегка

¹ Curwen, *Plough and Pasture*, London, 1946, 89.

² Garrod, Bate, *op. cit.*, pl. XIV, 2, XV, I; cf. Childe, *Dawn*, index, s. v., beads, winged.

скорченном положении, но и здесь они иногда составляют группы из пяти или семи костяков.

Как уже отмечалось, некоторые стратиграфические данные свидетельствуют о том, что натуфийские поселения относятся к более раннему времени, чем первые поселения настоящих земледельцев в Палестине. Однако определение их абсолютной хронологии зависит от взаимосвязи более поздних и местных культур с культурами Египта и Месопотамии, ибо в долинах Нила и Тигра и Евфрата письменные свидетельства и историческая хронология уводят нас особенно далеко вглубь веков, и именно здесь последовательный ряд доисторических культур отличается наибольшей полнотой. По единодушному признанию, письменные источники освещают лишь небольшую часть раннего периода земледельческо-скотоводческого хозяйства, который в основном документируется археологическими материалами. Тем не менее последовательные ряды культур в Египте и Месопотамии могут служить стандартным мерилom для культур более отсталых в своем историческом развитии областей. Таким образом, вполне логично, прежде чем перейти к рассмотрению дальнейшей судьбы натуфийцев или капсийцев, дать сначала описание культур Египта и Месопотамии.

ГЛАВА III

ДРЕВНЕЙШИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ-СКОТОВОДЫ ЕГИПТА

В наше время Египет представляет собою плодородную, густо населенную страну, узким коридором врезающуюся в полосу пустыни, отделяющую травянистые степи Судана от прибрежной зоны средиземноморских дождей. Этим он обязан исключительно Нилу, который не только служит водным путем, но также благодаря ежегодным разливам обогащает полосы земли вдоль обоих его берегов. И все же Египет в физико-географическом отношении неоднороден. Дельта, или Нижний Египет, представляет собою открытую, некогда болотистую равнину, соединяющуюся с прибрежными землями Ливии и Палестины и ничем не защищенную с обеих сторон и с моря. Верхний Египет, напротив, представляет собою узкий коридор, ограниченный с обеих сторон скалистыми стенами, за которыми по безводным плоскогорьям простираются Ливийская и Аравийская пустыни. Эти скалистые стены во многих местах прорезаны узкими ущельями — руслами прежних рек и ручьев, осушавших в период дождей восточное и западное плато. Высохшие русла служат воротами для караванов, приходящих в долину Нила с берегов Красного моря или из оазисов, протянувшихся цепью в узкой впадине, параллельной долине Нила.

В наши дни южнее Каира дожди совсем не выпадают, и эта часть страны превратилась бы в настоящую пустыню, если бы не получала ежегодно достаточного количества влаги при разливах Нила. Совершенно иные условия были здесь в период дождей¹. Весною долины стекавших с пустынных плоскогорий вади, вероятно, оде-

¹ О климате, флоре и фауне додинастического Египта см. Newberry, *Egypt as a Field for Anthropological Research*, Presidential Address to Section H of the British Association, 1924.

вались покровом различных трав, среди которых, вполне возможно, были и дикие злаки; эта трава, очевидно, привлекала сюда целые стада диких ослов, берберийских овец, зубров, антилоп, газелей, жирафов, а следом за ними сюда являлись и охотившиеся на них львы и леопарды. Даже в историческую эпоху на стенах гробниц периода Среднего царства изображались сцены охоты на этих животных. В самой же долине по берегам реки раскинулись обширные болота, где водились сохранившиеся до нашего времени гиппопотамы, крокодилы и кабаны, а по соседству с ними, в джунглях, — слоны, антилопы куду и два вида дикой свиньи.

Если мы захотим познакомиться с растительным и животным миром, близким по составу к флоре и фауне, окружавшей древних египтян, мы должны будем совершить далекое путешествие вверх по течению Нила в зону муссонов. Там, на берегах Белого Нила, мы найдем в диком виде растения, которые еще в начале исторического периода в Египте можно было встретить только в садах.

Еще в эпоху нижнего палеолита охотники часто спускались с высоких плоскогорий в долину и нередко оставляли на окаймляющих ее с обеих сторон высоких террасах свои орудия. Совсем недавно в самой долине, в Себиле¹, чуть повыше Джебель Сильсиле, а также в руслах стекавших некогда к Фаюму рек были обнаружены кремневые орудия, обработанные соответственно традиции Леваллуа, хотя и с тенденцией к микролитическим формам, и датируемые периодом верхнего палеолита. Как и следовало ожидать, по мере учащения и усиления засух в окрестных пустынях увеличился и приток кочевников в хорошо орошаемую долину. Здесь они столкнулись с условиями, благоприятными для перехода от паразитического существования к производительному труду. Перри² настойчиво утверждает, что именно Египет был колыбелью земледелия.

Если действительно по краям долины произрастали благородные травы — предки пшеницы и ячменя, — нуж-

¹ Vignard, Bull. Inst. Franç. au Caire, XXII; Huza yin, AJA, LI, 1947, 191.

² The Growth of Civilization, 30.

но полагать, что берега Нила были самым удобным местом для сознательного выращивания этих растений. Ежегодные разливы делали почву настолько плодородной, что брошенные прямо на поверхность земли зерна пускали ростки без всякого вмешательства со стороны человека. «Долина Нила,— пишет Перри,— благодаря совершенству своего оросительного цикла сама выращивала для египтян пшеницу и ячмень... Единственное, что потребовалось,— это изобретение каким-то гениальным человеком рытья каналов — простейшего средства орошения более широких площадей». Современные путешественники описывают жизненный уклад принильских суданских племен, который мог бы служить иллюстрацией к стадии, занимающей промежуточное положение между собирательским образом жизни себильских охотников и оседлым земледелием древнейшего оседлого населения Египта. В прошлом столетии в Восточной пустыне жило кочевое пастушеское племя хагендоа. Однако у этого племени имелись также и более или менее постоянные поселки вблизи от затопляемой во время разлива полосы, куда они регулярно возвращались в конце каждого лета. Они разбрасывали по сырому, оставшемуся после недавнего разлива илу семена проса и затем дожидались урожая. Возможно, что это племя и другие такого же рода племена, сконцентрированные на территории южнее наиболее засушливой полосы, сохранили полностью до нашего времени уклад жизни, типичный для непосредственных предшественников тасийцев — древнейших земледельцев в долине Нила, о которых у нас имеются сведения, почерпнутые из археологических раскопок.

Находки зерен пшеницы двузернянки и ячменя при раскопках тасийских поселений свидетельствуют о том, что в тот период, когда тасийцы жили на этих стоянках, расположенных недалеко от Бадари на вдающихся в болотистую долину отрогах пустынного плоскогорья, они ¹, вне всякого сомнения, занимались выращиванием этих злаков. Они уже пользовались для перемалывания зерна в муку ручными зернотерками, представлявшими собою плоские камни, достигавшие до 50 см в длину и 27 см в

¹ Brunton, Mostagedda, 1937, 26—33.

ширину, на которых зерно растирали с помощью двигавшегося взад и вперед камня-куранта размерами до $25 \times 11,5 \times 7,5$ см. До сих пор еще не удалось определить, как орошались тогда посевы — ежегодными ли разливами Нила, во время паводков стекавших некогда с восточного плоскогорья вади, или дождевой водой. Неясно также, в какой мере выращивание злаков сочеталось со скотоводством; имеются, однако, сообщения о находках костей овцы или козы. Во всяком случае, хозяйство тасийцев не носило еще чисто оседлого характера, о чем можно судить по погребениям тасийцев, разбросанным небольшими группами на значительных расстояниях друг от друга. Основными источниками пищи, повидимому, оставались охота и рыболовство. Удивительно, однако, что находки наконечников стрел очень редки. Рыбу же ловили на небольшие крючки из раковины или рога (рис. 9), загнутые меньше, чем крючки натуфийцев.

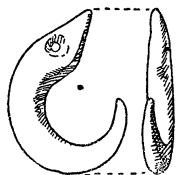

Рис. 9. Тасийский рыболовный крючок, по Брантону (нат. вел.).

Конечно, долина Нила в тот период была еще сильно заболочена, и по ее краям, а также по берегам впадавших в Нил вади росли довольно высокие деревья. Таким образом лес для плотничных работ был под рукой. Для обработки дерева люди изготовляли топоры; для этого они отполировывали до образования лезвия естественные куски мелкозернистого камня или оббивали сколами собранные на поверхности земли кремневые желваки. Возможно, что в последнем случае они уже пользовались для заострения топоров остроумным приспособлением, именуемым «транше», удар которого направлялся под прямым углом к продольной оси желвака; однако прямых свидетельств этому не имеется¹.

Для хранения пищи и питья тасийцы уже умели изготовлять, правда в большинстве случаев очень грубые, глиняные горшки. Эти сосуды имеют серую или черную и часто вследствие неровности обжига пятнистую окраску; в

¹ Huzayyin in Mond and Myres, *Cemeteries of Armant*, 1937, 209—211.

редких случаях, когда горшки подвергались окислительному действию атмосферы, их наружная поверхность приобретала красноватый оттенок. Однако даже и у этих горшков внутренняя поверхность всегда бывает черной, повидимому, по той причине, что горшки при обжиге ставились вверх дном, так что внутренняя их поверхность

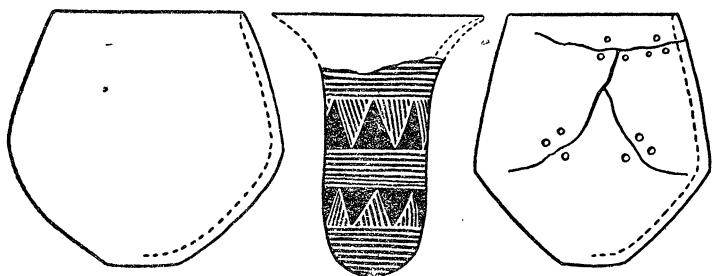

Рис. 10. Тасийские горшки, по Брантону ($1/6$).

была защищена от окисления и в то же время подвергалась воздействию дыма. Таким образом, по технике их изготовления они являются прототипами «черноверхих» горшков, характерных, как мы увидим ниже, для более позднего гончарного производства Среднего и Верхнего Египта.

Тасийские сосуды не отличаются сложными формами, но многие из них имеют плоское дно (рис. 10). Среди других известных форм выделяются мелкое прямоугольное корытце и неглубокий ковш с отходящим от края плоским языкообразным выступом, служившим в качестве ручки. Наибольшее значение имеют черные сосуды в форме колоколовидных кубков, со скругленным дном и расширяющимися раструбом краями. Возможно, что эта форма является подражанием сосудам из кожи. Однако колоколовидные кубки тасийцев (рис. 10, средний сосуд) украшены нарезными линиями, заполненными для большей отчетливости узора белой пастой, и не лишено вероятия, что эти зонально расположенные узоры были подсказаны переплетением прутьев корзин. Корзины подобной формы и с подобного рода орнаментацией изготавливают в Африке и в

наши дни. Значение сосудов этого типа особенно велико в связи с тем, что подобные же формы сосудов мы встречаем в Западной Европе. Однако, допуская возможность происхождения этих сосудов от корзин, мы не можем твердо настаивать на существовании прямой связи между египетскими и европейскими сосудами. И действительно, аналогичные формы сосудов, украшенных зональным орнаментом, встречаются также и на Тигре.

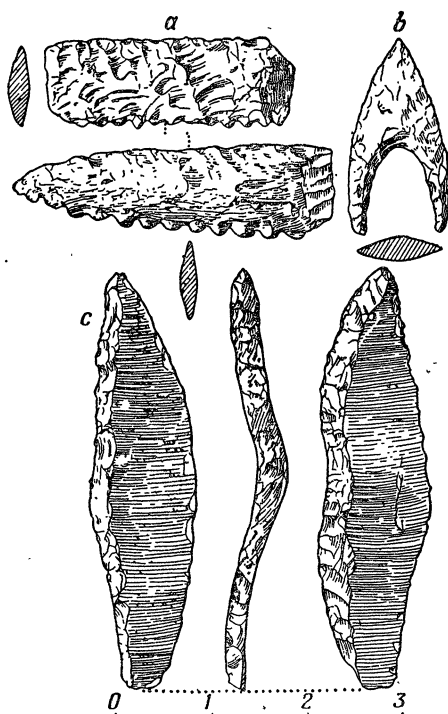

Рис. 11. Зубья серпа (*a*), наконечник стрелы (*b*) и пластина, отколотая с помощью бокового удара (*c*); по Кэтон-Томпсон in *Antiquity*, I. (Пластина *c* была отколота с помощью бокового удара, направленного к центру, о чем свидетельствует выпуклость, заметная на среднем изображении.)

Имеются некоторые, хотя и слабые, намеки на употребление льняных тканей, однако отдельные части одежды тасийцев нам неизвестны. Но подкрашивание лица и подведение глаз, вероятно, уже практиковалось, судя по тому, что в погребениях тасийцев, так же как и в погребениях более поздних периодов, встречаются палетки для растирания красок. Однако в отличие от более поздних форм тасийские палетки в большинстве случаев сделаны из толстых прямоугольных алебастровых плиток. Тасийцы носили различные украшения. До нашего времени сохранились просверленные красноморские раковины, цилиндрические бусины из обыкновенной или слоновой кости и одно запястье из слоновой кости.

Тасийцы хоронили своих покойников в скорченном положении; они завертывали покойника в звериные шкуры или заворачивали его в соломенные цыновки и опускали в большую яму. Почти все тасийцы — долихоцефалы, но некоторые черепа производят впечатление более широких и объемистых; лица у них были шире, чем у египтян, населявших Средний и Верхний Египет в поздний додинастический период.

Как мы уже говорили, тасийцев можно, повидимому, сравнивать с племенем хадендоа и отнести их к земледельцам, пользовавшимся весьма примитивными средствами орошения. Однако почти невозможно сказать то же по отношению к родственным им по культуре и физическому складу племенам, населявшим тогда Фаюм и дельту Нила.

Фаюмские поселения¹ были расположены по краям обширного озера, заполнявшего в те времена Фаюмскую впадину, береговая линия которого проходила на 60 м выше уровня современного озера. Жители этих поселений, несомненно, возделывали пшеницу двузернянку и ячмень, которые выращивают в Египте и в наши дни. Они сеяли также лен. Хлеб жали серпами, сделанными из зазубренных кремневых пластин (рис. 11,а), вставленных в прямые деревянные рукоятки; зерно хранили в специальных, устланных соломенными цыновками ямах, а перемалывали его на ручных зернотерках. Из домашних животных разводили свиней, крупный рогатый скот, а также овец или коз.

¹ Caton-Thompson, The Desert Fayum, London, 1934,

Занимались, конечно, и охотой и рыболовством. Охотники пользовались главным образом луком и стрелами. Стрелы были оснащены кремневыми наконечниками с выемчатым основанием и двумя длинными, слегка загибающимися внутрь выступами, придающими иногда этим наконечникам митрообразную форму (рис. 11, *b*). Возможно, что для стрел или дротиков применялись также и заостренные с обоих концов цилиндрические костяные наконечники, напоминающие капсийские и натуфийские образцы. Кроме этих видов оружия, применялись также булавы, представлявшие собою толстые каменные диски с отверстием; возможно, что булавами служили также галька с желобками для прикрепления их ремешком к рукояти. Рыбу били гарпунами. Костяные наконечники гарпунов имеют точно такой же круглый ствол с сильно выступающими зубьями, как и натуфийские гарпуны в Палестине.

Топоры с полированным лезвием изготовлялись, как и в Таса, из гальки, но также и из кремня. Кремень с успехом применялся и для изготовления других орудий, в том числе ножевидных пластин с полированной поверхностью. Своеобразным орудием являются так называемые пластины бокового откола. Они отделялись от ядрища с помощью удара, направленного под прямым углом к его продольной оси, и, как это видно на рис. 11, *c*, покрывались с обеих сторон ретушью (пластины этого типа еще не вполне точно датированы).

Так же как в Таса, здесь изготовляли глиняную посуду, которая иногда и по форме сходна с тасийской; это особенно справедливо в отношении биконических сосудов, похожих на первый сосуд, изображенный на рис. 10. Колоколовидные же кубки отсутствуют; вместо них мы встречаем здесь прямоугольные блюда с вытянутыми вверх острыми углами и чаши на очень невысоком поддоне. На таблице III показан прекрасный образец плетеной корзины. О том, что жители этих поселений умели ткать, свидетельствуют остатки редкотканного полотна.

Многочисленные скребки заставляют предполагать, что для изготовления одежды жители Фаюма выделявали также шкуры животных. Алебастровые палетки для растирания красок, сильно напоминающие тасийские, не оставляют сомнений в том, что они были здесь в таком же широ-

ком употреблении, как и на берегах Нила. Украшениями служили дисковидные бусы, изготовлявшиеся, как и у североафриканских капсийцев, из скорлупы страусовых яиц, а также просверленные раковины. Раковины привозились со Средиземного и Красного морей или с Индийского океана; проникал сюда также амазонит из Тибести в Центральной Сахаре или из Восточной пустыни. Все это свидетельствует о зачатках торговых связей с внешним миром, которые могли легко возникнуть в условиях, описанных в главе II. Погребений не было обнаружено, так что погребальные обряды и физический облик неолитических жителей Фаюма нам неизвестны.

Третья родственная культура была обнаружена австрийскими археологами¹⁻⁴ в Меримде на западной окраине Дельты. Поселение расположено на песчаной полосе в двух километрах к западу от Розеттского рукава Нила и занимает площадь размером 600 × 400 м. Первые явившиеся сюда поселенцы строили себе легкие хижины, которые нередко оказывались погребенными под песчаными наносами и от которых сохранились только очаги и мусорные ямы. Со временем поселение разрослось, во II фазу⁵ люди начали уже сооружать более основательные жилища овальной или подковообразной формы от 5 до 6 м в поперечном измерении, об очертаниях которых можно судить по столбам, поддерживавшим, повидимому, как у современных феллахов, крышу из тростниковых цыновок. Наконец, в III фазу мы находим у некоторых построенных по тому же плану жилищ слепленные из комков глины стены толщиной до 1,5 м, служившие, конечно, лучшей защитой против песчаных бурь. Хижины никогда не теснились друг к другу; вероятно, каждая хижина или группа хижин имела отдельный двор. Но такие группы были расположены правильными рядами, как бы образуя улицы.

Жители Меримде с самого начала сеяли ячмень и пшеницу двузернянку и снимали урожай с помощью таких же

¹⁻⁴ Junker, Vorläufige Berichte über die Gräbung der Akademie der Wissenschaften in Wien auf der neolithischen Siedelung von Merimde-Benisalâme, in *Anzeiger d. Akad. d. Wiss. Wien, phil.-hist. Kl.* (1 1929, 156—248; 2 1930, 21—81; 3 1932, 36—88; 4 1940, 4—16).

⁵ Ibid., 1940, 4—16.

серпов, как в Фаюме. Зерно хранилось все в тех же ямах, выкопанных в специально огороженных местах, во II фазу — в обмазанных глиной корзинах, а в III — в больших глиняных кувшинах, или пифосах. Домашние животные были те же, что и в Фаюме. В болотах Дельты еще водились гиппопотамы, и жители Меримде так же, как жители

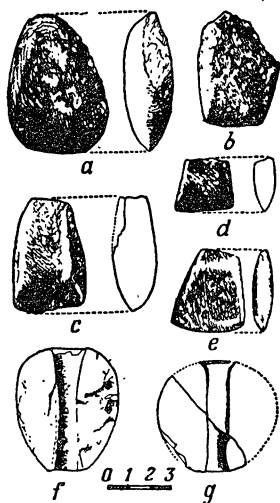

Рис. 12. Топоры и булавы из Меримде, по Юнкеру.

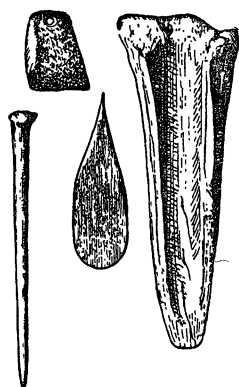

Рис. 13. Костяные орудия и топор-амулет из Меримде (²/₅).

фаюмских поселений, очевидно, употребляли их мясо в пищу. Охотники прикрепляли к стрелам кремневые наконечники с выемчатым основанием, но, как правило, с более прямыми выступами, чем в Фаюме. Булавы были грушевидной (рис. 12), как в Азии, или шаровидной формы. Ножевидные кремневые пластины, ретушированные вдоль обоих лезвий, но иногда имеющие полированную поверхность, могли служить ножами или кинжалами или даже прикрепляться под прямым углом к рукояти для использования в качестве «алебард»¹. Наличие характерных круглых камней свидетельствует о применении пращи². Рыбу

¹ Ibid., 1930, 21—81.

² Ibid.

ловили на крючки¹ из оленьего рога точно такой же формы, как тасийский крючок, изображенный на рис. 9, или с помощью гарпунов², которые в противоположность гарпунам фаюмского типа имеют уплощенный ствол. Мелкая галька с желобками могла служить грузилами, а орудия из кремневых желваков с заостренным путем скалывания концом и не отделанным, покрытым естественной коркой основанием, возможно, служили мотыгами. Топоры полностью соответствуют топорам из Фаюма. Костяные иглы, проколки и долотообразные орудия для сглаживания воспроизводят некоторые натуфийские формы (рис. 13).

Посуда в Меримде изготавливалась из глины с примесью соломы; поверхность сосуда часто покрывали легко отстающей облицовкой и ложили. Вначале предпочтение отдавалось красной посуде, но уже с начала III фазы лучшие сосуды имеют черную окраску³. Орнаментированные сосуды редки; только в I фазу сосуды иногда украшали нарезным елочным орнаментом (узор, встречающийся также на поздних амратских сосудах), расположенным в нелощеной горизонтальной полосе ниже шейки сосуда. Некоторые формы керамики совпадают с тасийскими; вместе с тем мы встречаем здесь такие же, как в Фаюме; грубые чаши на поддонах. Некоторые из них имеют плоское прямоугольное дно и ножки с проделанными в них с декоративной целью отверстиями (ажурные ножки). Прямоугольные фаюмские блюда уступают здесь место ладьеобразным лоткам; у многочисленных ковшей можно встретить широкие языкообразные ручки, как у тасийских образцов, или толстые круглые ручки (рис. 14, 1—2), характерные для Западной Европы. В виде нескольких фрагментов представлены двойные сосуды с сообщающимися между собою отделениями (рис. 14,5)⁴. Многие сосуды снабжены для подвешивания или переноски ушками, из которых позднее могли развиться настоящие ручки⁵. У одной чаши или блюда с внутренней стороны края было сделано специальное отделение для большого пальца⁶; этот тип

¹ Ibid., 1930, 21—81.

² Ibid., 1929, 156—248.

³ Ibid., 1940, 4—16.

⁴ Ibid., 1930, 1. с.

⁵ Ibid., 1932, 36—88.

⁶ Ibid.

сосуда встречается в позднеамратской культуре Среднего Египта.

Веретенные напрасла свидетельствуют о текстильном производстве. Грубые палетки, отдаленно напоминающие тасийские, могли служить для приготовления различных косметических средств. Из украшений были распространены запястья из слоновой кости, костяные перстни, кабаньи клыки и костяные или вырезанные из раковины дисковидные или цилиндрические бусы¹. Миниатюрные каменные топорики клиновидной или иной формы с отверстием для подвешивания служили в качестве амулетов (рис. 13).

Покойников хоронили тут же между жилищами в несколько скорченном положении, напоминающем позу спящего человека, и обычно лицом к востоку. Не было принято ставить в могилу посуду с пищей. Юнкер² объясняет это тем, что погребение покойников не в отдельном могильнике, а тут же среди домов делало такие приношения излишними, так как дух умершего мог питаться вместе со своими сородичами, возле своего очага.

Большинство костяков³ принадлежит женщинам. Эти женщины были значительно выше ростом, чем женская половина более позднего населения Верхнего и Среднего Египта, и приближались по своему сложению к тасийкам. То же самое можно сказать и о черепах, которые, хотя и долихоцефальны, тем не менее имеют такую же широкую черепную

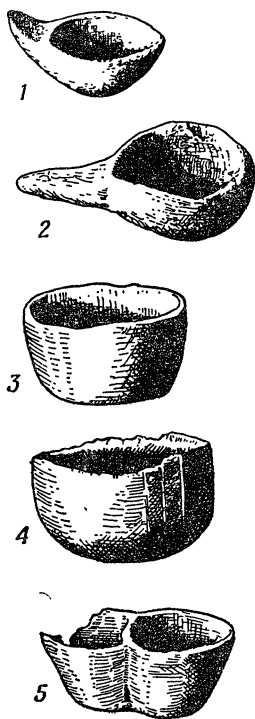

Рис. 14. Ковши ($\frac{2}{7}$) и горшки ($\frac{1}{7}$) из Мериамде, по Менгину.

¹ Ibid., 1930, 1. с.

² Ibid., 1929; 156 ff.

³ Ibid., 1930, 21—81.

коробку, как и тасийские черепа, в противоположность узким черепам бадарийцев, амратийцев и натуфийцев.

Очень близкая культура была обнаружена в 1942 году восточнее Нила при раскопках Дебона¹ обширного поселения Эль-Омари близ Гелуана. Поселение расположено недалеко от южного берега Вади-Хоф, чуть ниже места ее стока с плоскогорья на открытую равнину, и находится в настоящее время на расстоянии приблизительно 6 км от восточного берега Нила. Здесь, так же как в Меримде, покойников хоронили на территории поселения между легкими хижинами и ямами для хранения зерна; однако ориентация покойников была иной: тело клали на левый бок головою на юг, лицом на запад. Как и в Меримде, мы находим здесь костяки людей, отличавшихся более высоким ростом и более крупными черепами, чем обычное додинастическое население Верхнего Египта. Жители поселения употребляли в пищу пшеницу, ячмень, вику и финики, мясо крупного рогатого скота, коз, диких свиней, гиппопотамов, черепах и антилоп, а также рыбу и улиток. Однако, по определению специалистов, они сеяли *Triticum monosocum* — вид пшеницы, характерный для более северных областей и не встречавшийся до этого времени южнее Тавра или Амана. Что же касается их орудий и оружия, куда входили кремневые зубья серпов, ручные зернотерки, мотыги из кремневых желваков (подобные изображенной на рис. 103, 4), наконечники стрел с выемчатым основанием, вырезанные из раковины рыболовные крючки, каменные «грузила» с желобками и полированные каменные топоры, то все они очень близки к меримдийским. Единственное отличие заключается в большем количестве орудий из ножевидных пластин и в том, что иногда мы встречаем здесь ножи с тщательно притупленным обушковым краем и коротким черешком. Глиняная посуда из Эль-Омари напоминает по технике изготовления меримдийскую; однако в Эль-Омари всегда отдавалось предпочтение красной керамике; орнаментация здесь встречается еще реже и сосуды довольно сильно отличаются по форме; наиболее распространенными формами были пря-

¹ *Annales du Service*, XLVIII, 1948, 561—569; о выращивании злаков см. Täckholm, *Bull. Inst. d'Egypte*, XXXII, Cairo, 1950, 127.

мостенные баночные горшки с отогнутым краем и шаровидные бутыли. Кроме глиняной посуды, при раскопках было найдено несколько сосудов из базальта, которые, возможно, были привозными. Несомненным предметом ввоза являлись и раковины с Красного моря.

Покойников завертывали в цыновки или шкуры; так же как в Меримде, здесь не было принято класть в могилу какие-либо иные дары, кроме цветов. Только в одном погребении был найден деревянный жезл с резьбой на концах, напоминающий, как говорят, скипетр «амес», служивший в исторические времена символом царской власти в Нижнем Египте. Возможно, что власть в Эль-Омари уже находилась в руках вождей. Кто знает, не было ли суждено одному из них стать «царем» всего Нижнего Египта?

Итак, очевидно, что четыре описанных поселения не представляют одну общую культуру. В частности, особенно важно подчеркнуть разницу между обычаем хоронить покойников на территории поселения, как это было в Меримде и Эль-Омари, и в отдельных могильниках, как это делали в Таса и, повидимому, в Фаюме, а также во всех более поздних культурах додинастического Египта. Тем не менее можно отметить и немало общих черт, на основании которых мы можем рассматривать все четыре группы в совокупности как наиболее яркие из известных в долине Нила образцы неолитической культуры (так хорошо изученной в Европе) вне зависимости от синхронности, во всяком случае, некоторых из этих культур¹. Исключительно благоприятные естественные условия в каждом отдельном случае позволили жителям этих поселений перейти к производству пищи; при новой системе хозяйства у людей оставалось свободное время; это время и любой случайный досуг они попрежнему использовали для подсобного охотничьего промысла и для совершенствования таких

¹ Baumgärtel, Cultures of Prehistoric Egypt, Oxford, 1947, 15—17. Автор оспаривает ту точку зрения, что фаюмские поселения совпадают по времени их существования только с поселениями амратской культуры в Верхнем Египте, а Меримде — с поселениями герцейской культуры, подчеркивая сходство украшенной нарезным орнаментом домашней посуды амратских поселений с меримдийской керамикой (стр. 152).

искусств и ремесел, которые, как правило, не были развиты среди собирателей. Однако они вполне удовлетворялись местными материалами, за исключением материалов для наиболее роскошных украшений, и таким образом сохраняли свою автаркию; благодаря тому, что они совершенно не зависели от ввоза товаров для удовлетворения своих насущных потребностей, у них не было необходимости в установлении торговых связей с внешним миром. (Конечно, этой экономической обособленностью в значительной степени и объясняется наличие нескольких культурных вариантов, о которых говорилось выше.) Не было у них, по-видимому, необходимости и в организации своих сил для проведения каких-либо общественно важных работ или во вложении значительного капитала в землю. Если среди них и нашелся гениальный изобретатель, додумавшийся до «необходимости делать каналы и пускать по ним воду», ничто не свидетельствует о том, что его соотечественники объединились, чтобы осуществить его мысль на деле. Они оставляли за собою полную свободу переносить свои поселения с одного места на другое и колонизовать новые места.

Однако условия, благоприятные для такого простого образа жизни, уже миновали. И в Фаюме и в Меримде культурные наслоения, перемежающиеся со слоями наносного песка, уже свидетельствуют об угрозе наступления пустыни. В конце концов жителям приходилось оставлять свои поселения. Можно установить, что оставшаяся в живых часть прежнего населения еще в течение некоторого времени концентрируется вокруг все уменьшающегося Фаюмского озера. Но их культура деградирует: они больше не полируют свои кремневые топоры, а старые топоры подтачивают путем откалывания от них пластин; орудия мельчают, и только у небольших наконечников стрел иногда можно встретить черешки. Наконец, с полным высыханием вади и наступлением пустыни исчезают и эти поселения. Даже большая деревня Эль-Омари была покинута, хотя спустя некоторое время, точно неизвестное, на расстоянии приблизительно 0,75 км вверх по течению вади было основано новое поселение, на этот раз уже с отдельным могильником. В результате мы приходим к выводу, что последовательный ряд культур в Нижнем Египте до

сих пор не полно, и даже относительный возраст только что описанных поселений определен еще не вполне точно. Напротив, в Среднем и Верхнем Египте мы имеем непрерывную цепь археологических данных и, начиная с тасийской культуры и выше, — полный последовательный ряд культур.

Тасийская культура открывает собою целый длинный ряд культур в долине Нила. Бадарийская культура¹ может рассматриваться как дальнейшее развитие тасийской культуры; так же как последняя, она была впервые обнаружена при раскопках могильников и поселений близ Бадари в Среднем Египте. Дальше к северу мы не находим следов этой культуры, но в Верхнем Египте она известна; она распространяется к югу, по крайней мере, до Арманта², а в 1950 году остатки ее были также обнаружены в бассейне Вади Хаммамат³. Стеклавшие с обеих сторон к Нилу вадии еще приносили время от времени значительные количества пресной воды, а в пустыне было еще столько травы, что ее хватало диким быкам, ослам, жирафам и даже слонам; вполне возможно, что именно бадарийцы во время охотничьих экспедиций или сезонных миграций со своими стадами вырезали изображения этих животных на скалах Восточной пустыни и непосредственно к западу от Нила⁴, ибо и они вели не более оседлый образ жизни, чем тасийцы. Однако в антропологическом отношении бадарийцы несколько отличаются от тасийцев. Они были высоки ростом, от 1,50 м до 1,57 м, отличались стройностью, не очень крепким сложением и обладали лишь отдаленными признаками негроидности или примесью южноиндийских черт⁵.

Бадарийцы, подобно тасийцам, продолжали разбивать свои стоянки на отрогах пустынных плоскогорий. Так же как меримдийцы, они довольствовались жилищами из циновок, которые, собственно говоря, служили лишь ветро-

¹ По вопросам, не имеющим иной документации см. Brunton, Caton-Thompson, *The Badarian Civilization*, London, 1928, Mostagedda, 43—59.

² Mond, Myres. *Cemeteries of Armant*, 8.

³ *Annales du Service*, LI, 1951, 74.

⁴ Winckler, *Rock Drawings*, I, 20.

⁵ *Biometrika*, XIX, 1927, 110 ff.

выми заслонами. Но для хранения зерна они делали обмазанные глиной закрома. Так же как в Фауме и Дельте, здесь сеяли ячмень и пшеницу двузернянку, но кремневые зубья серпов встречаются очень редко. Бадарийцы разводили крупный рогатый скот и овец. Иногда встречаются

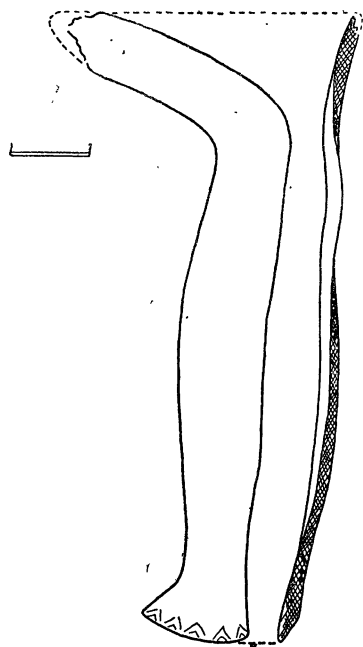

Рис. 15. Деревянный бумеранг, Бадари, по Брейлю ($\frac{1}{3}$).

ритуальные захоронения этих животных. Но мы не имеем никаких сведений о находках столь распространенных в Меримде костей свиньи. По-прежнему большое значение имели охота и рыболовство. Для стрел применялись такие же кремневые наконечники с выемчатым основанием, как и в Фауме, но, кроме них, были также в ходу и наконечники листовидной формы. Часто употреблялись деревянные бумеранги (рис. 15). В рыбной ловле все еще применялись крючки такого же типа, как крючок, изображенный на рис. 9.

Новым экономическим фактором явилась большая зависимость от привозных материалов, приведшая к возникновению более или менее прочных торговых отношений. Для подведения глаз неизменно применялся малахит, который, по всей вероятности,

привозили из Синаи или Нубии. Широкое распространение имели также раковины с Красного моря; имеются находки кусков кедрового и можжевельнового дерева и смолы¹, которые так же, как попадающиеся изредка бусины из бирюзы, сердолика и глазированного стеатита, наводят на мысль о торговых связях с Сирией. В тот же

¹ Brunton, Matmar, 1948, 11.

период происходит знакомство людей с медью в виде чистого металла; они уже оценили медь за ее ковкость, но еще не открыли основного свойства металла — его способность плавиться. Глиняные модели лодок указывают на новый шаг в области навигации, которая теперь уже не сводилась лишь к плаванию на бревенчатых плотках.

Глиняные горшки, особенно предназначавшиеся для погребальных целей, свидетельствуют о таком техническом совершенстве, какого еще не было в долине Нила. Наибольшее мастерство проявляется в изготовлении сосудов с необычайно тонкими стенками, подвергавшимися до обжига лющению, очевидно, с помощью гребня с тупыми зубьями, что давало определенный эффект — волнистую поверхность, оценить красоту которой можно лишь увидев сосуд (табл. III, *b*). Сосуды, иногда покрывавшиеся красновато-коричневой ангобой во время обжига, часто ставили вверх дном, так что нижняя часть их находилась на открытом воздухе и приобретала в результате окисления коричневую или красную окраску, а края и внутренняя поверхность пропитывались углеродом и дымом и чернели, в то время как окись железа под их разъедающим воздействием превращалась в результате реакции восстановления в закись. Основными формами этой керамики были кубки, часто со слегка покатыми стенками, и иногда остросереберные (рис. 16). Шаровидные бутылки из розовато-желтой глины с четырьмя расположенными на корпусе ручками являются явным исключением и, возможно, относятся к более позднему времени.

Встречаются сделанные из базальта вазы почти цилиндрической формы с нависающими краями. Слоновая кость служила материалом для изготовления флаконов, маленьких цилиндрических вазочек и ковшей; на конце ручек ковшей было обычно вырезано скульптурное изображение каменного козла или какого-нибудь другого животного (рис. 17).

Бадарийцы носили одежду из шкур животных; но, кроме этого, они изготавливали также довольно грубую ткань из волокна какого-то похожего на лен растения. Они подводили глаза малахитом, который растирали на узких прямоугольных шиферных палетках, обычно имевших на конце выемку или желобок, а иногда и просто прямоугольных.

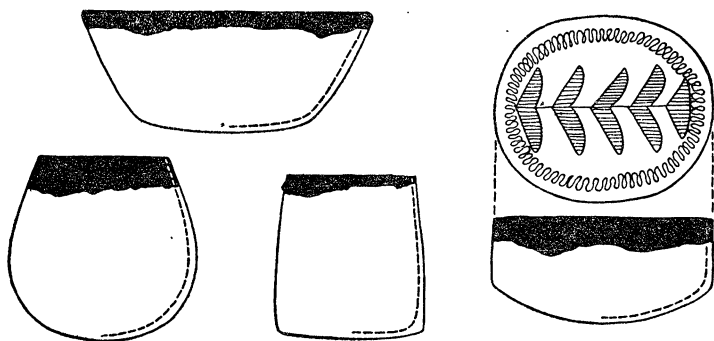

Рис. 16. Бадарийская керамика, по Брантону, *Antiquity*, III (1/6).

Они украшали волосы гребнями из слоновой кости, украшенными резными изображениями птиц, а сделанные из этого же материала булавки (или иголки), иногда с отделенной желобком головкой или с ушком, возможно, употреблялись для закалывания одежды. Медные трубочки, бусины из покрытого глазурью кварца или полевого шпата,

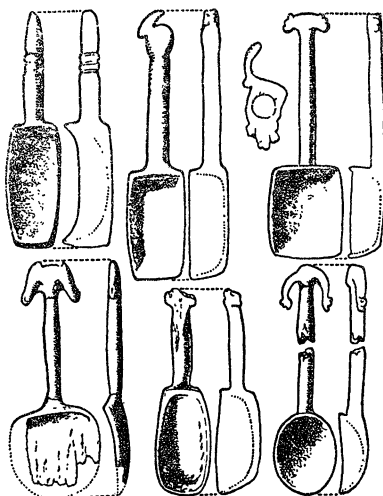
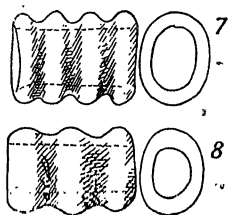

Рис. 17. Резные ковши из слоновой кости, Бадари (1/6).

кружочки, вырезанные из скорлупы страусовых яиц, многосегментные костяные бусы (рис. 18) и красноморские раковины нанизывали на бечевку и носили в качестве ожерелий или поясов. Руки бадарийцы украшали браслетами из слоновой кости. Каменные стерженьки служили им в качестве украшений для носа, а в губы они, возможно, вдевали керамические палочки.

Р и с. 18. Бадарийские костяные многосегментные бусы, Матмар, по Брантону (нат. вел.). 7 — Бадари 6001, птичья кость; 8 — Бадари 6002, птичья кость.

В нескольких могилах были найдены женские статуэтки, вырезанные из слоновой кости или вылепленные из глины. Эти статуэтки могли являться изображениями «богини-матери» или заменять собою в загробном царстве жен. Статуэтка из слоновой кости, изображенная на табл. IV, а, не соответствует тому физическому типу, о котором свидетельствуют скелеты бадарийцев, и вполне возможно, что это была тасийская статуэтка. Амулеты представлены только в виде двух маленьких резных фигурок антилопы и гиппопотама. Бадарийцы хоронили своих покойников в слабо или сильно скорченном положении, завернутыми в шкуры или положенными в корзины из толстых прутьев, в траншееобразных, иногда выстланных цыновками могилах, сгруппированных в небольшие могильники. Покойники обычно повернуты лицом на запад, но вообще в ориентации погребений бадарийцы не придерживались особенно строгих правил.

Теперь, наконец, мы можем подойти к реальному исследованию вопроса о происхождении земледельческого и скотоводческого хозяйства в Египте. Возникли ли неолитические культуры долины Нила тут же, на месте, в результате перехода африканских собирателей пищи к использованию природных возможностей, как это с жаром доказывают Перри и Черри? Мы не имеем еще никаких доказательств произрастания в Северной Африке предполагаемых диких предков пшеницы и ячменя; положительно неправдоподобно и то, что там водились дикие овцы. Нет никакого сомнения и в том, что неолитические кремневые орудия, изготовленные с применением техники двусторонней обработки, не могут вести свое происхождение ни от североафриканской капсийской или оранской традиции обработки ножевидных пластин, ни от себильской культуры долины Нила, проявляющей скорее склонность к производству микролитов. Они могут, однако, восходить к североафриканской атерийской культуре или к восточноафриканской культуре Стилл Бей. С другой стороны, Кэтон-Томпсон¹ еще в 1928 году отмечала, что даже бадарийцы не пользовались великолепным слоистым кремнем, богатые залежи которого были у них под рукой в эоценовых скалах севернее 25 параллели, а, подобно омарийцам, отдавали предпочтение разбросанным на поверхности земли кремневым желвакам. На этом основании она делает вывод, что предки бадарийцев жили южнее мест залежей слоистых пластов кремня. Брантон², Юнкер³, Шарф⁴ и Баумгертель также настаивают на близком сходстве бадарийской и даже меримдийской культур с культурами Нубии.

В 1945 году открытия Аркелла в Судане дали возможность проверить эту гипотезу путем сопоставления ее с археологическими данными. Аркеллу удалось проследить близ Хартума древние культуры, имеющие общие черты с неолитическими культурами Египта. Раннехартумская или «хартумская мезолитическая» культура⁵

¹ Brunton, *Badarian Civilization*, 75.

² Man, XXV, 1925, 103.

³ Schmidt-Festschrift, Vienna, 1928, 867.

⁴ Die Altertümer der Vor- und Frühzeit Ägyptens, 1931, 24.

⁵ Arkell, *Early Khartoum*, 1949, 40—84.

принадлежала охотникам-рыболовам с заметными признаками негроидности; они жили в период, когда выпадение дождей в долине Нила было значительно сильнее, чем в наши дни, и разбивали недалеко от Нила сезонные стоянки. Они оснащали свои дротики и стрелы сегментовидными микролитами из кварца или более крупными риолитовыми пластинками такой же сегментовидной формы. Рыбу они били толстыми костяными гарпунами с одним рядом зубьев, напоминающими гарпуны, изображенные на рис. 20. Они не занимались ни выращиванием злаков, ни разведением домашнего скота. Тем не менее они умели делать прекрасную, хорошо обожженную глиняную посуду и украшали ее волнистыми линиями и другими узорами, нанесенными позвонком сома. Аркелл предполагает, что именно эта керамика могла позднее развиться в бадарийскую керамику с волнистой поверхностью. Покойников, очевидно, хоронили прямо на месте стоянки, а не в отдельных могильниках. Имеются свидетельства об обычае этих людей удалять у себя верхние резцы.

Эта «мезолитическая» культура в результате своего дальнейшего развития дала «хартумскую неолитическую» культуру, или, как ее еще называют, «культуру скругленных долот»¹, характерной особенностью которой было разведение очень мелкой породы коз. Создатели этой культуры все еще не занимались земледелием, а продолжали охотиться, применяя в качестве оружия дротики с сегментовидными вкладышами и дисковидные булавы², и ловить рыбу на вырезанные из раковин крючки (с такими же насечками, как у натуфийских) и с помощью костяных гарпунов. Они выделывали также из кости клиновидные топоры с полированными лезвиями, предназначенные, возможно, для разделки туш гиппопотамов и слонов. Но для работ по дереву они изготавливали топоры и скругленные долота из риолита, лезвия которых заостряли также путем полировки. Орнаментация их керамики восходит к волнистым линиям на раннехартум-

¹ PPS, XV, 1949, 42—49; в работе «Early Khartoum» употребляется название «культура скругленных долот».

² Sudan Notes and Records, XXX, 1949, 214—222,

ской посуде, но при этом горшки часто покрывали облицовкой, а иногда красновато-коричневой ангобой, после чего обжигали с тем расчетом, чтобы одна часть сосуда приобрела красную окраску, а другая — черную; как по технике производства, так и по формам эта керамика приближается к бадарийской. Наконец, можно добавить, что эти скотоводы, разводившие только коз, носили бусы из скорлупы страусовых яиц и в редких случаях из амазонита, который они, так же как население неолитического Фаюма, очевидно, получали из Тибести (Сахара) или из Восточной пустыни.

Конечно, трудно устоять против соблазна отождествления этих диких или, во всяком случае, крайне варварских негроидных племен Верхнего Нила с предполагаемыми южными предками земледельцев — скотоводами Бадари, Таса или Меримде. Тем не менее мы не располагаем никакими стратиграфическими или какими-либо иными данными, позволяющими установить хронологическую взаимосвязь между этими культурами Судана и египетскими культурами. Возможно, что эти культуры принадлежали каким-то отсталым современникам амратийцев или герцейцев и что мы наблюдаем здесь такую же картину, как и в Нубии, где варварство царило еще в течение долгого времени после того, как на территории, находящейся ниже первого порога, уже утвердилось отношение к историческим временам цивилизация фараонов. Можно даже допустить, что суданские культуры предшествовали египетским, и предположить, что носители этих культур, спускаясь постепенно вниз по течению Нила, достигли Таса и даже Меримде, но в таком случае они все же должны были где-то на середине своего длинного пути начать культивировать пшеницу и ячмень и разводить овец. Однако, как мы уже убедились, трудно предполагать, что в тех местах, которые им пришлось бы пересечь, произрастали дикие предки этих злаков. Адамс¹ утверждает, что древнеегипетские овцы были привезены в Африку из Азии через Баб-эль-Мандебский пролив. Кроме того, нужно добавить, что, несмотря на сходство рыболовных орудий и булав, кремневые орудия с

¹ *Antiquity*, X, 195.

двусторонней отделкой, столь характерные для египетского неолита, в Хартуме не представлены. Такие орудия мы находим западнее, в области распространения атерийской культуры.

Следует также заметить, что глиняная посуда с гребенчатым и вдавленным орнаментом, в какой-то степени родственная раннехартумской керамике, была обнаружена на поселениях, расположенных очень далеко от Хартума, на другом краю Сахары¹. В Нигерийской Сахаре² наряду с этой посудой мы встречаем, как и в неолитическом Хартуме, костяные гарпуны, рыболовные крючки и каменные топоры, но вместе с тем и наконечники стрел с выемчатым основанием. Эти находки относятся к весьма неопределенному времени. Правда, Вофрэ высказывает мнение, что эта керамика и другие типично неолитические черты сахарских культур должны вести свое происхождение из Египта. Но теоретически здесь мог иметь место и обратный процесс, конечно, лишь при условии, что где-то в этих районах, например на плоскогорьях Центральной Сахары (Тибести и Тассили), произрастали дикие злаки и водились дикие овцы.

Если допустить здесь присутствие земледельцев или скотоводов, наследников какой-то неоатерийской традиции, можно предположить, что постепенно под давлением засухи часть их могла быть оттеснена к долине Нила, откуда они могли попасть одновременно и в Египет и в Судан. Но в таком случае надо полагать, что мезолитическая и неолитическая культуры Хартума не предшествовали неолитическим культурам Верхнего и Нижнего Египта, а существовали параллельно с ними.

Каждый из этих предполагаемых вариантов, суданский и сахарский, требует еще для своего подтверждения значительного восполнения существующих пробелов, а пока можно только сказать, что оба они свидетельствуют о стремлении отодвинуть происхождение египетского земледелия и скотоводства еще на целую стадию вглубь веков. Дискуссия на эту тему показала, что черты, характерные для неолитических культур Египта, встречаются

¹ Vauflrey, *L'Art rupestre nord-africain*, 78, 97, 101.

² Arkell, *Early Khartoum*, 117 ff.; *PPS*, XV, 46; *L'Anthr.*, L, 325.

уже в очень ранние периоды в различных местах Северной Африки на широком пространстве от Белого Нила до озера Чад. Эта дискуссия помогла также разобраться в том, что тасийско-бадарийская, а также меримдийско-омарийская традиции носят в основе африканский характер. На языке лингвистики это должно соответствовать хамитическому элементу в Египте исторической эпохи. В области же этнографии это может послужить объяснением удивительного сходства между обычаями и предметами обихода современных племен, населяющих долину Нила и Сахару, и древнеегипетского населения эпохи фараонов¹. Но при всем этом вопрос о происхождении неолитических культур Египта остается неразрешенным.

Следует, однако, отметить наличие в неолитических культурах, по крайней мере, Нижнего Египта также и северных или азиатских элементов. Прежде всего, конечно, об этом свидетельствует выращивание в Эль-Омари пшеницы однозернянки (*Triticum monosocum*). Однако это отнюдь не единственный пример азиатского влияния. Производство в Эль-Омари и Меримде орудий из ножевидных пластин не может вести свое происхождение от атерийских или себильских традиций, но вполне вероятно, что оно возникло здесь под азиатским влиянием. Фаюмские гарпуны и меримдийские рыболовные крючки находят себе аналогии в натуфийской культуре Палестины, аванпосты которой были обнаружены благодаря наличию характерных микролитов в Синае и даже в Гелуане (см. рис. 8). Уже давно отмечено, что простая темная меримдийская керамика с ее ковшами и горшками, подражающими кожаным сосудам, находит удивительно близкие аналогии среди глиняной посуды западнеолитической культуры Европы² на всем ее протяжении от Иберийского полуострова до Британских островов. Известно также, что найденная в этом поселении древ-

¹ Ср., например, Seligman, *JRAI*, XLIII, 1923, 597—680; Huntingford, *Ancient Egypt*, II, 1927, 36; Forde, *Ancient Mariners*, London, 1927.

² Childe V. Gordon, *The Dawn of European Civilization*, London, 1950, p. 280. (Гордон Чайлд, *У истоков европейской цивилизации*, Москва, Издательство иностранной литературы, 1952, стр. 354).

нейшая керамика с нелощеными полосами, украшенными нарезным елочным орнаментом, сильно напоминает некоторые неолитические сосуды Палестины¹. Таким образом, не лишено вероятия, что хлебные злаки и домашние животные, так же как и некоторые другие элементы неолитической культуры, могли проникнуть в Египет из Азии. Если это так и было, то азиатская традиция должна была даже в Нижнем Египте перемешаться с уже ранее принятыми там африканско-атерийскими традициями. В таком случае, однако, идея земледелия и скотоводства должна была распространиться вверх по течению Нила сначала до Таса, а еще позднее до Хартума. Но для того чтобы решить, было ли это возможно с хронологической точки зрения, необходимо изучить последовательный ряд более поздних культур. Определенностью и полнотой отличается лишь последовательный ряд культур Верхнего Египта, на материалах которого и была разработана система Петри. Ничего подобного мы не находим в Нижнем Египте, где до 1940 года в типологическом ряде между древней неолитической деревней Меримде и Мемфисом — городом эпохи фараонов — зиял ничем не заполненный пробел! В связи с этим мы и начнем наш обзор с Верхнего Египта.

¹ Например, в средних и верхних неолитических слоях Иерихона, *ЛААА*, XXII, 169 и Pl. XLIV, I; XXIII, 77, 87, 89. Ср. ниже, стр. 342—343.

АФРИКАНЦЫ И АЗИАТЫ НА НИЛЕ

В Верхнем Египте на смену бадарийской культуре приходит амратская культура (или культура Негады I), которая, весьма вероятно, происходит непосредственно от бадарийской¹. Эта культура открывает длинный последовательный ряд хорошо известных культур, документированных материалами многочисленных могильников.

Носители этой культуры, амратийцы², успели уже утратить те слабые черты негроидности, которые можно наблюдать по некоторым бадарийским костякам. Они достигали ростом приблизительно 1,57—1,58 м, были хорошего, не очень плотного сложения, имели небольшой вытянутый череп, тонкие черты лица и прямые волосы. Почти полное соответствие этому физическому типу можно встретить среди представителей современного восточносуданского племени беджа. Дополнением к нашим сведениям, основанным на исследовании хорошо сохранившихся костяков, могут служить фигурки из глины и слоновой кости. Ранние статуэтки (табл. V,а и VII,а) изображают мужчин с гладко выбритыми подбородками или длинными остроконечными бородами, сильно выдающимся орлиным носом и высоким лбом. В свою очередь женщины часто брили головы и носили парики, которые

¹ Неизменным источником сведений по вопросам о додинастических культурах Верхнего Египта остается работа Petrie, *Prehistoric Egypt*, London, 1917; ср. также Scharff, *Gründzüge der äg. Vorgeschichte*, *Morgenland*, 12, Leipzig, 1927; термины: «Негада I» (амратская культура) и «Негада II» (герцейская культура) были предложены Баумгертель (CPE).

² *Biometrika*, XIX, 1917, 110 ff.; Elliot Smith, *The Ancient Egyptians*, 49; Seligman, *JRAI*, XLIII, 605; Petrie, *ibid.*, XXXI, 250.

у глиняных статуэток вылепливались отдельно. Наряду со стройными женскими статуэтками, соответствующими остаткам скелетов, и статуэтками мужчин имеется группа фигурок, характеризующаяся заметной стеатопигией (табл. IV, *b*, VII, *b*). Петри полагает, что эти статуэтки изображают оставшихся в живых представителей какой-то покоренной расы, соответствующей предполагаемому более древнему культурному слою европейско-африканских протонегроидов, для которых такая толщина, возможно, служила признаком особой красоты.

Амратийцы, по всей вероятности, первые приступили к систематической обработке естественно орошавшихся земель в заливной пойме Нила, ибо протекавшие по пустыням вادي, повидимому, уже не могли снабжать их достаточным количеством влаги. Тем не менее, как сообщают, остатки, по крайней мере, одной амратийской деревни были обнаружены в Восточной пустыне, не считая относящихся, вероятно, к более позднему времени трех поселений, расположенных вдоль торгового пути Вадди-Хаммамат, и одного поселения, специализировавшегося на производстве браслетов из раковин¹. Во всяком случае, земледелие теперь в значительно большей степени уравновешивалось скотоводством, и крупный рогатый скот разводили теперь не только на мясо, но и для получения молока. Тем не менее хозяйство продолжало еще носить «смешанный» характер, то есть представляло собою совокупность новых приемов «производства пищи» со старым охотничьим промыслом, рыболовством и собирательством. Распространение на большой территории наскальных рисунков², включающих серповидные изображения амратских лодок из папируса и напоминающих по стилю рисунки, выцарапанные на амратских горшках, является, повидимому, результатом экспедиций в поисках дичи и пастбищ (рис. 19).

Такая двойная эксплуатация природных ресурсов долины Нила вызвала большой рост населения. Сильно увеличилось количество поселений, и многие из них, повидимому, выросли в большие деревни. О величине

¹ *Annales du Service*, LI, 75.

² Winckler, *Rock Drawings*, I, 1938, 24—25.

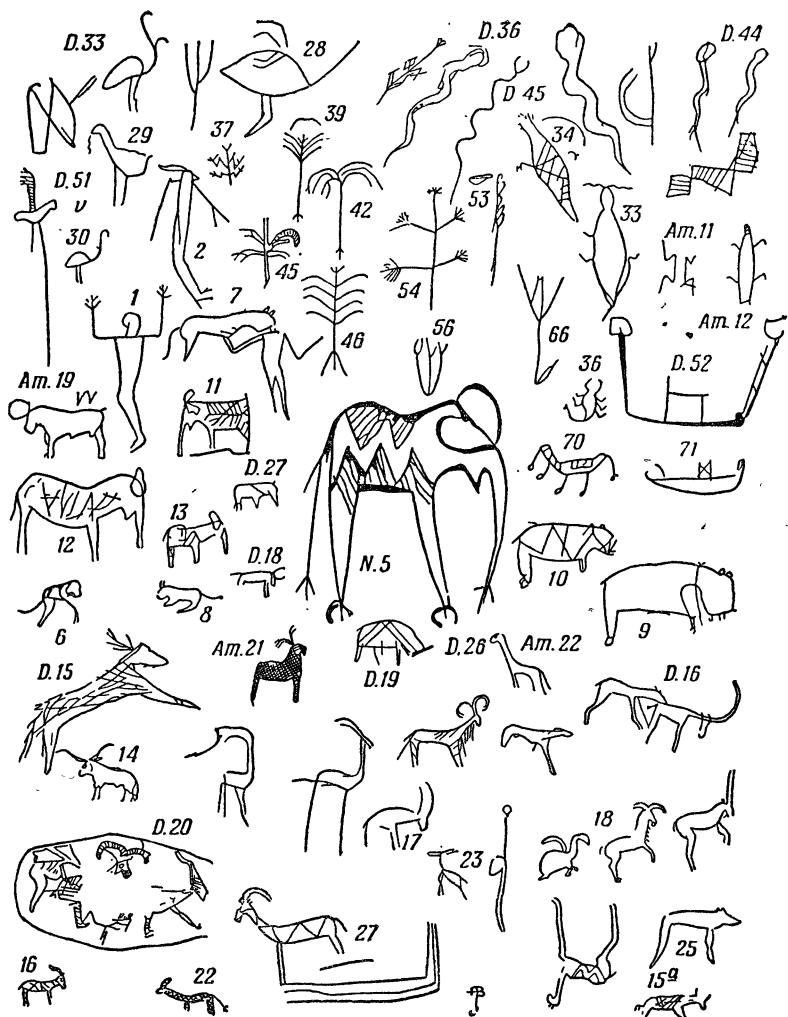

Рис. 19. Рисунки, выпаранные на горшках амратской культуры .

поселений можно судить по могильникам, из которых лишь немногие удалось раскопать до конца. Все могильники, принадлежавшие постоянным поселениям, на протяжении многих поколений служили местами захоронения и дали при раскопках материалы, относящиеся к нескольким археологическим периодам. Могильник в Негаде¹ насчитывал более 2000 погребений, относящихся к двум или трем периодам. Некоторые поселения, возможно, были укреплены. Модель из Диосполя Парва изображает, повидимому, обнесенный стеною городок²; остатки стены были обнаружены Петри при раскопках южного поселения Негады, по всей вероятности, поселения Нубет, города Сета. Остатки жилищ в виде круглых, вырытых в земле и окруженных глинобитными стенами углублений, напоминающих жилища III меримдийской фазы, были обнаружены только в Хаммамийе близ Бадари³.

Многие ученые⁴ полагают, что каждая амратийская деревня, подобно деревням культуры Динка на Верхнем Ниле, принадлежала отдельному клану, имевшему свой тотем. Действительно, в таком случае изображение на сосудах крокодилов, скорпионов и других омерзительных существ можно было бы объяснить тем, что это были тотемические животные; кроме того, мы знаем, что некоторые амратские символы появляются снова в исторический период как эмблемы помов. Возможно, что в число этих изображений входили и женщины с коровьей головой и животное, связываемое с богом Сетом. Первая эмблема позднее выступает в виде богини-матери Хатхор⁵, но, пожалуй, было бы слишком поспешно делать вывод, что Хатхор или Сет почитались как божества еще во времена амратийцев. До сих пор погребения амратийцев не дают прямых свидетельств о каких-либо царях или вождях. Но на одной палетке этого периода, хотя и

¹ Baumgärtel, *CPE*, 26.

² *Diospolis Parva*, pl. 6, B. 83.

³ Brunton, Caton-Thompson, *The Badarian Civilization*, 82—88.

⁴ Например, Капар (Capart, *Primitive Art in Egypt*, 1905).

⁵ Баумгертель (Baumgärtel, *CPE*, 31) приводит целый ряд доказательств в пользу распространения в додинастическом Египте культа богини-матери; эту же точку зрения высказывает Хорнблauer (Hornblower, *JEA*, XV, 1929, 30 ff.).

найденной в Верхнем Египте¹, вырезано изображение Красной Короны, которую позднее носили фараоны как символ царской власти над Нижним Египтом! Возможно, что в тот период уже существовало рабство. Именно таким образом трактуются статуэтки водоносов, обычно женские, и пленников со связанными за спиною руками. О существовании частной собственности в противоположность общественному имуществу всего клана можно судить по тому, что на сосудах часто встречаются выцарапанные значки, обозначающие принадлежность их определенному хозяину; все сосуды в одном погребении бывают, как правило, помечены одним значком.

Помимо отраслей производства, развитых у бадарийцев, амратийцы освоили также, повидимому, добычу кремня в каменоломнях или коях, судя по тому, что они использовали в качестве материала не разбросанные по поверхности земли желваки, разумеется, значительно труднее поддававшиеся обработке, а извлеченные из известковой породы большие куски слоистого кремня. Амратийцы возделывали лен и изготовляли из него ткани на документированных раскопках горизонтальных, а, возможно, также и вертикальных ткацких станках. Медь теперь употреблялась уже для изготовления мелких орудий, таких, как гарпуны, которые они вырезали из откованных металлических пластинок и булавок со спиралевидными головками, подобных изображенным на рис. 20,0. Но литье еще не практиковалось, и, по всей вероятности, амратийцы собирали медь в виде естественных кусочков чистого металла, а не выплавляли ее из руды. Настоящая развитая металлургия была им еще неизвестна.

Применение добываемого в коях кремня, собирание малахита, меди и золота и изготовление базальтовых и алебастровых ваз свидетельствуют уже о какой-то специализации отдельных общин, а в связи с этим и о торговле. Поселения на Вади-Хаммамат, если это были действительно амратийские поселения, служили, должно быть, станциями на караванном пути, который вел к Красному морю и, несомненно, специализировались на

¹ JEA, IX, 1923, 27.

изготовлении на вывоз шиферных браслетов и на торговле малахитом из месторождений в Восточной пустыне. О дальнейшем развитии широких торговых связей, существовавших еще, судя по находкам морских раковин и малахита, в период тасийской и бадарийской культур, свидетельствуют теперь попадающиеся время от времени обсидиан¹ с Эгейских островов, из Передней Азии или,

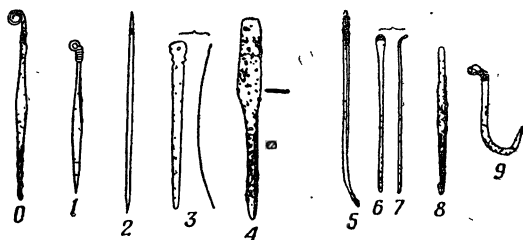

Рис. 20. Мелкие медные предметы из Негады.

0 — булавка амратской культуры; 1—3 — булавки и иголки герцейской культуры; 9 — рыболовный крючок протодинастической эпохи, по Петри (1/5).

что вероятнее всего, из Абиссинии, ягоды можжевельника и древесины хвойных деревьев из Палестины и Сирии и корунд, возможно, с Наксоса.

Вполне возможно, что в это время уже был приручен осел², который мог использоваться в такой торговле для перевозки тяжелых товаров. Известно, что, во всяком случае, египтяне уже пользовались в этот период весьма прочными лодками из скрепленных между собою связок папируса (табл. VI, b). Посредине такой лодки помещались две квадратные каюты; лодка приводилась в движение шестью или восемью парами весел и управлялась стоявшим на корме под навесом рулевым. Петри пола-

¹ Люкас (Lucas, *Annales du Service*, XLVIII, 1947, 123) исправляет в этом отношении Уэйнрайта (Wainwright, *Anc. Eg.*, 1927, 85).

² Изображение осла имеется, повидимому, на одном из амратских горшков (Åz., LXI, 1926, 17, и Baumgärtel, *CPE*, 30), а также среди относящихся, вероятно, к тому же времени наскальных рисунков, описанных Уинклером.

гает, что такие лодки должны были оснащаться парусами, так как подниматься в них вверх по Нилу против течения на одних веслах было бы невозможно. Однако лодки этого типа никогда не изображаются с распушенными парусами в противоположность более поздним «чужеземным» парусным судам, так что вероятнее предположить, что вверх по реке их просто тянули на бечеве. Возможно, что в связи с той же «торговлей» получили развитие и широкое распространение и выцарапанные на сосудах алфавитоподобные знаки, восходящие, должно быть, еще к значкам палеолитической эпохи.

Прогресс в области религии сказывается в усложнении погребального ритуала. Прекрасная сохранность трупов в горячих песках пустыни должна была внушить обитателям долины Нила особенно твердую веру в продолжение жизни человека после его смерти. Однако варварский обычай убивать жен и слуг и хоронить их вместе с их господином для сопровождения его в загробной жизни, еще до недавнего времени наблюдавшийся у некоторых южных нильских племен, не был распространен среди амратийцев, так как симпатическая магия давала им более экономный выход. Живых жен и прислужников заменяли, повидимому, женские статуэтки и фигурки слуг, несущих на голове сосуд с водою, подобно тому как в историческую эпоху эту роль выполняли фигуры ушебти. Однако собаку, бессловесного слугу мужчины, нередко принуждали сопровождать своего господина и после его смерти и хоронили вместе с ним в гробнице. Других домашних животных, относящихся к крупному рогатому скоту, заменяли глиняными моделями (табл. X, а).

Роспись на стенах гробниц династического Египта изображает подношения покойнику, труд его рабов и его собственные развлечения на пирах и на охоте. Эти сцены, судя по сопровождающим их текстам, изображались не просто для услаждения взора и души, а для того, чтобы с помощью заложенной в них волшебной силы обеспечить усопшего надлежащим обслуживанием и развлечениями. На стенах простых могильных ям доисторической эпохи не было места для росписи, но на погребальных сосудах и шиферных палетках мы находим подобные

же сцены, связанные, как мы увидим ниже, длинной цепью более поздних памятников с древнейшей росписью на стенах гробниц.

Теперь, чтобы разобраться в составных элементах этой культуры и обосновать наши предварительные утверждения, мы должны обратиться к более тщательному анализу отдельных черт ее археологического наследия.

Конечно, амратский период не оставил после себя полированных каменных топоров или тесел, но кремневые тесла и топоры, из которых некоторые заточены с помощью удара «транше» (стр. 69), представляют довольно обычное явление; в число других кремневых орудий входят вкладыши для серпов, дисковидные и одноконечные скребла, из которых последние, вероятно, употреблялись в качестве бритв, и красивый нож, имеющий форму лезвия (рис. 32,2), представляющий собою, в сущности, канский остроконечник с одной поверхностью, отделанной с помощью отжимной техники¹. Все также применяются наконечники стрел с выемчатым основанием или с черешком, но, по крайней мере, в Нубии теперь начинают попадаться сегментовидные или трапециевидные наконечники стрел с поперечным лезвием². Своеобразными типами орудий являются лезвие с одним концом в форме рогового крюка (табл. VIII,а), вставлявшееся заостренным концом в деревянную или костяную рукоятку и применявшееся, как обычно считают, при охоте для подрезания поджало у животных, и большое ромбовидное орудие, служившее наконечником «копья» или клинком кинжала (рис. 21). Навершья булав представляют собою камешные диски с острым краем; реже попадаются камешные булавы с заостренными концами (табл. VII,б, внизу). Рыбу били гарпунами; изредка встречаются медные гарпуны, но чаще они изготовлялись из кости; все они имеют более уплощенную форму, чем фаюмские (рис. 22), и сильно напоминают хартумские типы гарпунов.

¹ Дополнением к работе Петри об обработке кремня, помещенной в *Diospolis Parva*, служит статья Гузайина (Huza'in, in Mond and Myers, *Cemeteries of Arman*).

² В отношении, по крайней мере, Нубии см. Arch. Survey of Nubia, Report, 1907—1908, pl. 62.

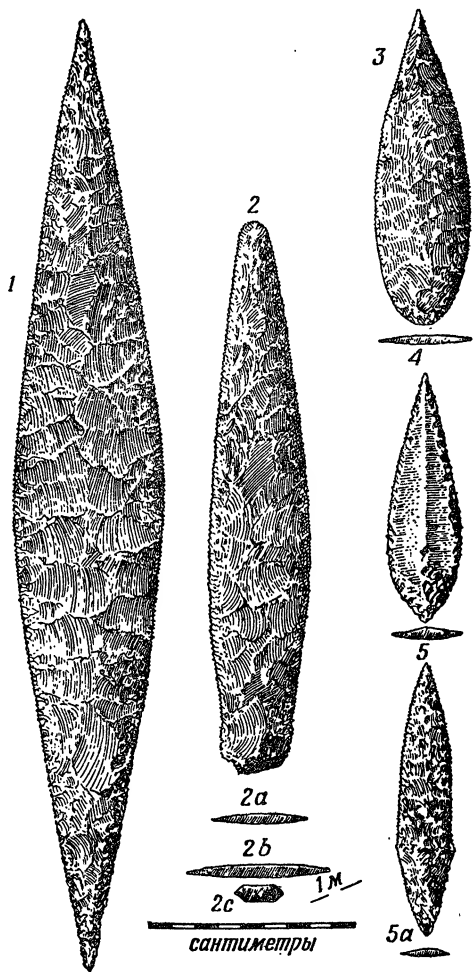

Рис. 21. Кремневые изделия амратской культуры.

1—2 — ромбовидные кинжалы; 3—4 — наконечники стрел (5, возможно, относится к протодинастическому периоду), по де Моргану.

Керамика амратийцев, уступающая по качеству лучшей бадарийской керамике, может быть разделена на четыре группы. Наиболее распространенной является так

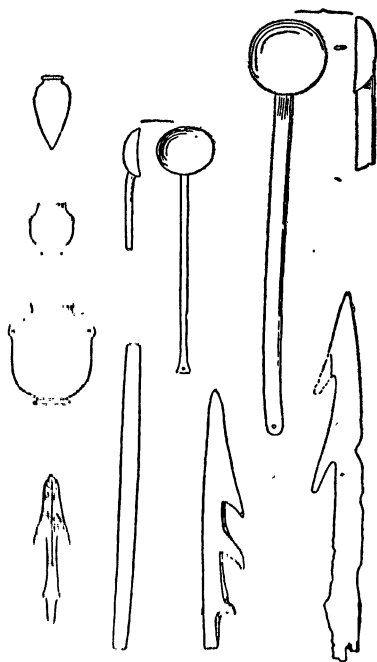

Рис. 22. Изделия из слоновой кости: вазы и гарпуны амратской культуры и ложки герцейской культуры, по Петри ($1/6$).

называемая чернотелая посуда; подобно лучшим бадарийским образцам, она покрывалась красновато-коричневой ангобой, подвергавшейся при обжиге частичному окислению, но мы не встречаем здесь красивой волнистой лошеной поверхности и тонких стенок, характерных для бадарийской керамики этого типа (табл. V, b). Что касается форм, то обращают на себя внимание бутылкообразные сосуды, остросереберные кубки, узкие кубки на

низких поддонах и двойные сосуды, но особенно выделяются высокие узкие стаканы. Вторую группу составляет красная лощеная посуда, обжигавшаяся целиком в окисляющей атмосфере; наряду с нею в употреблении была также черная керамика, окраска которой достигалась путем реакции восстановления и являлась имитацией базальта. Однако более характерна посуда с белым крестолинейным орнаментом, изготовлявшаяся только в период между о. д. 31 и 35. Это преимущественно красная керамика, украшенная узором, нанесенным матовой белой краской. Узоры делятся на две группы. Первую группу составляют сосуды, орнаментированные простыми прямолинейными мотивами, в которых, как и в форме самих сосудов, повидимому, сказывается подражание корзинному плетению (рис. 23). Другую группу составляют сосуды, украшенные изображениями людей и животных; эти изображения, как мы уже говорили, имели магическое значение, и художники, повидимому, старались придать им как можно больше жизненности, хотя их старания и не всегда увенчивались успехом (табл. VI, *b*). Этим выполненным в краске сценам предшествовали более грубые рисунки, выцарапанные на стенках красных лощеных и чернотелых сосудов. В некоторых случаях на краях сосудов можно встретить скульптурные изображения идущих вереницей животных, обычно слонов или гиппопотамов. Эти фигурки, так же как выполненные краской изображения жирафов, берберийских овец и скорпионов, дают нам живое представление о доисторической фауне долины Нила и соседних с нею областей. К той же группе, что и посуда с белым крестолинейным орнаментом, можно отнести немногочисленные образцы черной посуды с нарезным узором, встречающейся преимущественно в Нубии. По технике изготовления она близка тасийским колоколовидным кубкам и так же, как и они, является подражанием корзинному плетению, за исключением нескольких нубийских образцов, имитирующих тыквенные сосуды в плетеных соломенных сетках (рис. 24). Наконец, в поселениях вроде Арманта и Хаммамии (Бадари) была в употреблении довольно грубая посуда, украшенная, подобно ранней меримдийской керамике, нарезным елочным орнаментом.

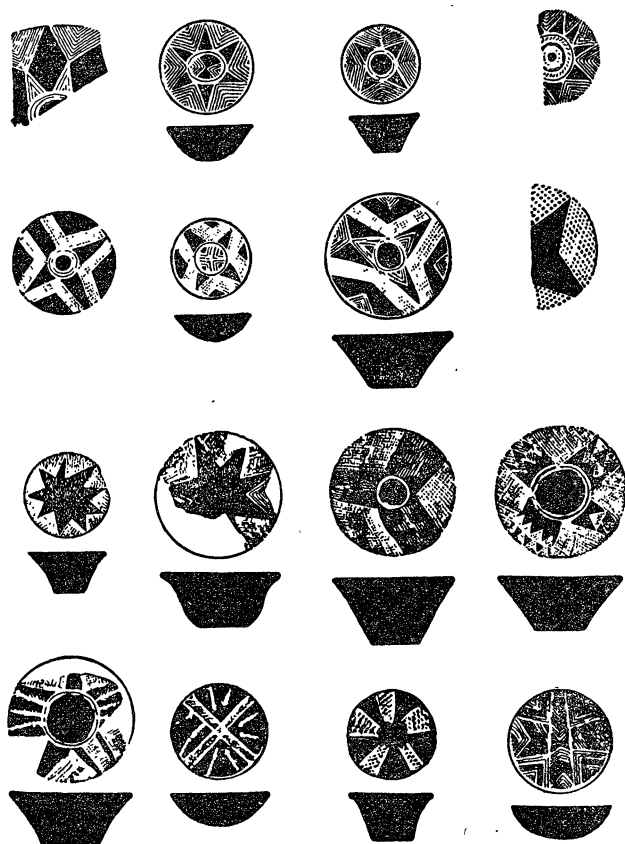

Рис. 23. Кубки с белым крестолинейным орнаментом, подражающим узорам корзинного плетения, по Капару (1/12).

Для изготовления сосудов употреблялся, хотя и не очень часто, камень. Известно только два типа каменных сосудов амратской культуры: высокие яйцевидной формы кубки на поддоне с двумя расположенными под самым краем ушками и цилиндрические кувшины со слегка выпуклыми боками и скошенным краем (табл. VI,а).

В ранний додинастический период материалом для изготовления каменных ваз служили исключительно мелкозернистые породы, главным образом базальт и алебастр. Помимо этого, вазы изготовлялись из скорлупы страусовых яиц и из слоновой кости.

Перейдем к принадлежностям туалета. Мы находим у амратийцев все тот же обычай подводить глаза малахитом; малахит растирали на шиферных палетках, ромбовидных (табл. VII, *b*, внизу справа) или вырезанных в

Рис. 24. Черная керамика с нарезным орнаментом ($1/6$).

форме какого-нибудь животного (рис. 25). Хранили его в маленьких мешочках, украшенных подвесками (табл. VIII), которые представляли собою либо настоящие бивни, либо вырезанные в такой форме плоские кусочки слоновой кости, либо тщательно сделанные модели бивней из камня. Амратийцы покрывали тело разнообразной татуировкой. Подобно бадарийцам, они носили в волосах или в париках гребни слоновой кости с длинными зубьями; возможно, что для этой же цели применялись и булавки из слоновой кости. На шее они носили оже-

релья из кружочков, вырезанных из скорлупы страусовых яиц, бус из сердолика, стеатита и полевого шпата или бус, покрытых зеленой глазурью, а также из морских раковин или кораллов. К этим ожерельям прикреплялись шиферные подвески, изображавшие различных животных, птиц или рыб, которые могли являться тотемическими эмблемами или магическими амулетами. Руки они

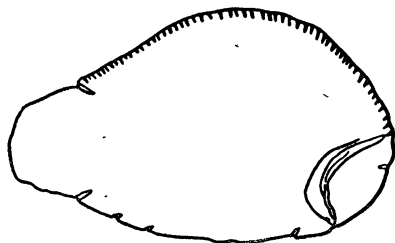

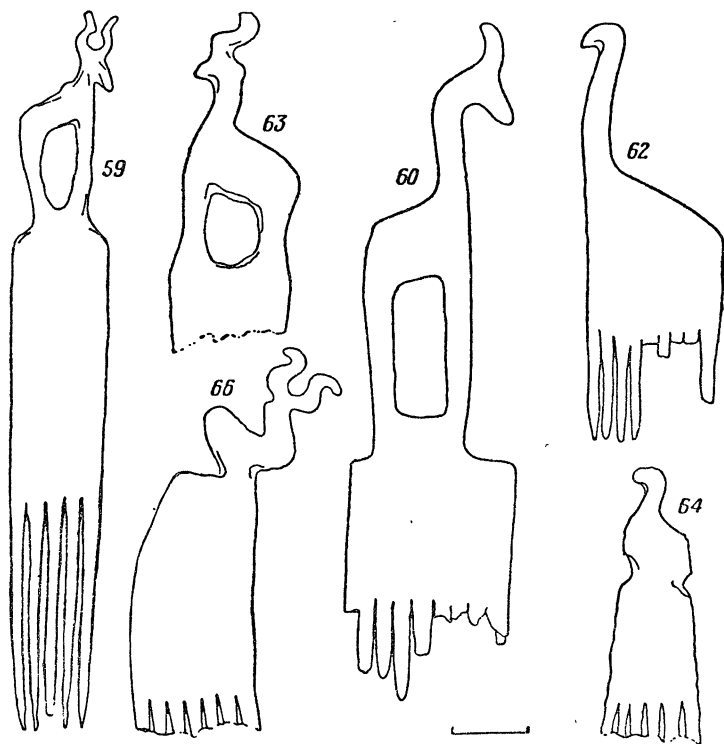
Рис. 25. Шиферная палетка в форме рыбы, Негада ($1/8$).

унизывали браслетами из раковин, слоновой кости и панцыря черепахи. Мужчины, судя по статуэткам, ходили совершенно нагие, если не считать так называемого «ливийского футляра» для полового члена (табл. VII, а, в центре), перьев в волосах и сандалий из травы. Женщины носили полотняные передники и, во всяком случае иногда, парики.

Могилы представляют собою неглубокие овальные ямы. Покойников хоронили в сильно скорченном положении. Иногда в одной могиле можно встретить несколько погребений, в некоторых случаях кости были обнаружены в беспорядке, словно покойников предавали земле уже после разложения кожного покрова.

Покойника для загробной жизни щедро снабжали оружием, украшениями и пищей, а также магическими принадлежностями, о которых говорилось выше. Все статуэтки можно разделить на несколько групп. Первую группу составляют статуэтки в виде целых слоновых бивней лишь с вырезанным на конце изображением головы (табл. V, а). Далее следует серия законченных статуэток также из

слоновой кости. Более ранние образцы отличаются тонкостью резьбы и реалистичностью. Глиняные фигурки обычно бывают значительно грубее. Встречаются статуэтки, изображающие людей в стоячем положении и

Р и с. 26. Гребни из слоновой кости (приблизительно $\frac{1}{2}$ нат. вел.).

сидящих на корточках; руки у статуэток бывают подняты вверх или, округленные в локтях, протянуты вперед ниже уровня груди (таблицы VII и VIII).

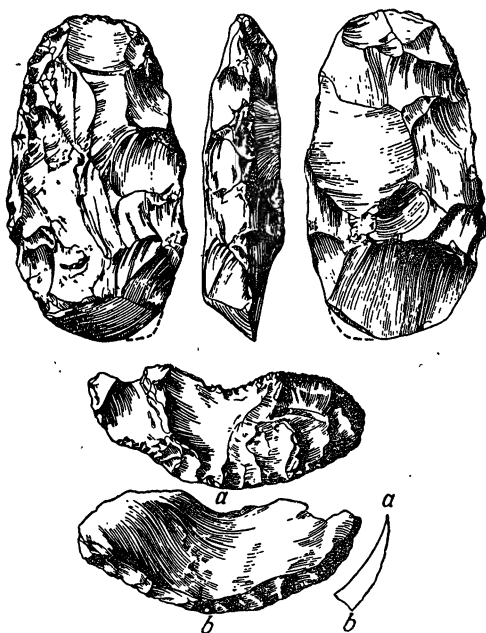
Среди комплекса явлений, характеризующихся наличием соответствующих черт в предыдущих культурах, такие факторы, как оседлая жизнь, возделывание злаков и раз-

ведение домашних животных, обуславливающее такой образ жизни, превосходная техника обработки кремня, черновые сосуда, шиферные палетки, гребни и булавки из слоновой кости, браслеты из раковин и глазированные бусы, или являются лишь дальнейшим развитием достижений бадарийцев, или ведут от них свое более или менее непосредственное происхождение. С другой стороны, сцены, изображенные на расписных горшках с белым крестолинейным орнаментом и нарезных черновых сосудах или на шиферных палетках, выдают и по форме и по содержанию свое ближайшее родство с наскальными рисунками, описанными в главе II. Мы находим в них ту же живость и склонность к импрессионизму, но египетским художникам, экспериментировавшим в области изобразительных средств, недостает тех черт, которые являлись лучшими достижениями их североафриканских и испанских собратьев. Тем не менее тщательное сравнение работ амратийских художников с живописью на стенах восточноиспанских убежищ под скалами привело Э. С. Томаса¹ к выводу, что испанские живописцы вдохновлялись теми же идеалами и развивали свое искусство в тех же направлениях, что и художники амратской культуры.

Можно проследить много общего в одежде людей, изображенных на амратских сосудах и в наскальных рисунках Северной Африки и Восточной Испании. Оперенные головные уборы мужчин, изображенных на сосудах с белым крестолинейным орнаментом, повторяются в наскальных рисунках Сахары, так же как футляры для половых членов, знакомые нам по амратским статуэткам. На ноге одной из статуэток есть браслет, имеющий аналогии среди изображений в Ин-Эззани (Сахара) и Когуле (Испания). Амратские собаки напоминают по внешнему виду собаку, изображенную на стене убежища в Альпере (рис. 6). Эти и другие соображения подобного рода приводят некоторых ученых к выводу о миграции ливийцев и смешению их с бадарийскими предками амратийцев. Однако эти факты можно с неменьшим успехом объяснять и распространением египетского влияния на

¹ *JRAI*, LVI, 385 ff.

обширном пространстве, населенном сплошь кочевыми племенами (стр. 55). Можно также предполагать, что некоторые из этих племен находились в исконном родстве с додинастическими египтянами независимо от того, происходили ли и те и другие из более южных областей, или из какой-то одной общей колыбели в самой Сахаре.

Р и с. 27. Топор «транше» и пластина, отделенная при подточке орудия, Армант ($2/5$).

Герцейский период был свидетелем преобразования земледельческой экономики в Верхнем Египте, изобретения или проникновения откуда-то извне новых производственных технических приемов и расширения по объему и диапазону «внешних торговых связей», то есть всего того, что явилось подготовкой ко второй экономической революции. Вместе с тем этот период характеризуется и

новой археологической культурой, явившейся результатом влияния на амратское производство Среднего и Верхнего Египта иноземных традиций, которые в некоторых случаях носят ярко выраженные азиатские черты и обозначают проникновение в Египет новых этнических элементов.

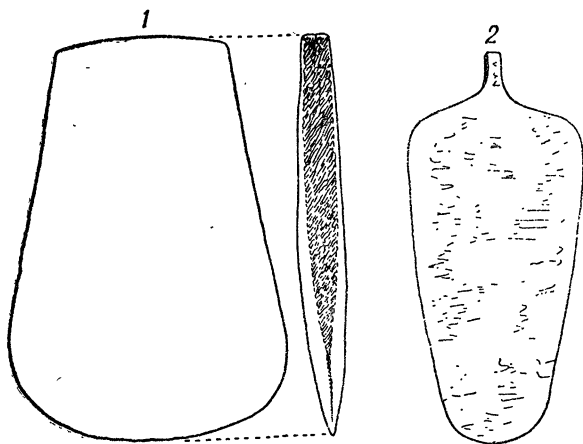

Рис. 28. Медный топор, Матмар ($\frac{1}{3}$), свежесовальный нож ($\frac{1}{3}$).

Амратская культура базировалась на смешанном хозяйстве, в котором земледелие и скотоводство сочетались с собирательством. В герцейский¹ период земледелие и скотоводство становятся основным источником питания населения, и не лишено вероятия, что оно уже в какой-то степени базируется на искусственном орошении. Охотничье оружие представляет теперь сравнительную редкость и почти не встречается в погребениях. Прекратил свое существование и обычай хоронить вместе с хозяином его собаку.

В производстве кремневых орудий более широкое распространение получают ножевидные пластины, отка-

¹ Baumgärtel, CPE, 46.

лывавшиеся от настоящих призматических ядрищ. Однако они не вытесняют из употребления и двусторонне ретушированные орудия и широкие пластины и ядрища. Но особенного совершенства в этот период достигает техника отжима. Топоры систематически подтачивались с помощью удара «транше» (рис. 27,а). Наряду с этим люди уже имели более ясное представление о принципах настоящей металлургии и применяли их на деле. Входят в употребление, хотя и являются еще большой редкостью, первые литые металлические орудия и оружие; литейщики изготавливают в формах плоские медные топоры с расширяющимся лезвием (рис. 28,1), ромбовидные кинжалы и ножи специального назначения (рис. 28,2). Кинжалы вставлялись в деревянную или костяную рукоятку с выемчатым основанием (рис. 29); рогообразные выступы рукоятки так же, как у амратских кремневых орудий, в форме рыбьего хвоста, охватывают обушковую часть медного клинка; этот способ укрепления орудия в рукоятки помогает отличать египетские традиции в области металлургии от месопотамских.

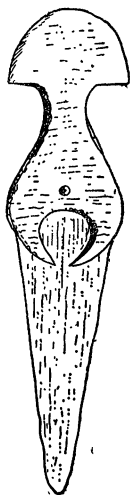

Рис. 29.
Герцейский
медный кин-
жал с руко-
яткой из сло-
новой кости
(реставра-
ция), Эль-
Амра ($1/4$).

В середине исследуемого периода, если не раньше, кинжалы для придания им большей прочности начинают снабжать толстым продольным осевым ребром, а конец их вытягивается и сужается, как это показано на рис. 30. К этому времени были уже, вероятно, в ходу те самые булавки с узловидной головкой (рис. 20,1), которые в Центральной Европе стоят на первом месте в ряду металлических изделий бронзового века¹. Эти предметы изготавливались, вероятно, профессиональными специалистами, которые, повидимому, не жили постоянно на одном месте, обслуживая несколько соседних деревень, и являлись, по существу, не

¹ Brunton, Caton-Thompson, Badarian Civilization, pl. LIV, 9, из могилы 16, 4; ср. Childe, Dawn, p. 117 and p. 159 и ниже (Гордон Чайлд, У истоков европейской цивилизации, М., 1952, стр. 169.).

кем иным, как странствующими торговцами-ремесленниками.

Герцейцы умели также готовить два новых искусственных материала: гипс и фаянс. Изобретение фаянса;

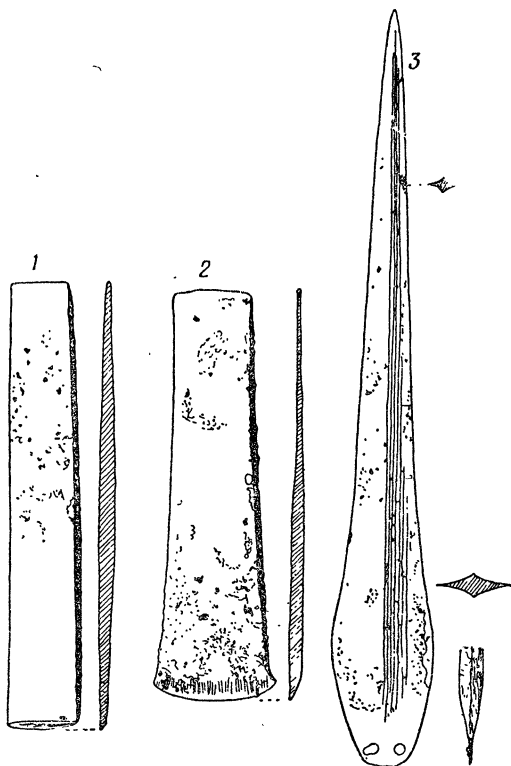

Рис. 30. Тесла и клинок кинжала позднегерцейского периода — эпохи древнейших фараонов, Негада, по Петри ($1/5$).

состоящего из порошка кварца, скрепленного и покрытого сверху глазурью, можно рассматривать как усовершенствование процесса глазирования камней, практиковавшегося еще в бадарийский период; из него можно было

формовать различные бусы и подвески, а изготовление его в Египте не вызывало затруднений, так как запас необходимой для этого щелочи был тут же под рукою, в Западной пустыне (Вади-Натрон). Сильно расширилось производство каменных ваз; теперь их с успехом изготавливают даже из таких твердых пород, как порфир. Эти вазы, повидимому, являются также делом рук профессионалов, существовавших за счет излишков пищи, производство которой не составляло для герцейских земледельцев большого труда.

Ветровые заслоны и круглые хижины уступили место довольно большим прямоугольным глинобитным домам. Модель из Эль-Амра (табл. X) изображает жилище размерами, насколько об этом можно судить, приблизительно $7,5 \times 5,5$ м со входом, расположенным в одной из продольных стен и укрепленным деревянной дверной коробкой. Некоторые из деревень, возможно, уже достигли размеров небольших городков. К этому периоду можно отнести расположенный недалеко от продолжавшей процветать Негады город Сокола — Гиераконполь, руины которого занимают площадь около 2 кв. км.¹

Систематическое употребление меди независимо от того, где добывалась руда, исключительно ли в Восточной пустыне или также в Синае, требовало постоянной связи с областями, лежащими за пределами долины Нила. Можно с уверенностью сказать, что Вади-Хаммамат и другие пересекавшие пустыню пути служили исключительно интересам торговли, а планомерное распространение таких товаров, как добытый в шахтах кремень, каменные вазы и другие предметы местного производства, осуществлялось речным путем. С расширением торговых связей в Северную Африку стали проникать и различные азиатские товары. Из Азии поступали серебро, свинец и лазурит. Если предположить, что лазурит доставляли из Бадахшана, единственного крупного месторождения и, по достоверным свидетельствам, еще в древности служившего местом добычи этого минерала, то нужно думать, что он проникал в Египет через Месопотамию. Поэтому мож-

¹ Brunton in Studies presented to F. Ll. Griffith, London, 1932, 272—275.

но не удивляться, что некоторые изделия этой страны достигали берегов Нила. Так, например, найденные в долине Нила две цилиндрические печати были, повидимому, изготовлены приблизительно в это же время в Месопотамии, а одна местная копия такой печати была найдена в герцейском погребении, датированном о. д. 46¹.

В торговле, о которой свидетельствуют эти иноземные изделия и материалы, для перевозки товаров, повидимому, использовались ослы; кости осли были обнаружены на поселениях этого периода близ Арманта. Труднее решить, применялись ли для этой цели также и верблюды. В Абусир эль-Мелеке была найдена небольшая модель², повидимому, изображающая верблюда. Но если это и так, это еще не свидетельствует о приручении верблюда. Нельзя также настаивать на азиатском происхождении этого животного, так как кости верблюда встречаются в плейстоценовых отложениях Северной Африки.

Все эти технические и экономические достижения способствовали росту благосостояния Египта герцейского периода. Но возможно, что богатства распределялись теперь менее равномерно, чем прежде. Различия в величине и убранстве могил заставляют предполагать разделение членов общин, по меньшей мере, на более бедных и более богатых. Большинство герцейских могил крупнее обычных погребений амратского периода и приближается к прямоугольному плану. Начиная с о. д. 40 некоторые из них приобретают еще большие размеры с расчетом на более богатые подношения, состоявшие преимущественно из кувшинов с пищей и питьем. В некоторых случаях подношения размещались на оставленном у одной из стен могильной ямы уступе; в других случаях сама могильная яма могла быть заполнена погребальными дарами, а для покойника в твердом грунте пустыни делали боковой подбой, образующий своего рода катакомбу. Иногда яму делили надвое плетеной перегородкой, укрепленной на врытых в дно ямы вертикальных столбах³. Несмотря на

¹ Frankfort, *Cylinder Seals*, 293; ср. ниже, стр. 197.

² Mond, Myers, *Cemeteries of Armant*, 255; Scharff, *Abusir el-Meleq*, 40, pl. 24.

³ El Amrah, 7.

такое разнообразие в устройстве могил, неравенство в их убранстве не доходит еще до степени, свидетельствующей о разделении населения герцейских деревень на вождей и простых членов общины. Судя по всему, каждая деревня еще принадлежала отдельному родовому клану, имевшему свой тотем.

Именно к этому периоду относятся расписные сосуды с изображением лодок с различными штандартами (рис. 34). Большинство штандартов соответствует эмблемам египетских номов исторической эпохи; в тех случаях, когда на одной вазе изображено две или несколько лодок, их штандарты всегда соответствуют эмблемам смежных номов¹.

Конечно, изложенные вкратце основные черты, характеризующие культуру герцейского периода, могли бы рассматриваться просто как отражение естественного развития в области технологии и хозяйства. Но не все новшества в орудиях и оружии, в одежде и украшениях, в погребальных обрядах и в области искусства могут найти себе такое объяснение. Некоторые из них скорее указывают на внедрение иноземных традиций, проникновение новых этнических элементов и, возможно, даже на политическое подчинение завоевателям. Разрыв с традициями прошлого ярче всего выражается в следующем. На смену дисковидной булаве, встречающейся позднее лишь как пережиток, в качестве принадлежности культа приходит булава грушевидной формы (о. д. 42); лезвия в форме рыбьего хвоста (с V-образным основанием) уступают место (о. д. 38) лезвиям в форме ласточкиного хвоста с V-образным основанием (рис. 31); ножи в форме запятой (рис. 32,3) вытесняются (в о. д. 45) ножами в форме кривой восточной сабли; получают распространение кремневые кинжалы и выходят из употребления наконечники стрел с выемчатым основанием, хотя время от времени даже в Среднем Египте попадаются еще стрелы с поперечным лезвием; после о. д. 43 прекращается изготовление глиняных статуэток, а после о. д. 45 исчезают и резные статуэтки из слоновой кости; вместо этого налаживается изготовление глиняных и каменных

¹ Newberry, *LAAA*, I, 18; V, 134.

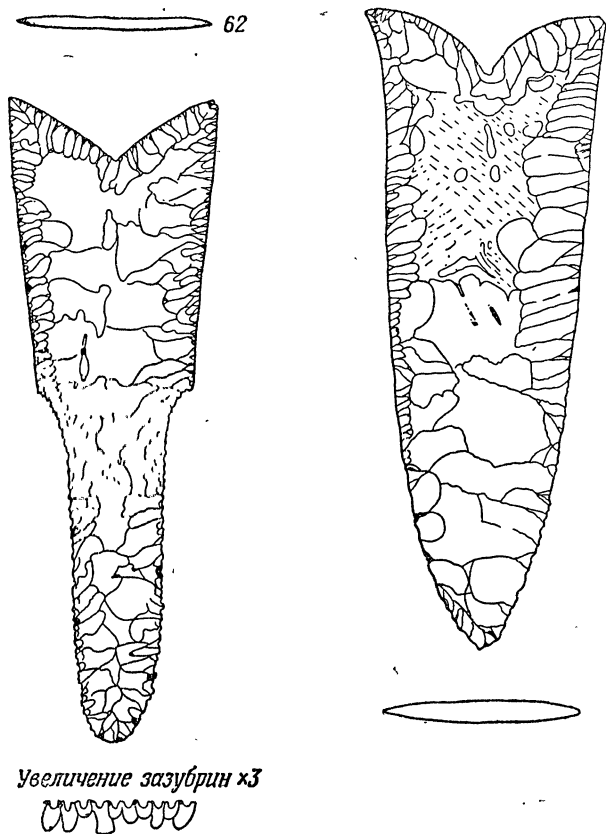
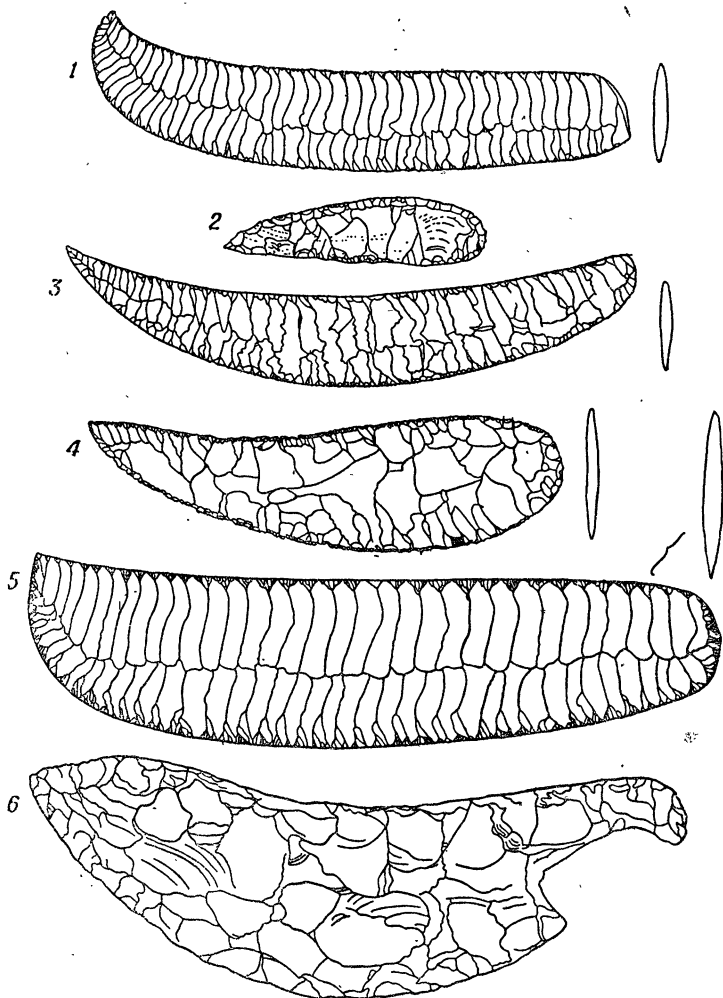

Рис. 31. Кремневые лезвия с V-образным основанием, Негада, по Петри ($1\frac{1}{2}$).

сосудов в форме различных животных, а резчики по слоновой кости переключаются на производство амулетов и ложек, не свойственных амратской культуре.

Коренным образом меняется и хозяйственная посуда, являющаяся всегда лучшим показателем этнических изменений. Хотя производство черноверхих и красных лощеных сосудов еще продолжается, тем не менее этот

Р и с. 32. Кремневые ножи.

2 и 4 — амратские; 3 — раннегерцейские; 1 и 5 — позднегерцейские; 6 — эпохи древнейших фараонов ($\frac{1}{4}$).

тип керамики уже больше не применяется при создании новых форм, а сосуды с белым крестолинейным орнаментом совершенно выходят из обихода. Вместо них типичной формой керамики становятся сосуды из светло-желтой глины с коричневато-красной росписью, так называемые расписные горшки. С точки зрения техники

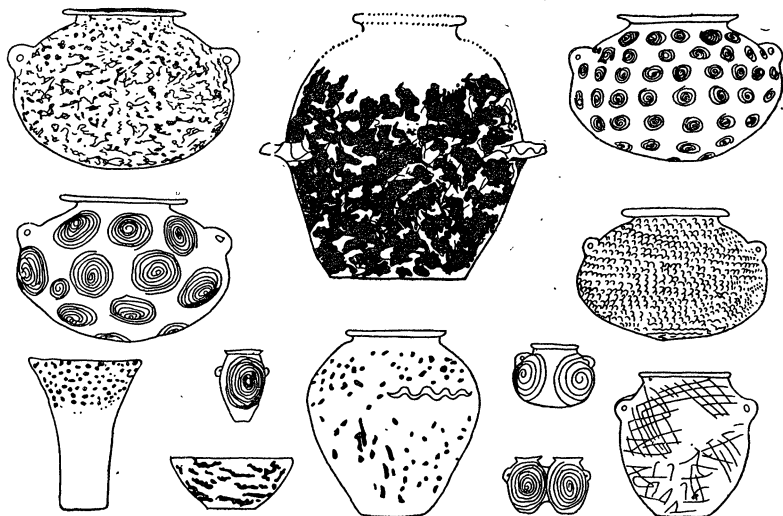

Рис. 33. Расписные сосуды (в центре два кувшина с волнистыми ручками), подражающие по форме и орнаментации каменным вазам ($1\frac{1}{4}$).

производства такая светлая керамика представляет собою совершенно иные традиции, чем керамика естественной окраски. Судя по формам, особенно по «подрезанным» краям и длинным трубкообразным ручкам, расписные горшки должны вести свое происхождение не от кожаной или плетеной тары, а от каменных сосудов. Узоры на более ранних сосудах воспроизводят либо крапчатость крупнозернистых пород камня, либо предохранительные соломенные сетки вроде тех, которые теперь применяются для переноски бутылей с вином кьянти и кувшинов для

имбирного пива. Во многих могилах действительно встречаются каменные сосуды, в точности соответствующие по форме своим глиняным копиям и отличающиеся от каменных сосудов предшествующего периода как по форме, так и по предпочтению, отдаваемому крапчатым, крупнозернистым породам камня (табл. IX,а).

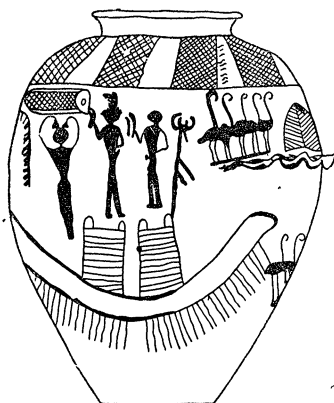
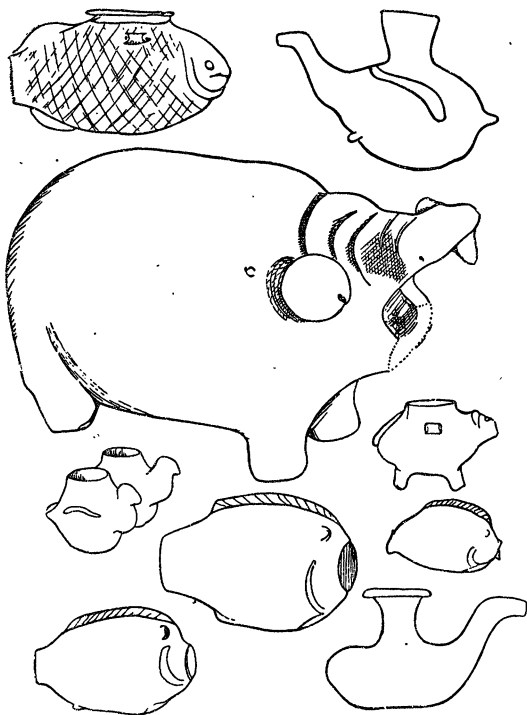

Рис. 34. Расписной сосуд с изображением ладьи.

Кроме этих сосудов, мы имеем получившие известность кувшины с волнистыми ручками, прогрессирующее вырождение которых послужило для Петри первым основанием для создания им своей системы относительных дат (табл. IX,б), и множество так называемых «грубых» горшков из смешанной с соломой глины обычно красноватого цвета, имеющих нередко острое дно. Нужно также упомянуть несколько кувшинов с носиками, несколько случайно найденных амфорисков и сосуды в форме различных животных. Такие «териоморфные» сосуды рассматриваются иногда как признаки чужеземного влияния. Но в числе представленных животных имеются такие специфические животные, как гиппопотам; кроме того, некоторые териоморфные сосуды сделаны из тех же крапчатых пород камня и обладают теми же характерными особенностями, как и все остальные сосуды среднединастического периода (рис. 35).

После о. д. 45 в росписи сосудов появляется тематика, взятая из окружающей природы, такая, как растения и животные, а также изображения кораблей; в трактовке темы в противоположность натурализму и незрелости —

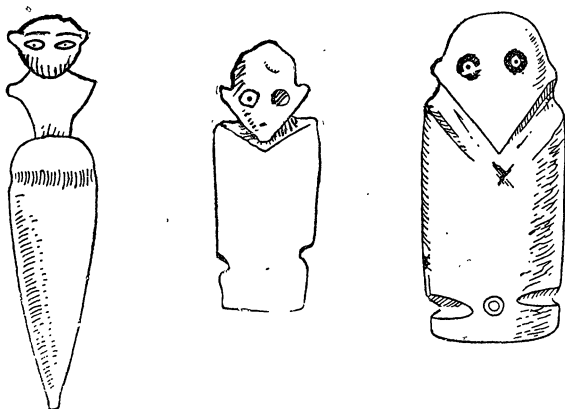

Р и с. 35. Териоморфные сосуды и сосуды с носиками, по Капару ($1/4$).

отличительным чертам росписи на более древних сосудах с белым крестолинейным орнаментом — можно проследить уже склонность к абстрагированию и стилизации.

Такие же коренные изменения наблюдаются в одежде и принадлежностях туалета. После о. д. 42 совершенно исчезают гребни с длинными зубьями; вместо них появ-

ляются гребни с короткими зубьями для расчесывания волос или набор таких гребней со шпильками для волос. В период около о. д. 40 выходят из моды ромбовидные шиферные палетки, а вместе с ними исчезают и различные подвески и клыки, украшавшие сумочки для хранения малахита. Однако обычай подводить глаза малахитом еще существовал, и для растирания малахита употреблялись териоморфные палетки.

Р и с. 36. «Болванообразные» фигурки, Негада (1 $\frac{1}{2}$).

В области культа и ритуала натуралистические статуэтки из слоновой кости уступили место условным «болванообразным» фигуркам из того же материала (рис. 36), которые в конце концов, в минойский период, получили распространение на Крите. Для увеличения магической силы бус их стали вырезать в форме амулетов в виде бычьих голов (первый датированный образец относится к о. д. 46), мух (о. д. 48), соколов и других видов птиц, насекомых и животных (рис. 37,8). Резко изменились погребальные обряды. Мы не наблюдаем теперь строгой ориентировки покойников; не практикуются коллективные погребения; не хоронят больше вместе с хозяевами их собак; реже встречается в погребениях и оружие. Украшения, вазы и различную утварь нередко,

прежде чем положить в могилу, намеренно разбивали, как бы предавая ритуальной смерти. Как уже упоминалось, изменилась и форма самой могилы, в устройстве которой прослеживаются все новые усовершенствования.

Конечно, между амратской и герцейской культурами нет резкого разрыва; перечисленные выше нововведения просачивались в Верхний Египет постепенно. Так, например, производство черноверхой керамики не прекратилось, хотя после о. д. 50 мы уже не наблюдаем в ней развития новых форм. В этом отношении было бы правильно говорить о чужеземном влиянии, медленно распространявшемся на Верхний Египет, а не о какой-то чужой культуре, сменившей амратскую. Большинство ученых в поисках непосредственного источника этих нововведений обращаются к более северным областям. Герцейская культура никогда не распространялась на Нубию, где продолжали удерживаться амратские традиции. С другой стороны, эта культура без сколько-либо заметной примеси амратских элементов представлена в Герце и Абусир эль-Мелеке, приблизительно в 200 км севернее от ближайшего амратского поселения. Нужно также отметить, что многие новые черты в герцейской культуре имеют явные параллели в Леванте. Кувшины с волнистыми ручками находят удивительно близкие аналогии в Палестине; однако создается впечатление, что палестинские сосуды относятся к более позднему времени, чем египетские, хотя и те и другие, несомненно, ведут свое происхождение от одного общего прототипа со «скобообразными ручками». Кувшины с носиками, очень похожие на герцейские, встречаются в Палестине¹, но значительно шире они были распространены в Месопотамии, где этот тип сосудов имеет свою длинную историю. Кинжалы с продольным осевым ребром, подобные изображенному на рис. 30,3, находят

¹ Albright, *AASOR.*, XIII, 1931—1932, 31; *BASOR.*, 63, 1936, 13; ср. ниже, стр. 347. Египетские сосуды с носиками соответствуют «сосудам замысловатых форм» Петри, особенно его F. 58 и R. 43 в *Prehistoric Pottery Corpus*, pls. XVIII and XXXVIII; ср. также Brunton, *Badarian Civilization*, pl. XXXVIII, and Scharff, *Abusir el-Meleq*, 1926, pl. 23, 207. Они копируют металлические кувшины, подобные изображенному на рис. 51,2.

соответствия в Библие и других местах Азии, но способ, применяемый для укрепления клинка в рукояти, является, повидимому, специфически египетским; нужно прибавить, что этот тип кинжала датируется в долине Нила лишь о. д. 60. Грушевидная булава, по единодушному признанию, является азиатским типом оружия.

Конечно, было бы весьма соблазнительно рассматривать азиатские элементы в герцейской культуре как археологическое соответствие семитическим элементам в египетском языке. Однако некоторые приведенные уже нами на стр. 30 аргументы говорят за то, что эти семитические элементы ведут свое происхождение непосредственно из Нижнего Египта. К этому следует прибавить, что для иероглифов, обозначающих булаву и стрелу, были взяты герцейские формы этих видов оружия: грушевидная булава и наконечники стрел с поперечным лезвием. Кроме того, естественные условия болотистой Дельты так же, как и в Шумере (Месопотамия), служили достаточной базой для концентрации общественных ресурсов — этого неизменного результата эффективного развития металлургии и других новых технических достижений.

Единственным конкретным археологическим свидетельством влияния, распространявшегося на герцейскую культуру из Нижнего Египта, являются лодки, изображенные на герцейских сосудах. Ньюберри утверждает, что из 288 лодок, изображенных на расписных горшках, на 166 развевается штандарт нома Гарпуна, занимавшего в исторический период территорию в устье Канопского рукава Нила, между тем как на 80 из числа остающихся имеются эмблемы соседних номов Западной Дельты. Если мы даже и согласимся с определением Ньюберри этих эмблем¹, мы должны будем оговориться, что сосуды, о которых идет речь, достигли Верхнего Египта уже на относительно поздней стадии герцейского периода; ни один из них не может быть отнесен ко времени ранее о. д. 45². Таким образом, этот довод является не более

¹ Веские возражения против определения большинства знаков «Гарпуна» выдвигает Баумгартель (Baumgärtel, *CPE*, 11—12).

² Cantor, in *JNES*, III, 1944, 119.

веским в определении происхождения герцейской культуры, чем левантские аналогии позднегерцейских кинжалов с продольным осевым ребром.

Нельзя также считать основательными утверждения, будто распространение герцейской культуры свидетельствует о завоевании Верхнего Египта приверженцами Гора из Дельты и объединении его в «Гелиопольское царство». Конечно, не лишено вероятия, что Красная Корона на одной амратской палетке и скипетр из Эль-Омари указывают на существование в Нижнем Египте какого-то древнейшего царства, но, как нам известно, герцейская культура на эту территорию не распространялась. Правда, мы встречаем эту культуру значительно севернее амратской, в Герце и Абусир эль-Мелеке, но на территории Нижнего Египта она до сих пор не была обнаружена. Конечно, в самой Дельте все поселения — будь они герцейские или какие-либо иные — погребены глубоко под отложениями Нила. Но в Гелиополе¹, на окраине Дельты, а также в Тура² и Маади³, несколько южнее Каира, известны могилы и поселения, хотя и бесспорно додинастические, но, тем не менее, относящиеся к более позднему времени, чем Меримде или Эль-Омари. Однако мы не находим в них никаких черт, характерных для герцейской культуры.

Поселение Маади занимает площадь не менее 45 акров. Оно расположено непосредственно возле самого края пустыни; недалеко от него, на склоне, спускающемся к заливной пойме, был обнаружен могильник. Наряду с обычными легкими хижинами овальной или подковообразной формы и различными ямами, включая ямы для хранения зерна, мы находим просторные, вырытые на

¹ Debono, *Chronique d'Egypte*, 1950, 233—236.

² Junker, *Turah*, *Denkschr. d. k. Akad. in Wien, phil.-hist. Kl.*, LVI, 1912, 2ff; cp. Schmidt, *Festschrift*, 873—879.

³ Mustafa Amer, *Menghin*, *The Excavations of the Egyptian University at Maadi*, Egyptian University Faculty of Arts, Publication, 19, 1932. Благодаря любезности профессора Амера и доктора Ризкана следующее изложение базируется в основном на материалах доклада, прочитанного на III Международном конгрессе доисторических и протоисторических наук в Цюрихе (1950), и на впечатлениях от посещения автором в 1951 году самого места этого поселения.

глубину двух или трех метров в твердом подпочвенном слое помещения, приближающиеся в плане к прямоугольнику или просто продолговатые. Вертикальные стены этих жилищ завешивали циновками, а в одном случае они были облицованы чередующимися рядами камней и сырцового кирпича. Толстые столбы вдоль одной из стен, повидимому, поддерживали односкатную крышу; одно из жилищ было увеличено в длину за счет низкой пристройки, тоннелем уходившей в грунт.

Набор орудий резко отличается от набора орудий Эль-Омари и герцейской культуры. Каменные топоры отсутствуют; они, должно быть, уступили место медным клиновидным топорам, о чем можно судить по превосходно обтесанным заостренным концам деревянных столбов. Из металлических орудий сохранились только один массивный топор или тесло и несколько шильев. Но одна находка незаконченной отливки свидетельствует о том, что в этой деревне занимались обработкой меди. Среди нескольких тысяч кремневых орудий имеется лишь два случайных наконечника стрел, которые являются единственными образцами применения техники двусторонней обработки. Серповые зубья обычно изготавливались из южовидных пластин; но наиболее типичными орудиями являются веерообразные скребки из добытого в коях слоистого кремня и тонкие проволоки. Единственным оружием являются дисковидные булавы. Точно так же, как герцейцы Верхнего Египта, маадийцы занимались, повидимому, главным образом земледелием и разведением мясных пород скота, среди которых видное место занимали свиньи.

Большая часть керамической посуды изготовлена из глины с примесью соломы; так же как в Эль-Омари, поверхность сосудов снаружи покрывали облицовкой и иногда полировали, но теперь предпочтение отдавалось черной керамике. Наряду с большими кувшинами для хранения пищи наиболее обычными формами являются горшки шаровидной или яйцевидной формы с отогнутыми краями. Среди них часто встречаются круглодонные или почти совсем остродонные сосуды, но наиболее характерны сосуды на невысоком расширяющемся книзу поддоне. Сравнительно небольшая группа сосудов с пря-

мыми шейками и одной или двумя ручками имеет явную связь с керамикой Палестины или Сирии, точно так же, как и несколько черепков с нарезным елочным орнаментом. Один или два кувшина со скобообразными ручками свидетельствуют о том, что послужило образцом для герцейских и палестинских кувшинов с волнистыми ручками. Наконец, два черепка крашеной посуды имеют сходство как с раннепалестинской керамикой, так и с расписной керамикой герцейской культуры.

Каменные вазы изготовлялись из кальцита (хотя это производство носило, вероятно, местный характер), но чаще из базальта, который, очевидно, привозили из Фаюма или из Восточной пустыни. Наиболее распространенный тип базальтового сосуда напоминает амратскую форму, изображенную на таблице VI, а; приземистые кубки или «яйцевидные чаши» из этого же материала также представлены в нескольких амратских могилах, но точное соответствие им мы находим среди остатков храма позднеурукского периода — фазы Джемдет-Насра в Уруке (Шумер); наконец, конические сосуды с плоскими широкими краями напоминают несколько сосудов, найденных на Ливийском побережье¹. Гребни и бусы также изготовлялись на месте. Но, конечно, если и не сами каменные сосуды, то сырье для их изготовления, медь и другие материалы, а также морские раковины служили предметами ввоза.

Покойников хоронили в могильнике, расположенном за пределами поселения. Могильный инвентарь в Маади очень беден. В Гелиополе, где до сих пор известен только один могильник, погребальные подношения несколько богаче и ориентация покойников более выдержана — их хоронили головою на юг, лицом на восток. Покойников завертывали в шкуры или цыновки из папируса. В могильнике были также обнаружены ритуальные погребения газелей и собак. В обоих могильниках костяки принадлежат людям, отличавшимся более высоким ростом и более крепким телосложением, чем додинастическое

¹ Mersa Matruh, *Harvard African Studies*, VIII, 1927, 138—140, and pl. 27, 8; о «яйцевидных чашах» см. Baumgärtel, *CPE*, 107.

население Верхнего Египта. Но для черепов из Гелиополя характерны выдающиеся вперед челюсти, считающиеся обычно признаком негроидности, в то время как черепа из Маади пентагоноидны, как и все остальные черепа додинастического периода. Таким образом, ни в том, ни в другом могильнике не было обнаружено останков человека типа Гизэ, преобладающего в могилах эпохи древнейших фараонов и периода Древнего царства.

В Гелиополе можно различить три могильных горизонта, расположенные в трех последовательных наслоениях гравия, нанесенных при стремительных разливах Джебель Амер. Маади тоже не раз подвергалось сильным наводнениям. По этому можно судить, что оба памятника охватывают значительный период времени. Тем не менее определить их место в системе относительных дат, разработанной для южных областей, невозможно. Правда, некоторые из сосудов можно было бы рассматривать в качестве предшественников грубой керамики из могильников эпохи древнейших фараонов в Тура и других местах. Но типы керамики, кремневых орудий, каменных ваз, палеток или украшений, действительно характерные для эпохи древнейших фараонов, здесь совершенно отсутствуют. Сходство между большими могильниками, расположенными близ Тура и Гелуана, должно обозначать, что поселение Маади было покинуто еще до основания Мемфиса. Герцейские типы орудий также отсутствуют. Вместе с тем вазы из базальта и дисковидные навершья выполнены в амратской традиции и свидетельствуют в пользу ранней даты. И все же, несмотря на некоторое сходство в керамике, трудно предполагать, что культура Маади явилась непосредственной преемницей культуры Эль-Омари. В таком случае она должна частично совпадать по времени с герцейской культурой Верхнего Египта.

Не является ли культура Маади отражением предполагаемого объединения Египта в одно царство в додинастический период? И не являются ли гелиопольские погребения частью некрополя столицы этого царства? Среди остатков культуры Маади мы не находим атрибутов Гора. С другой стороны, как на кремневых орудиях, так и на керамике прослеживаются явные элементы азиат-

ского влияния, носящие иной и более ранний характер, чем в герцейской культуре. Но в окрестностях Каира элементы азиатской культуры могут в конце концов являться просто отражением более древних связей. Мы знаем, что в мезолитический период натуфийцы имели здесь свой опорный пункт — Гелуан, а свидетельством северного влияния на местную неолитическую культуру является найденная в Эль-Омари пшеница однозернянка (*Triticum monosocum*). Если объединение в одно царство, явившееся, как утверждают, результатом подчинения южных областей Нижнему Египту, и отразилось каким-то образом на материальной культуре, то, во всяком случае, мы не находим никаких признаков этого в герцейской культуре. Возможно, что это отражение следует усматривать в «грубой» и «поздней» керамике, к которой все относится с пренебрежением и которая, быть может даже в Верхнем Египте, является продолжением одной из традиций Маади. Однако эта керамика до сих пор еще не была надлежащим образом изучена.

Что касается герцейской культуры, то можно предполагать, что она возникла в северных районах Среднего Египта под воздействием азиатских влияний, проникавших сюда через Восточную пустыню. В конце концов Петри¹ уже давно утверждал, что герцейские каменные вазы сделаны руками людей с заплетенными косицей волосами, населявшими эти края в наиболее ранний исторический период; кроме того Баумгертель² сравнительно недавно высказала предположение, что герцейцы спустились сюда вниз по Вади-Хаммамат в «чужеземной ладье», вроде ладьи, изображенной на рис. 40. Во всяком случае, цивилизация фараонов пришла, повидимому, на смену именно варварству герцейского периода. Однако, если только причиной этого не является лучшая сохранность археологических материалов, развитие монархического правления фараонов прослеживается лишь в Верхнем Египте.

¹ JRAI, XXXI, 1911, 250.

² CPE, 44.

ВОЗВЫШЕНИЕ ФАРАОНОВ

Обрабатываемая земледельцами герцейской культуры почва долины Нила, вероятно, легко давала урожай, превышавший непосредственные нужды самих земледельцев. Нет сомнения, что излишки в какой-то степени шли на удовлетворение потребностей специалистов-ремесленников и торговцев. Действительно, судя по могильникам Верхнего Египта, герцейский период явился свидетелем несомненного роста богатств, сказавшегося в умножении предметов могильного инвентаря и увеличении размеров самих могил; этот период характеризуется также усилением неравномерности в распределении этих богатств, выразившейся в различной величине и неоднородности убранства могил, относящихся по времени к одному периоду. Не следует, однако, рисовать себе мирную картину процесса, связанного с ростом внутреннего благосостояния. Среди археологических материалов можно обнаружить определенные следы военных столкновений, имевших целью захват скота, земли или другой добычи. Об этом говорят укрепления вокруг городов и деревень. О том же свидетельствуют сцены, вырезанные на сделанных из слоновой кости рукоятках некоторых позднегерцейских кремневых ножей со струйчатой ретушью, подобных образцу, изображенному на рис. 32,5 (см. рис. 39).

Мы имеем целую серию изделий из слоновой кости¹ с изображениями верениц животных, расположенных всегда в одном и том же порядке, во главе со слоном, который в исторический период был эмблемой первого нома Верхнего Египта (Элефантина). Таким образом, эти

¹ Bénédict, *JEA*, V, 225 ff.; по вопросу датировки (о. д. 50—60) см. Kantor, *JNES*, III, 1944, 125.

животные являются такими же тотемами кланов, как и те, которых мы находим еще в археологических данных амратского периода. Бенедит¹ предполагает, что мы имеем здесь изображение в изобразительном искусстве

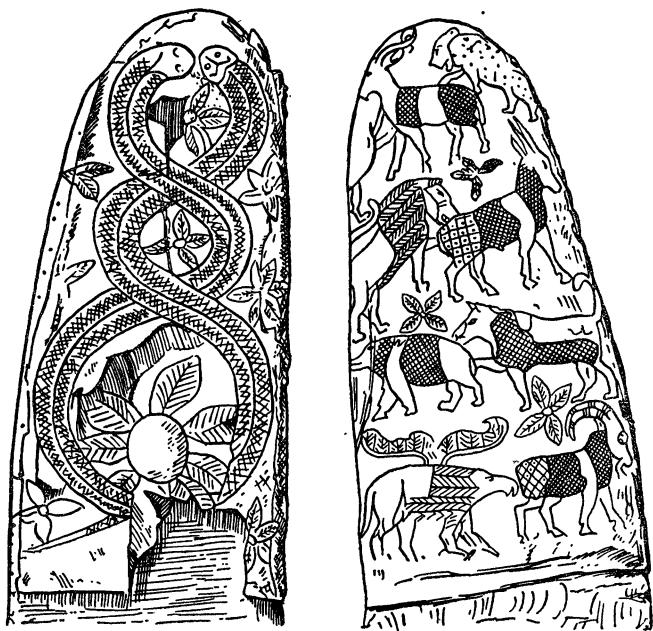

Рис. 39. Рукоятка ножа, подобного образцу, изображенному на рис. 32,5. Слоновая кость.

столкновений между соседними кланами, подобных вооруженным конфликтам между соседними поселениями, возникавшими на протяжении всей египетской истории при малейшем ослаблении центральной власти. Это все еще тотемы соперничающих между собою кланов; и это заставляет думать, что тотем еще не был монополизирован каким-то одним вождем. Среди представленных животных мы не находим изображения Сокола Гора; на

¹ Bénédict, *JEA*, V, 225 ff.; по вопросу датировки (о. д. 50—60) см. Kantor, *JNES*, III, 1944, 125.

этом основании Бенедит приходит к заключению, что рукоятки из слоновой кости предшествуют тому времени, когда клан Сокола достиг господствующего положения в Верхнем Египте.

Однако венцом всей серии (в типологическом отношении, так как прямых данных для определения относительного возраста не имеется) является рукоять ножа с изображением самих сражающихся людей; собственно говоря, мы имеем здесь изображение настоящего «морского боя». Показательно, что этот документ¹ был найден в Джебель эль-Араке, как раз в том месте, где путь от Красного моря вниз по Вади-Хаммамат выходит в долину Нила. На одной стороне изображены картины боя на суше и на воде. На другой — герой в длинной ниспадающей одежде с тюрбаном на голове, стоящий на скалистой вершине и побеждающий двух львов, а внизу — две глядящие на него собаки. Если резьба выполнена в чисто египетской манере, то сюжеты носят, как предполагают, азиатский характер. В сцене сражения на воде нильские лодки старого типа из папируса противопоставляются лодкам с высоким носом и высокой кормой. Этот последний тип лодки, часто встречающейся среди наскальных рисунков в Восточной пустыне², повидимому, не был распространен на Ниле (рис. 40), но он напоминает суда, изображенные на месопотамских печатях урукского периода³.

В свою очередь и собаки на другой стороне рукоятки не похожи на более древних египетских собак типа борзых, а скорее напоминают месопотамскую породу⁴. Антитетическая группа над ними воспроизводит сюжет, который никогда не был популярен на берегах Нила⁵, но

¹ Изображение этой рукояти имеется, например, у Фрэнкфорта (Frankfort, *Studies*, I) и у Петри (Petrie, *The Making of Egypt*, 1939).

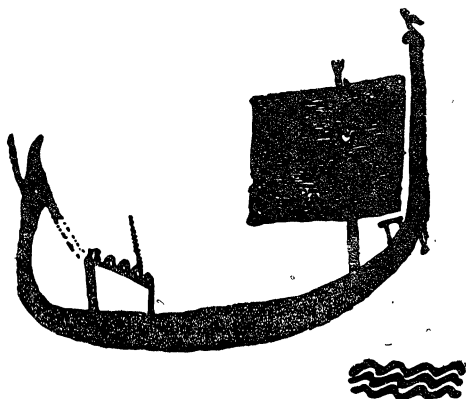
² Winckler, *Rock Drawings*, I, 26 ff.; II, 18; западнее Нила обнаружен только в Гесе, то есть в пределах долины.

³ Frankfort, *Cylinder Seals*, pl. III, d; ср. Емери в *Annales du Service*, XLV, 1947, 147; ср. табл. XX, с в нашей книге.

⁴ Это обстоятельство так же, как и ряд других, было впервые отмечено Фрэнкфортом (Frankfort, *Studies*, I, 117—135).

⁵ После эпохи I династии он сохраняется лишь в виде эмблемы Кузэ в Верхнем Египте; ср. Scharff, *Die Frühkulturen Ägyptens und Mesopotamiens, Der Alte Orient*, XLI, 1941, 26.

был широко распространен в долине Тигра и Евфрата. Герой с окладистой бородой, тюрбаном и ниспадающей одеждой также принадлежит скорее к азиатскому, чем к египетскому типу. Аналогичная фигура человека в подобном же одеянии, убивающего льва с помощью стрел с долотообразными наконечниками, высечена на базальтовой стэле, найденной в Шумере в Уруке в наслоениях периода Джемдет-Насра (табл. XIII).

Р и с. 40. «Чужеземное» судно, изображенное на одном из поздних расписных горшков.

Шарф приходит даже к заключению, что египетские резчики по слоновой кости копировали в миниатюре произведения мастеров шумерийской школы монументальной скульптуры. Как бы то ни было, но урукская стела служит подтверждением той связи между Египтом и уже зарождавшейся в тот период в долине Тигра и Евфрата цивилизацией, на которую указывают сюжеты других сцен, изображенных на рукоятках ножей, а также некоторые другие особенности герцейской культуры¹. Однако эта связь не обязательно должна была носить непосредственный характер. Герой, изображенный на рукоятке

¹ Имеется сообщение, что в одном погребении герцейской культуры, датированном о. д. 46—50, найден цилиндр, изготовленный, как предполагают, в Месопотамии в период Джемдет-Насра.

ножа из Джебель эль-Арака и на урукской стэле, может и не быть шумерийцем; он больше похож на жителя пустыни, семита, как его определяет Дюссо¹. Вполне возможно, что упомянутые явления находят удовлетворительное объяснение в столкновениях жителей обеих речных долин с племенами бедуинов, населявшими промежуточную территорию. Во всяком случае, очевидно, что между двумя зарождающимися цивилизациями к этому времени уже существовала какая-то связь.

Дальнейший ход событий лучше всего отражен в ряде памятников из города Сокола (Гиераконполя)² — центра распространения культа Гора в Верхнем Египте, — который, как предполагают, являлся некогда столицей клана Сокола. Куибел обнаружил здесь гробницу³, которую можно рассматривать как наивысший результат эволюции форм могильных ям, краткое описание которых приводится на стр. 113. Стены могильной ямы обложены сырцовым кирпичом, а плетеная перегородка могильника Эль-Амра заменена здесь также стенкой из сырцового кирпича. Сама архитектурная планировка могилы заставляет предполагать, что какой-то влиятельный член клана был возведен в ранг, по меньшей мере, вождя. Сложенные из сырцового кирпича стены были оштукатурены и разрисованы в стиле расписных ваз, причем в рисунках воспроизводились в более крупном масштабе сюжеты, которые мы находим на рукоятке ножа из Джебель эль-Арака (рис. 41). Воспроизведение сцены «морского боя» между ладьями все тех же двух типов свидетельствует, повидимому, о большом историческом значении изображаемого события. Наряду со сценами танцев, охоты и боя мы встречаем здесь снова антитетическую группу, изображающую героя, побеждающего львов.

О дальнейших достижениях клана Гора свидетельствует знаменитая серия изумительных палеток, ведущих

¹ *Syria*, XVI, 1935, 322.

² Эти документы были впервые опубликованы Куибелом (Quibell, Hierakonpolis); они неоднократно издавались и после этого (см., например, Sarrat, *Primitive Art in Egypt*).

³ Эта гробница, датируемая Рейснером, полевой династией, отнесена на основании найденной в ней керамики Кантором (*JNES*, III, 111), который, однако, напрасно сомневается в погребальном характере сооружения, к о. д. 50—60.

свое происхождение от палеток герцейского периода, и огромных грушевидных булав из святилища Гора. Первое место в типологическом ряду занимает палетка с изображением охоты на львов (табл. XII). Эта сцена, так же как сцены на рукоятках из слоновой кости, носит чисто «мифологический» характер. Но здесь охотники изображены людьми; они несут перед собою штандарт с

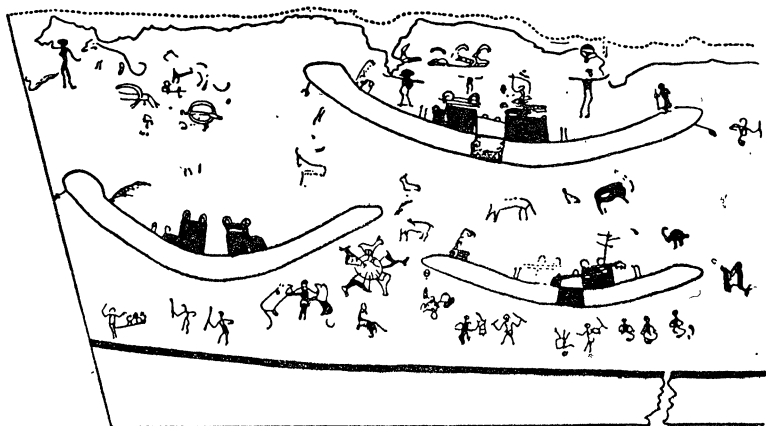

Рис. 41. Сцена, изображенная на стене одной из гробниц в Гиераконполе.

изображенным на нем сидящим Соколом Гором. Неся во главе штандарт тотема, члены клана, вооруженные стрелами с долотообразными наконечниками, метательными палками (возможно, типа бадарийских бумерангов, изображенных на рис. 15) и желобчатыми каменными булавами, отправляются охотиться на львов. Местом действия, очевидно, является Западная пустыня, и обычно эта сцена толкуется как символизирующая собою победу над ливийцами. Двуглавое животное в правом верхнем углу представляет собою мотив, популярный в Месопотамии и редко использующийся в египетском искусстве исторической эпохи. На этой палетке Гор еще не нашел своего воплощения в каком-то одном человеке; мы не находим здесь и изображения вождя.

Тема такого воплощения затрагивается уже в следующем документе из этой серии, представляющем собою навершье булавы; мы находим здесь царя с Белой Коронной Верхнего Египта на голове, превосходящего по своим размерам изображения других людей. Рядом с ним вырезан скорпион, заключенный в условном изображении двери дворца, на которой сидит Сокол — эмблема Гора. Позднее в таком виде всегда писались имена фараонов, так что обрамленное таким образом изображение следует рассматривать как настоящую пиктограмму — первую попытку написать имя царя, которое мы можем, однако, расшифровывать лишь как «Царь Скорпион». Это, должно быть, было его «имя Гора», так как изображенный выше Сокол символизирует отождествление царя с божеством; царь монополизировал тотем клана. Сцена, изображенная на булаве, увековечивает победу группы верхнеегипетских номов, символизируемых их клановыми эмблемами, над чужеземными и нижнеегипетскими кланами (представленными изображениями: первые — луков, а вторые — чибисов), а также свидетельствует о некоторых плодотворных мирных начинаниях, предпринятых Царем Скорпионом; он изображен с мотыгой в руке, церемониально вырезающим первый кусок дерна при прокладке оросительного канала или открывающим земледельческий цикл. Царя Скорпиона вместе с другим монархом — Ка относят как непосредственного предшественника Менеса к нолевой династии.

Следующий документ из Гиераконполя должен служить стилизованной иллюстрацией объединения Египта Менесом. Это другая большая палетка, украшенная рельефными изображениями с обеих сторон. На одной стороне изображен, подобно царю Скорпиону, царь в Белой Короне, а на другой — в Красной, символизирующей царскую власть над Нижним Египтом¹. Его отождествление с Гором символизируется изображением рыбы Нар, вырезанным вместе с другим символом в двери дворца под изображением Сокола. Мы читаем эти символы как «Гор Нармер»; таково было «имя Гора» Менеса или первого

¹ Первым царем, изображаемым в короне, представляющей собою сочетание Красной и Белой Корон, является Удиму, пятый царь I династии.

из его преемников¹. Изображения на рукоятках ножей и палетках приводятся как свидетельство возникновения в Верхнем Египте царской власти, объединения двух стран и перехода от герцейского варварства к цивилизации эпохи древнейших фараонов. Подтверждением такого истолкования и дополнением к выводам, сделанным на основании исследования перечисленных документов, служат данные, полученные при раскопках гробниц.

Царские гробницы² первых фараонов были открыты в Абидосе, древнем Тинисе — столице Верхнего Египта эпохи I и II династий. Правда, эти гробницы еще в период Древнего царства были ограблены, но, тем не менее, они могут быть классифицированы в историческом порядке и вместе с уцелевшим в них инвентарем служить наглядной иллюстрацией стремительного развития древнейшей цивилизации в долине Нила. Надписи на стенах, колпаках, запечатывавших кувшины, и деревянных ярлыках позволяют нам связывать гробницы 1) Нармера (В,10), 2) Аха (В,19), 3) Джера (0), 4) Джета, 5) Удиму, 6) Анеджиба, 7) Семерхета и 8) Кайи с именами, перечисленными в позднейших списках фараонов первой династии. Могильник включает также гробницы царей II династии и гробницы Мернейт, одной из цариц I династии, и царя юлеовой династии — Ка (рис. 42).

Царские гробницы могут рассматриваться как дальнейшее естественное развитие серии герцейских могил, описанных на стр. 113, но они отличаются от могил рядовых членов клана прежде всего размерами и архитектурой. Гробница Нармера (В,10) уже представляет собою большую шахту, выложенную кирпичом, глубиною 3,15 м и площадью 7,8 м × 4,8 м; на дне ямы, вероятно, помещалась деревянная камера — настоящее погребальное жилище. На протяжении семи последующих царств наблюдается дальнейшее расширение и углубление мо-

¹ Эмери (Emergy, Hor-Aha, 5), так же как и Рейснер (Reisner, Development of Egyptian Tombs, 9—13), является сторонником первоначального мнения Петри, отождествлявшего Аха с Менесом. Эдвардс, приравнивая Менеса к Нармеру, придерживается более поздней точки зрения Петри.

² Petrie, Royal Tombs, II, 1902. Нельзя найти двух ученых, которые не расходились бы в мнении по поводу транскрипции имен древнейших фараонов.

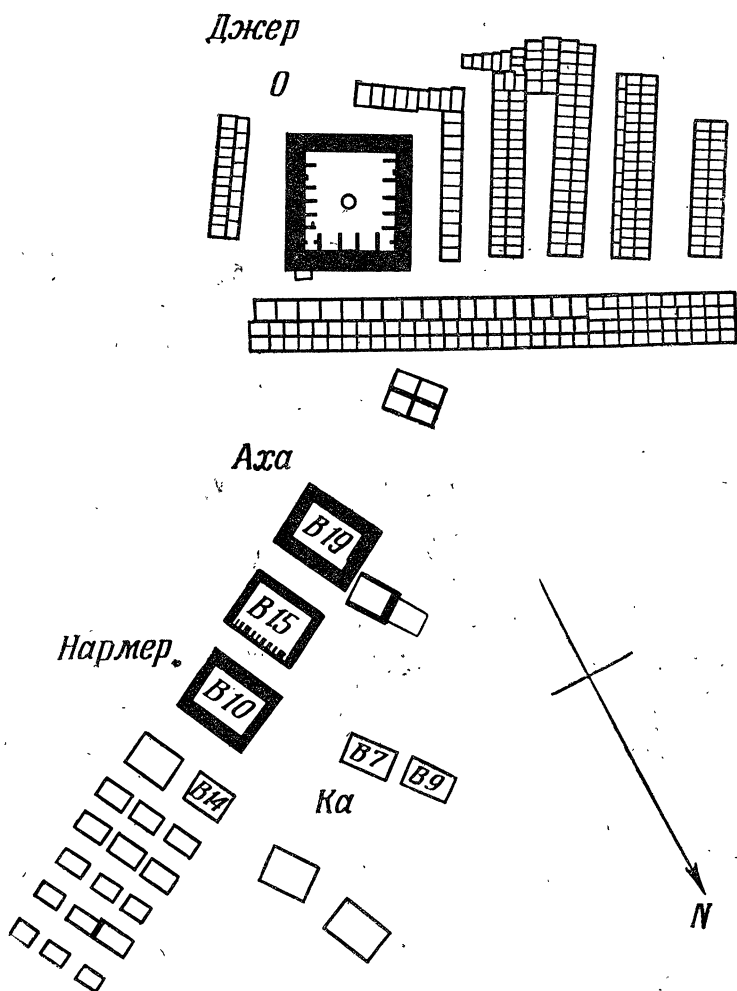

Рис. 42. Часть царского могильника в Абидосе, по Петри.

гильной ямы; в эпоху начиная со времени правления царя Джера до правления царя Удиму камера разделялась внутренней перегородкой на погребальное помещение и кладовые, а позднее появляется уже необходимость в сооружении лестничного хода¹ для доступа в погребальное жилище.

Не в меньшей степени царские погребения отличаются и характером приношений. Конечно, могильный инвентарь царских гробниц был несравненно богаче инвентаря рядовых могил. Но, кроме этого, погребение царя сопровождалось также человеческими жертвоприношениями: наложницы, чиновники, слуги и ремесленники должны были сопровождать своего царственного господина. Известно, что с Нармером было погребено только 33 человека. Но в дополнительных могилах, расположенных вокруг гробницы Джера (рис. 42, 0), насчитывается 275 жен из гарема и еще 43 человека из царской прислуги; кроме того, на расстоянии 1,5 км от гробницы, вокруг квадрата, отмечавшего, должно быть, место памятника тому же фараону, было погребено еще 269 человек из приближенных или придворных царя².

В Абидосском могильнике не сохранилось никаких наземных сооружений, отмечающих расположение гробниц. Но Аха, Джер, царица Мернейт и, вероятно, также остальные тинисские фараоны имели все по второй гробнице в Саккара³, некрополе Мемфиса — северной столицы, основанной Менесом на границе между Верхним и

¹ Подробное описание эволюции погребальных сооружений см. Reisner, Development, 9 ff., Emery, Great Tombs of the 1st Dynasty, 1949, 1—12.

² Petrie, Tombs of the Courtiers, 1925, 1—3; подобные же квадраты с погребениями были сооружены здесь же вокруг исчезнувших памятников Джета и Мернейт. Рейснер (Reisner, Development, 109—125) высказывает предположение, что эти квадраты с погребениями должны были окружать что-то вроде «подражаний мастаба», служивших в качестве святилищ в долине и напоминающих более поздние сооружения в Саккара и Гизе.

³ Emery, Hor-Aha (Excavations at Saqqara, 1937—1938), Cairo, 1939. В обоих случаях эти две гробницы были убраны с одинаковой роскошью, но царские останки могли находиться лишь в одной из них; за отсутствием определенных свидетельств вопрос о том, которая из двух гробниц была кенотафом, является спорным.

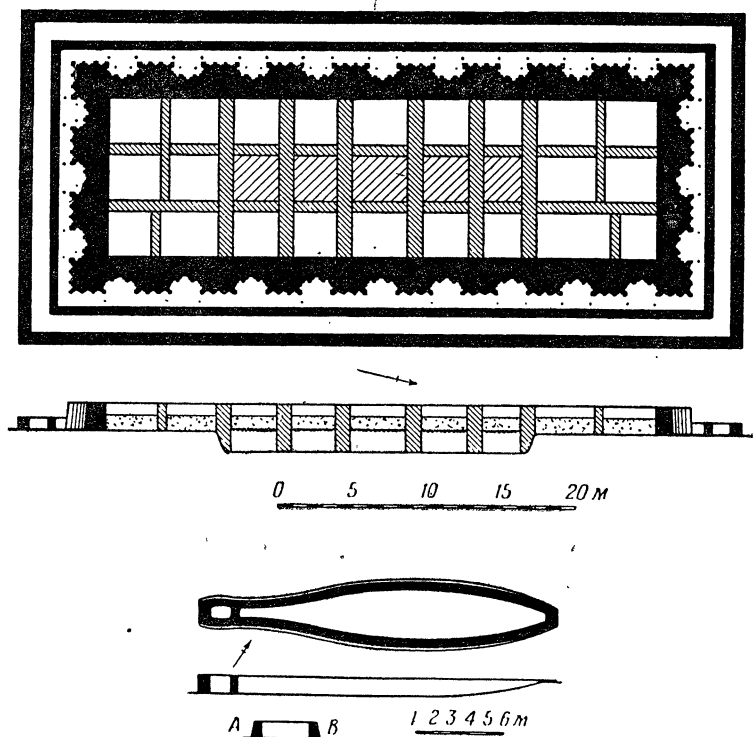

Рис. 43. Мастаба Гор-Аха и связанное с ней погребение ладьи в Саккара, по Эмери. (Могильная яма показана штриховкой.)

Нижним Египтом. Каждая из этих гробниц, так же как гробницы высокопоставленных государственных чиновников и некоторых провинциальных властителей или князей, имела монументальное наземное сооружение — мастабу. На краю пустынного утеса, к западу от Мемфиса, выстроился ряд величественных мастаб, которые, если смотреть на них из долины, должно быть, также вырисовывались на фоне неба, как длинные курганы на крутых склонах английских холмов.

Мастаба представляет собою огромное прямоугольное сооружение из сырцового кирпича и, возможно, является воспроизведением из более долговечного материала деревянного дворца (рис. 43). Снаружи она украшена

равномерно чередующимися контрфорсами и нишами, которые, повидимому, являются имитацией деревянных колонн с развешанными между ними цыновками¹ — дворцового фасада того времени. Однако подобное же, хотя и менее равномерное, чередование ниш и контрфорсов мы находим и в сложенных из сырцового кирпича стенах «крепостей», или священных оград, сооруженных в Абидосе в период II династии²; предполагается также, что этот архитектурный прием применен в устройстве городских стен, изображенных на палетках из Гиераконполя. В сплошных кирпичных стенах мастабы не имеется никакого отверстия, но возможно, что одна из ниш считалась «ложной дверью», перед которой клались приношения. «Фасад дворца», очевидно, также предназначался не для того, чтобы поражать взор смертных: все сооружение было окружено в один или в два ряда толстой кирпичной стеной, причем внутренняя стена отделялась от фасада мастабы коридором шириною не более 75 м. Внутри мастаба делилась перекрещивающимися перегородками на ряд камер, набитых, если они доходили до нас в сохранности, различными приношениями: кувшинами с зерном, вином или маслом, каменными вазами, ларцами с металлическими орудиями и украшениями, мебелью и другими сокровищами.

Сама погребальная камера располагается под этими помещениями в вырытой в грунте могильной яме; в Саккара могильная яма претерпела те же изменения, что и в Абидосе. Уже в гробнице Аха выложенная сырцовым кирпичом шахта была разделена перекрещивающимися внутренними перегородками на пять отделений и перекрыта большими деревянными балками. Начиная со времени царствования Удиму в гробницах для внесения тела стали сооружать лестничный ход, расположенный в своего рода тоннеле под стеною мастабы; этот ход, однако, замуровывали, для чего достаточно было после похорон опустить на место поднятые вверх один или два камня. В дальнейшем, еще до конца династии, развитие мо-

¹ Quibell, *Tomb of Hesy* (Excavations at Saqqara, 1911—1912), 1913.

² Ayerton, Currelly, *Abydos, III*, 1904, с. 11.

гильных ям идет в сторону их углубления; при этом погребальная камера высекалась в мягком грунте в виде бокового подбоя.

Вполне вероятно, что тело облеченного божественной властью царя или князя несли к месту его последнего упокоения в погребальной ладье. Во всяком случае, такие ладьи, преданные ритуальному погребению, были обнаружены невдалеке от нескольких мастаб¹; погребальная яма для ладьи Аха была вырыта в 35 м к северу от его мастабы и имела 19,3 м в длину и 3,2 м в ширину в своей средней части (рис. 43,б).

В мастабах хоронили не только фараонов; этой привилегией пользовались высокие государственные чины и провинциальные правители или князья. В некоторых провинциальных могильниках систематизированные по типологическим сериям гробницы могут служить наглядной иллюстрацией постепенного развития от траншееобразных могил герцейского периода до гробниц с лестничным ходом эпохи Удиму² и от выстроенных для приношений над небогатыми траншееобразными могилами небольших святилищ из сырцового кирпича (рис. 44) до подражающих фасадам дворцов мастаб³. Однако такая эволюция была, вероятнее всего, вызвана потребностями культа погребения царей, и провинциальные властители переняли нововведения лишь в более поздние времена; «ранние», с типологической точки зрения, гробницы, подобные изображенной на рис. 44, не намного опережают по времени мастабы, подражающие дворцовым фасадам.

Однако в провинциальных могильниках можно иногда наблюдать усовершенствования, которые еще не прослеживаются в царских гробницах. В частности, в некрополе Эзбет эль-Вальда близ Гелуана, где Заки Саад⁴ проводил раскопки, обнаружена ранняя погребальная архитек-

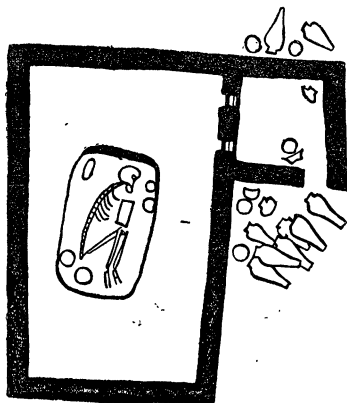
¹ Emery, Hor-Aha, 18.

² Cp. MacIver, El Amrah, 1902, 7; Garstang, The Third Egyptian Dynasty; Reisner, Naga ed.-Der, II, 14; III, 6.

³ Petrie et. al., Tarkhan, II, 1913; Рейснер (Reisner, Development, 240) относит эти небольшие мастабы к I династии.

⁴ Zaki Saad, Cahier 3, Supplément aux Annales du Service, 1947. Приношу благодарность Заки Сааду за разрешение посетить

тура из камня. Одна шахтовая гробница вместо деревянных досок была облицована поставленными на ребро каменными плитами. В двух гробницах с лестничным ходом, отнесенных на основании найденных в них клейм ко времени царствования Удиму и Анеджиба, поставленные вертикально толстые плиты из известняка не только служат для облицовки кирпичных стен могильной ямы, но

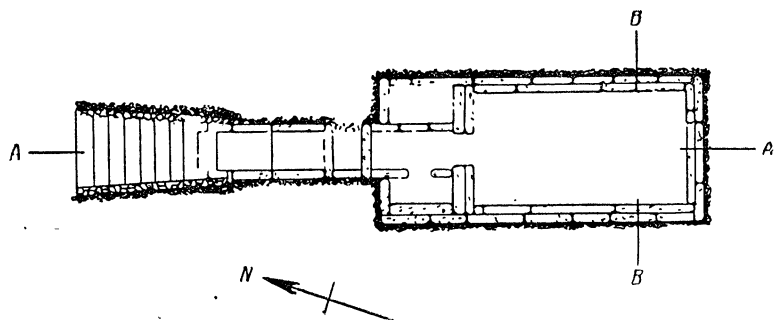

Р и с. 44. Небольшая мастаба, Тархан.

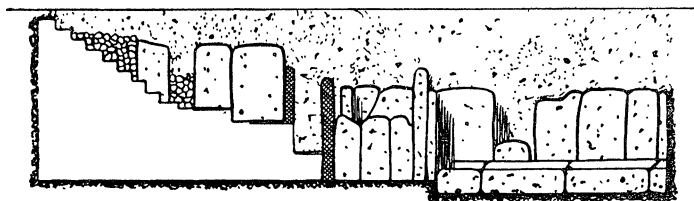
также заменяют кирпичные перегородки между кладовыми (рис. 45 и табл. XV). В результате мы имеем здесь нечто сходное с мегалитическими гробницами Западной и Северной Европы. Возможно также, что захоронения лодок, обнаруженные в этом же могильнике и в Саккара, могут способствовать установлению происхождения обычая погребения в ладьях, распространенного в бронзовом веке на Британских островах и в Скандинавии. Даже провинциальных властителей сопровождали в загробный мир несколько слуг, погребенных рядом с их мастабами, а также домашние животные: встречаются захоронения

место раскопок и ознакомиться с коллекциями, а также за сообщение ряда неопубликованных данных.

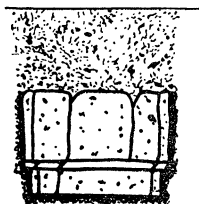
¹ Ср. также Tarkhan, II, 6, где имеются сведения относительно погребения осла.

Разрез А - А Вид с востока

Разрез В-В Вид с юга

0 1 2 3 4 5 м

Рис. 45. Гробница с лестничным ходом в Эзбет эль-Вальда близ Гелуана, облицованная каменными плитами; по Заки Сааду.

ослов¹, а в одном случае, в Гелуане, с покойником была, повидимому, погребена часть верблюжьей туши.

Хронологически развитие архитектуры царских усыпальниц в эпоху II и III династий можно проследить по письменным документам¹. С одной стороны, наземное сооружение заполняется внутри кирпичом, так что мастаба становится сплошным монолитом кирпичной кладки. Далее, в период III династии, кирпич в гробницах фараонов уступает место камню. И наконец, мы имеем древнейшую пирамиду — пирамиду Джосера в Саккара, которая может рассматриваться как шесть таких мастаб, поставленных одна на другую. С другой стороны, подземное сооружение расширяется за счет увеличения числа отдельных помещений с целью придания ему большего сходства с жилищем живого царя. В эпоху II династии прежнее деревянное перекрытие было заменено кирпичным ступенчатым сводом, что вполне может являться результатом естественной эволюции. В эпоху III династии даже такое перекрытие становится излишним, так как камеры теперь стали целиком высекались в твердой породе. Этот хорошо датированный ряд является логическим следствием как технического прогресса, так и постепенного усовершенствования в целях обеспечения погребальным сооружениям большей долговечности и придания им гарантии от ограбления.

Однако последняя цель не была достигнута. Грабители с таким же успехом прокладывали подземные ходы сквозь твердую породу и раскалывали каменные плиты, с каким они пробивали свой путь через сырцовые кирпичи или выламывали деревянные доски. Однако при этом они, конечно, не могли поджигать каменную кладку и вызывать жестокие пожары, наносившие такие серьезные повреждения содержимому более древних, обшитых и крытых деревом гробниц. Их активность, несомненно, в значительной мере способствовала обогащению нашего представления об экономике эпохи фараонов, но зато в исследовании подробностей цивилизации эпохи древнейших фараонов она заставила современных археологов опираться в основном на инвентарь провинциальных

¹ Edwards, The Pyramids of Egypt; 1947, 37—50.

гробниц, которые были беднее и потому подверглись менее опустошительному разграблению.

Социальные и экономические последствия объединения двух стран носили поистине революционный характер. Одна лишь челядь Джера в Абидосе занимала больше половины того количества гробниц, которое было раскопано на целом кладбище, относящемся к эпохе герцейской и амратской культур! В одной лишь царской гробнице было больше каменных ваз, чем в целом могильнике додинастического периода: 10 000 прекрасно сохранившихся ваз было обнаружено в кладовых Джосера! Энгельбах¹ утверждает, что в условиях мира внутри страны одна семья земледельцев могла при разумной эксплуатации извлекать из плодородной почвы Египта в три раза больше пищевых продуктов, чем это было необходимо для удовлетворения ее личных потребностей. Объединение Египта фараонами положило конец междоусобным столкновениям (см. стр. 131). С помощью своих правителей на местах они принуждали земледельцев производить потенциальные излишки. Но, несмотря на всю пышность их пиров и огромные запасы, которые клали им в гробницы, они не могли потребить всех излишков: Большое количество продовольствия шло на пропитание новой группы населения, не занимавшейся земледелием, начиная с ремесленников и кончая писцами, а известное количество использовалось прямым или косвенным образом для оплаты привозного сырья. Так возникла новая городская экономика, в которой первичное производство дополнялось ремеслом и торговлей.

Торговля расширилась и приобрела более регулярный характер. Кроме ввозившихся в додинастический период предметов роскоши, таких, как серебро, лазурит и полудрагоценные камни, приток которых продолжался даже в еще большем количестве, чем прежде, было организовано снабжение строительным лесом и металлом. Бревна, требовавшиеся для строительства дворцов и погребальных сооружений, доставлялись морем из Ливана через

¹ «The Dynastic Race», *Annales du Service*, XLII, 1943, 211—212; Энгельбах доказывает, что завоеватели-аристократы насильно заставляли додинастических земледельцев производить излишки.

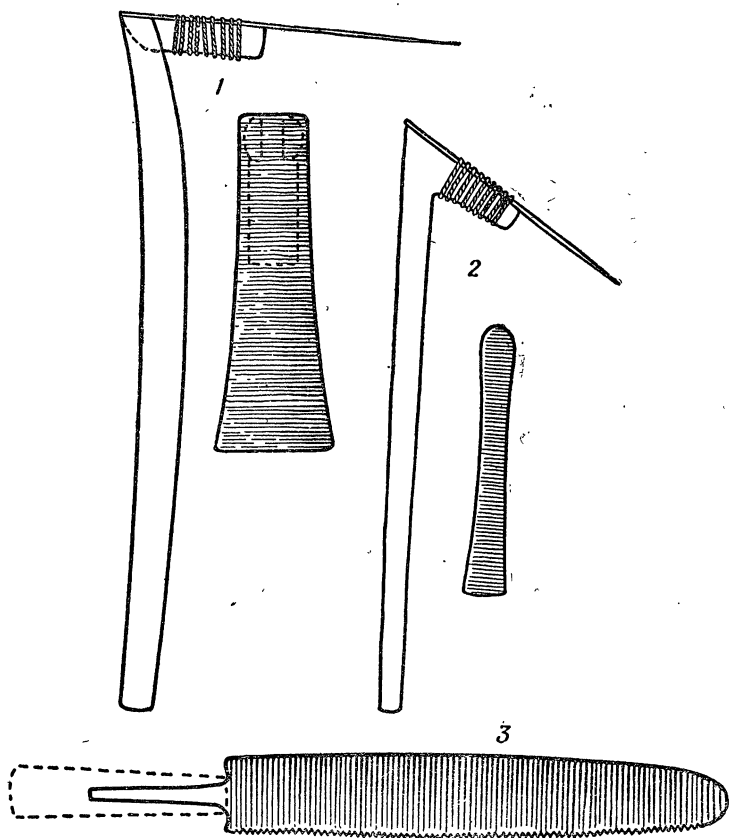

Рис. 46. Медные тесла с деревянными рукоятками и пила. Гробница Хемаки, по Эмери ($1/6$).

Библ. В протодинастический период там было основано нечто вроде египетской колонии. Фараоны периодически высылали экспедиции для добычи меди и бирюзы в Синай и высекали там на скалах свои надписи. Таким образом, металл теперь имелся в изобилии и шел на изготовление инструментов для ремесленников, оружия для царского войска, сосудов для богов и знати, и даже

зажиточные земледельцы могли теперь иметь металлические безделушки.

Специалисты по обработке меди выработали целую стандартную серию характерных египетских форм¹, таких, как: 1) узкие плоские клиновидные долота со скругленными обушками (рис. 46,2)²; 2) плоские широкие

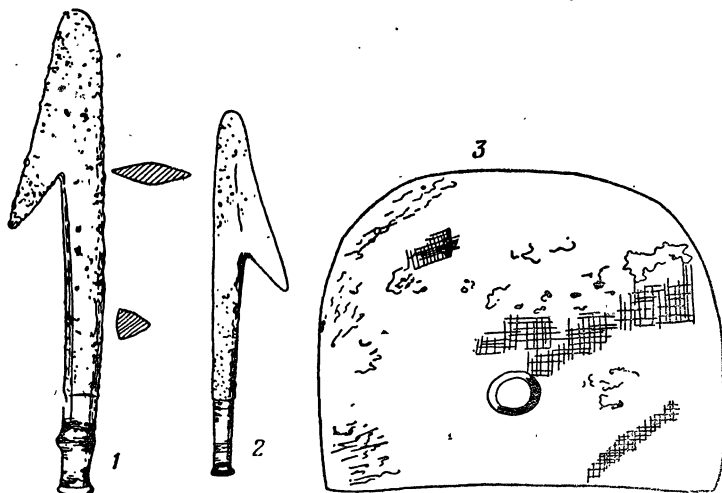

Рис. 47. Медные гарпуны и боевой топор эпохи древнейших фараонов.

топоры и тесла без постепенного сужения к острому краю (рис. 46,1)³; 3) пилы с черешком в середине основания⁴ (только в эпоху V династии появляются черешки, продолжающие линию обушного края) (рис. 46,3); 4) плоские двулезвийные ножи, более узкие, чем нож, изображенный на рис. 28; 5) массивные «гарпуны» с одной бородкой (рис. 47, 1—2); 6) провололочные рыболовные

¹ По не освещенным в данной книге вопросам, связанным с формами металлических изделий, см. Petrie, Tools and Weapons, 1917.

² Emery, Great Tombs, 1949, 21—33.

³ Ibid.

⁴ До нас дошел лишь один экземпляр из Тархана, но применяемый здесь принцип согнутой втулки демонстрируется также в «наконечнике скипетра» из царских гробниц в Абидосе.

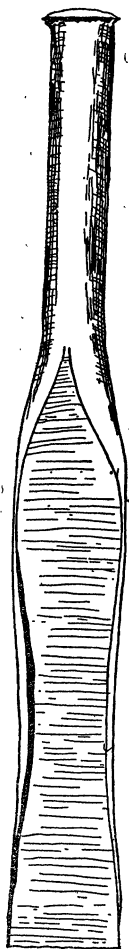

Рис. 48.
Медное долото с «за-
краинами» из
гробницы Хе-
тепхерес, ма-
тери Хеопса.

крючки, обычно без бородки; 7) кинжалы с продольным осевым ребром и отверстиями для заклепок (подобные образцу, изображенному на рис. 30,3); 8) наконечники копий с втулкой¹, согнутой из широкого черешка²; 9) плоские боевые топоры со скругленными лезвиями, из которых вырабатывается характерная форма проушного топора (рис. 47,3). На одной протодинастической каменной вазе изображен серповидный топор с рогообразными выступами в обушной части (ср. рис. 91), но этот топор находится в руке человека с «ливийским футляром», повидимому чужеземца³; 10) пинцет, сделанный из согнутой пополам полоски меди.

Египетские металлурги, очевидно, не пользовались бронзой с приплавом олова⁴; в этом отношении цивилизация эпохи древнейших фараонов падает еще на медный век. Ни один топор не имеет такого проушного отверстия, какими снабжены все наши топоры. Но наконечники копий и скипетров прикреплялись с помощью втулок, согнутых из плоского черешка; ко времени III династии у долот для придания им прочности начинают делать откованные и отогнутые боковые закраины (рис. 48)⁵, подобно тому, как это делалось у европейских клиновидных топоров с закраинами.

Однако металл в качестве производственного сырья отнюдь не вытеснял камень; особенно большие успехи наблюдаются в области обработки кремня. Земледельцы, вероят-

¹ См. стр. 147, сноска 4.

² Capart, *Primitive Art in Egypt*, fig. 70; Scharff, *Altertümer der Vor-und Frühzeit Ägyptens*, II, 1929, 79, pl. 22, 108.

³ Ibid.

⁴ Forbes, *Metallurgy in Antiquity*, Leiden, 1950, 325—342, ср. Lucas, *JEA*, XIV, 1928, 97.

⁵ Boston Museum of Fine Arts, *Bulletin*, XXV, Supplément, 1927.

но, вообще не имели металлических орудий, а довольствовались деревянными мотыгами, о которых можно лишь предполагать, что они были снабжены каменными наконечниками и деревянными серпами с кремневыми зубьями; это были эффективные серпы так называемого «колебательного типа»¹. Ремесленники также во многих

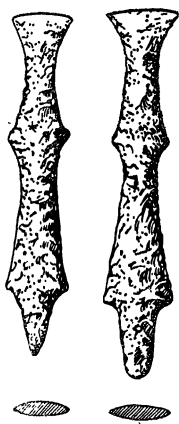

Рис. 49. Долотообразные кремневые наконечники копий, гробница царя Джера ($1\frac{1}{2}$).

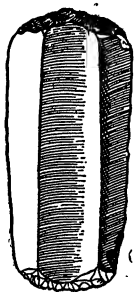

Рис. 50. Кремневая бритва ($1\frac{1}{2}$).

случаях пользовались каменными орудиями: серповидными кремневыми сверлами для высверливания каменных ваз, разнообразными проколками и, возможно, даже кремневыми теслами. Царское войско было вооружено стрелами с долотообразными и черешковыми наконечниками, копьями с наконечниками, подобными образцам, изображенным на рис. 49, грушевидными булавами и метательными палками. Оружие, которое мы видим на палетке с изображением сцены охоты на львов, представляет собою отнюдь не двойной топор, а привязанный ремешком

¹ Emery, Tomb of Hemaka (раскопки в Саккара), 1938; ср. Aspects of Archaeology; Essays presented to O. G. S. Crawford, London, 1951, 41.

к палке камень с опоясывающим его желобком, возможно ведущий свое происхождение от «грузил» из Эль-Омари. Даже в царских гробницах и храмах мы находим прекрасной формы косари, сделанные вместе с черешком из одного целого куска кремня (рис. 32,6), и кремневые

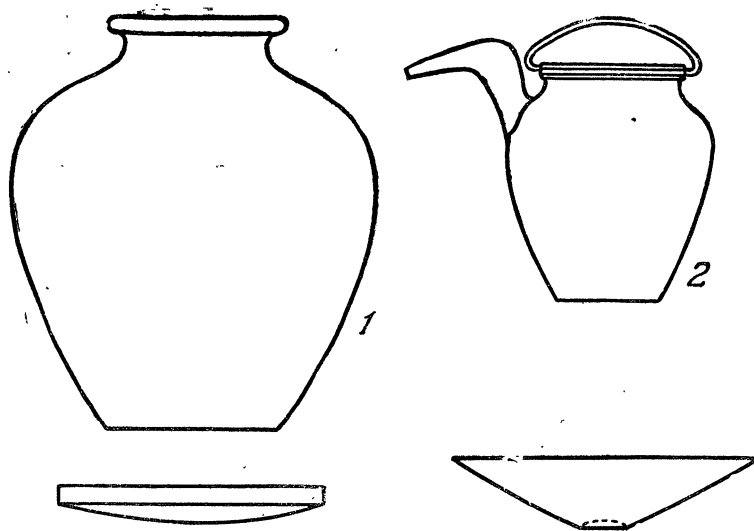

Рис. 51. Медные сосуды из гробницы эпохи I династии в Саккара, по Эмери.^(1/2)

бритвы — короткие ножевидные пластинки с тщательно скругленными (рис. 50) или прямоугольными лезвиями. В гробницах Хетепхерес, матери Хеопса¹, такие кремневые бритвы были найдены вместе с их копиями из золота, более роскошными, но менее пригодными для дела.

Из меди и драгоценных металлов выковывали также сосуды. Кувшин с приклепанным изогнутым носиком (рис. 51) встречался нам уже, только вылепленный из глины, в погребениях герцейской культуры; на палетке Нармера изображен человек, несущий такой же кувшин.

² Boston Museum of Fine Arts, *Bull.*, XXV, Suppl., 1927, 26.

Тип кувшина с припаянным прямым носиком, повидимому, появляется несколько позднее, но он уже известен в эпоху III династии¹. У чаш для придания им большей устойчивости иногда делали слегка вогнутое дно, отчего с внутренней стороны получался небольшой умбон.

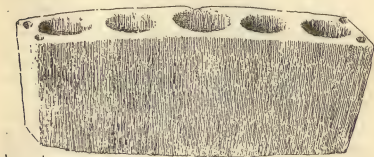

Рис. 52. Каменный прямоугольный сосуд. Гиераконполь (1/2).

Изготовление каменных ваз стало теперь носить характер массового производства, но наиболее употребительным материалом были алебастр и базальт, как в амратской культуре и культуре Маади; крапчатые породы камня, предпочитаемые герцейцами, употреблялись реже. При изготовлении сосудов для царей применялись даже горный хрусталь, обсидиан и лазурит. Фактически все формы металлических и керамических сосудов, даже кувшины с носиками, искусно воспроизводились из камня. Редкое явление, характерное, повидимому, лишь для протодинастического периода, представляют прямоугольные вазы², состоящие из двух или трех углублений, выдолбленных в параллелепипедообразном куске алебаstra, вдоль верхнего края которого просверлены отверстия для прикрепления крышки (рис. 52). Этот тип сосуда пользовался широким распространением в Шумере, Эламе и

¹ Boston Museum of Fine Arts, *Bull.*, XXV, Suppl., 1927, 26.

² Quibell, Hierakonpolis, I, pl. XXXI, 3—4; Scharff, Abusir el-Meleq, 41.

на Крите, и предполагается, что египетский образец из Абусир эль-Мелека был вывезен из Эгейского мира.

Фаянс, употреблявшийся для производства бус и амулетов, используется теперь также для изготовления сосудов, моделей лодок и других предметов:

Керамическая посуда также становится предметом массового производства, но изготавливается она еще без помощи настоящего гончарного круга. Большая часть сосудов представляет собою грубые горшки из глины с примесью соломы красного или желтовато-серого цвета. Многие формы этой грубой посуды находят своих предвестников среди маадийских типов керамики. Но грубая чаша со срезанным наискось краем¹, подобная образцу, изображенному на рис. 62,1, имеет аналогии в Месопотамии. Конечно, состоятельные лица пользовались теперь сосудами из камня и металла. Но даже в царских гробницах мы находим тонкую красную керамику, включающую кубки на поддонах и (в эпоху III династии) круглодонный острореберный горшок с узким отверстием, окруженным налепным валиком или очень короткой шейкой², напоминающий сосуды из мегалитических гробниц в Испании и на Британских островах.

Почти вся глиняная посуда эпохи древних фараонов не орнаментирована, за исключением нескольких ваз эпохи I династии, покрытых настоящей глазурью, и сосудов, украшенных все в том же стиле герцейской расписной керамики³. Можно еще назвать небольшую группу кувшинов с ручкой, украшенных узорами, нанесенными блестящей краской⁴. Конечно, некоторые из них сделаны в Египте, но большинство, очевидно, было либо привезено

¹ Petrie, *Corpus of Prehistoric Pottery*, type R 24; о. д. 63—64, возможно, является слишком завышенной, так как этот тип сосуда встречается даже еще в эпоху VI династии. (Brunton, Qau and Badari, II, pl. LXXVI, 6E. Ср. Emery, *Nemaka*, pl. 17, 27.)

² Из гробницы Хетепхерес; еще не опубликован.

³ *Annales du Service*, XXXIX, 1939, 770 (Абидос); глазированные сосуды эпохи царствования Удиму (Petrie, *Royal Tombs*, II, 36).

⁴ Emery, *Great Tombs*, 121; Bonnet, *Ein frühgeschichtliches Gräberfeld bei Abusir*, 1928; Petrie, *Royal Tombs*, II, 9—гробница Джера,

из Сирии или Палестины, либо изготовлено в Египте сирийскими гончарами, так как по форме и технике производства они находят полные аналогии среди сирийской керамики «II периода ранней бронзы». Встречающиеся в гробницах эпохи I династии кувшины веретенообразной формы¹, сделанные из крепкой красной глины,

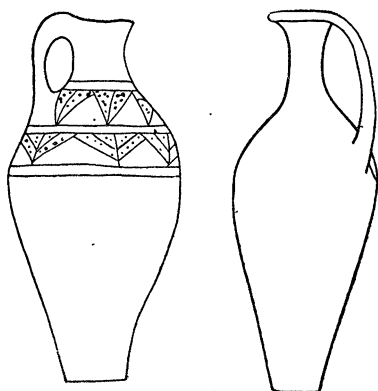

Рис. 53. Ввезенные (?) «сирийские» кувшины из гробницы эпохи I династии (Удиму) в Абидосе (1/2).

так называемая «металлическая» керамика (рис. 53), были, повидимому, также привезены из Сирии или Палестины в качестве тары для оливкового масла. То же самое можно сказать и о керамике с орнаментом, нанесенным путем проведения гребенчатым штампом по облицовке сосуда, фрагменты которой были найдены в абидосском могильнике. Наконец, несколько сосудов из розоватой глины с поверхностью, частично покрытой красной ангобой и украшенной нанесенным с помощью лощила решетчатым орнаментом², были, повидимому,

¹ Петри признает чужеземный характер этой керамики, но называет ее «эгейской». Настоящий источник ее происхождения был установлен Фрэнкфортом (Frankfort, *Studies*, I, 107—108).

² Petrie, *Tarkhan*, I, 1913, 17, pl. XVI, 4.

изготовлены в Палестине или Финикии, где такая «лощечная керамика с решетчатым орнаментом» имела широкое распространение во II период ранней бронзы.

Среди изделий столяров, имеющих теперь в своем распоряжении инструменты из меди, достаточно упомянуть кушеткообразные лежа с прекрасными резными ножками

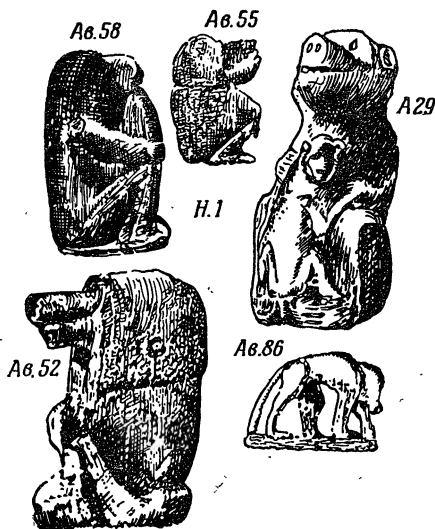

Рис. 54. Фигурки обезьян из камня и фаянса.

в виде ног быка¹ — вид мебели, датируемый еще о. д. 66, или эпохой нолевой династии.

К сожалению, за отсутствием места мы не можем описать здесь всю фантастическую роскошь туалетных принадлежностей, ювелирных изделий и амулетов и вынуждены ограничиться лишь упоминанием о какой-то ничтожной доле всего этого богатства.

Шиферные палетки в виде животных, хотя и выполненные обычно в весьма условной форме, удерживаются вплоть до начала династического периода и в значитель-

¹ Petrie, Prehistoric Egypt, 10.

ной степени служат документирующим материалом к истории клана Сокола и его властителей, но начиная с о. д. 70 обычной формой становится прямоугольная палетка. Из украшений следует упомянуть каменные бусы со спиральной нарезкой и позолотой, встречающиеся в период между о. д. 65 и 72¹; к последней дате относятся

Рис. 55. Игральные фишки из царского могильника в Абидосе.

также бусины из железа². В эпоху I династии широкое распространение имел фаянс; очень характерны для этого времени длинные боченкообразные бусы со спиральной нарезкой (табл. XI, *b*). Оригинальную форму представляет согнутая колечками золотая проволока, копируемая в резьбе по лазуриту. Большое количество новых животных, среди которых нужно отметить обезьян и львов (рис. 54 и 55), представлено в виде подвесок, амулетов и игральных фишек³. Наконец, назовем резные цилиндры из камня, слоновой кости и фаянса, которые sporadически встречались еще в герцейский период, но теперь, в эпоху первых фараонов приобретают широкое распространение. Однако теперь на них вырезаны имена их владельцев; это заставляет предполагать, что они так же, как в Месопотамии, служили в качестве печатей для наложения клейм на глиняные колпаки кувшинов с целью показать, кто является хозяином содержимого сосуда.

Не последнее место среди профессионалов-специалистов, живших за счет новой концентрации общественных

¹ Образцы датированы в Лондоне, в университетском колледже.

² Petrie, etc., *The Labyrinth, Gerzeh*, 1911, 15.

³ Petrie, *Prehistoric Egypt*, 10.

излишков, занимали писцы. В могиле одного из слуг, относящейся к одному царскому погребению эпохи I династии¹, была найдена шиферная дощечка с отделениями для красных и черных чернил; имеется также много самих образцов работы переписчиков. Перед писцами объединенного царства, повидимому, стояла задача не только вести запись событий и увековечивать различные магические заклинания, но также выработать общую систему условных знаков для письменной передачи мыслей. Средством такой передачи мыслей была, конечно, пиктограмма. Древнейшие египетские иероглифы менее упрощены, чем аналогичные пиктограммы Шумера и Элама, поэтому в них легче распознать изображения тех или иных предметов. Однако даже в документах эпохи нолевой династии они уже сильно стилизованы и имеют условные значения идеограмм.

Внешнюю форму знаков писцы могли заимствовать из условных изображений в глиптическом и графическом искусстве, уже выработанных резчиками по слоновой кости и орнаментаторами ваз. В этом случае образцом для подражания могло являться символическое использование различных изображений и эмблем номов, служивших для условного обозначения страны и ее населения. И действительно, письмена в древнейших сохранившихся до нас документах носят в высшей степени рисуночный характер. «Имя» царя — скорпион, рыба-нар, боец, — вписанное в изображение двери дворца под крылом сокола, является в равной мере пиктограммой и идеограммой. Сокол (Гор) может, например, иметь на голове двойную корону или держать мотыгу! Весьма возможно, что скорпион или рыба-нар были не простым наименованием, а изображали каких-то духов, охранявших царя. Таким образом, изобретение иероглифического письма заключалось в приравнивании таких изображений к звукам разговорного языка². Несомненным примером этого является добавление к изображению рыбы-нар знака, который не мог иметь идеографического значения, связанного с описанием личности Менеса (Нармера), а, вероят-

¹ Petrie, Gizeh and Rifeh, № 5, and pl. III, A.

² Gardiner in JEA, II, 1915, 61—75.

но, воспроизводил произносимый в его имени слог «м-р». Позднее египетские писцы вместо изобретения новых, чисто условных символов для замены имен или таких понятий, как, например, визирь или высокопоставленный, которые не могли обозначаться самообъясняющимися символами, стали пользоваться изображением фонетически, то есть для замены начального звука в устном наименовании предмета, и таким образом получили возможность писать надлежащие слова из разговорного языка по буквам. Этот вид письма получил, повидимому, развитие в период царствования Нармера, но ничто не свидетельствует о его более раннем применении¹. В эпоху I и II династий орфография, хотя и очень постепенно, стандартизировалась и для практического удобства пиктограммы были сильно упрощены, в результате чего выработалась условная скоропись — гиератическое письмо. Но для ритуальных и надгробных надписей сохранились сложные и реалистические пиктографические знаки и в обоих шрифтах наряду с буквенным написанием продолжали употребляться идеограммы.

Вполне вероятно, что стандартизация условных пиктографических знаков проводилась преимущественно в Нижнем и Среднем Египте, так как гробницы-мастабы, принадлежащие царям и высоким сановникам, встречаются в большем количестве в Саккара, Гизе, Тархане и других северных могильниках, чем в Абидосе и других могильниках на юге. Возможно даже, что письменность развивалась на севере быстрее, чем на юге. Но древнейшими образцами письменности из Нижнего Египта являются две вазы из Тура и Гелуана с именами Скорпиона и Ка — царей Верхнего Египта². Предположение, что гиероглифическое письмо было внесено в Египет извне, ничем не оправдано. То же самое следует сказать и о сохранившихся до нас элементах материальной культуры эпохи фараонов.

¹ На одной позднегерцейской палетке, датируемой о. д. 60—63, изображен знак, употребляющийся позднее в качестве буквы (Masc-Iver, El Amrah, 38, pl. VIII, 2), но, возможно, что это была просто эмблема какого-нибудь клана или божества.

² Junker, Turah, 1912, 7; Zaki Saad, Cahier, 3, III (гробница 1627).

Развитие египетской цивилизации может быть представлено как самостоятельный процесс. Именно так мы его здесь и рассматриваем. Но де Морган, впервые описывая культуры додинастического периода и эпохи древнейших фараонов, утверждал, что последняя была привнесена в Египет азиатскими захватчиками — мастерами шумерийского металлургического искусства и письма. Петри также постулировал наличие какой-то «династической расы» и вставлял между додинастическим и раннединастическим периодами еще семайнийский период, в который Египет должен был подвергнуться завоеванию, и семайнийскую культуру, явившуюся результатом этого завоевания. Однако, как это на тщательно подобранном материале показала Кантор¹, археологические данные не оставляют места для какого-либо периода между герцейским периодом и нолевой династией, между гробницей с росписью в Гиераконполе и гробницей Ка или между могильниками Маади и Тура. Не свидетельствуют они также и о какой-либо культуре, которая, не будучи ни герцейской, ни маадийской, не относилась бы наряду² с этим и к эпохе фараонов.

Не можем мы также указать какую-либо культуру вне Египта, которая в техническом и экономическом отношениях стояла бы на уровне с герцейской или маадийской и обладала бы потенциальными возможностями, реализовавшимися в эпоху I династии. Вместе с тем антрополог Дерри² обнаружил сначала в гробницах III династии, а затем также и в более ранних гробницах близ Гелуана новый расовый тип — тип Гизэ, отличающийся от обычного населения додинастического Египта узкими пентагоноидными черепами, более высоким ростом и

¹ «Gerzean or Semainian», *JNES*, III, 1944, 110—136.

² Cahier 3, Supplément aux Annales du Service, 1947, 250 ff. В Тура черепа, относящиеся к периоду с нолевой по II династию, принадлежали «додинастической расе», так же как черепа царских слуг из Абидоса, но, согласно Юнкеру (Rassen u. Reichen in der Urzeit Ägyptens, Anzeiger Akad. d. Wissen., Wien, phil.-hist., Kl., 1949, 485—490), тип Гизэ представлен уже в эпоху I династии в Гелуане, Саккара и Абидосе, а также в «неолитических» могилах Эль-Омари. Но черепа из Маади кажутся мне пентагоноидными, а черепа из Гелиополя определяются как «негроидные».

овальным черепом с объемистой черепной коробкой. Но, как теперь обнаружено, люди более высокого роста и, возможно даже, с овальными черепами жили в неолитических поселениях Меримде и Эль-Омари, и Дерри теперь предпочитает противопоставлять «северную» и «южную» расу, а не «династическую» и «додинастическую».

Новые пришлые этнические элементы могли проникнуть в долину Нила в герцейский и послегерцейский периоды. Они могли в какой-то степени содействовать объединению Египта, но нельзя предполагать, что они принесли с собою какую-то готовую культуру, стоявшую на более высоком уровне, чем местная додинастическая культура. Вместе с тем в археологических свидетельствах мы находим ясное отражение связей с внешним миром, которые могли являться результатом экзотических потребностей и новых изобретений. Вследствие недостатка естественных ресурсов Египет был вынужден ввозить лес и металлы, так же как сырье для изготовления предметов роскоши. Имеются свидетельства о ввозе кикладского мрамора, оливкового масла и, возможно, также о привозных винах в керамической таре чужеземного изготовления, о ввозе серебра, лазурита, обсидиана и т. д. С другой стороны, каменные вазы, изготовленные в Египте в эпоху древнейших фараонов, фигурируют в числе приношений в храмах Библа и Аи и проникают также на Крит, а штандарт с изображением рыбы, развевающийся над судами на расписных вазах, встречается на кораблях Киклады.

Вместе с привозным сырьем и изделиями в Египет могли проникать технические изобретения, подсказанные другим природным окружением, а также идеи, появившиеся в результате иных исторических условий и обстоятельств. Так, например, лазурит, повидимому, попадал в Египет через Месопотамию, где именно в это время наблюдается процесс перехода шумерийского общества от варварства к цивилизации. Возможность плодотворного обмена идеями между двумя зарождающимися цивилизациями была совершенно не исключена, и, повидимому, такой обмен действительно имел место. Еще в герцейский период 1) определенный тип сосудов с носиками и 2) цилиндрические печати находят параллели в Месопотамии.

тамии. На заключительной стадии герцейской культуры и в протодинастический период к этому можно добавить 3) «чужеземные» суда, 4) одяние «героя», 5) новую породу собак, 6) использование наверху булавы для вырезывания на них мемориальных и посвященных изображений, 7) несколько мотивов в изобразительном искусстве, среди которых выделяются антитетическая группа, двуглавый зверь и чудовища с переплетающимися шеями. В эпоху I династии этот ряд аналогий пополняется 8) таким приемом в архитектуре кирпичных сооружений, как амбразура, 9) несколькими керамическими формами, как, например, чаши со срезанным наискось краем и подставки для сосудов, и 10) фонетическим использованием пиктографических знаков.

Нельзя, однако, с уверенностью сказать, что все эти общие черты ведут свое происхождение из Шумера. Действительно, и шумерийское и египетское письмо берут свое начало в пиктограммах, но в самих знаках нет ничего общего, единственное конкретное сходство заключается в использовании некоторых пиктограмм в качестве фонограмм, причем в обоих случаях вначале это имеет, по видимому, место в написании собственных имен. Наличие ниш в кирпичных мастабах полностью объясняется стремлением воспроизвести в кирпичной кладке архитектуру фасада деревянного дворца. Даже цилиндрические печати могли развиваться в долине Нила из резных трубчатых бус¹ или, что еще возможнее, из резного тростника. Не может быть и речи о том, что Египет был более отсталой страной и цивилизация проникла туда из более развитого Шумера. Напротив, теперь, после того как хронология Шумера была настолько понижена, что царские гробницы Ура должны приравняться по времени не к абидосскому могильнику, а к могиле Хетепхерес или даже к гробницам V династии, египетская цивилизация производит впечатление более богатой, чем одновременная ей цивилизация раннединастического Шумера.

В некоторых отношениях, однако, Шумер может претендовать на техническое превосходство. Например, повозка на колесах и гончарный круг вошли там в упо-

¹ Scharff, *Altertümer der Vor- und Frühzeit*, II, 1929, 96.

требление гораздо раньше, чем в Египте¹. Египетские металлические орудия и оружие легко отличимы от шумерийских, так что односторонняя имитация в этом случае исключена. Конечно, здесь имело место какое-то взаимное перекрестное обогащение и нельзя предполагать, что отношения между Египтом и Шумером носили односторонний характер. Чтобы оценить вклад, внесенный каждой из этих стран в культуру другой и подкрепить наше утверждение о наличии здесь явления не диффузии, а самостоятельного развития, мы должны исследовать процесс развития цивилизации в долине Тигра и Евфрата.

¹ В Египте повозки на колесах вошли в употребление только в эпоху Нового царства, и большинство глиняных сосудов, относящихся ко времени до III династии, было изготовлено без помощи гончарного круга (Cemeteries of Arman, 177), хотя Майерс и находит следы применения гончарного круга на герцейских горшках.

ГЛАВА VI

КОЛОНИЗАЦИЯ МЕСОПОТАМИИ

Долина Тигра и Евфрата не представляет такого единого целого, как долина Нила. Ее нижняя часть — собственно Вавилония, — охватывающая приблизительно территорию от параллели Багдада до Персидского залива, находится в полной экономической зависимости от Тигра и Евфрата; оседлая жизнь в этих широтах возможна лишь благодаря орошению земли водами этих рек во время естественных разливов или с помощью специальных каналов. Такое экономическое единство должно было в конце концов найти свое политическое воплощение, как это и произошло при Хаммурапи. Но далее к северу низменная равнина пересекается другими реками (впадающие в Тигр Диала и Верхний и Нижний Заб и притоки Евфрата — Хабур и Балих), каждая из которых представляет собою в экономическом отношении отдельную независимую систему. Кроме того, здесь, в Ассирии и Сирии, эти реки пересекают зону и поныне подверженную в зимнее время влиянию дующих с Атлантического океана влажных ветров; количество выпадающих при этом осадков позволяет возделывать зерновые культуры, не прибегая к помощи искусственного орошения, хотя это и бывает сопряжено с некоторым риском.

Кроме этого, имеются и другие различия в климате, и, соответственно, в растительном мире. В южной части Вавилонии, Шумере, зима относительно мягкая; поэтому здесь свободно произрастают финиковые пальмы. Но уже в Северной Вавилонии, древнем Аккаде, зима очень холодная и каждая ночь сопровождается сильными заморозками. В Ассирии и Сирии порою выпадает снег. Финиковые пальмы здесь уже не растут, но вместо них мы находим в этих местах виноград и фруктовые деревья,

которые не менее прочно привязывают человека к земле. В географическом отношении Месопотамия не только значительно менее однородна, чем Египет, но и значительно более открыта. Окруженный пустынями Египет имеет удобное расположение с точки зрения обороны; с самого начала исторического периода он в течение 2000 лет удерживал ворота на запоре против всех захватчиков, если не считать кратковременных эпизодов вроде вторжения гиксосов. К востоку от Тигра расположены горные долины Загра и Иранское нагорье, к северу — Курдистан и Армения, достаточно плодородные для пропитания многочисленного населения. Жившие здесь племена всегда могли легко хлынуть в долину Тигра и Евфрата; история Месопотамии пестрит набегами, а иногда даже целыми периодами господства племен, населявших Элам, Гутиум и Аван, а также хеттов, ассирийцев и халдеев. Между Вавилонией и Аравийской пустыней не существует никакого естественного барьера. Пустыня же населена воинственными кочевыми племенами, которые в любое время под влиянием засухи готовы были двинуться на орошаемые земли. Некоторые авторитеты считают, что именно отсюда ведут свое происхождение аккадцы и амориты.

Наконец, Вавилония еще менее автаркична, чем Египет. По обеим сторонам рек тянется на протяжении многих миль лишенный деревьев аллювий. Правда, здесь встречаются известковые кряжи, которые могут служить местом добычи сланца и плохого строительного камня, но в Месопотамской пустыне в противоположность Египту не имеется ни разбросанных по поверхности кремневых желваков, ни обильных залежей первоклассного кремня в доступных руслах вади. Таким образом, не только лес (помимо стволов пальм) и хороший строительный камень, но даже сырье для изготовления простейших орудий должны были ввозиться извне. Такое положение благоприятствует подъему торговой и производственной культуры. Вместе с тем в таком месте, где даже камень, пригодный для изготовления орудий, служил предметом ввоза, люди должны были скорее оценить преимущество меди; ввиду своей большей прочности медь должна была считаться относительно более дешевым материалом, чем

кремень или обсидиан, орудия из которых были так же остры и так же хорошо отвечали своему назначению.

Сохранившиеся археологические материалы не дают нам каких-либо свидетельств о климатических изменениях, подобных тем, о которых мы узнаем из открытий, сделанных в Таса и Фаюме; флора и фауна, отраженные в древнейших памятниках изобразительного искусства, говорят о приспособленности к такому же засушливому климату, который царит здесь и в наши дни.

Преимущества, которыми обладала Месопотамия в результате периода дождей, кончились до того времени, к которому относятся первые графические свидетельства, однако они относятся ко времени, гораздо более позднему, чем древнейшие поселения в долине Тигра и Евфрата. Поверхность земли, во всяком случае, претерпела существенные изменения даже уже в исторический период. Илистые отложения в Персидском заливе в месте впадения в него Тигра и Евфрата накапливаются с такой быстротой, что, по одному из расчетов, линия берега перемещается приблизительно на 4 км в сто лет. В III веке до н. э. Керха, теряющаяся теперь в песках и болотах севернее Басры, впадала непосредственно в Персидский залив; чтобы достичь устья этой реки, Сеннахериб должен был проплыть расстояние от устья Евфрата в 160 км. В начале исторического периода целая цепь образованных приливами лагун протянулась вглубь материка почти до подножья известкового кряжа, на котором высятся развалины Эриду, который был, по шумерийской традиции, первым городом царей. Шумер, повидимому, представлял собою сплошные болота, подобные тем, которые сохранились в настоящее время вокруг Басры, где в диком виде произрастали финиковые пальмы. С тех пор отлагавшийся при разливах ил постепенно повысил уровень почвы, в результате чего даже в Кише поверхность равнины в настоящее время находится на 7,5 м выше уровня материка.

Именно в этой новейшей области Месопотамии и зародилась письменная история. Она же явилась колыбелью своеобразной, получившей название шумерийской, цивилизации, социальных, религиозных и юридических представлений и условностей в эпиграфике и изобрази-

тельном искусстве, господствовавших в течение трех тысячелетий во всем Двуречье; еще в течение долгого времени после того, как шумерийцы уже утратили свое национальное единство и их язык стал мертвым языком, их победители и соседи в Передней Азии поддерживали и охраняли воздвигнутое ими здание высокой культуры, подобно тому как различные идеи, законодательство и язык римлян удерживались в средневековой Европе. Но Шумер не мог быть ареной «неолитической революции»; трудно было бы ожидать на этой вновь образованной земле какой-то связи с древнекаменным веком. Первые жители Шумера, по всей вероятности, явились откуда-то извне, из каких-то более древних земель, возможно из расположенной на северо-западе степной полосы или с восточных гор, где водились дикие уриалы, муфлоны и козы и в изобилии произрастали дикие злаки. Нужно сказать, что культура древнейших земледельцев, колонизовавших Шумер, находит точные аналогии во многих поселениях земледельцев-скотоводов на территории, начинающейся от ассирийских предгорий и простирающейся на запад, через степную полосу до самого Евфрата. Но на севере эти деревни расположены на местах более древних поселений с культурой, которая является если не родоначальницей, то, во всяком случае, предшественницей древнейшей культуры Шумера. Таким образом, мы можем на законном основании начать наши поиски источников происхождения месопотамской цивилизации с Ассирии и Сирии. Как бы то ни было, но не лишено вероятия, что эти области являются колыбелью земледелия и скотоводства. В V и IV тысячелетиях до н. э. они представляли собою отнюдь не пустыню или безлесную степь, а скорее лесостепь; даже во II тысячелетии там обильно произрастали деревья, имелось сравнительно немало непересыхающих речек и ручьев, хотя и не в таком неограниченном количестве, как в умеренном поясе Европы. Таким образом, постоянные поселения были сосредоточены в определенных местах, и жизнь в этих поселениях продолжалась как в доисторический, так и в исторический период.

Однако возможно, что древнейшие земледельческие поселения следует искать не на самой равнине, а в обра-

щенных к ней предгорьях и отрогах гор. В 1950 году Брейдвуд¹ начал на одном из отрогов Курдского плоскогорья, именуемом Калат Джармо и возвышающимся над долиной притока Тигра — Тук Че, раскопки целого ряда наслаивающихся друг на друга поселений, относящихся, повидимому, ко времени, близкому к началу периода производства пищи. Возникновение земледелия и скотоводства способствовало оседлому пребыванию людей на одном и том же месте. Зерна пшеницы или ячменя, зернотерки и серповые вкладыши свидетельствуют о земледелии, в то время как 95 процентов костей животных принадлежат домашним или пригодным для одомашнения видам: овце (или козе), корове, свинье и собаке. Просверленные камни несколько приплюснутой шаровидной формы, возможно, служили в качестве наконечников булавы, но Брейдвуд рассматривает их как грузила для палок-копалок; следует добавить, что ни об одном из найденных здесь орудий нельзя с полной уверенностью сказать, что оно служило оружием. Жители этих поселений строили себе простые глинобитные дома с тростниковыми полами; развалины этих домов образовали в конце концов небольшой тель высотой около 5 м, в котором было выделено восемь отдельных слоев.

Каменные орудия с полированными лезвиями использовались в качестве топоров и тесел. Ножевидные пластинки из сланца или обсидиана, преимущественно микролитических размеров, но лишь изредка покрытые ретушью, могли служить и в качестве ножей, и серповых вкладышей, и в качестве наконечников дротиков или стрел. Черепки посуды из глины с примесью соломы были найдены только в самом верхнем слое. До этого же времени керамика здесь, повидимому, была неизвестна, хотя внутренней поверхности выкопанных в полу и обмазанных глиной чашеобразных углублений придавали иногда керамический характер, разжигая внутри этих углублений костры (стр. 342—343). В то же время уже было освоено изготовление сосудов из крапчатых пород камня. Из глины лепили фигурки животных и женские

¹ *Antiquity*, XXIV, 1950, 190—196, ср. *AJA*, LIII, 1949, 50—51.

статуэтки в сидячей позе, но лишь менее одной трети их было подвергнуто обжигу.

В Джармо не обнаружено изделий из кремня, которые могли бы отразить связь между этим поселением и верхнепалеолитическими граветтийцами, представленными в пещере Зарзи, расположенной всего лишь в 80 км от Джармо, или с западными соседями-натуфийцами; таким образом, мы не имеем данных, которые позволили бы определить происхождение этих поселенцев или установить древнейшую дату их появления в этом месте.

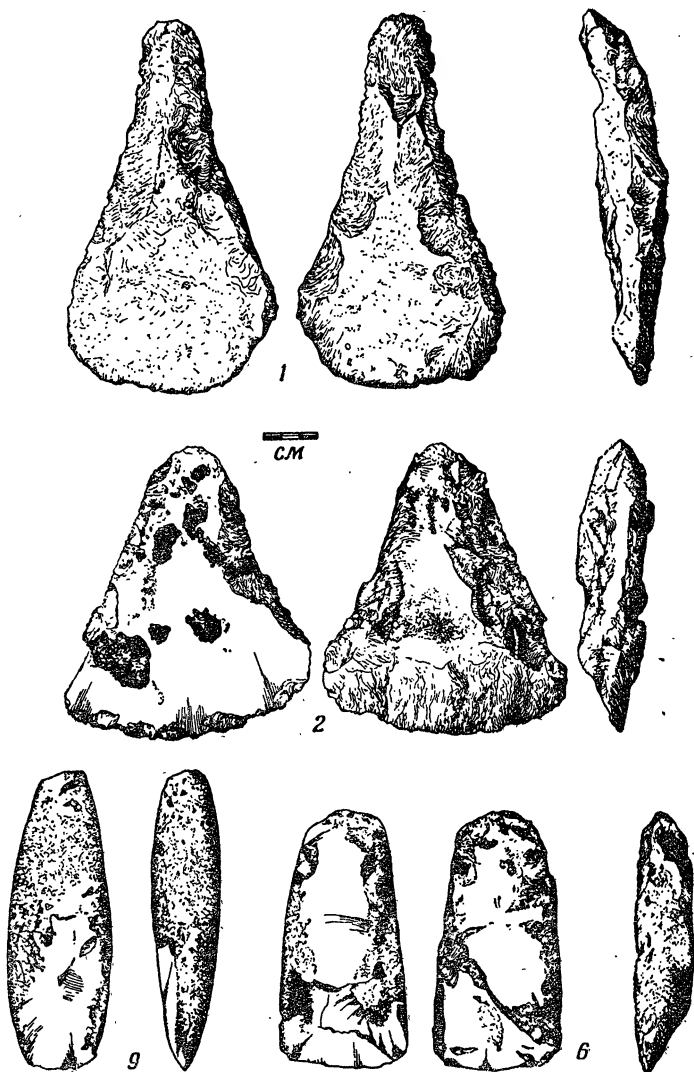
В свою очередь керамика из верхнего слоя до сих пор не находит параллелей в стратиграфии долины. Таким образом, ни один археолог не может сказать, что Джармо является исходной ступенью в установленном последовательном ряде месопотамских культур, или даже утверждать, что это поселение предшествует Хассуне или Самарре. Теоретически Джармо могло быть отсталым горным селением, которое может относиться даже ко времени распространения на равнине халафской культуры. С другой стороны, количество радиоактивного углерода (C_{14}), содержащееся в одной раковине из Джармо, заставляет относить абсолютную дату этого поселения приблизительно к 5000 году до н. э.

Таким образом, все собранные к 1950 году сведения о первых земледельцах Месопотамии основываются, строго говоря, почти исключительно на материалах из Хассуны¹ — поселения, расположенного к западу от Тигра, в Ассирии. Там, на равнине, где даже в наше время атлантические дожди дают достаточное количество влаги для орошения курдских полей, но, тем не менее, в месте пересечения двух непересыхающих рек, находилось селение или, во всяком случае, стоянка первых известных нам в Месопотамии земледельцев-скотоводов. От жилищ не осталось никаких следов. Но под первичным горизонтом были обнаружены врытые в землю большие грубые кувшины из глины с обильной примесью соломы, имевшие в результате несовершенности обжига бледнорозовую окраску и применявшиеся, повидимому, для хране-

¹ See *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 1945, 257—280.

ния съестных припасов. Судя по находке грубых зерно-терок, в этих кувшинах могли хранить зерно. Более того, тяжелые, оббитые сколом орудия из песчаника и кварцита (рис. 56, 1—2), могли применяться в качестве наконечников мотыг для возделывания почвы; они прикреплялись к рукояти с помощью битума, но вполне возможно, что это были в действительности не мотыги, а тесла. Кости крупных рогатых травоядных и овец или коз принадлежали, повидимому, домашним животным. Жители Хассуны охотились на газелей и ослов, вернее онагров (диких ослов). Обычным охотничьим оружием — была праща; снаряды для пращи изготавливались из глины и обжигались; они имели стандартную форму, не изменившуюся даже несколько тысячелетий спустя, когда материалом для их изготовления стал служить свинец. Возможно, что красиво отделанные остроконечники из обсидиана длиной 9 см и больше служили наконечниками дротиков с тростниковыми древками. Нельзя не обратить внимание на отсутствие типичных наконечников стрел. Для плотничных работ употреблялись клиновидные орудия из мелкозернистой породы камня с полированными лезвиями, служившие в качестве топоров, а может быть, только в качестве тесел (рис. 56, нижний ряд). Возможность обходиться в изготовлении основного инвентаря местным сырьем позволяет, повидимому, относить Хассуну к числу типичных неолитических поселений. Но в этот период уже имеются свидетельства о ввозе обсидиана, поступавшего из Армении или из какого-то другого, еще не установленного, более близкого источника.

Это первое и, очевидно, недолговременное поселение, *а*, не отражает самых первых шагов на пути производства пищи, хотя и больше всех других известных поселений в долине Тигра и Евфрата приближается к этому экономическому этапу. Однако его можно рассматривать как прямого предшественника сменивших его на этом же месте совершенно оседлых земледельческо-скотоводческих поселений. Выше «неолитической» стоянки Хассуна Ia мы находим последовательные наслоения шести деревень, состоявших из больших глинобитных построек; деревни — Ib и II получили название «архаических», а III—V — «стандартных». Эти наслоения отражают целый

Р и с. 56. Каменные «наконечники мотыг», изготовленные с применением техники скола, и полированные каменные клиновидные топоры, Хассуна, по Ллойд и Сафару.

длительный период времени, в течение которого жизнь на этом месте не прекращалась; таким образом, нужно предполагать, что жители поселения, чтобы сохранить плодородность почвы, изобрели какую-то систему оставления земли под паром.

Если от древнейшей деревни сохранились только фрагменты криволинейных стен, то слой II может уже

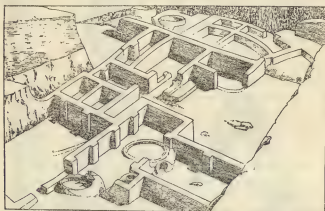

Рис. 57. Изометрическое изображение жилища в Хассуне «стандартного» периода, по Ллойд и Сафару. Зарисовка дома IV слоя, сделанная во время раскопок (сзади видна часть VI слоя).

похвастаться прямоугольными домами, которые, очевидно, были разделены на несколько комнат. В «стандартных» деревнях дома состояли из трех-четырех не очень больших комнат, по всей вероятности, группировавшихся вокруг внутреннего двора (рис. 57). Деревянные двери домов были уже снабжены вертикальными стержнями, вращавшимися в углублениях пяточных камней, то есть были устроены по способу, применявшемуся обычно на протяжении всего исторического периода. Во дворе каждого жилища, а иногда и внутри дома стояла глиняная печь для выпечки хлеба. Зерно хранилось в огороженных местах в больших сосудах, точно повторяющих форму «неолитических» кувшинов, но теперь они изготавливались

из необожженной глины с примесью соломы и обмазывались снаружи битумом.

Хлеб теперь жали изогнутыми деревянными серпами с находившими друг на друга короткими кремневыми вкладышами, закрепленными битумом. «Мотыги» из сланца изготовлены менее тщательно, чем неолитические; все еще были в употреблении полированные каменные клиновидные топоры и ножевидные пластины из обсидиана, но мы не находим больше тщательно отделанных наконечников дротиков. Единственным видом оружия, не вызывающим сомнения, является праща. Наиболее характерным нововведением следует считать производство хорошо обожженных расписных сосудов. В качестве примеси к глине применяется теперь обычно не солома, а мелкий песок, и сосуды обжигаются до приобретения бледножелтой окраски. Сосуды, как правило, плоскодонны и не отличаются разнообразием форм; среди них мы встречаем только шаровидные амфоры с короткой прямой шейкой и широкие чаши, иногда овальные в горизонтальном разрезе. На гладкую, иногда покрытую облицовкой или лощеную поверхность глины коричневатой-черной краской наносились простые прямолинейные узоры. Позднее на «стандартной керамике» нанесенные краской полосы сочетаются с нарезными линиями, треугольниками или узором в виде колосьев, иногда роспись отсутствует, а весь орнамент состоит из нарезных линий, наносившихся на светлую поверхность еще сырой глины (табл. XIV). Вместе с характерной для Хассуны «стандартной керамикой» найдено несколько сосудов иного стиля и фактуры; такие сосуды имеют более широкое распространение и условно называются самаррскими, по наименованию древнего поселения, где они впервые были обнаружены¹. Самаррская керамика всегда покрыта облицовкой, обожжена до бледнорозовой или чаще зеленоватой окраски и украшена «плетеными» орнаментами, то есть такими узорами, которые образуются при переплете-

¹ Herzfeld, Die vorgeschichtliche Töpfereien von Samarra, Berlin, 1930. Следует отметить, что описанные здесь медные и железные предметы при последующих раскопках отбрасывались как относящиеся к периоду ислама. (Herzfeld, Steinzeitlicher Hügel bei Persepolis, *Iranische Denkmäler*, I, 1932.)

нии окрашенной соломы. Присуще корзинному плетению и зональное расположение узоров; и даже такие формы керамических сосудов, как колоколовидные кубки (табл. XVIII, *b*), с которыми мы уже сталкивались в Египте, подсказаны тем же видом искусства. В сочетании

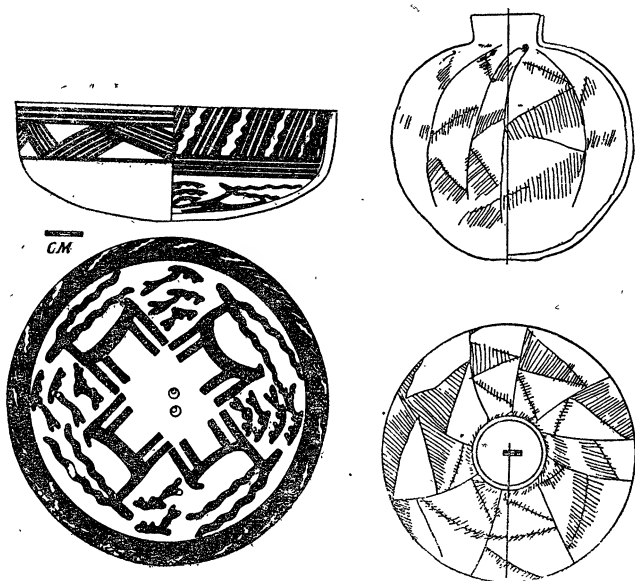

Рис. 58. Самарская чаша и кувшин культуры Хассуны с нарезным орнаментом, по Ллойд и Сафару.

с геометрическими «плетеными» орнаментами встречаются забавные фигурки животных, нарочито стилизованные с целью придачи им угловатых форм, характерных для узоров корзинного плетения (рис. 58). Встречающаяся на обширном пространстве от Сакче-Гёзи, западнее Евфрата до ассирийской территории на правом берегу Тигра, самаррская керамика¹, повидимому, всегда бывает переме-

¹ Braidwood, *JNES*, III, 1944, 48—68. В Багхузе, расположенном в среднем течении Евфрата, почти напротив Мари, самаррская керамика была, кажется, обнаружена отдельно от других видов глиняной посуды; однако подробных сведений об этом не имеется.

шанā с характерной посудой местного производства и поэтому не может быть использована для определения какой-то одной культуры.

Хотя Ллойд и Сафар называют эту фазу «протохалколитической», тем не менее мы не имеем прямых свидетельств о применении жителями Хассуны меди. Нам известно, что, помимо обсидиана, они ввозили бирюзу и, возможно, аметист и просверливали эти, а также и другие породы камней, изготавливая из них бусы. Подобно другим древнейшим земледельцам, жители Хассуны лепили из глины женские статуэтки. Младенцев в Хассуне хоронили на территории поселения между жилищами, но в Самарре имелся отдельный могильник, где покойников хоронили в сильно или слабо скорченном положении.

Нет никаких оснований полагать, что культура Хассуны была принесена в Ассирию в готовом виде. Она могла развиваться на месте в тот период, когда благоприятное природное окружение позволило примитивным земледельцам-скотоводам выработать систему земледельческого хозяйства, совместимую с жизнью в оседлых поселениях. А затем усилившийся в результате этого рост населения мог послужить толчком к освоению новых земель. Правда, даже западнее бассейна Евфрата — в Сакче-Гёзи и Мерсине, а также в Палестине попадаетея расписная керамика, отдаленно напоминающая архаическую керамику Хассуны, между тем как нарезной елочный орнамент на стандартной керамике имеет даже некоторое сходство с узорами на сосудах из Меримде. В свою очередь в Хассуне было найдено несколько черепков черной лощеной керамики, родственной по технике производства посуде, составляющей керамический материал нижних «неолитических» слоев Сакче-Гёзи¹ и Мерсина, и не вышедшей из употребления в более поздние фазы существования этих поселений. Это, конечно, не означает, что в основе земледельческого уклада, существовавшего на территории к востоку от водораздела, лежала неолитическая культура Левантского побережья. Но широкое

¹ Christian, *Altertumskunde der Zweistromländer*, 92. Христиан ошибочно полагал, что весь последовательный ряд месопотамских культур должен начинаться с «культуры Сакче-Гёзи», которая в действительности является иноземной для Месопотамии.

распространение некрашеной и расписной керамики указывает на то, что культуры Хассуны имели связи как с Востоком, так и с Западом; и если культурные знаки и домашние овцы не были достижением самих жителей Ассирии, то они могли быть заимствованы как у населения Иранского нагорья, так и равным образом у жителей Амана или горы Кармил.

Керамика из VI слоя Хассуны указывает на разрыв со старыми традициями. Деревня была перенесена на западный склон телья, который стал слишком высок, и жить на его вершине было неудобно. Новая культура определяется халафской керамикой, названной так по поселению Телль Халаф¹ на Хабуре, где она была впервые обнаружена, и, судя по находкам этой керамики, она распространяется от расположенных к востоку от Тигра Иранских предгорий на лесостепную зону и даже за водораздел до самого побережья Средиземного моря.

Прогресс наблюдается во всех проявлениях жизни. Из злаков возделывают пшеницу двузернянку и ячмень², а среди домашнего скота мы находим две породы крупного рогатого скота, а также овец, коз и свиней³. Не уменьшилось и хозяйственное значение охоты, но единственным видом оружия остается праща. Веретенные пряслица свидетельствуют о текстильном производстве, однако мы не можем сказать, что пряли на этих веретенах — шерсть или лен. Попадают мелкие бусы из самородной меди⁴, но они, вероятно, были изготовлены из местного металла. Обычным сырьем для изготовления ножей и серповых вкладышей остаются обсидиан и сланец; полированные каменные клиновидные топоры прикреплялись к коленообразной рукоятке и употреблялись в качестве тесел⁵; так же как и прежде, сланец служил материалом для изготовления путем применения техники ско-

¹ Von Oppenheim, *Der Tell Halaf*, Berlin, 1943. По вопросам, не получающим ниже надлежащего документального обоснования, см. Perkins, *САЕМ*.

² *Iraq*, II, 15.

³ *Iraq*, VIII, 124.

⁴ *Iraq*, III, 26.

⁵ Меллоуэн (*Iraq*, II, 102) обнаружил в земле только след от рукоятки, по которому, разумеется, нельзя было судить о положении самого топора по отношению к рукоятке.

ла тяжелых «наконечников мотыг». Косвенно мы могли бы сделать вывод о производственном использовании металла на основании изображенной на одном из сосудов сцены (табл. XIX), если только в ней действительно изображена повозка на колесах, ибо колесо едва ли может быть изготовлено без помощи металлической пилы. Однако такое толкование изображения на сосуде мало правдоподобно. Халафские гончары не пользовались гончарным кругом, а о колесах со спицами мы не имеем никаких иных сведений вплоть до II тысячелетия до н. э.

Однако самым выдающимся продуктом этой культуры и этого периода является красивая и превосходная с точки зрения техники производства керамика. Эта желтовато-кремовая керамика отличается большим изяществом и имеет облицованную и обычно лощеную поверхность. Сосуды украшены сложными узорами красного и коричневатого-черного цвета, иногда в сочетании с белым, нанесенным настоящей цветной глазурью, обязанной своим блеском плавке щелочных силикатов. Разнообразие форм говорит о мастерском использовании заложенных в глине возможностей.

Сосуды имеют обычно плоские, иногда даже вогнутые днища; некоторые из них установлены на полых поддонах. Большой популярностью пользовались сосуды многоугольных форм со срезанным наискось краем; среди них следует отметить найденную в Арпачии прекрасную чашу для молока, которая, возможно, является копией чеканной металлической чаши. Излюбленной техникой орнаментации был пунктир; наиболее распространенными мотивами являются клетки и чешуйчатые орнаменты, а в центре блюда — розетка или мальтийский крест (табл. XVI, а). Но эти геометрические узоры, так же как в самаррской керамике, могут иногда сочетаться с условными изображениями бычьих голов — *bucrania* — или со стилизованными фигурами животных из отрядов лошадей и оленей. Конечно, это богатое разнообразие форм было достигнуто не сразу; Меллоуэну при раскопках Арпачии удалось проследить на протяжении пяти или шести последовательных культурных слоев весь ход развития керамического производства, завершившийся в самом верхнем слое великолепной полихромной керамикой.

Конечно, эта прекрасная керамика обжигалась в настоящих гончарных печах, остатки которых были обнаружены в Арпачии и Кархемыше¹; температура при обжиге достигала иногда 1200°. Халафская керамика отличается также таким техническим и художественным совершенством, что некоторые предполагают, что она является изделием рук профессиональных мастеров. Возможно, что ученые, придерживающиеся такого мнения, недооценивают общий высокий уровень развития домашнего искусства и ремесла в современной крестьянской среде, как, например, вышивки, и полагают, что «персидские ковры» изготовлялись профессиональными мастерами, покупавшими съестные припасы в лавках. Тем не менее один дом в позднехалафском слое Арпачии, определяемый руководителем раскопок как гончарная мастерская, был обставлен значительно богаче других домов и содержал своеобразный инвентарь.

Жители поселений халафской культуры искусно обрабатывали обсидиан и другие твердые породы камня, изготавливая из них вазы, а также бусы и амулеты. В число талисманов входят модели бычьих голов, птиц, двойных топоров, полумесяцы, одна модель двускатной крыши дома, каменные подобию натуфийских бус с крыловидными выступами (рис. 105) и т. п.; все они вырезаны с большим искусством и, конечно, все имеют отверстия для подвешивания; к концу указанного периода их стали изготовлять даже из обсидиана, но возможно, что сначала для этой цели применялись только раковины и мягкие породы камня. Наряду с этими встречаются и более простые подвески с вырезанным на них орнаментом геометрических форм, напоминающим орнамент расписных ваз; эти подвески употреблялись в качестве «печатей»: для размножения узора такую резную подвеску прижимали к комочку мягкой глины. Эти узоры, без сомнения, носили символический характер и наделялись магической силой. Однако в исторический период как в Египте, так и в Месопотамии оттиск печати на комке глины, прикрепленном к веревке, перевязывающей пробку кувшина

¹ *Iraq*, I, 1934, 148; о температурных условиях обжига см. Tobler, Gawra, II, 160.

или тюк с товарами, утверждал право собственности владельца печати на содержимое тары. Возможно, что еще в халафский период перенесение магического узора на такую глиняную пломбу было равносильно «наложению табу» на содержимое тары и таким образом требовало признания «прав собственности». В таких случаях это могло бы обозначать, что приобретение «богатств» и товарообмен уже практиковались и поощрялись обществом.

Наглядным подтверждением существования обмена товарами между общинами, то есть внешних торговых связей, служит не только широкое употребление обсидиана во всех деревнях халафской культуры, но в первую очередь раковина *Cypraea vitellus*, найденная при раскопках поселения Чагар Базар¹ на Хабуре, которая была привезена туда с Персидского залива. На примере одной, повидимому халафской, общины, занимавшейся добычей обсидиана в Шамирамальти, близ озера Ван², можно сделать вывод о наличии какой-то межобщинной специализации.

Мы почти не располагаем сведениями об архитектуре жилищ и планировке поселений халафской культуры, но мощенные булыжником улицы Арпачии, соединявшие дома, свидетельствуют об организации общественных работ. Здесь, так же как в Гавра — XX, были обнаружены загадочные круглые строения с очень низкой куполообразной крышей, которые обычно называют толосами; к некоторым из них пристроены длинные прямоугольные помещения. Основания глинобитных стен и сводов складывались иногда просто из камня, иногда из камня с глиной; в некоторых же случаях стены были целиком сделаны из глины. Внутренний диаметр толосов колеблется от 4 до 6,5 м. Меллоуэн и большинство последующих авторов приписывают толосам какое-то неизвестное ритуальное назначение; можно, однако, теоретически предположить, что они использовались в качестве кладовых или амбаров.

Более убедительно предположение о ритуальном назначении женских статуэток, которые жители халафских поселений, подобно их предшественникам — носителям

¹ *Iraq*, III, 10.

² *BASOR*, 78, 1940, 32.

культуры Хассуны и меримдийцам, а также бадарийцам Египта, лепили из глины, а к концу периода даже вырезали из мягкого камня. К этой же категории могут относиться и грубые фигурки животных. Покойников, как правило, хоронили в слабо скорченном положении, преимущественно не в отдельных могильниках за пределами деревни, а прямо между домами.

В Ассирии развитие производственных навыков и искусства халафской культуры прослеживается на протяжении нескольких стратиграфических и типологических фаз. В бассейне Хабура и Балиха это развитие не так ясно документировано. На другой стороне Евфрата, в Хама и Угарите, халафская культура достигает, повидимому, полной зрелости и наивысшего предела своего развития; здесь она приходит на смену или смешивается с культурами, для которых характерно применение совершенно иной, некрашеной керамики, а также употребление не пращи, а лука со стрелами. В Иране эта культура не находит близкой аналогии, хотя ниже мы убедимся в наличии некоторого сходства орнаментальных мотивов, во всяком случае, с шумерийскими. Это позволяет Перкинс прийти к вполне обоснованному выводу, что халафская культура развилась в Ассирии. Но даже там, после длительного развития, приведшего к образованию полихромной фазы в керамическом искусстве, она уступила место другой культуре, названной обеидской по поселению Эль-Обейд в Шумере, которая в художественном и архитектурном отношении, повидимому, уступала халафской.

Таким образом, может создаться впечатление, что появление в Северной Месопотамии обеидской культуры знаменует собою не только разрыв с халафской традицией, но и период упадка: характерная для халафской культуры керамика уже больше не покрывается облицовкой и не подвергается лощению, поверхность ее в результате сильного обжига имеет обычно зеленоватый оттенок. Керамика все еще украшается расписным орнаментом, но уже не полихромным; мы не находим больше богатого разнообразия мотивов, и сами узоры уже не отличаются такой красотой. В свою очередь в Ниневии и некоторых других поселениях глинобитные постройки, повидимому, уступают место тростниковым хижинам.

Но даже на этой территории и на севере впечатление упадка совершенно обманчиво. Обейдские гончары владели более совершенной техникой обработки глины в сравнении с гончарами халафской культуры, и их керамика отличалась большим разнообразием форм, среди которых мы находим сосуды с носиками и ручками и много сосудов на поддоне. Применение в строительном деле тростника отнюдь не вытеснило глину. Напротив, глину теперь смешивали с соломой и формовали из нее кирпичи, и этот удобный строительный материал вскоре начинает применяться для возведения настоящих монументальных зданий. Более того, «северная обейдская культура» даже в Ассирии, повидимому, представляет собою запоздалый периферийный вариант культуры, проявившейся в наиболее типичных формах, и, по всей вероятности, раньше, чем в других областях, в Шумере, где она и была впервые обнаружена.

В Шумере обейдская культура носит иные черты, чем в Ассирии и Сирии. Действительно, в древнейшем из известных поселений этой культуры — Эриду, считающимся по шумерийской традиции первым городом царей (стр. 38), древнейшая керамика отличается даже от южноавилонского стандарта, и ее орнаментация напоминает больше искусство халафской культуры¹. Только в —XIII слое (считая от поверхности земли) классический стиль «южной» обейдской культуры приходит на смену протообейдской керамике или керамике Эриду, характерной для пяти нижележащих слоев. Различия в керамике и другие различия между северной и южной обейдскими культурами являются, должно быть, результатом разницы не только в возрасте, но и в природных условиях.

Новые земли, образовавшиеся из наносов Тигра и Евфрата в верхней оконечности Персидского залива, где была впервые обнаружена обейдская культура, были чрезвычайно плодородны и ежегодно обогащались новыми отложениями ила. Многочисленные протоки и лагуны изобиловали рыбой; в зарослях тростника водилось

¹ Lloyd, S. A. S. Eridu, 1947—1948, Sumer, IV, 1948, 115—125.

множество всевозможной дичи; финиковые пальмы произрастали в диком виде.

Но эксплуатация этого естественного рая, первобытного Эдема, требовала напряженной работы и организованного сотрудничества большого числа людей. Пахотные земли буквально приходилось создавать из хаоса болот и песчаных отмелей, «отделяя» сушу от воды; нужно было осушать болота и регулировать разливы рек; в засушливые пустыни необходимую для жизни воду отводили с помощью искусственных каналов.

Необходимая общественная солидарность обеспечивалась, повидимому, не столько верой в общее происхождение от одного мифического тотемического предка, сколько чувством зависимости от какого-то более конкретного божества. Так же как в исторический период, каждая группа первых поселенцев Шумера считала себя «народом», слугами или, возможно, даже детьми божества, от постоянных милостей которого зависело все их благосостояние. Во всяком случае, древнейшим известным нам сооружением на территории Шумера является святилище в Эриду, сменившееся целым рядом более поздних священных зданий; эти здания увенчались постройкой в начале III тысячелетия до н. э. настоящего «кафедрального собора», посвященного богу Энки. Первые землевладельцы, поселившиеся в Эриду¹, воздвигли для Энки недалеко от моря на песчаном холме среди лагун квадратное святилище (храм — XVI) площадью всего лишь около 3 кв. м, выстроенное из длинных призматической формы сырцовых кирпичей. Помимо этого напоминания о своей набожности, первые поселенцы не оставили, повидимому, после себя ничего, кроме расписной керамики и нескольких глиняных бусин. Об их успешной эксплуатации природного окружения, а следовательно, и природе населения можно догадываться по дальнейшим перестройкам святилища, приобретавшим каждый раз все более широкие масштабы. В результате седьмой перестройки святилище превратилось в обширный храм (храм — XI) длиной более 15 м, стоящий на искусственной платформе, которая гарантировала его от поврежде-

¹ Lloyd, Saffar, Eridu, 1947—1948; Sumer, IV, 1948, 115—125.

ний при разливах и в то же время заключала в себе высокочтимые остатки более древних святилищ. Впрочем, весь инвентарь этого храма относится уже к совершенно развитой обеидской культуре, известной нам по многим другим поселениям в Шумере, начало которой в Эриду приурочивается ко времени храма — XIII.

Трудно предполагать, что пионеры освоения новообразованных земель в дельте Тигра и Евфрата прошли путь автохтонного развития, то есть, что они происходят от какой-то группы охотников-рыболовов (кстати, не представленных здесь остатками мезолитической культуры); в подобном случае охотники-рыболовы должны были бы на месте приступить к приручению определенных видов диких животных и культивированию диких злаков, существование которых в этой области, однако, не засвидетельствовано. Нет никакого сомнения в том, что эта область была колонизована земледельцами-скотоводами, которые принесли с собою, по крайней мере, начатки своей культуры. Ллойд и Сафар, так же как Энн Перкинс¹, на основании исследования керамики этих земледельцев приходят к выводу, что они явились сюда из гористой местности восточнее Тигра. Если же принять во внимание легенду самих шумерийцев о своем происхождении из Дильмуна, где-то на берегу Персидского залива, то следует предположить, что исходный пункт их миграций находился южнее. Признаваемое сходство узоров на их сосудах с орнаментами на халафской и самаррской керамике может просто обозначать, что все три группы являются ответвлениями от одного общего корня. Хотя руководители раскопок отделяют строителей храмов (—XVIII до —XIV) в Эриду от их преемников — носителей обеидской культуры, вполне вероятно, что характерные черты обеидской культуры являются просто результатом приспособления принесенной извне «культуры Эриду» к специфическим условиям дельты².

Обеидская культура, хотя она распространена также и в северной лесостепной полосе, является наиболее со-

¹ САЕМ, 74, 81.

² Перкинс до выхода в свет *Sumer*, IV считала новую «культуру Эриду» лишь древнейшим вариантом обеидской культуры; то же мнение было высказано в 1950 году и Меллоуэном.

вершенной формой приспособления к природному окружению нижней Месопотамии. Судя по монументальности воздвигнутых зданий, земледельцы-скотоводы обейдской культуры в Шумере выработали свою систему земледелия, основанную на искусственном орошении; эта система позволяла производить достаточно пищи для пропитания все возраставшего сельского населения и обеспечивала общественные излишки, которые могли быть использованы для поддержания ремесел и торговли. Однако успех этой системы мог сам по себе вызвать такой прирост населения, что, возможно, младшие сыновья были вынуждены уходить из дома и применять технические достижения своих отцов в освоении новых целинных земель. В распоряжении земледельцев были лодки, с помощью которых они могли по бесчисленному пересекавшему дельту водным путям доставлять урожай с отдаленных полей в центральное поселение. В это время люди уже умели приводить лодки в движение с помощью ветра; в одной позднеобейдской могиле была найдена модель древнейшей в мире парусной лодки¹ [по данным 1950 года].

Люди проявляли большую изобретательность, чтобы наиболее полно использовать местное сырье. В новообразованной почве дельты не было никаких запасов камня для изготовления ножей и топоров, не было здесь также хорошего строительного леса. По этой причине углообразные серпы и гвозди изготавливались из глины, обожженной до значительной твердости; мы находим их в числе наиболее распространенных предметов обейдской культуры в Шумере. Гигантский болотный тростник прямо на корню мог быть превращен в надежные укрытия; срезанный же, в виде связок или плетеных цыновок, он служил материалом для постройки просторных жилищ и хлевов для скота. Но в обейдский период люди, повидимому, уже научились формовать в деревянных рамках глиняные кирпичи; таким образом, воздвигая здание из небольших отдельных частей, они располагали большей свободой в отношении его архитектуры. Мы уже сталкивались с тростниковыми хижинами в обейдских деревнях Ассирии.

¹ Sumer, IV, pl. V.

В Эриду¹ была обнаружена уже многокомнатная постройка из тростника, примыкающая к дому, сложенному из сырцового кирпича; эта пристройка, очевидно, представляла собой группу служебных помещений, так как в одной комнате стояла большая печь диаметром 2 м.

Конечно, даже в Шумере, люди ухитрялись доставать камень для изготовления режущих орудий. Так же как в Северной Месопотамии, там все еще были в употреблении каменные клиновидные топоры или тесла с полированным лезвием и «наконечники мотыг», изготовленные

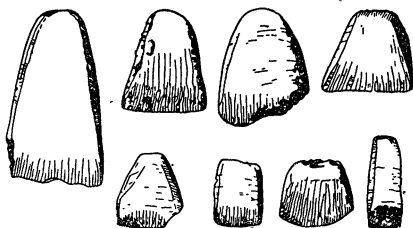

Рис. 59. Каменные клиновидные топоры из Эль-Обеида ($\frac{1}{4}$).

с применением техники скола из сланцевых ядрищ (рис. 59), несколько более грубые, чем мотыги из Хасуны; из обсидиана и сланца изготавливали также ножи и серповые вкладыши. Однако в Шумере это сырье приходилось ввозить извне и оплачивать из общественных излишков. При таких обстоятельствах орудия из меди, которые могли подтачиваться, а при окончательном износе идти в переплавку, должны были в конечном счете оказаться более выгодными. Но медь, если она употреблялась, была все же такой редкостью, что ее тщательно сохраняли для вторичной переработки; таким образом, до нашего времени сохранилось только два металлических предмета² — массивный гарпун из Ура и топор из Арпачии, — по всей вероятности, очень поздние. Многочисленные глиняные модели медных проушных топоров с сужающимся лезвием, которые могут являться копиями только

¹ Sumer, VI, 1950, 30.

² Ant. J., X, 358; Iraq, II, 104.

литых образцов (рис. 60), заставляют сделать вывод о развитой металлургии. Другие глиняные модели изображают тип «боевых топоров»¹, который, повидимому, возник здесь сразу как форма металлического орудия; однако мы лучше знакомы с такого же типа топорами из

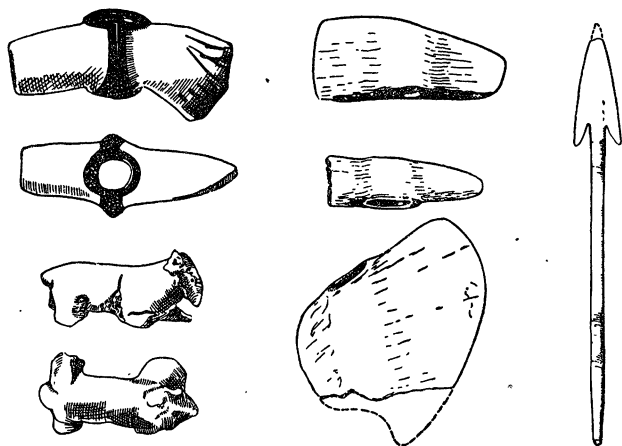

Рис. 60. Глиняная фигурка, Окаир; глиняные боевые топоры обейдской культуры, Окаир и Ур; позднеобейдский медный «гарпун», Ур ($1/4$).

камня, распространенными в Европе и Западной Анатолии. «Боевой топор» использовался, повидимому, в качестве оружия; не прекращается также изготовление глиняных метательных снарядов для пращи.

Ни на одном поселении обейдской культуры мы не находим свидетельств о постоянном пребывании кузнецов. Металл, повидимому, обрабатывался и распространялся странствующими кузнецами, но даже в такой форме это явление, подобно применению обсидиана, указывает на торговые связи с областями, расположенными за пределами долины. Мы имеем мало свидетельств о торговле предметами роскоши, источники которых

¹ Лучшие образцы найдены в Телль-Окаире. *JNES*, II, 1943, 151, рl. XVIII; ср. Tobler, Gawra, II, 167.

могут быть установлены. Имеются сообщения о находке в Уре бусин из амазонита; в Ассирию в период расцвета там обейдской культуры ввозили лазурит, но он был обнаружен только в слое Гавра — XII, повидимому, соответствующем по времени урукской фазе на юге.

Керамика вся изготовлена от руки (сообщения о сосудах из Урука — XVIII, якобы сделанных на гончарном

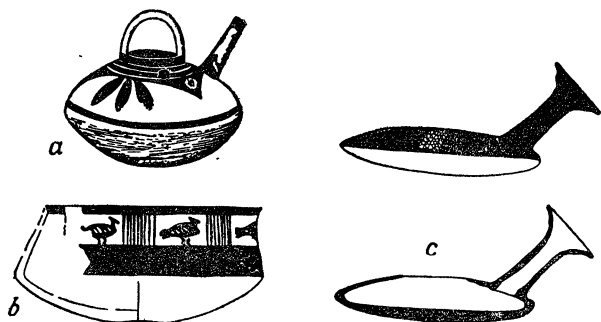

Рис. 61. «Чайник» из Ура, сосуд для возлияний из Гавра — XVIII и чаша с изображениями птиц из Телль-Окаира ($1/8$).

круге, вероятно, ошибочны¹) и обычно обожжена до приобретения зеленоватой окраски. На нелощеную зеленоватую поверхность слегка гляцевитой краской наносились орнаменты геометрических форм. Кроме Телль-Окаира, в Аккаде и поздних слоях более северных поселений² мы лишь в очень редких случаях встречаем орнаменты, которые могут быть признаны за иллюстративные, но возможно, что некоторые геометрические узоры сами по себе являются условными изображениями птиц, животных и божественных символов. Что касается керамических форм, то следует вновь подчеркнуть популярность сосудов с носиками вообще и, в частности, упомянуть о сосудах весьма специализированного назначения, применявшихся для возлияний (рис. 61, c), обнаруженных в

¹ UVB, IV, 1932, 33; Perkins, CAEM, 78.

² JNES, II, pl. XIX; Tobler, Gawra, II, 146—148.

относительно позднем обейдском храме —VIII в Эриду (Шумер) и в древнейших обейдских храмах в Гавра —XIX до XVII (Ассирия) ¹.

Сосуды вырезали также из камня, быть может главным образом для ритуальных целей. Даже трудно поддающийся обработке обсидиан служил материалом для изготовления стройных бокалов на небольших пуговицеобразных ножках, которые в какой-то степени напоминают амратскую форму, изображенную на табл. VI, а, а известняк применялся для копирования глиняных «чайников», подобных образцу, изображенному на рис. 61а ².

Величайшим достижением обейдского периода в нижней Месопотамии была система земледелия, приспособленная к особым условиям дельты, а также весь общественный строй и его идеология, направленные на наилучшее осуществление этой системы. В начале исторического периода большая часть земли каждой общины принадлежала храму какого-нибудь божества и обрабатывалась от имени этого божества и под надзором его слуг-жрецов арендаторами, исполщиками и поденщиками ³. Таким образом обеспечивалось содержание в порядке каналов и рациональное использование земли. Такая система укоренилась, должно быть, еще в эпоху обейдской культуры, так как уже тогда мы сталкиваемся с доминирующим над древней монументальным храмом.

Храм —XII в Эриду, первый чисто обейдский храм, стоял уже на довольно значительном искусственном возвышении, и однообразие его голых наружных стен нарушалось расположенными на равном расстоянии друг от друга выступающими контрфорсами. Этот архитектурный прием повторялся при каждой последующей пере-

¹ Perkins, *CAEM*, 48, 95; Sumer, IV, 119 and pl. VII; Gawra, II, pl. CXXIII, 13.

² Лучшие образцы этих двух типов каменных сосудов были найдены в основании зиккурата Ану (Урук), относящегося к урукскому периоду. На этом основании Баумгертель (Baumgartel, *CPE*, 106) относит также к этому времени и сосуды. Но глиняные варианты обеих форм хорошо известны в обейдских слоях, и в глине, составляющей основание зиккурата, было найдено много других типов сосудов, принадлежащих обейдской культуре; ср. Perkins, *CAEM*, 86.

³ Deimel, *Sumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas*, *Analecta Orientalia*, II, Rome, 1931.

стройке. В течение обеидского периода здание перестраивалось и увеличивалось в размерах не менее шести раз, пока, наконец, последний обеидский храм — VI¹ не достиг 23,5 м в длину и 12,5 м в ширину, а платформа, на которой он стоял, занимала площадь 26,5 м × 16 м. Храмы — VIII, VII и VI имели каждый форму длинной целлы², в одном конце которой помещался алтарь, а недалеко от другого конца — подиум или стол для жертвоприношений; по обеим сторонам нефа симметрично группировались боковые приделы. Таким образом, на традиционном месте древнейшего в Месопотамии святилища мы видим стандартный план шумерийского храма, прочно утвердившийся к середине обеидского периода.

Отсюда, очевидно, можно сделать вывод, что храм в этот период уже играл ту центральную роль в хозяйстве общины, о которой свидетельствуют древнейшие письменные документы. По всей вероятности, он служил местом концентрации общественных излишков данной группы. Очевидно также, что план создания храма и наблюдение за его постройкой, совершение религиозных обрядов и управление хозяйством божества осуществлялись профессиональными служителями культа. Иными словами, мы можем предполагать существование в тот период целой корпорации профессиональных жрецов, освобожденных от всепоглощающей обязанности собственным трудом добывать свой хлеб и поддерживаемых общиной с тем, чтобы они могли выполнять свою важнейшую обязанность — обеспечить общине вечное и благое покровительство ее божественного патрона. Более того, обеидские сосуды, найденные на определенных поселениях, украшены символическими знаками, которые впоследствии ассоциируются с божествами той же самой местности; так, например, изображение полумесяца встречается на сосудах, найденных в Уре³, главным покровителем которого был бог луны — Наннар.

В таком случае, если под «шумерийцами» мы подразумеваем основателей особой политической и религиозной

¹ Sumer, III, 1947, 103—108.

² Целла — часть храма, в которой помещается изображение божества. — *Прим. ред.*

³ *Ant. J.*, X, 1930, pl. XLV.

системы исторического Шумера, мы можем без опасения примкнуть к Фрэнкфурту и назвать земледельцев-скотоводов обейдской культуры «шумерийцами». Однако, поскольку мы пока еще не имеем никаких сведений об их языке, было бы, пожалуй, осторожнее называть их «протошумерийцами». В то же самое время, поскольку обейдские храмы в Эриду были воздвигнуты непосредственно на месте древнейших святилищ и даже покоились на искусственном возвышении, заключавшем внутри себя фундаменты этих более древних зданий, нужно полагать, что религиозная традиция восходит к самому основанию поселения. Таким образом, несмотря на изменения в керамике, было бы законно предположить, что и население оставалось неизменным, а следовательно, название «протошумерийцы» может распространяться и на первых поселенцев Шумера.

Более того, типичное устройство храма, состоящего из длинной центральной целлы, окаймленной с обеих сторон боковыми приделами, которое мы находим на крайнем юге, в Эриду, повторяется, хотя и в меньших масштабах (предельная длина 8,15 м), на севере в древнейшем храме Гавра —XIX. Таким образом, даже в Ассирии обейдские колонизаторы должны быть определены как протошумерийцы. Вместе с тем, хотя их культура в общем является полным повторением шумерийской, отдельные черты керамики, особенно сосуды с носиком, предназначавшиеся для возлияний (рис. 61, с), свидетельствуют о том, что древнейший обейдский храм в Гавра (—XIX) соответствует по времени только поздней фазе в Шумере, представленной Эриду —VIII. Таким образом, создается впечатление, что распространение протошумерийцев на лесостепь шло очень медленно, и, пока на севере процветала халафская культура, они, повидимому, обосновались в болотах дельты. Храм обейдского периода в Гавра так же, как в Эриду, неоднократно перестраивался и увеличивался в размерах. Ко времени Гавра —XIII¹ весь храмовый комплекс превосходил размерами любой из обейдских храмов в Шумере, а фасады этого храма были украшены чередующимися нишами и контрфорсами, точ-

¹ Tobler, Gawra, II, 30—35.

но так же, как урукские храмы Шумера (рис. 63). Это явление наряду с другими фактами (например, ввоз лазурита) заставляет предполагать, что обеидская культура Гавра — XII соответствует по времени урукскому периоду в Шумере.

Протошумерийцы, подобно другим древним земледельцам, лепили из глины статуэтки; на этом основании можно сделать вывод, что наряду с публичным поклонением божествам они совершали и более интимные магические обряды. Статуэтки дают также некоторое представление о модах обеидского периода. Женщины (табл. XVIII, с), подобно додинастическим египтянкам, носили парики, которые у статуэток вылепливались отдельно из битума и приклеивались к голове. Черные пятна и лепешечки из глины на плечах и на руках выше локтей определяются как татуировка¹, но было бы вернее рассматривать их как шрамы. Некоторые женщины изображены кормящими грудью младенцев и, таким образом, представляют широко распространенный тип, известный под названием «куротрофос». Встречаются также и мужские статуэтки². Мужчины закручивали волосы пучком на затылке; иногда они одевались в овечьи шкуры. В таком виде они, очевидно, напоминали современных курдов.

Амулеты в виде фигурок встречаются редко. На севере в обеидский период еще не вышли из употребления резные печати-подвески. Но в древнейших слоях обеидской культуры в Гавра мы уже находим настоящие печати-штампы, и такие же печати, хотя и редко, встречаются на юге, в Эриду и Лагаше³. Большинство этих печатей сделано в форме круглой пуговицы с петлей для подвешивания на обратной стороне, в то время как на лицевой стороне, прямой или выпуклой, вырезан какой-нибудь геометрический орнамент, чаще всего заполненный крест, подобный изображенному на рис. 77, 1—2. В поздних — XIII и XII слоях Гавра, соответствующих по времени урукской фазе, некоторые печати имеют

¹ Woolley, *Ant. J.*, X, 1930, 338.

² UVB, III.

³ Perkins, *CAEM*, 63—64, 87.

коническую или пирамидальную форму, и на них вырезаны реалистические изображения птиц, змей, рыб, каменного козла и других четвероногих. Так же как резные халафские подвески, эти печати предназначались для оттисков на глине и, повидимому, служили для тех же магических и экономических целей. Во всяком случае, конические печати и печати-пуговицы с изображением заполненного креста являются древнейшими, снабженными относительной датой, образцами целой группы печатей, распространившихся на восток, на всю территорию Ирана, и на запад, за Анатолийское плато, в Грецию, откуда в виде глиняных копий они проникают на Балканы и в Центральную Европу. Такое же широкое распространение в Европе имели кольца-подвески, которые вошли в моду в конце обеидского периода в Ассирии¹.

На всей территории Шумера погребальный обряд в обеидский период требовал, как правило, захоронения покойника в вытянутом положении², что составляло исключение в обычной практике древних земледельческо-скотоводов. Взрослых хоронили в специальных могильниках за пределами поселений, но детей иногда зарывали между домами.

Могильник Эриду, относящийся к той же поздней фазе, к которой принадлежат храмы — VII и VI, насчитывал, как предполагается, около тысячи могил. Могилы состояли из кирпичных цист, замурованных сверху кирпичами. Имеются случаи впускных погребений; иногда встречаются захоронения собак вместе с хозяевами. В одной могиле в Арпачии (Ассирия) были обнаружены костяки одновременно погребенных мужчины и женщины, лежащих в объятиях друг у друга.

Обеидский период охватывает, повидимому, продолжительный промежуток времени. Маловероятно, что строительство новой «приходской церкви» в общине, состоявшей из простых земледельцев, владевших, в сущ-

¹ Tobler, Gawra, II, pl. CLXIII, 41—42.

² Su mer, IV, 117—118 (Эриду), *Ant. J.*, X, 337 (Ур); *Iraq*, II (Арпачия); но в Гавра чаще встречаются погребения в сильно или слабо скорченном положении (Gawra, II, 113).

ности, лишь неолитическим инвентарем, осуществлялось каждым поколением или хотя бы даже раз в столетие. Более того, Делюга¹ приводит некоторые положительные, хотя и не решающие, свидетельства, позволяющие думать, что более поздние, уже владевшие письменностью общины, обладавшие более совершенными орудиями, довольствовались поклонением божеству в одном и том же храме в течение 100 и даже 140 лет. В Эриду, помимо небольших «протообейдских» святилищ, было воздвигнуто шесть последовательных храмов. Период функционирования этих храмов должен охватывать от шести до восьми столетий. Семь наслоений обейдской культуры в Гавра дают нам аналогичные цифровые результаты для северных областей, хотя и возможно, что последние четыре или пять столетий выходят здесь за пределы обейдского периода. Таким образом, даже по скромному подсчету, обейдский период в Шумере охватывал, повидимому, промежуток времени минимум 300—400 лет.

За это время протошумерийцы значительно усовершенствовались в земледелии, и изобилие сельскохозяйственных продуктов способствовало, вероятно, очень быстрому увеличению их численности. Свидетельством такого роста населения служат тысяча могил в позднем могильнике в Эриду и грандиозные масштабы работ, которые требовали труда сразу большого числа людей. Однако на протяжении всего этого периода протошумерийцы оставались простыми земледельцами-скотоводами, не имевшими никаких других средств к существованию, потому что только незначительная часть их могла надеяться стать профессиональными жрецами, кузнецами или даже гончарами.

Отсюда единственным выходом для все возрастающего населения могло быть освоение новых земель, и при наличии легких способов передвижения это должно было вскоре приводить к возникновению новых поселений. Может быть, именно этой необходимостью и объясняется постепенное распространение земледельцев-скотоводов

¹ «Presargonic Temples of the Diyala Region», *OIP*, LVIII, 1942, 126—133.

обеидской культуры за пределы Месопотамии до самого побережья Средиземного моря (следует, однако, напомнить, что в 1950 году между Шумером и Ассирией было известно только одно поселение обеидской культуры, Телль-Окаир). Во всяком случае, все известные нам обеидские поселения от Эриду до Гавра и Кархемыша представляли собою деревни; ни один населенный пункт ни по величине, ни по функциям не заслуживает названия города. Этого положения некоторые из них достигают в урукский период.

ГОРОДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МЕСОПОТАМИИ

Начало урукского периода условно определяется появлением в — XIV слое пробного шурфа, заложенного в двадцатиметровой толще культурных наслоений во дворе доисторического храма из известняка (— V), в Э-анна, в Уруке, нерасписной керамики, покрытой красной облицовкой, а также серой керамики¹. Эта простая темная

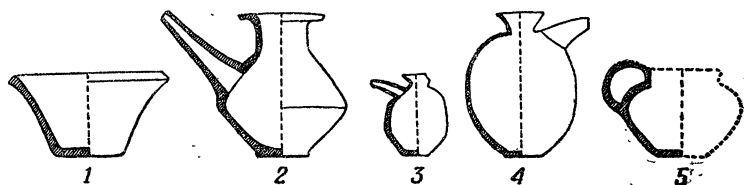

Рис. 62. Урукская керамика из Э-анна —VII—V, Урук (¹/₁₀).

керамика вместе с такой же желтовато-серой посудой приходит на смену расписным обейдским сосудам и знаменует собою разрыв со старой керамической традицией. В том же слое появляются чашки и кувшины с ручками (рис. 62), также чуждые обейдской культуре. Ограниченность материала, добытого в узком пробном шурфе,

¹ UVB, III, 1932, 30; IV, 36; Перкинс (Perkins, *САЕМ*, 97 ff.) считает, что название «урукский период» может относиться лишь к содержимому слоев —XIV—VI в Э-анна в Уруке, и, присоединяясь к Делюга, приписывает последующие наслоения вместе с фазой Джемдет-Насра к «протописьменному периоду». Элиот (Eliot, *EMWI*, 8) придерживается аналогичного мнения и даже относит Э-анна —VII—III и Джемдет-Наср к «Ираннединастическому периоду». Я следую периодизации Фрэнкфорта (Frankfort, *ASP.*, 1932, 16—18) и принимаю деление урукского периода на ранний и поздний, предложенное Ллойдом (Sumer, IV, 1948, 39—51).

не дает возможности решить, в какой мере другие нововведения, как, например, несомненное применение в урукский период лука, соответствуют изменениям в области керамики. Новые формы сосудов и технические приемы в области производства керамики служат достаточным доказательством значительного иноземного влияния на культуру Шумера, которое, что весьма вероятно, может объясняться проникновением сюда нового этнического элемента. Поскольку красная и серая керамика и сосуды с ручками еще задолго до этого имели широкое распространение в Северной Сирии и Палестине, вполне возможно, что эта новая волна явилась с запада или с северо-запада. Если мы примем приток иммигрантов за бесспорный факт, то наиболее вероятными кандидатами должны являться семиты.

Должны ли мы приписывать введение более высокой техники и установление более передового общественного строя этим «чужеземцам»? Даже древнейшая керамика урукского периода из Урука — XIV и Эриду — V¹ включает сосуды, изготовленные на гончарном круге. По единодушному признанию, изобретение гончарного круга не только само по себе создает целую эпоху, но свидетельствует также о более сложной системе хозяйства, о применении металлических орудий, а в связи с этим и о появлении профессиональных металлургов, и почти всегда совпадает с применением повозки на колесах. Отсюда, однако, не следует, что все эти нововведения или хотя бы некоторые из них были занесены в Шумер извне вместе с новыми керамическими формами и приемами производства глиняной посуды в начале урукского периода. Мы уже приводили косвенные свидетельства о применении металла еще в обейдскую эпоху. Кроме того, мы не знаем ни одной культуры, особенно на западе, которая была бы древнее обейдской культуры Шумера и вместе с тем опережала бы ее в техническом и социальном развитии. В то же время можно предполагать, что эксплуатация земли в дельте Тигра и Евфрата породила именно такие социальные и экономические условия, в которых металлургия и применение повозок на колесах были бы весьма

¹ UVB, IV, 1932, 37; Sumer, IV, 45—47.

полезны и при которых каждое отдельное поселение могло достигнуть относительно больших размеров, а общественных излишков должно было хватать на пропитание гончаров, металлургов и других мастеров-профессионалов.

Примесь чуждых традиций, порожденных иными, характерными для запада природными условиями, бесспорно, обогатила культурное наследие земледельческо-скотоводческого населения болотистой дельты. Но ничто не свидетельствует о подавлении местной культуры какой-то другой, «более высокой» культурой. Правда, в урукский период деревни с их земледельческим населением выросли в города, концентрировавшиеся вокруг больших храмов, однако мы не можем утверждать, что все эти достижения были принесены в Шумер в готовом виде из какого-то неизвестного, находящегося вне этой территории центра. На основании археологических данных мы можем сделать вывод лишь о развитии новой экономики, направленной на использование и поддержку труда новых групп специалистов, о применении новых плодотворных технических приемов и приспособлений и, как следствие этого, о росте населения.

Все это находит наиболее яркое отражение в архитектуре храмов, что следует считать вполне закономерным, если храм, подобно тому, как это было в исторический период, являлся центром «хранения» и сосредоточения излишков зерна, молока или рыбы, остававшихся у земледельцев-скотоводов сверх того, что им требовалось для удовлетворения собственных потребностей, а также центром распределения этих излишков, которые шли на поддержание ремесленников-профессионалов и оплату привозных материалов. Раннеурукские храмы в Эриду (—V и VI)¹ продолжают традиции обеидских храмов, которым они пришли на смену, хотя в их строительстве ощущается больший размах и платформы, на которых они воздвигались, с каждым разом становятся все обширнее и выше. Платформа храма —III была облицована плитами из известняка.

Этот же иноземный строительный материал был применен при постройке основания огромного храма — на-

¹ Sumer, III, 1947, 106—108.

стоящего кафедрального собора, — воздвигнутого в начале позднеурукской фазы в Уруке. Древнейший сохранившийся храм Э-анна (Урук, — V слой) — храм из известняка¹, святилище богини Иннины — занимал, повидимому, площадь 76 м × 30 м. Он состоял из длинной целлы, украшенной стенными нишами, к которой с обеих сторон примыкали симметрично расположенные боковые приделы. В слое — IV В мы находим остатки сменившего его еще более величественного сооружения — Колонного храма. Этот храм стоял на платформе из сырцового кирпича; перед входом в храм было выстроено нечто вроде портика, который состоял из двух рядов кирпичных колонн 2,6 м в диаметре, расположенных по четыре колонны в ряд и соответствующих четырем полуколоннам в стене храма. Колонны, стены и передний фасад платформы были для прочности и в декоративных целях покрыты мозаикой из обожженных глиняных конусов, вбитых в мягкую сырую штукатурку. Наружные концы конусов, окрашенные в красный, белый и черный цвет, образуют ромбические и треугольные узоры, изображающие, повидимому, циновки и ковры, развешанные между стволами пальм, которые, очевидно, копируют колонны.

Колонный храм, в свою очередь, сменяется другими храмами урукского периода. Храм В в слое — IV А повторяет план храма из известняка, однако фасад его состоит из контрфорсов и амбразур, чередующихся с такой же правильностью, как в любой египетской мастабе эпохи I династии.

Тем временем в другой части Урука был воздвигнут параллельный ряд последовательно сменяющих друг друга храмов в честь бога Ану. Здесь мы находим наслаивающиеся одно на другое основания семи зданий, обозначаемых буквами X, G, F, E, D, C и B. Каждый храм стоял на приподнятой платформе, которая при каждой очередной перестройке повышалась, и если в эпоху храма X высота ее равнялась 9 м, то высота платформы храма В достигала уже 13 м; одновременно с этим платформа увеличивалась также в длину и в ширину, пока, наконец, развалины всех храмов не были заключены в

¹ UVB, II, 48; III, 16; VII, 8; Eliot, *EMWI*, 4.

громадный массив из сырцового кирпича — А, служивший, должно быть, в свою очередь, основанием храму — VIII, от которого в настоящее время не осталось никакого следа. Дошедший до нас в наилучшей сохранности храм (В), названный из-за своих побеленных стен Белым храмом¹, стоял на платформе z-образной формы площадью 70 м × 66 м и высотой 13 м. Его плотные глинобитные стены были укреплены расположенными на равном расстоянии друг от друга контрфорсами и украшены горизонтальной полосой из керамических бутылок, забитых днищами в еще влажный сырцовый кирпич и штукатурку. На возвышение, на котором стоял храм, вела лестница шириною 2,5 м. Храм, состоявший из целлы и боковых приделов, имел 22 м в длину и 17,5 м в ширину (рис. 63). По плану Белый храм сильно напоминает храм — IV обеидского периода в Эриду, но в двух из его боковых приделов имеются лестницы, которые вели на второй этаж. Однако хотя в глине, заполнившей при постройке зиккурата А все внутренние помещения Белого храма, и были найдены статуэтки и разбитые каменные вазы обеидского периода, этот храм едва ли можно отнести ко времени ранее позднеурукской фазы.

Почти столь же величественные храмы были выстроены приблизительно в то же время в Телль-Окаире в Аккаде². Второй из этих храмов соответствует по величине, по контрфорсам наружных стен и по плану Белому храму в Уруке. Но его внутренние стены украшены фресками, нанесенными красной, оранжевой и черной красками по белому фону. Алтарь по архитектуре и декоративным мотивам напоминает алтарь Колонного храма в Уруке, но на боковых его сторонах были нарисованы леопарды и быки. На панно в вестибюле изображены фигуры людей, одетых в короткие, по колено, пестрые юбки, напоминающие по фасону, но не по материалу шумерские юбочки или каунаки, известные в исторический период.

Окаирские фрески свидетельствуют о развитии в урукский период нового стиля в изобразительном искусстве;

¹ Leuzen, Die Entwicklung der Zikkurat, ADFU-W, 4, 1941, 11, относит его к — III (Джемдет-Наср) слою, но Перкинс приравнивает его к — VI слою.

² JNES, II, 1943, 137—145.

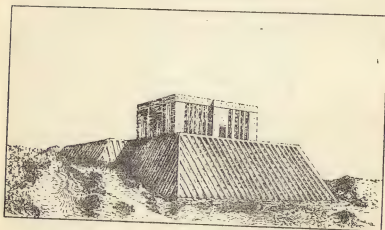
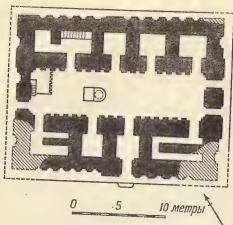

Рис. 63. Белый храм в Уруке, план и реконструкция.

на это же указывают резные печати, сосуды с рельефными узорами и более крупные барельефы. Охотники еще со времен палеолита нередко делали весьма успешные попытки изображать в реалистической манере животных и растения. Неолитические и более поздние земледельцы-скотоводы довольствовались символизацией, изображая, например, каменного козла или женщину в виде абстракт-

ной условной фигуры. Художники, резчики по камню и скульпторы урукского периода делают новую попытку изображать неодушевленные и одушевленные предметы так, как они их видели, но в сочетании с нарочитой фальсификацией условных изображений. Их творчество является основным источником наших сведений о наборе орудий и оружия в нижней Месопотамии урукского периода, поскольку сами бытовые предметы сохранились до нас лишь в небольшом количестве.

В широком употреблении на протяжении всего этого периода были печати-штампы, но теперь резчики отдают предпочтение не абстрактным мотивам геометрических форм, а реалистическим изображениям животных. Однако в позднеурукский период печати-штампы начинают уступать место цилиндрам¹ — типу печатей, распространенному в Месопотамии на всем протяжении более поздних периодов и известному уже нам по позднегерцейским египетским образцам. Подобно большинству раннеегипетских образцов, многие печати урукского периода и фазы Джемдет-Насра не снабжены продольным сквозным отверстием, а имеют на одном конце поперечно просверленный выступ (табл. XX, с). Древнейшие оттиски цилиндрических печатей были обнаружены в монументальных храмах Урука, в V и IV слоях храма Иннины и в Белом храме; сами же печати собраны в большом количестве в различных музеях и в частных коллекциях. Это подлинные шедевры в техническом и художественном отношениях. Однако их тематика, повидимому, воспроизводит в миниатюре сцены, выполненные в более крупных масштабах иными изобразительными средствами, наглядным примером которых служат окаирские фрески, монументальный сосуд и базальтовая стела² с изображением охоты на львов (табл. XIII), найденные в слое периода Джемдет-Насра в Уруке, но, несомненно, относящиеся к собственно урукскому стилю.

В нашем распоряжении имеется также третий источник сведений. В позднейших храмах Урука (— IV)

¹ Frankfort, *Cylinder Seals*, 15—29.

² *UVB*, V, 1933, 11; в отношении датировки ср. *Basmach*, *Sumer*, V, 1949, 87—90.

были найдены глиняные таблички¹ с нацарапанными на них условными цифровыми и буквенными знаками. Они являются древнейшими известными в настоящее время письменными памятниками, представляющими собою храмовые счета. Отправление богослужения в этих богатых храмах и управление не менее богатыми доходами божества находилось, повидимому, в руках целой корпорации жрецов, которые должны были записывать приход и расход с помощью каких-то условных знаков, понятных всем членам корпорации. Числа от одного до девяти представлены повторением символа единицы (D); для обозначения 10 был введен новый знак (0), повторение которого соответствовало числам 20, 30 и т. д. Для обозначения 100 обычно вводили третий знак (большое D), но в некоторых случаях этот новый знак употребляется для обозначения 60. Это уже «шестидесятиричная система счисления», применявшаяся в исторический период во всей Месопотамии, та система, которая лежит в основе современного измерения времени и углов.

Большинство письменных знаков представляет собою скорописные изображения предметов, но цифры не включают в себе никаких других понятий и имеют чисто условные значения. Даже пиктографические знаки, или, как их иначе называют, пиктограммы, подражают стандартизированным условным изображениям и нередко имеют также лишь условное значение. Хотя мы и называем такое письмо пиктографическим, оно являлось также идеографическим, и каждый знак, повидимому, определял собою отдельное понятие или даже слово. В последующей фазе Джемдет-Насра имеются свидетельства, что некоторые знаки, повидимому, применялись уже как фонограммы.

Для социологов письмо служит удобным критерием определения границы между варварством и цивилизацией. Таким образом, мы можем утверждать, что начало цивилизации в Месопотамии падает на урукский период. Теперь мы уже можем называть такие наиболее крупные поселения, как Эриду, Урук, Ур, Лагаш и Окаир, горо-

¹ Falkenstein, *Archaische Texte aus Uruk* (ADFU-W, 2, 1936).

дами и сравнивать большие храмы с кафедральными соборами.

Горожане, конечно, жили за счет продуктов рыболовства, сельского хозяйства и охоты. Поселяне пользовались теперь для обработки полей плугами (рис. 64, 1) и, возможно, жали хлеб с помощью металлических серпов (рис. 64, 7). Они разводили коров для молока, коз и две

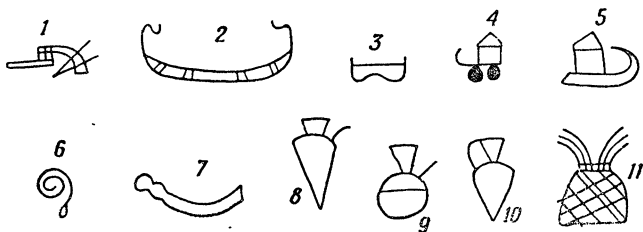

Рис. 64. Пиктографические знаки из урукских табличек.

породы овец¹ (табл. XX, b), из которых одни напоминали своей грубой шерстью египетскую овцу, а другие отличались густым тонким руном. Охотники пользовались теперь луком и копьями с металлическим наконечником; наконечники стрел из сланца или обсидиана имели иногда долотообразную, а иногда, возможно, и листовидную форму.

Излишки первичного производства шли на пропитание специалистов-ремесленников: металлургов, скульпторов, плотников, кожевников, гончаров. Литейщики научились сплавлять медь со свинцом² для понижения температуры ее плавления и умели уже отливать предметы по *восковой модели*, однако мы не имеем еще свидетельств о применении бронзы с приплавом олова. Можно с почти полной уверенностью сказать, что население Месопотамии уже было знакомо с серебром. Серебро, вероятнее всего, доставлялось из гор Тавра (Анатолия). Торго-

¹ Hilzheimer, in Heinrich, Kleinfunde (ADFU-W, 1, 1936, 48—54).

² Heinrich, Kleinfunde aus den arhaischen Tempelschichten in Uruk (ADFU-W, 1, 1936, 47); добавка свинца составляла 9 процентов.

вые связи позволили также Шумеру наладить регулярное снабжение медью, золотом, древесиной хвойных деревьев¹ и даже лазуритом, который, очевидно, привозили из Бадахшана.

Перевозка товаров осуществлялась по воде, в ладьях с высокими носом и кормой, напоминающих «чужеземные» корабли позднегерцейского Египта (рис. 64,2), и по суше, в повозках на полозьях и на колесах (рис. 64,4—5). Повозки, конечно, приводились в движение при помощи быков, но возможно, что в это время в качестве тяглового животного использовался уже прирученный дикий азиатский осел онагр.

Отсутствие погребений привело к тому, что все внимание археологов сосредоточилось на раскопках храмов, вследствие чего мы имеем очень слабое представление о ремесленных орудиях и оружии этого периода. Конечно, применение металла не вытеснило из употребления такие материалы, как дерево, камень и обожженная до большой прочности глина. Керамическое производство в позднеурукский период значительно индустриализировалось. В сообщениях о раскопках мы встречаем если не подробные описания, то, во всяком случае, многочисленные упоминания о гончарных печах. Профессиональные гончары были заняты *массовым* производством посуды с помощью гончарного круга, но более тонкая красная и серая керамика встречается в позднеурукский период редко, по крайней мере в храмах; преобладает желтовато-серая керамика; очень типичны кувшины с отогнутыми носиками (рис. 62,3—4) и вотивные чаши со срезанным наискось краем (рис. 62,1). Продолжается, однако, изготовление посуды, покрытой красной облицовкой².

Керамические сосуды, применявшиеся для ритуальных целей, в значительной мере уступают место сосудам из камня и металла. Вполне возможно, что такие керамические формы, как кувшин с отогнутым носиком, подражают металлическим образцам. Резчики по камню не только покрывали свои вазы рельефными фигурными изображениями (табл. XX), но и искусно воспроизводили такие

¹ UVB, VIII, 1936, 32.

² UVB, IV, 1932, 37.

традиционные керамические формы, как сосуды с носиками, вытачивая их по частям и затем плотно пригоняя эти части одну к другой¹. По техническому мастерству и художественному вкусу их изделия выдерживают сравнение с любым каменным сосудом древнеегипетского производства. Из камня вырезали также фигурки животных, служившие в качестве амулетов, и гири; подобные же миниатюрные фигурки отливались из металла.

Появление цивилизации в Шумере характеризуется не только созидательной деятельностью, к этому же периоду относятся первые прямые свидетельства об организованном истреблении людей. На большинстве урукских печатей мы встречаем изображения ритуальных сцен, изображения ремесленников за работой или геральдические группы животных, но несколько печатей из Урука (Э-анна — IV) изображают «царя на поле брани»². Мы находим здесь явные изображения связанных пленников и боевых колесниц. В то же время грушевидные навершия булав можно рассматривать как боевое оружие. Связанные пленники могут свидетельствовать о наличии рабства; колесницы говорят о применении такого нового изобретения, как повозка на колесах в качестве военной машины. Мы не имеем, однако, никаких иных свидетельств в виде дворцов или царских гробниц, которые говорили бы о том, что «царская власть уже низошла с небес». Возможно, как это предполагает Джекобсон³, что должность военачальника была выборной, а не отправлялась каким-то постоянным наследственным правителем.

Цивилизация урукского периода известна лишь в Эриду, Уруке, Лагаше и Уре (Шумер) и Окаире (Аккад). Керамика указывает на поселения того же времени в Кише и Хафадже. Нечто, напоминающее цивилизацию, предполагается в Мари, а также представлено в Сузах (Элам). В Северной Месопотамии серая керамика и некоторые типично урукские керамические формы были найдены в Грай Реш (Синджар) и на нескольких других

¹ Heinrich, Kleinfunde, 36.

² Frankfort, Cylinder Seals, 21—25; UVB, IV, 29; V, 46.

³ Frankfort et al., Before Philosophy, London, 1949, 140—

поселениях, но городов этой эпохи там еще пока не обнаружено. В некоторых деревнях еще в течение долгого времени после вступления Шумера в урукский период удерживалась обеидская культура.

К позднеурукскому периоду почти все характерные месопотамские черты, прослеживаемые в Египте позднегерцейской эпохи и эпохи древнейших фараонов (стр. 131, 159), находят свои аналогии в Шумере. Наиболее ярким примером параллелизма в развитии этих двух стран является стела с изображением охоты на львов (табл. XII) из Урука¹. Несмотря на то, что она была найдена в храме — III слоя в Э-анна, ее справедливо рассматривают как votivное приношение из более древнего, урукского святилища. Одежда охотников на львов повторяет одежду победителя львов на рукоятке ножа из Джебель эль-Арака, а их вооружение — вооружение лучников на палетке с изображением охоты на львов (табл. XII). Чужеземная ладьа на той же рукоятке из слоновой кости напоминает ладьи на урукских печатях, где антитетическая группа является также одним из излюбленных сюжетов. Цилиндрические печати имели уже к этому времени в Шумере широкое распространение, между тем как позднеурукский тип кувшина с отогнутым носиком встречается среди герцейской погребальной керамики и изображен на палетке Нармера. Если эти совпадения свидетельствуют о синхронности позднеурукского и позднегерцейского периодов, то остальные общие явления в Шумере относятся к более раннему времени, чем в Египте. Ближайшими аналогиями фасадам мастаб эпохи древнейших фараонов с их нишами и контрфорсами являются Белый храм и одновременные ему здания в Эриду (стр. 186). Употребление печатей для клеймения тюков с товарами восходит также к обеидской эпохе. Вместе с тем шумерские и египетские писцы приблизительно в одно и то же время совершили решительный шаг, перейдя к фонетическому применению идеограмм в написании собственных имен. Это отнюдь не обозначает, что все перечисленные на стр. 159 и 160 нововведения берут свое начало в Шумере. Нельзя утверждать, наверное, что герои на урукской стеле и

¹ UVB, V, pl. 12—13.

египетской рукоятке ножа являются шумерийцами. Цилиндрические печати были нововведением позднеурукского периода, и возможно, что шумерийские резчики по камню, изготавливая их для администрации храмов, взяли при этом за образец такие же резные цилиндры из дерева или тростника. Предполагается, что новшества раннеурукского периода в области керамики, а также применение в строительном деле камня являются результатом проникновения в Шумер с запада семитических элементов. Это предположение находит несомненное подтверждение в стэле с изображением охоты на львов. Семиты, исконной колыбелью которых были аравийские земли, занимавшие промежуточное положение между Египтом и Двуречьем, могли играть роль посредников при проникновении месопотамских изобретений в Египет, а некоторых новшеств, появившихся на западе, таких, как лук или естественная окраска керамики, — в Шумер. Судя по тому, что обе страны одинаково нуждались в ввозе, по крайней мере, одного материала — лазурита, возможность взаимного обмена идеями между ними, несомненно, существовала. Вместе с тем сравнение одновременных друг другу культур Шумера и Египта на основании синхронности урукского и герцейского периодов свидетельствует о том, что и Египет не мог навязать более высокой культуры Шумеру.

В качестве аргумента против теории семитического влияния в Месопотамии в урукский период следует выставить появление в то же время очень похожей керамики, глиптики и даже письма в Сузах, где мы не находим письменных свидетельств о семитах. Шпейзер¹ в 1939 году высказал мнение, что не кто иной, как шумерийцы, утвердили в урукский период свое господство в дельте Тигра и Евфрата и ввели здесь письменность, цилиндрические печати, скульптуру и монументальную архитектуру. Последующие открытия в Эриду опровергли большинство аргументов Шпейзера и значительно дополнили число доводов, выдвинутых в 1932 году Фрэнкфортом² в пользу отождествления носителей обеидской культуры с

¹ *JAOs*, Suppl. 4, 1939, 29—31.

² *Archaeology and the Sumerian Problem*, *OIS*, 4, 1932, 18—23.

шумерийцами. В области ритуала и архитектуры между обеидской культурой и культурой урукского периода наблюдается полная преемственность, и лишь немногие достижения урукского периода не могут быть приписаны интеллекту и благочестию протошумерийцев. Расцвет их культуры был, бесспорно, ускорен благодаря стимулирующему проникновению в нее чужеземных традиций, порожденных иными условиями естественной среды. Однако

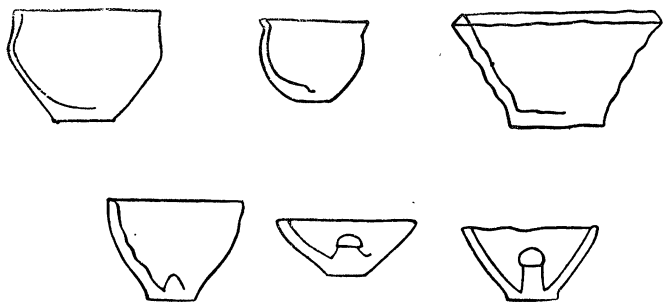

Рис. 65. Чаши и крышки из Джемдет-Насра, по Маккэю ($1/8$).

это отнюдь не должно обозначать какой-либо смены населения. Напротив, размеры воздвигнутых в этот период зданий позволяют сделать вывод о безусловном увеличении населения. По расчетам Фалькенштейна¹, строительство только одной террасы храма в Уруке при условии, если 1500 человек работали по 10 часов в день, должно было длиться пять лет!

Урукский период должен был охватывать несколько столетий. Монументальные храмы перестраивались заново в Уруке, по меньшей мере, шесть раз, в Эриду — пять раз и в Окаире — три раза. За это время население могло значительно возрасти и, помимо увеличения его, за счет иммиграции. К началу следующего периода — Джемдет-Насра были выстроены новые города — в Шуруппаке (Фара)², Джемдет-Насре³ и Мари⁴, между тем как по-

¹ UVB, X, 1939, 24, No. 2.

² Mus. J., XXII, 1931, 211 ff.

³ Field-Museum Anthropology Memoirs, I, No. 3.

⁴ Syria, XVIII, 1937, 6.

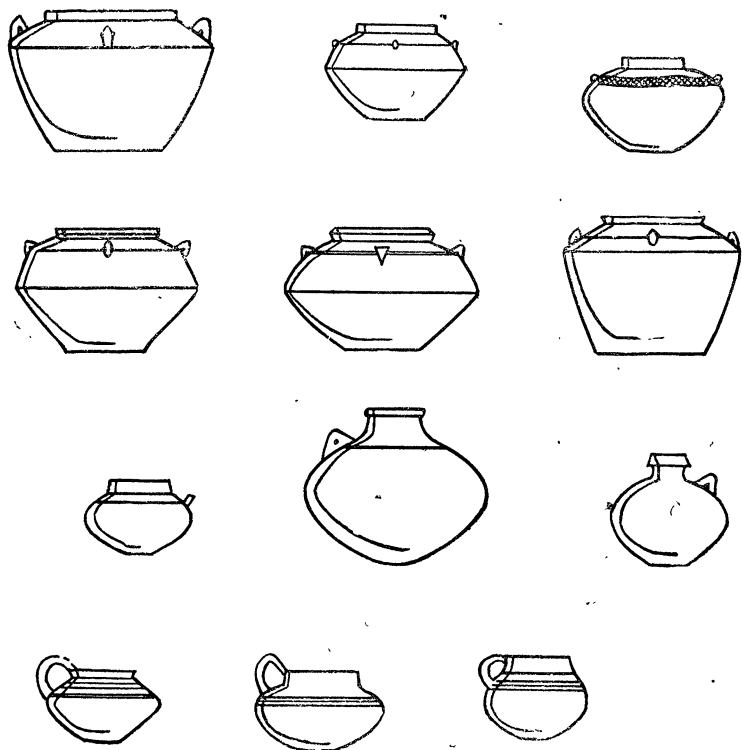

Рис. 66. Сосуды для хранения и кувшины из Джемдет-Насра, по Маккэю (¹/₆).

селения в Кише и Хафадже достигли размеров, давших им право называться городами. Новый период определялся керамическими и глиптическими стилями.

В области керамики¹ наблюдается возрождение расписного орнамента, хотя наряду с этим удерживается в употреблении и обычная желтовато-серая керамика и многие урукские формы сосудов (рис. 66). Интересным

¹ Field, *AJA*, XXXIX, 1935, 310—320; Гарден (Harden, *Iraq*, I, 1934, 33—44), так же как Элиот (Eliot, *EMVI*, passim), подчеркивает неразрывность между керамикой урукского и раннединастического периодов.

нововведением является крышка в форме перевернутого конуса с ручкой внутри (рис. 65, нижний ряд)¹, так как эта форма повторяется в Индии. Расписной орнамент встречается, в сущности, только на больших острореберных сосудах (табл. XXI). В одних случаях поверхность сосудов покрывали лиловато-красной облицовкой, оставляя при этом полосы, которые обводились по контуру черной краской и заполнялись таким же черным орнаментом; в других случаях контуры полос и заполнявшие эти полосы узоры наносились прямо на зеленоватую поверхность глины.

Все еще были в употреблении печати-штампы, включая штампы с изображениями животных, подобные образцу на рис. 78; но на цилиндрах в противоположность живым сценам, характерным для урукского стиля, мы находим вереницы безжизненных, выполненных в условной манере зверей, рыб и птиц. Если в области глиптики наблюдается упадок в художественном отношении, то в письме² определенно замечен прогресс. Письменные знаки продолжают в основном носить пиктографический характер. Но теперь, вместо того, чтобы изобретать для каждого понятия новый знак, писцы условились ввести в употребление некоторые знаки, в которых название предмета расценивалось бы фонетически, что дало, таким образом, возможность составлять слова. Так же как в Египте, первое явное применение идеограмм в качестве фонограмм наблюдается в написании собственных имен: символ стрелы — по-шумерийски «ти» — используется для обозначения слога «ти» в имени «Энлиль-ти» — «Энлиль, дающий жизнь». С помощью такого способа и других средств достигалась экономия знаков. В урукский период насчитывается 31 вариант знака, употреблявшегося для обозначения овцы; эти варианты были, повидимому, выработаны для различия пород, возрастов и пола овец; на табличках эпохи Джемдет-Насра встречается только четыре варианта этого знака.

В самом Джемдет-Насре³ на платформу размерами

¹ *Field Museum Anthropology Memoirs*, 1, No. 3.

² Cp. Hooke, in *Antiquity*, XI, 1937, 270—276.

³ Langdon, *Der Alte Orient*, 26, 1928, 67—75; Eliot, *EMOI*, 10.

300 м × 200 м как бы опиралось сложное здание общей площадью 92 м × 48 м. Лангдон называет это здание дворцом, и, если его определение верно, оно является древнейшим свидетельством царской власти в Месопотамии. Однако мы не имеем никаких точных доказательств того, что это здание служило резиденцией какого-то светского правителя. Напротив, там был найден сосуд (табл. XXI, а) с изображенной на нем звездой — шумерийской идеограммой, служившей для обозначения «божества». В других поселениях архитектура храмов продолжает все ту же давно установившуюся традицию. Первый храм Сина в Хафадже¹ представляет собою классический образец святилища с длинной центральной целлой и боковыми приделами, хотя и меньших размеров. «Священная хижина» превращается к этому времени в условный символ хижины, представленный в виде небольших каменных моделей в храмах Урука, в Хафадже и Лагаше (рис. 105, I).

Мы можем теперь составить представление о погребальных обрядах по могильнику в Уре, отнесенному Вулли² к фазе Джемдет-Насра, хотя возможно, что он восходит к урукскому периоду, который не был еще определен, когда писал Вулли. Покойников хоронили в сильно скорченном положении в противоположность вытянутым погребениям обеидской культуры и слабо скорченными костякам, которые мы, как правило, находим в раннединастических могилах.

В качестве орудий производства все еще употребляются глиняные серпы, «мотыги» из сланца, ножи из обсидиана и другие каменные орудия. Из металлических орудий и оружия до нашего времени уцелели рыболовный крючок с бородкой (рис. 67), долото со скругленным обухом³, напоминающее долото эпохи древнейших фараонов, и плоский, сужающийся к черешку кинжал⁴. Однако глиняные модели свидетельствуют о том, что медь применялась также для изготовления проушных топоров. Имеются сообщения о находках в погребениях и храмо-

¹ Delougaz, *Presargonic Temples*, OIP, LVIII.

² *Ant. J.*, X, 327.

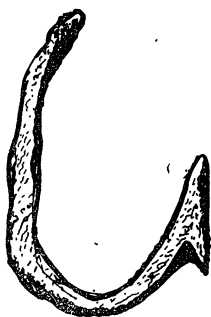
³ *Field Museum Anthropology Memoirs*, I, No. 3.

⁴ *Mus. J.*, XXII, 1931, 211 ff.

вых сокровищницах сосудов из меди, свинца и серебра. Ко времени Джемдет-Насра азиатские металлурги, очевидно, уже овладели сложным процессом отделения серебра от свинца¹.

Сосуды делали также из фаянса; это была новая отрасль производства, занимавшаяся также изготовлением личных украшений. Не прекратилось, конечно, и производство каменных ваз; иногда на них можно встретить резные узоры, но они отличаются меньшим вкусом, чем прежде. Впрочем, стеатитовая фигурка кабана с углублением или втулкой в спине (табл. XX, а) вполне выдерживает сравнение с изделиями урукских мастеров, а великолепная алебастровая голова из Урука (табл. XXXVI) могла бы служить прекрасным наглядным примером контраста между натурализмом эпохи цивилизации и условной манерой варварства!

Р и с. 67. Медный
рыболовный крю-
чок, Джемдет-Наср
(²/₃)

В число личных украшений входят костяные булавки с просверленным отверстием — предшественницы раннединастических коленообразных булавок,

бусы и пронизи из фаянса, дерева, раковин, мягких пород камня, сердолика и лазурита и различные подвески. Среди этих подвесок можно встретить фигурки, изображающие людей, голубей, рыб и различных зверей, а также кольца с четырьмя просверленными выступами, которые имеют много общего с европейскими доисторическими кольцами-подвесками и находят аналогии в Египте.

Несмотря на то, что в течение периода Джемдет-Насра храм Сина в Хафадже перестраивался четыре раза, Окаир насчитывает две фазы в строительстве своего храма, а храм Э-анна в Уруке несколько раз подвергался коренным реконструкциям, этот период носит переходный характер. Многие керамические формы и архитектурные приемы восходят к урукской эпохе, многие же

¹ Cp. Forbes, *Metallurgy in Antiquity*, Leiden, 1950, 210—218.

переходят в I раннединастический период. В Шуруппаке и Уруке между слоями Джемдет-Насра и раннединастического периода мы находим отложения, свидетельствующие о сильном наводнении. Эти отложения не менее других могут претендовать на то, что именно они являются результатом «потопа», отраженного в шумерийской традиции.

ГОРОДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СУЗИАНЕ ¹

Сейчас наиболее удобный момент, чтобы слегка отклониться в сторону и сказать несколько слов о параллельном подъеме цивилизации в Сузиане. Эта часть Элама, отрезанная от бассейна Тигра лишь очень невысоким водоразделом, относится по своему географическому положению к Нижней Месопотамии. В исторический период между Сузами и Шумером существовала тесная связь и было налажено регулярное общение; наличие довольно близких черт в археологических культурах этих двух областей дает возможность предполагать, что подобные же взаимоотношения между ними существовали и в доисторический период.

Сузы расположены на невысокой, состоящей из глины и гравия возвышенности, врезающейся в аллювиальную долину реки Керха. Благодаря своему естественному месторасположению выше обычного уровня наводнений, которое, однако, не препятствует эксплуатации плодородной почвы равнины, Сузы быстро становятся густо населенным центром. Развалины сменявших друг друга деревень и городов образовали внушительный по своим размерам тель с тремя вершинами, на одной из которых возвышалась крепость, на другой — Ападана, а на третьей — царская вилла монархов династий Ахеменидов и Сасанидов. Раскопки этих развалин были впервые предприняты французскими археологами в 1897 году. Почти тотчас же они смогли выделить два архаических слоя —

¹ Здесь, как и в ряде других разделов книги, автор пользуется не совсем удачными терминами — «городская революция», «экономическая революция» и др., которые представляют собой известную модернизацию процессов, совершавшихся в глубокой древности, не принятую среди советских археологов. — *Прим. ред.*

Сузы I и Сузы II, определяющиеся характерными стилями великолепной расписной керамики; вплоть до 1928 года такая последовательность принималась как стандарт для классификации культур с расписной керамикой, открытых в Месопотамии начиная с 1919 года.

Впоследствии выяснилось, что слой Сузы I отделяется от слоя Суз II культурными отложениями толщиной целых 11,2 м, в которых были обнаружены погребения, развалины жилищ и другие остатки самого разнообразного характера. Однако методы проведения раскопок и публикации, в которых нет ни одного описания целых могильных групп, а вещи классифицируются по глубине их залегания плохо определяют горизонт Сузы II, не дают нам возможности точно проследить стадии постепенного подъема цивилизации. Предварительная последовательность культур может быть установлена лишь в результате наличия близких параллелей с Шумером.

Признаваемое древнейшим, поселение Сузы I(A)¹, повидимому, представляло собою густо населенную деревню, сведения о которой, однако, основываются почти исключительно на могильнике, насчитывающем, как предполагают, более 2000 могил. Согласно де Моргану, покойников хоронили иногда в вытянутом, а иногда в слабо скорченном положении, но согласно де Мекенему² их предавали земле лишь после полного разложения плоти. Могильный инвентарь и предметы домашнего обихода свидетельствуют о культуре, стоявшей в техническом отношении выше древнейшей известной нам культуры Шумера. Несмотря на применение полированных каменных клиновидных топоров, серповидных каменных ножей, лезвий из обсидиана, просверленных каменных булав — грушевидных или овальной формы — с заостренными концами, возможно, боевых топоров³, и даже покрытых мелкой ретушью наконечников стрел из сланца, листовидной формы и с бородками (рис. 68), сузианцы имели уже в своем распоряжении достаточное количество

¹ MDP, I, 17; XIII, 33; XXV, 183, 204; XXX, 193—198; Eliot, *EM VI*, 28, 25.

² MDP, XXIX, 5.

³ MDP, XXX, 195, fig. 42; сохранилась только обушная часть одного топора.

меди для изготовления плоских топоров, долот, иголок с ушками и даже зеркал, достигавших 19 см в диаметре. Наряду с медью и обсидианом они ввозили также лазурит. Так же как шумерийцы, они изготавливали бусы из фаянса. Отсюда можно сделать вывод, что общественные излишки были, очевидно, достаточно велики, чтобы прокормить специалистов-ремесленников. Даже керамика отличается такой тонкостью, что, хотя гончарный круг еще

Рис. 68. Кремневые наконечники стрел, Сузы.

не был в употреблении, можно предполагать, что она была изготовлена профессиональными мастерами. Гончарные печи¹, обнаруженные на глубине от 9,1 до 11,2 м (если только они не были врыты в землю и не относятся, таким образом, к следующему слою), принадлежат к весьма сложному типу.

Большая часть погребальной посуды относится к категории очень тонкой пористой керамики бледнозеленой и розовой окраски. Но упоминаются также черные лощеные сосуды и сосуды, покрытые красной облицовкой²; некоторые погребальные сосуды имеют черную роспись по красному фону облицовки. Однако для погребальных сосудов в целом³ характерна пористая керамика естественной окраски. Основными формами являются: 1) расширяющиеся кверху открытые чаши (табл. XXII), 2) высокие стаканы (табл. XXIII), 3) яйцевидные кувшины с невысокой отогнутой шейкой и 4) приземистые остро-реберные горшки с ушками на плечиках (рис. 69, а); изредка встречаются также горшки с носиками (рис. 69, б)

¹ MDP, XXV, 204.

² MDP, XXX, 183; Frankfort, Studies, I, 38.

³ Frankfort, Studies, I, 25 ff.

и неглубокие кубки на полом поддоне. Следует заметить, что большинство чаш и бокалов снабжено для устойчивости низкими поддонами (как в Эль-Обейде) — прием, типичный для керамического производства и с давних пор применяющийся в гончарном ремесле.

Сосуды украшены великолепными узорами, нанесенными коричневатой-черной краской на необлицованную

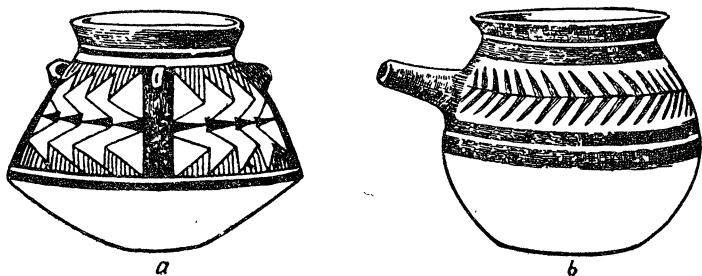

Рис. 69. Острореберный горшок и горшок с носиком.

поверхность глины. Узоры, бесспорно «магические» по содержанию, представляют собой сочетания геометрических мотивов или символов — свастик, равноконечных крестов, мальтийских крестов (табл. XXII, 2), ступенчатого и треугольного орнаментов и двойных топоров с изображениями птиц, быков, каменных козлов, горных коз, собак возможно, лошади, и реже — людей (рис. 70), колчана со стрелами и остроги. Однако все животные настолько стилизованы, что их изображения носят характер чисто декоративных орнаментов. Фрэнкфорт называет эту трактовку «абстрактной» и рассматривает ее как воплощение абстрактного мышления художника. Но В. Бремер¹ на подробном разборе показал, что данная форма стилизации возникла в результате подражания корзинному плетению и что многие формы сосудов можно также рассматривать как подражание формам корзин (как в Эль-Обейде). Иными словами, сузианские гончары брали за образец корзинное плетение, и своеобразные формы изо-

¹ PZ, XVI, 1925, 22.

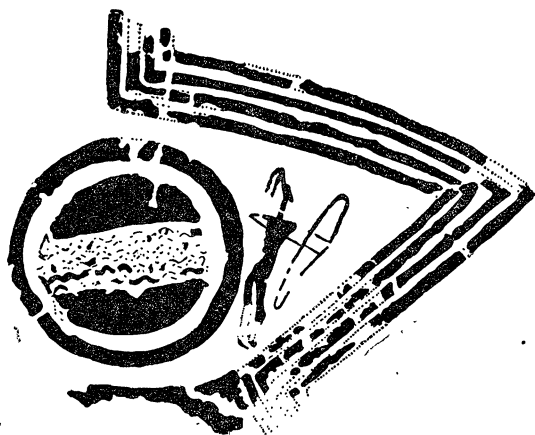

Рис. 70. Черепок из Суз I с изображением человеческой фигуры.

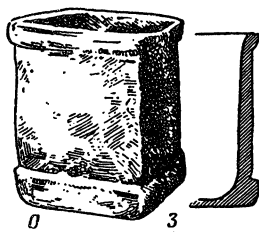

Рис. 71. Квадратная ваза из алебаstra, Сузы I, по де Моргану.

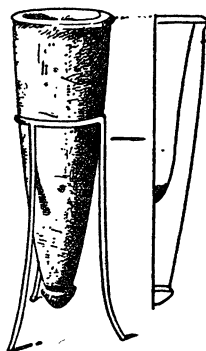

Рис. 72. Каменный сосуд для краски в форме «рожка», Сузы, по де Моргану.

браженных ими животных являются результатом подражания невольной стилизации узоров, образуемых путем переплетения соломы. Аналогичные примеры из практики современных народов, на которые опирается Бремер, почерпнуты им в засушливых юго-западных областях, близких по своим климатическим условиям Эламу.

Вместе с тем птицы и звери, так же как символы геометрических форм, являются предшественниками тех религиозных или магических знаков, которые в более поздний период появляются на печатях, а еще позднее становятся в некоторых случаях элементами письма. Каменные сосуды представлены квадратной вазой, найденной, как

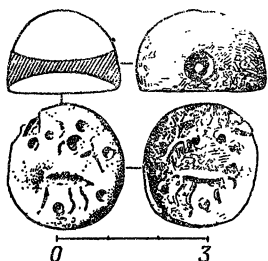

Рис. 73. Печать-бусина, Сузы I (могильник).

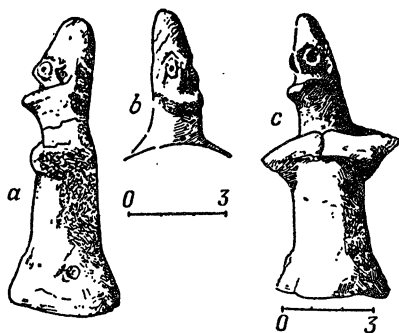

Рис. 74. Женская статуэтка, Сузы I.

сообщают, в могильнике (рис. 71), и большим количеством маленьких сосудов для краски, названных по-французски «рожками» (*à cornet*) (рис. 72), — форма, изготовлявшаяся также из битума.

К личным украшениям принадлежат бусы из лазурита, сердолика, раковин и фаянса, располагавшиеся в несколько рядов, скрепленных между собою фаянсовыми пронизями. Были уже в употреблении и печати-штампы как в форме бусин (рис. 73), так и в форме пуговиц. На них вырезаны довольно грубые изображения животных или заполненного креста, с которым мы уже встречались в Шумере. Наконец, следует упомянуть женские статуэтки и фигурки коров, птиц и змей (рис. 74).

В более поздних слоях Суз I (А) некоторые сосуды имеют черную роспись по красному фону, подобно сосудам, найденным под Храмом Священного Ока в Браке на Хабуре и в Гавра — XII (стр. 314). Но выше двухметровой толщи мусора расписная керамика совершенно ис-

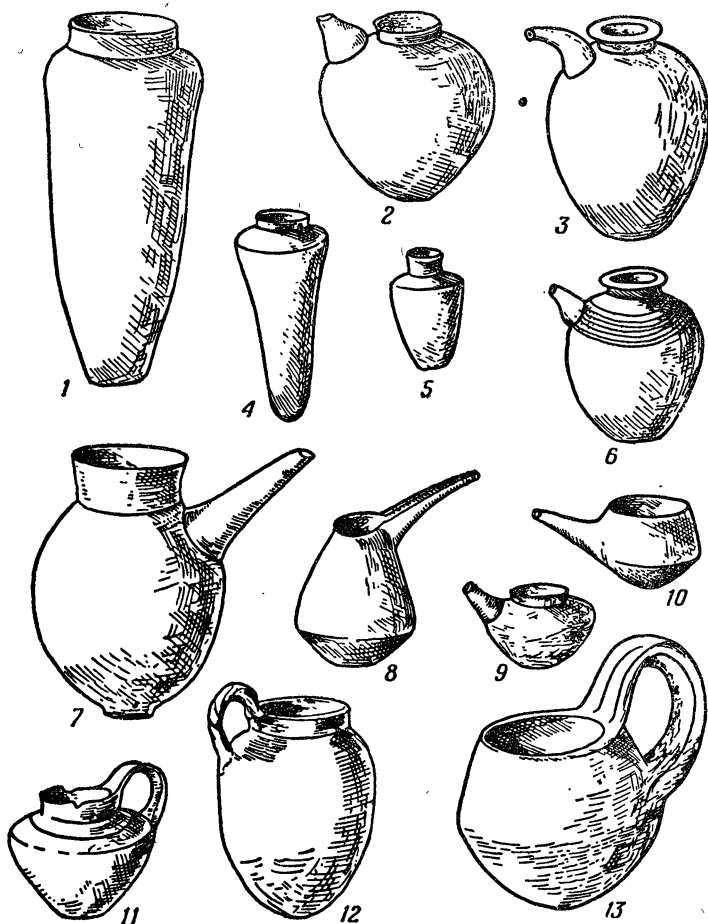

Рис. 75. Урукские керамические формы с поселения Сузы С.

чезает и начинается новая культурная фаза В¹. Эта фаза характеризуется желтовато-серой керамикой и керамикой

¹ Маккаун и Элиот делают попытки сопоставить несколько различных сообщений о слоях, расположенных между поселениями Сузы I и Сузы II. Маккаун (Mc Cow n, *CSEI*, 43—46) подразделяет фазу В на три этапа и не допускает возможности появления табличек ранее фазы С, которая представляет собою не что иное, как период Джемдет-Насра (Eliot, *EMWI*, 23—30).

с красной облицовкой. Сосуды, изготавливаемые теперь с помощью гончарного круга, включают известные нам урукские формы; № 3 и 12 на рис. 75 представляют собою типичные формы позднеурукского периода. Вся посуда изготовлена, очевидно, профессиональными гончарами. Приблизительно в то же самое время профессиональные металлурги начинают отливать в формах то-

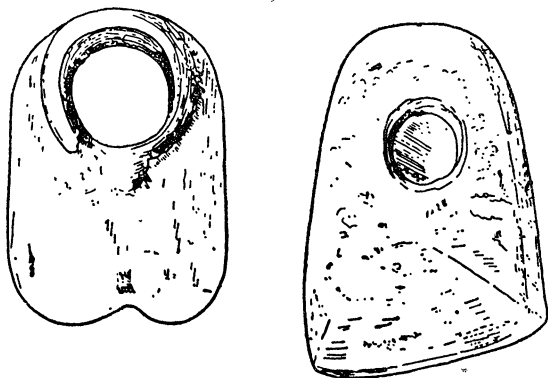

Рис. 76. Проушные тесла из меди и камня,
Сузы С ($1\frac{1}{2}$).

поры с поперечными лезвиями¹, подобные образцу, изображенному на рис. 76, представляющие собою архаический вариант наиболее типичной шумерийской формы, и даже двойные топоры. Однако наряду с этим продолжается широкое применение камня для изготовления орудий, и при использовании этого более древнего материала мастера подражают металлическим формам (рис. 76). Не выходят из употребления печати-штампы в форме пуговиц, но теперь их резная поверхность имеет обычно выпуклую форму (рис. 77), а не плоскую, как это чаще бывало в эпоху Суз А².

¹ Rev. Ass., XXVII, 1930, 189; MDP, XX, 104; XXV, 181.

² MDP, XXX, 198.

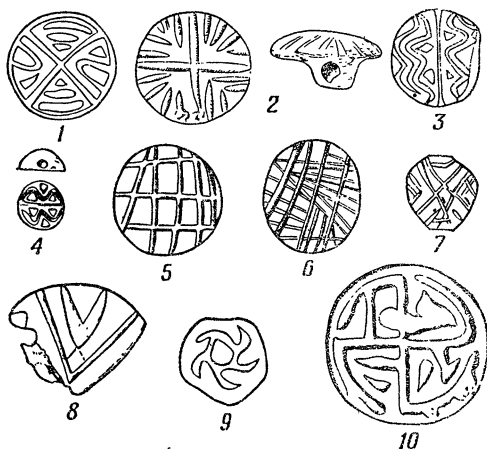

Рис. 77. Печати-пуговицы и печати-бусины, Сузы D ($1/4$).

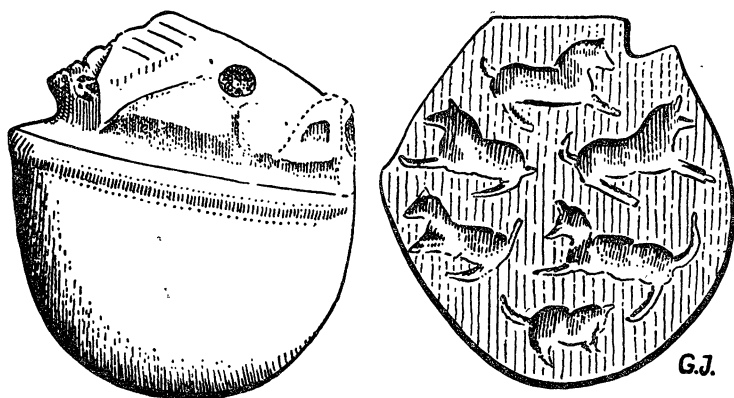

Рис. 78. Териоморфная печать, Сузы С (нат. вел.).

В следующую фазу С входят в моду печати в форме животных (териоморфные печати) (рис. 78), подобные образцам из клада эпохи Джемдет-Насра, найденного в Э-анна в Уруке, а еще позднее — цилиндрические печати с первыми изображениями, выполненными в натурали-

стическом урукском стиле. К этой же фазе, повидимому, принадлежат двойные сосуды из алебаstra (рис. 79), родственные прямоугольным египетским сосудам эпохи ранних фараонов и шумерийским образцам раннединастического периода, и свинцовые сосуды, которые так же, как свинцовые чаши из могил периода Джемдет-Насра в Уре, свидетельствуют о высокой степени овладения сложными металлургическими процессами. Наконец, каменные «символы хижины», подобные образцам, встречающимся по всей Месопотамии и даже за ее пределами

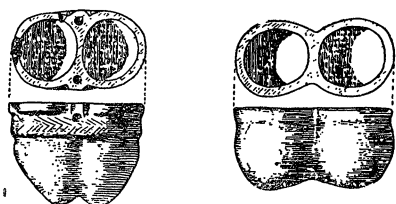

Рис. 79. Двойные сосуды из алебаstra, Сузы D ($1\frac{1}{4}$).

в долине Оронта (рис. 105), подтверждают частичную синхронность между фазой Сузы С и периодом Джемдет-Насра в Шумере.

В фазу Сузы С завершилась городская революция. О переходе к цивилизации свидетельствуют первые письменные документы, представляющие собою, как и в Шумере, таблички со счетами. Это так называемые протоэламские таблички, написанные «пиктографическим» шрифтом, напоминающим письмо на табличках из Урука и Джемдет-Насра. Однако сами пиктограммы далеко не идентичны; один и тот же предмет, например плуг, представлен совершенно различными скорописными знаками. Цифровая система также отличается от протошумерийской. Протоэламское письмо удерживалось в употреблении, по меньшей мере, до времен империи Аккада, но в эпоху империи Ура оно, наконец, сменяется месопотамской клинописью, приспособленной к местному языку ¹.

¹ Contenau, *Epigraphie proto-élamite*, MDP, XXXI; изображения плуга см. в табл. LVII, 4452—4501.

На протяжении всего времени, в течение которого им пользовались, это письмо оставалось чисто идеографическим; для обозначения новых понятий писцы, повидимому, видоизменяли уже существующие знаки или добавляли к ним новые. Таким образом, выраженный этими

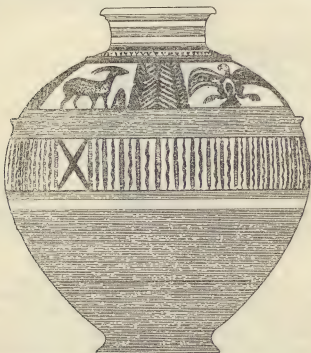

Рис. 80. Кувшины с красной и черной росписью, Тепе Али Абад, Мусиан ($1\frac{1}{4}$).

знаками язык можно лишь предположительно называть аншанским, то есть отождествлять с языком более поздних, поддающихся чтению текстов. Точно так же мы можем лишь догадываться о существовании какой-то корпорации жрецов, пользовавшихся разработанной системой ведения счетов, о которой наглядно свидетельствуют таб-

лички с примененными в них условными символами. Конечно, в Сузах был свой большой и значительный храм, посвященный богу Шушинаку. В то же самое время, как мы увидим ниже, протоэламские таблички встречаются и севернее, вплоть до Сиалка, где они были найдены в поселении, которое едва ли может претендовать на название города. Их присутствие там следует в таком

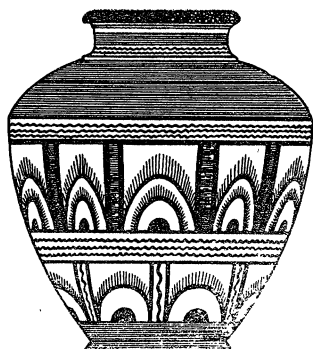

Рис. 81. Кувшин с красной и черной росписью. Тепе Али Абад, Мусиан ($1/8$).

случае объяснять торговыми связями между Севером и Югом, учитывая благоприятное в этом отношении расположение Суз.

Следующая фаза, D, удачно определяется возрождением расписной керамики. Изготовленные на гончарном круге кувшины украшены узорами, сгруппированными в полосы, очерченные по контурам черной краской и заполненные непрочной красной облицовкой. Если не по форме, то по технике производства, композиции и стилю эта керамика полностью соответствует желтовато-красной керамике, характеризующей I раннединастический период в долине Тигра и Евфрата. В то же время полихромные вазы по технике изготовления и стилю имеют аналогию на Востоке — в культуре Кулли в Белуджистане, иногда мы встречаем на них изображения горбатых индийских

быков зебу¹. Таким образом, керамика свидетельствует об одновременных связях и с Востоком и с Западом. Аналогии с Западом имеют место не только в области керамики. Полихромные сосуды, так же как в Сузах I, часто встречаются в гробницах. Археологи, проводившие раскопки в Сузах², не сумели определить формы этих гробниц. Но в периферийных поселениях, расположенных на

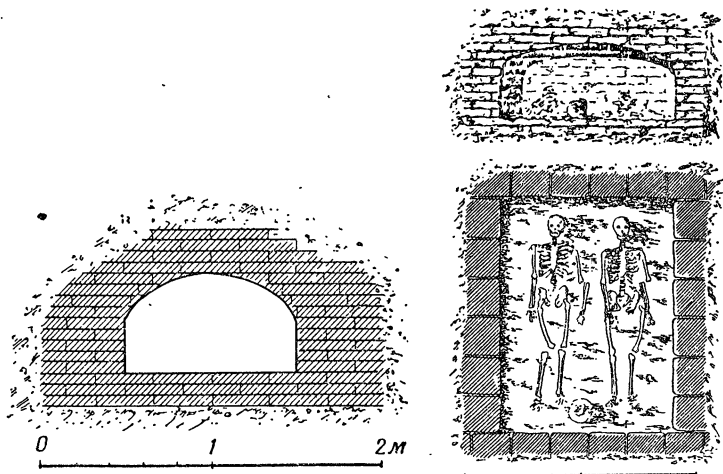

Рис. 82. Кирпичные гробницы со сводом, Тепе Али Абад, близ Мусиана.

границе Месопотамии, таких, как Тепе Али Абад и другие жилые холмы близ Мусиана³, подобные сосуды были найдены вместе с вытянутыми костяками в кирпичных погребальных камерах с ложными сводами (рис. 82), похожих на камеры, которые, как мы это увидим в следующей главе, служили в Месопотамии начиная с I раннединасти-

¹ *MDP*, XX, 105, ср. Frankfort, *ASP*, 71.

² В *MDP*, XXXIX, 156, мы находим откровенное признание этой неудачи, но в другом месте имеется предположение, что эти гробницы были аналогичны мусианским (*ib.*, XXV, 218).

³ *MDP*, VIII, 74—78; но следует также обратить внимание на типичный для I раннединастического периода бокал (не из гробницы), р. 136, fig. 270.

ческого периода в качестве «царских гробниц». Вещевой инвентарь мусианских гробниц включает металлические предметы — плоские долота, проушные топоры, наконечники копий, втоки стрел и булавки с головками из лазурита (рис. 83) — и инкрустированные керамические «подставки для приношений», подобные образцам, характеризующим раннюю фазу местного раннединастического

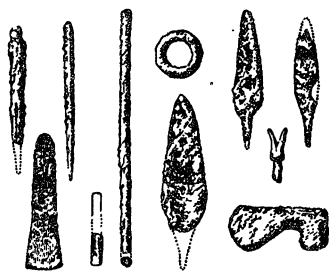

Рис. 83. Медные предметы: булавка, клиновидное орудие, игла, трубочки, кольцо, наконечник копья, наконечники стрел, втоки стрел и топор из гробниц близ Мусиана (¹/₈).

периода. В самих Сузах в одном богатом погребении¹ был найден кувшин, подобный образцу на рис. 80, с нарисованной на нем черной и нестойкой красной красками сценой, напоминающей сцену на шумерийском сосуде, изображенном на рис. 84. Однако на этот раз в повозку, хотя и стоящую на таких же обитых гвоздями колесах,пряжены не лошади, а быки зебу, а рядом с нею вместо сцены пиршества мы находим изображение божества на трехступенчатой башне. На расстоянии приблизительно 2,5 м от этого богатого погребения, быть может, в той же гробнице, лежали скелеты двух быков с продетыми в нос металлическими кольцами и их погонщика в сопровождении нескольких небогатых подношений. Эти две погребальные группы, повидимому, со-

¹ *Rev. Ass.*, XXXIV, 1937, 150—153; *MDP*, XXIX, 103.

ставляют царскую гробницу, напоминающую «могилу с колесницей» в Кише У (стр. 230). Если это так, то они, так же как в Шумере, символизируют собою появление какого-то земного правителя, который сосредоточивал в своих руках общественные излишки и использовал их как капитал для целей воспроизводства или в военных целях.

В обеих областях это «нисхождение царской власти» произошло, повидимому, приблизительно в одно время, так как сходство между культурами фазы D в Сузах и I раннединастического периода настолько близко, что оно должно свидетельствовать о синхронности. Параллелизм прослеживается и дальше в том, что фаза Сузы II захватывает по времени эпоху Саргонидов. Правда, ее монохромная керамика характерна только для Ирана. Но металлические изделия на протяжении всего периода неизменно воспроизводят все раннединастические шумерийские типы, которые описываются в следующей главе. Единственным существенным нововведением является наконечник копья с крючкообразным черешком¹, который, если только он правильно отнесен к этому горизонту, является первым датированным образцом оружия этого типа, получившего, как мы увидим, широкое распространение к концу III тысячелетия. Обратившись вспять от фазы Сузы D, приравниваемой к I раннединастическому периоду в Шумере, мы увидим, что териоморфные печати и «символы хижины» фазы C свидетельствуют о ее синхронности с периодом Джемдет-Насра. Формы сосудов из Суз B служат достаточным основанием, чтобы приравнять эту фазу к позднеурукскому периоду Урука и Эриду. Относительное обилие меди, применение лука, лазурит, фаянс и красная керамика в Сузах I (A) могут в данном случае обозначать, что эта фаза в значительной своей части совпадает с урукским периодом². В таком случае Сузы I едва ли можно считать таким же древним поселением, как поселение обеидской культуры в Эриду.

¹ MDP, XXV, 192.

² Рюттан (Rutten, *Rev. Ass.*, XLIV, 1950) открыто приравнивает по времени Сузы I к «первой части урукского периода» (наш раннеурукский период).

В связи с этим Сузы I никак нельзя считать источником происхождения обеидской культуры Шумера. Таким образом, если племена обеидской культуры и заслуживают названия шумерийцев, то отнюдь не обязательно, чтобы жители Суз были также потомственными шумерийцами. Однако вполне возможно, что культура Суз I и обеидская культура являются ответвлениями от одного общего южноиранского корня. Вместе с тем культура Суз I сменилась урукской или аналогичной ей родственной культурой. Между ними не наблюдается резкого разрыва, но мы не имеем также свидетельств о том, что характерные черты урукской культуры ведут свое происхождение непосредственно от культуры Суз I; например, сосуды с ручками не были распространены в Эламе в другое время и совсем не встречаются в более восточных областях. Во всяком случае, система письма не была заимствована в готовом виде из Шумера. Если даже идея письма и возникла под влиянием Шумера, то само протоэламское письмо было, повидимому, изобретено в Сузах. Экономические условия, породившие необходимость в письме и его технологических основах, несомненно, получили развитие в тот период, когда местная культура Суз I подверглась плодотворному влиянию новых традиций, отразившемуся в элементах урукской культуры, которые мы находим в культуре Суз В. Именно в это время проникает сюда гончарный круг, но мы не имеем никаких свидетельств о том, что и все другие новые изобретения являются результатом этого влияния; цилиндрические печати появляются, повидимому, позднее, между тем как применение лука, знакомство с металлургией и производством фаянса восходят ко времени Суз А.

Было бы естественно предположить, что нововведения, характеризующие культуру Суз В, являются результатом проникновения сюда того же западного элемента, который содействовал развитию урукской культуры в Шумере. Но в таком случае этот новый элемент едва ли можно называть семитическим, поскольку мы не имеем в Сузиане никаких свидетельств о семитах.

Чтобы разрешить эти и другие трудные вопросы, быть может, следовало бы принять в качестве очевидных фак-

тов проникновение сюда, вероятно, только специалистов-ремесленников из Шумера после установления там урукской культуры. Наконец, укрепление в фазу D сузианской цивилизации вместе с утверждением царской власти падает на то время, когда Элам подвергся двустороннему влиянию как с Востока, так и с Запада. Можно полагать, что «династический период» в Сузиане начался раньше, чем в долине Тигра и Евфрата. Древнейшие полихромные сосуды относятся, повидимому, к более раннему времени, чем желтовато-красная посуда Диалы, и находятся в более близком родстве с керамикой Джемдет-Насра. Но прежде всего мы должны проследить за возвышением монархии.

ГЛАВА VIII

РАННЕДИНАСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Археологи могут без труда отличить раннединастический период от предшествующего ему периода Джемдет-Насра и последующих периодов царствования Саргонидов по характерной для этого времени строительной технике. Прямоугольные черепицеобразные кирпичи, применявшиеся для строительства зданий позднеурукского периода и периода Джемдет-Насра, были заменены небольшими, так называемыми *плоско-выпуклыми* кирпичами, одна сторона которых имела плоскую, а другая — подушкообразную форму. Стены, воздвигнутые из этих кирпичей, обычно уходили основанием в вырытую в земле траншею, а сами кирпичи часто укладывались не горизонтально, а наклонно, под углом друг к другу — «в елку», хотя эта узорная кладка, конечно, не была видна под покрывавшей всю стену штукатуркой. Предполагается, что этот вид кирпичной кладки был введен чужеземцами, привыкшими строить здания из камня. Как бы то ни было, но кладка «в елку» встречается еще в ранний период в Библе (Сирия) и характерна для древнейших поселений в Трое у Геллеспонта, в Терми на Лесбосе и в Греции раннеэлладского периода¹. Таким образом, может показаться, что предложенное Христианом название «период плоско-выпуклых кирпичей» является более удачным, чем название «раннединастический период».

Однако мы сталкиваемся здесь с одной особенностью археологии, которая может служить оправданием Фрэнкфурту, пользующемуся, в сущности, социологическим определением. Начиная с I раннединастического периода мы сталкиваемся с небольшой категорией погребений,

¹ Dunand, RB, LVII, 1950, 591; Childe, Dawn, 37, 65 (Гордон Чайлд, цит. соч., стр. 68, 102).

которым вследствие своеобразия погребальных форм и ритуала присвоено название «царских гробниц». В раннединастическую эпоху частных лиц обычно хоронили в слабо скорченном положении в простых вырытых в земле могилах или в небольших кирпичных цистах, перекрытых ступенчатым сводом. Покойников часто завертывали в циновки и иногда клали в плетеные или глиняные гробы (ларнаки) или даже в большие кувшины (пифосы). В некоторых городах, по крайней мере в известные периоды, например в I раннединастический период в Кише¹, покойников хоронили под полами домов — обычай, практиковавшийся здесь и в более поздние времена и распространенный на протяжении всего доисторического периода в гористых областях Ирана и Анатолии, а также в эпоху неолита в Нижнем Египте. Обычно археологи, проводящие раскопки, сообщают о могильниках, расположенных внутри города на открытых пространствах, но возможно, что они просто не всегда замечают остатки непрочных стен домов из сырцового кирпича! Могилы всегда богаты сосудами, несомненно содержащими пищу и питье, но металлические орудия и оружие до III раннединастического периода встречаются в частных гробницах сравнительно редко.

«Царские гробницы», составляющие исключение, отличаются от этих частных могил по архитектуре, ритуалу и инвентарю. Гробницы эти, так же как в Египте эпохи I династии, представляют собою настоящие подземные камеры. Три обширные гробницы под храмом Иштар в Мари² были выстроены из больших каменных глыб, образующих ступенчатый свод. Все погребения были ограблены; однако в гробнице 300 остался некоторый инвентарь, позволяющий датировать ее и составить представление о ритуале. В сводчатой камере, имеющей 6,6 м в длину, 2,5 м в ширину и 1,6 м в высоту, сохранились сосуды желтовато-красной керамики типичных форм I раннединастического периода, украшения из золота, серебра и лазурита, вазы, зеркало, медный топор в форме полумесяца (стр. 244, тип. 9, рис. 91) и части костяка с двумя

¹ Watelin, Kish IV, 1934, 17.

² Syria, XVIII, 1937, 60; XIX, 4—6.

воткнутыми в шейные позвонки длинными медными булавами. Отсюда следует, что этот скелет принадлежал не владельцу гробницы, а слуге, умерщвленному при похоронах своего хозяина. Такие погребения так же характерны для царских гробниц в Месопотамии, как и в Египте. Ещё более ярким свидетельством этого обычая являются три гробницы того же времени в могильнике Y в Кише¹, архитектура и размеры которых нам не известны. В каждой из этих гробниц было похоронено несколько покойников (до пяти); помимо этого, мы находим здесь и другую, не менее характерную принадлежность царских погребений — похоронные дроги или колесницу с тягловыми животными. В гробницах 237 и 357 было обнаружено по одной четырехколесной повозке; в гробнице 529 — повозка и колесница (или, быть может, три колесницы)².

Повозки подобного типа представлены несколькими раннединастическими моделями, а также в резьбе (табл. XXIV, а), росписи (рис. 84) и мозаиках. Все они стоят на массивных колесах диаметром от 0,5 м (Киш Y) до 1,0 м (PG 789)³, которые состояли из трех досок, скрепленных между собою деревянными шпунтами, и, возможно, были связаны кожаными шинами, прибитыми медными гвоздями. Шляпки этих гвоздей, тщательно изображенные в моделях и рисунках в виде выступов, несомненно, служили для предохранения обода колеса от повреждений. Как сообщает Уэйтлин, в Кише колеса вытачивали из одного куска дерева вместе с осью длиной 0,9 м, которая прикреплялась к кузову повозки кожаными ремнями. В Уре Вулли⁴ нашел осевую коробку, прикреплявшуюся к кузову медными болтами.

Повозку к месту похорон везли иногда пара быков⁵, как в Сузах, но чаще четыре азиатских осла или онагры⁶. Двое животных тянули ярмо, которое, повидимому,

¹ Watelin, Kish IV, 1924, 29, 30.

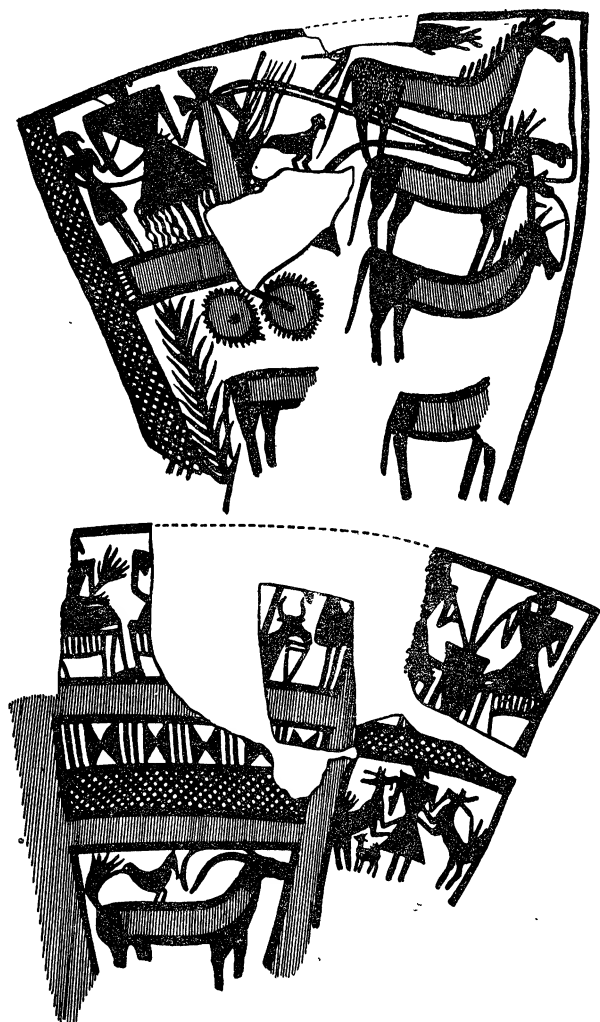
² Ibid.

³ Woolley, Ur Excavations, II, The Royal Cemetery; повозки см. на рис. 64, 109.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Hilzheimer, Antiquity. IX, 1935, 133.

Р и с. 84. Погребальные дроги и другие сцены, изображенные на сосуде желтовато-красной керамики из Хафадже, Британский музей.

было прочно прикреплено к дышлу. Пристяжные с обеих сторон тянули коренных за ярмо¹. Поводья для управления животными были прикреплены к медным кольцам, продетым как у онагров, так и у быков сквозь верхнюю губу². Они перекрещивались, проходя через два металлических седельковых кольца, прикрепленных к дышлу перед ярмом и увенчанных амулетами (табл. XXV). Совершенно очевидно, что эти повозки и их колеса могли быть изготовлены только с помощью пилы и других металлических инструментов, причем весьма показательно, что пилы действительно были обнаружены в «могилах с колесницами» в Кише.

Четырехколесные телеги с бычьей тягой, естественно, служили средством передвижения, и даже двухколесные повозки фигурируют в сценах из мирной жизни. Но на знаменитом «штандарте» из Ура и в нескольких других памятниках, являющихся документами изобразительного искусства, включая оттиск печати из Урука — IV, мы видим двухколесные и, вероятно, также четырехколесные повозки, использованные в качестве военных машин. Даже изготовление неуклюжей шумерийской военной колесницы обходилось, должно быть, очень дорого, а впрягавшиеся в нее «боевые ослы» требовали, очевидно, специальной тренировки. Принимая во внимание скудость ресурсов раннединастического общества, такую колесницу вполне можно сравнивать с современным танком; это было военное приспособление, доступное лишь цивилизованным государствам и их воинским формированиям; против него не могли устоять ни варварские племена, ни мятежное сельское население. Таким образом, погребение такой машины должно символизировать воплощение государства как силы принуждения в лице земного династа и юридически обосновать определение таких гробниц как «царских».

Конечно, наиболее драматическое отражение ритуала, сопровождавшего погребение царей, мы находим в царских гробницах Ура, которые были открыты в 1928 году и в настоящее время обычно относятся к III раннедина-

¹ Frankfort, *More Sculpture*; *OIR*, LX, 1943, 13.

² Schaeffer, *Syria*, XVI, 1935, 136.

стическому периоду¹. Здесь гробница так же, как усыпальницы первых фараонов в Абидосе, представляет собою настоящее подземное жилище. Погребальная камера строилась на дне глубокой шахты, в которую вел ход в виде гладкого или ступенчатого уклона или в виде дромоса, подобного тем, которые мы находим в египетских гробницах начиная с царствования Удиму. Одна гробница состоит из трех параллельных камер, сложенных из необработанных известняковых плит; каждая камера была перекрыта поперечным ступенчатым сводом, некогда облицована штукатуркой и отделана деревом. Другая небольшая гробница имела истинный купол, сложенный также из известняковых плит (ср. рис. 85). В других гробницах строительным материалом служил кирпич, и в некоторых случаях сводчатое перекрытие опиралось на настоящий ключевой камень, иллюстрируя таким образом принцип построения настоящей арки, — прием, встречающийся в архитектуре египетских погребальных сооружений эпохи III династии и, пожалуй, еще раньше известный в Ассирии.

И в Уре и в Кише идея, заложенная в сооружении подземного жилища, осуществлялась с такой же варварской логикой, как и в Абидосе. «Царственного» покойника при всех регалиях везли на колеснице или санях к месту погребения. Не только животные, запряженные в колесницу, но также и возницы, воины, придворные, музыканты и жены должны были сопровождать их господина в потусторонний мир. В шахте одной из царских гробниц Ура лежало пятьдесят девять покойников, среди которых было шесть воинов в доспехах и девять женщин, усыпанных дорогами украшениями (рис. 86).

После окончания этих страшных церемоний могильную яму засыпали, но не сразу, а слоями, причем каждый слой отмечен совершением дальнейших обрядов, сопровождавшихся дополнительными человеческими жертвоприношениями. Наконец, над могилой воздвигали нечто вроде надгробного святилища, соединявшегося с погребальной камерой керамической трубой (рис. 85). Это также напоминает египетские обычаи; хотя судить о

¹ Woolley, Ur Excavations, II, The Royal Cemetery.

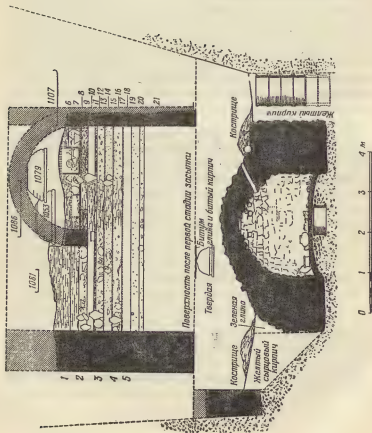

Рис. 85. Вертикальный разрез гробницы 1054 в царском могильнике в Уре.

1 — красная пережженная глина, и зола; 2 — смешанная земля и погребение В; 3 — слой с погребением А; 4 — погребение D; 5 — основание северной стены; 6 — красная пережженная глина и зола; 7 — обвалившийся кирпич; 8 — чистая земля; 9 — битый кирпич-сырец; 10 — мягкая земля; 11 — твердая глина и кирпич; 12 — земля, смешанная с костями животных; 13 — глинобитный пол; 14 — смешанная земля; 15 — глинобитный пол; 16 — земля с примесью золы и черепков; 17 — глинобитный пол; 18 — чистая желтая глина; 19 — относительно чистая земля; 20 — зола и керамика; 21 — относительно чистая земля.

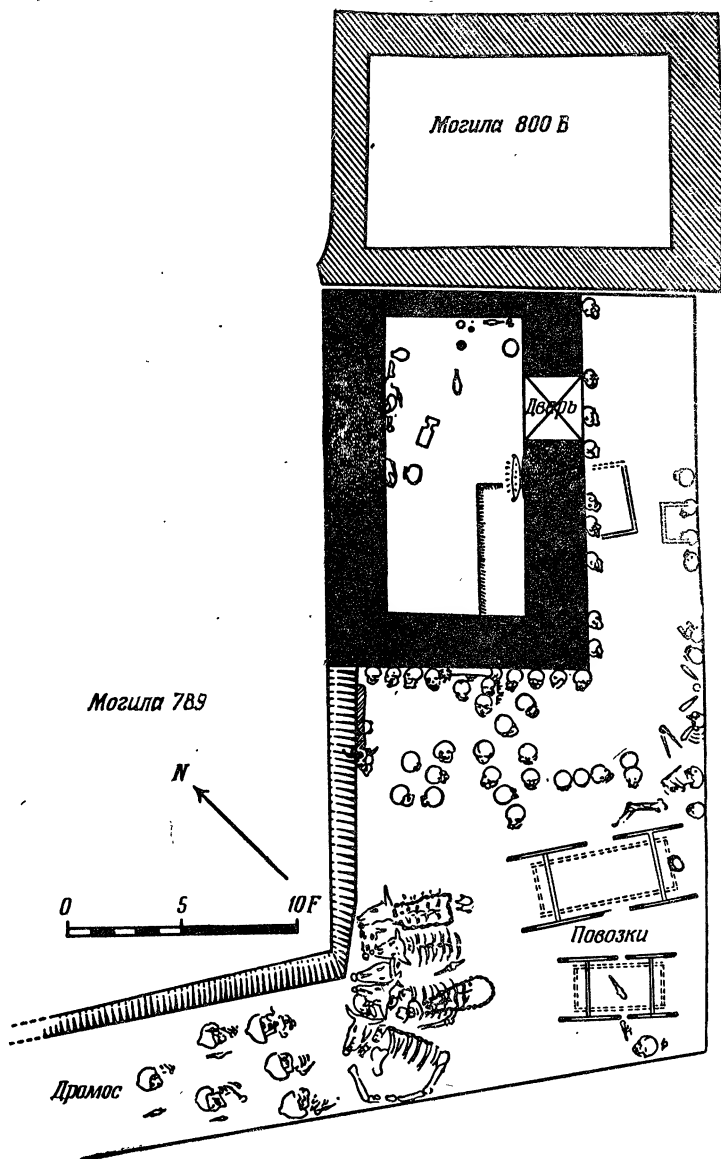

Рис. 86. План двух царских гробниц в Уре; в PG 789 видно размещение жертв.

степени сходства с ними трудно, так как предполагаемое святилище было разрушено. Другим намеком на связь с Египтом являются серебряная модель ладьи (табл. XXIV, *b*) из «царской гробницы» и модели из битума, найденные в простых могилах. Само собой напрашивается сравнение этих моделей с погребальными ладьями из могил Гора-Аха и более поздних фараонов, а также могил знати в Гелуане; но возможно, что это ложный путь, так как в более поздних вавилонских письменных источниках содержатся намеки на иные назначения моделей лодок, как, например, освобождение от грехов. Возможно, что египетские ладьи следует скорее сравнивать с повозками из шумерийских гробниц.

Некоторые ученые утверждают, что покойники, похороненные в этих гробницах в Уре, являются не светскими правителями вместе со своей свитой, а действующими лицами какой-то ритуальной драмы. Однако это предположение плохо аргументировано, и нужно полагать, что древнейшие гробницы Киша, Мари и Суз являются первым серьезным свидетельством о существовании царской власти в Месопотамии в полном смысле этого слова. Важно отметить, что некоторые из этих древнейших свидетельств исходят из Киша — города, где, согласно списку царей, была основана первая после «потопа» династия и престол которого с самого начала письменной истории оспаривался всеми местными правителями, домогавшимися более широкой верховной власти¹.

Более того, начиная, по меньшей мере, со II раннединастического периода мы находим монументальные здания, которые, по единодушному признанию, были не храмами, а дворцами земных владык. Наиболее внушительное впечатление производят дворец А в Кише² с колоннадой — настоящей «высокой портой», воплощающей в себе принципы, заимствованные из архитектуры Колон-

¹ Среди древнейших поддающихся чтению текстов имеется одна надпись на навершие булавы, посвященная «Месилиму, царю Киша»; он не был упомянут в списке царей и, повидимому, был правителем Лагаша, но обладал настолько большим авторитетом, распространявшимся за пределы этого города, что сумел навязать какой-то договор соседнему городу Умма.

² Mackay, in *Field Museum Anthropology Memoirs*, I, 1929; Eliot, *EMW*, 20.

ного храма в Уруке. Важное значение в связи с шумерийской традицией имеет также местоположение дворца, открытого в 1949 году в Эриду¹.

Введение в употребление плоско-выпуклых кирпичей приписывается, как мы знаем, чужеземным захватчикам. Вполне возможно, что такое же объяснение находят каменные и кирпичные гробницы со сводом. В свою очередь следует отметить, что несколько костяков из Киша У описаны как брахицефальные или арменоидные². Людей и богов теперь часто изображают с бородами, хотя бороды, возможно, были фальшивыми; на голову, несомненно, надевался парик³. Контено⁴ и другие подчеркивают сходство обряда погребения царей в Уре и Кише и у европейско-азиатских кочевнических племен, описанных Геродотом и Марко Поло. Сторонники «культурно-исторической школы»⁵, которые считают, что цивилизация всегда является результатом победы верхушки воинственных кочевников над оседлыми земледельцами, найдут в этом свидетельство вторжения племен из Центральной Азии, возможно отождествив их даже с шумерийцами. Эта точка зрения может найти некоторое подтверждение в сузских погребениях и в восточных аналогиях — желтовато-красной керамике, — новой керамической группе, помогающей определить I раннединастический период.

Вместе с тем примеры не менее пышных погребальных церемоний можно привести из практики современных африканских народностей, а погребения вокруг гробниц Джера и его преемников в Абидосе являются точнейшей аналогией жертвам, обнаруженным в гробницах Киша, Мари и Ура. Более того, ступенчатый свод и другие архитектурные приемы, характерные для этих царских гробниц, уже встречались нам в Египте (стр. 144). В таком случае, если мы примем приход каких-то захватчиков за действительный факт, то они должны были

¹ Sumer, VI, 1950, 31.

² Pennypacker, in *Watelin*, Kish IV, 68; другие костяки из Киша А описаны Бакстоном (Buxton, in *JRAI*, LXI, 57 ff.).

³ Ср. Frankfort, *Sculpture of the IIIrd Millenium*, *OIP*, XLIV, 1939, 49.

⁴ Manuel, III, 1557.

⁵ Например Menghin, *Weltgeschichte der Steinzeit*, 1931, 435, 470.

явиться с запада, проникнутые идеями, почерпнутыми в долине Нила. Если же необходимо дать им лингвистическое наименование, то, повидимому, правильное всего назвать их семитами, поскольку Месопотамия в период Джемдет-Насра была населена шумерийцами, в то время как семиты находились под некоторым влиянием Египта. В конце концов цари I династии Киша, упомянутые в списке царей, носят семитические имена, так же как раннединастические правители Мари, судя по надписям на их статуях¹. И все же керамика, искусство, архитектура, глиптика, письмо и культ свидетельствуют о тесной преемственности между эпохой Джемдет-Насра и I раннединастическим периодом².

Можно предполагать, что форма царской власти в Месопотамии и ритуал погребения царей были заимствованы из монархии фараонов; по одной из возможных хронологических схем, объединение Египта непосредственно предшествует I раннединастическому периоду. Если даже мы примем эту схему, это отнюдь не должно обозначать, что первые цари Шумера обязательно были пришлыми захватчиками. В урукский период и период Джемдет-Насра месопотамские идеи оказывали влияние на Египет, и вполне возможно, что это было просто взаимное влияние. Распри по поводу прав на воду между соседними общинами со все возрастающим населением были почти неизбежны, и возможно, что именно это породило необходимость иметь постоянных военачальников.

В то же время рост богатства всегда ведет к экономической дифференциации классов внутри общин. Лучшим средством примирения классовых интересов является подчинение их одной независимой власти, более реальной, чем власть мифического божества, или скорее являющейся воплощением божества в человеческом облике, каким фактически были Нармер или Аха. Другая, не менее правдоподобная хронологическая схема позволяет считать последних подражателями первым царям Киша или Мари.

Как бы ни обстояло дело в действительности, смертные «цари» добились, повидимому, больших успехов в

¹ *Rev. Ass.*, XXXI, 1934, 140—142.

² Eliot, *EMWI*, 33.

обеспечении безопасности своим подданным и в выколачивании из них храмовых податей и других видов налогов с целью концентрации общественных излишков в виде действительного капитала, чем бессмертные боги с их слугами — жрецами. Несмотря на то, что строительство храмов и дальнейшее развитие культа продолжалось, светские правители имели возможность использовать часть этого капитала для более продуктивных целей. Они, бесспорно, достигли больших успехов в организации снабжения металлом и другими видами сырья. Во всяком случае, более свободное использование металла для промышленных целей, отразившееся в инвентаре раннединастических погребений, свидетельствует о значительном росте богатства.

О росте населения можно также судить по размерам воздвигаемых теперь общественных зданий, по площади городов и по количеству погребений в могильниках. Урук занимает теперь площадь около 1100 акров, Ур — 150 акров. Возможно даже, что население стало более концентрированным. Некоторые доисторические поселения — Мерайджиб близ Ура, Окаир, Джемдет-Наср — были теперь, повидимому, покинуты. Усовершенствование средств передвижения позволило жителям деревень перенести свои жилища под прикрытие городских стен и при этом доставлять домой урожай с отдаленных полей. Города теперь были обнесены стенами, и внутренняя стена окружала возвышение, на котором стоял храм, — обычай, предвосхищенный в период Джемдет-Насра в Уруке.

Наиболее существенным вкладом в цивилизацию раннединастической Месопотамии было создание новых и усовершенствование старых орудий и военного оружия, а также системы письменных и цифровых знаков, отдельные формы которых заимствовались или копировались варварскими обществами на всей территории Западной Азии и даже Европы умеренного пояса. Этот вклад, пожалуй, более всего заметен в области металлургии.

Месопотамские металлурги теперь не только обеспечивали население достаточным количеством меди и других металлов, но также пополняли свои запасы из различных источников руды, содержавшей соответственно с

этим различные примеси. Таким образом, теоретически они стояли на пороге открытия, что некоторые виды руды или смеси руд, то есть руды, содержавшие олово, давали более доброкачественный металл. Будучи уже знакомы со свинцом и даже со сплавом свинца и меди (стр. 201), они смогли бы при наличии необходимой руды отделить от нее полезную примесь и уже сознательно добавить ее к меди. Во всяком случае, по меньшей мере к III раннединастическому периоду шумерийские литейщики уже пользовались бронзой, содержащей от 6 до 10 процентов олова¹. Это, однако, отнюдь не обозначает, что шумерийские литейщики сами располагали такими возможностями, а тем более что они воспользовались этими возможностями и открыли бронзу. Возможно, что некоторые бронзовые изделия из Ассирии, Палестины и даже Трои древнее шумерийских, но и они относятся еще к доисторическому периоду.

Шумерийцы пользовались медью из Омана, с Иранского нагорья и даже из Анатолии, но их источник олова неизвестен. В эпоху Саргона, царя Аккада, источники олова были, повидимому, отрезаны, по крайней мере, от Ура. Иногда встречаются даже изделия из железа. Как оказалось, один из металлических предметов, найденных в царских гробницах Ура, был сделан из метеоритного железа. Но клинок кинжала, найденный в Хафадже, изготовлен из металла, выплавленного из обыкновенной руды². Впрочем, этот кинжал был, повидимому, привезен в готовом виде, по всей вероятности, из Армении, где, как мы можем судить по более поздним событиям, какие-то варварские племена открыли экономичный метод выплавки железа, который они, однако, до самого конца II тысячелетия сохраняли в секрете.

Шумерийские металлурги овладели мастерством литья меди по восковой модели, клепки и паяния, пользуясь в качестве припоя свинцом. Трудно, однако, сказать, давало ли их производство какие-то прямые

¹ Desch, Reports of the Committee on Sumerian Copper, in the Annual Reports of the British Association for the Advancement of Science, 1928—1936; Plenderleith, in Woolley, Ur Excavations, II, 287 ff.; Delougaz, The Temple Oval, OIP, LIII, 152.

² OIC, 17, 1934, 61.

выгоды земледельцам. Правда, в раннединастический период глиняные серпы выходят, наконец, из употребления, но при этом они, как правило, уступают место углообразным деревянным серпам с кремневыми вкладышами¹; в Шумере было обнаружено лишь несколько металлических серпов², хотя в Ассирии они встречаются нередко. Однако ремесленники и воины имели в своем распоряжении достаточное количество металлических орудий и оружия. Различные типы этих орудий и оружия распространены на обширной территории от Ирана до Леванта и очень хорошо свидетельствуют о широте торговых связей и культурного влияния Шумера. Наиболее важное значение из них имеют³:

1) Долота — плоские клиновидные орудия со скругленным обушком (рис. 87, 1); 2) пилы с черешком, расположенным в середине основания (рис. 88, 1); 3) приближающиеся по форме к прямоугольнику черешковые «бритвы», всегда встречающиеся парами (рис. 87, 5); 4) пинцеты из двух спаянных вместе полосок металла; крупные образцы служили, по всей вероятности, щипцами; пинцеты часто встречаются вместе с ложечками для чистки ушей и туалетными иглами; все эти предметы имеют петлю, напоминающую узловидную головку булавы, описанной на стр. 110, и надеты на кольцо, образуя набор туалетных принадлежностей (табл. XXVI, b); 5) остроги и рыболовные крючки — и те и другие с двумя или тремя бородками и с черешками; 6) рабочие или боевые топоры с трубчатым проушком и постепенно сужающимся к концу лезвием, расположенным под острым углом к рукоятке (рис. 89, 1); обух для прочности может быть снабжен литыми валиками или рифлением или обит гвоздями; 7) проушновтульчатые тесла или топоры с поперечным лезвием (рис. 90); 8) кинжалы со слегка скругленным острием, снабженные продольным осевым ребром и черешком, к которому приклепывалась рукоятка

¹ Watelin, Kish IV.

² Andrae, Die archaische Ischtartempel, 83, fig. 63, Genouillac, Fouilles de Telloh, I, 1934, pl. II, 3b; Iraq, IX, 1947, 165. Все эти образцы могут быть отнесены к эпохе Саргонидов.

³ Их список со ссылками можно найти в MAGW, LXII, 1932, 228.

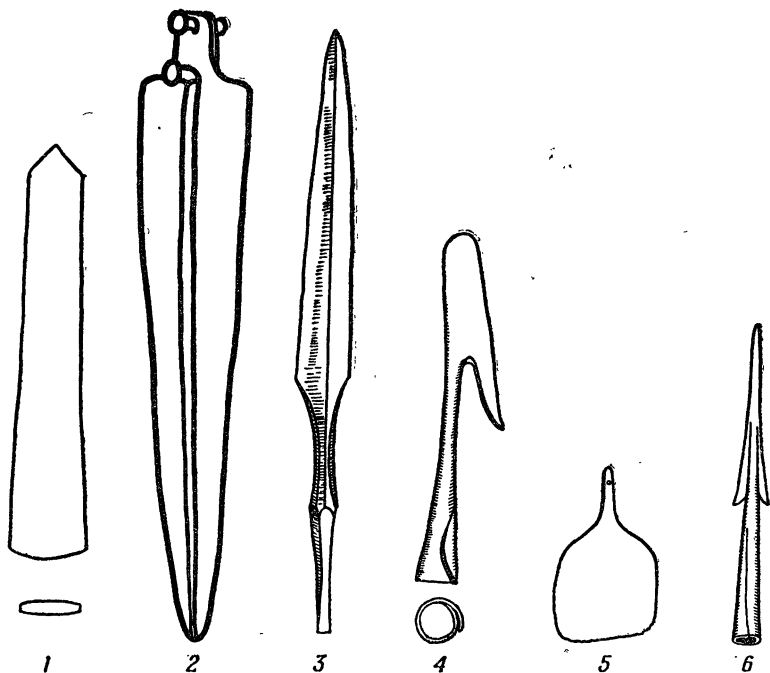

Рис. 87. Плоское долото, кинжал, листовидный черешковый наконечник копья, втульчатый наконечник гарпуна, бритва и наконечник дротика, Ур ($1/4$).

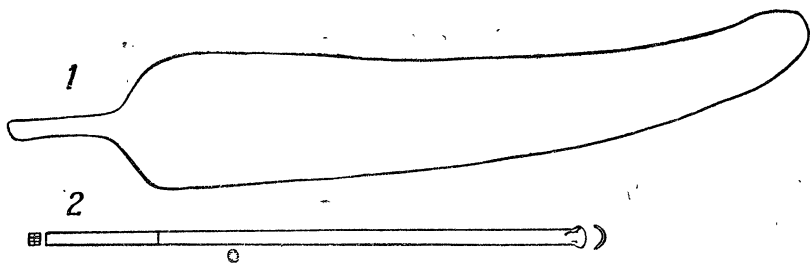

Рис. 88. Пила и стамеска (часть сверла), Ур ($1/4$).

(рис. 87, 2); место соединения клинка с рукояткой обычно бывает прикрыто металлической обоймой, которая, находя на клинок, образует выгнутую линию в противоположность вогнутой линии оснований рукояток египетских кинжалов (табл. XXVI, а); 9) топоры в форме

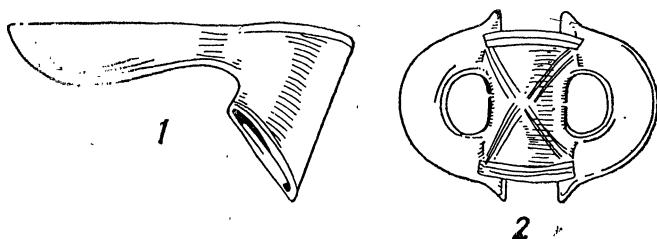

Рис. 89. Топоры, Ур ($1/4$).

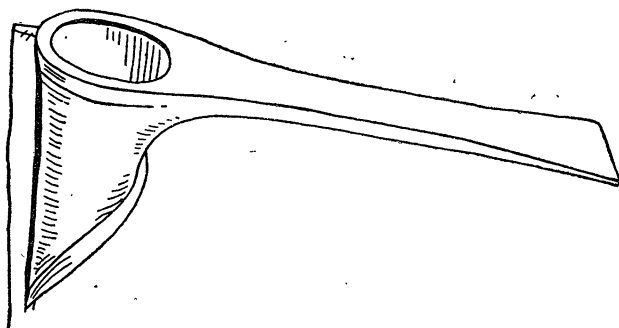

Рис. 90. Топор с поперечным лезвием, Ур ($1/2$).

полумесяца, обычно более тонкие, чем образец, изображенный на рис. 91; 10) черешковые наконечники копий с (а) листовидным или (b) граненым пером, имеющие в обоих случаях восьмигранную шейку, переходящую в квадратный в поперечном сечении черешок, вставлявшийся в тростниковое древко (рис. 87, 3); 11) втульчатый вток копья в виде согнутой конусом металлической пластины; 12) двухшипные наконечники стрел с такой же

согнутой втулкой (рис. 87, 6); 13) одношипные наконечники дротиков с такой же втулкой (рис. 87, 4); 14) вильчатые втоки древков стрел и копий, вставлявшиеся в нижний конец тростникового древка стрелы или метательного копья для предотвращения расщепления тростника тетивой (рис. 83).

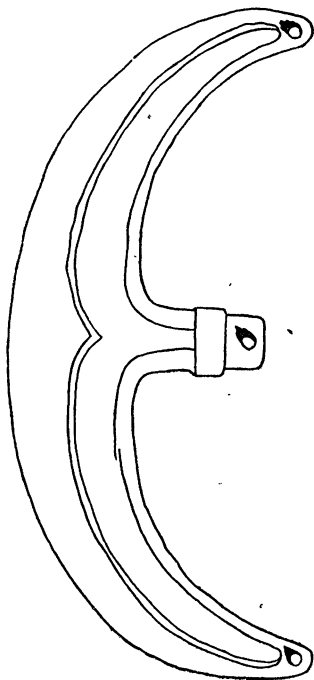

Рис. 91. Топор в форме полумесяца, Ур ($1\frac{1}{2}$).

Опубликованные материалы дают возможность проследить на протяжении всего большого раннединастического периода лишь незначительные прогрессивные сдвиги в области орудий и оружия и свидетельствуют о том, что многие формы дошли в неизменном виде до эпохи Саргонидов. В III раннединастический период известно только несколько типов, но возможно, что это является результатом соответствующих погребальных обычаев или малого количества опубликованных ранних могил. Однако в I раннединастический период¹ засвидетельствованы типы 1, 2, 6, 8, 9 и 14, между тем как в урукском горизонте Суз и Гавра мы уже находим формы, предвещающие появление типа 7.

Не менее показательным продолжением серии ремесленных орудий являются личные украшения. Мы можем далее упомянуть: 15) булавки со спиральной головкой (рис. 92, 5); 16) ракетообразные булавки (рис. 93), вероятно, для закалывания волос; 17) булавки с ушком в уплощенной шейке (рис. 92, 1—4); 18) булавки с не-

¹ Watelin, Kish IV, 22, 24; Hall, Woolley, Ur Excavations; I, El Obeid, 204, 210; Syria, XIX, 4.

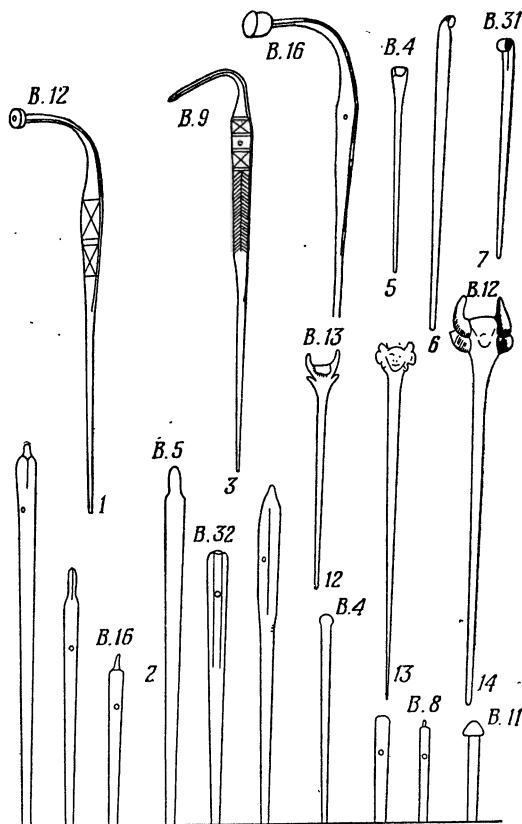

Рис. 92. Медные булавки, могильник А в Кише
(¹/₄).

большими коническими головками (рис. 92, первая справа в нижнем ряду); 19) булавки с головками в виде голов животных (рис. 92, 12—14); 20) булавки для волос с головками в форме руки и бусинами на концах «пальцев» (рис. 93).

Золотых и серебряных дел мастера достигли в своей области не меньших успехов, чем мастера по обработке

менее благородного металла. Они умели паять и сваривать и, таким образом, могли украшать свои изделия филигранью (табл. XXVI, *b*) и иногда даже довольно грубой зернью (табл. XXVI, *a*). Для царственных особ не только булавки и туалетные наборы, но и оружие, пилы и долота изготовлялись из золота или серебра.

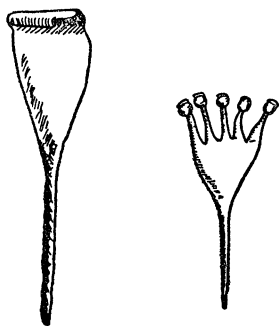

Рис. 93. "Ракетообразная булавка и булавка в форме руки, Ур ($1/4$).

Напротив, для более бедных классов украшения, сделанные ювелирами, копировались в меди. Преимущественно именно эти медные подражания нескольким типичным образцам изделий шумерийских ювелиров и распространились так же далеко, как и шумерийские типы орудий и оружия. Наибольшее значение в этом отношении имеют следующие формы: 21) спиральные серьги с уплощенными концами, развившиеся позднее в неестественно большие серьги ладьевидной формы, изображенные на табл. XXVII, *c*; 22) височные кольца с надетыми на них простыми

(табл. XXVII, *b*) или спиральными (табл. XXVII, *a*) завитками с уплощенными концами; 23) подвески в виде двух скрепленных вместе золотых спиралей; 24) золотые спиралеобразные завитки — отдельные (табл. XXVII, *b*) или сгруппированные по четыре внутри одного кольца (табл. XXV, *b*); 25) бусины, состоящие из двух кружочков с поперечным желобком, спаянные между собою так, что желобки, совпадая, образуют трубочку для продевания нитки (ср. табл. XXXI); 26) круглые металлические бляхи, украшенные штампованным орнаментом; две такие бляхи из Мари, относящиеся к I раннединастическому периоду, орнаментированы шестью коническими выступами, сгруппированными вокруг центрального выступа, а по краю — бусинообразными шишечками.

Мастера по обработке металла изготовляли также всевозможные сосуды. Не считая котлов и бадей, сохранившихся только в гробницах III раннединастического периода; они воспроизводили в серебре, золоте или меди

почти все формы известных керамических сосудов; из металла воспроизводились даже мехи для вина и сделанные из раковин светильники и сосудики для красок. Напротив, каменные вазы не отличаются таким разнообразием форм и орнаментации, как в предыдущие периоды. Тем не менее в царских гробницах были найдены великолепные вазы из лазурита и других полудрагоценных пород камня, которые можно сравнить с вазами из Абидосского могильника. С точки зрения внешних связей интересны прямоугольные вазы, найденные в большом

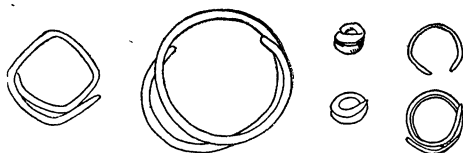

Рис. 94. Медные браслеты и серьги с уплощенными концами, Киш А ($1/8$).

количестве в могильнике Шуруппака (Фара), которые напоминают по форме египетские образцы, упомянутые на стр. 151.

Неизбежным результатом явился упадок в производстве керамики. К услугам богов и даже зажиточных граждан были каменные, золотые, серебряные и медные сосуды. Керамика предназначалась для слуг и для стола бедняков. Тонкая керамика изготовлялась только в I и II додинастические периоды. Для I раннединастического периода характерна так называемая желтовато-красная керамика, встречающаяся на всем пространстве от Мари до Суз¹. Оба вида орнаментов, как мотивы геометрических форм, напоминающие узоры на сосудах периода Джемдет-Насра, так и излюбленные в раннединастическом искусстве сцены (рис. 84), выделялись по контуру черной краской, наносившейся на желтую глиняную поверхность горшка, и затем заполнялись яркой, но легко отстающей красной краской. Керамика с лиловато-крас-

¹ Frankfort, *OIC*, 20, 65; Syria, XIX, 5.

ной облицовкой, характерная для фазы Джемдет-Насра, удерживается в употреблении до II раннединастического периода. То же самое можно сказать и о керамике со

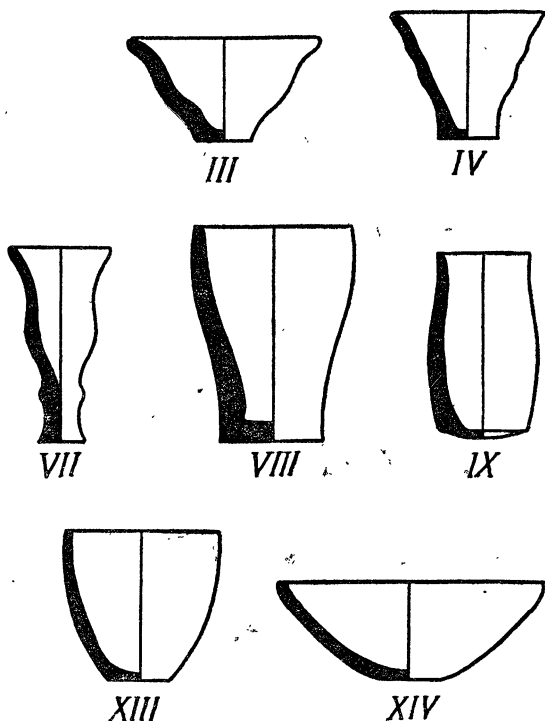

Рис. 95. Колоколовидные кубки и чаши, Эль-Обейдский могильник (¹/₁₂).

счищенной местами облицовкой¹, где поверхность сосуда покрывалась целиком коричневатой облицовкой, после чего параллельные полосы облицовки счесывались с помощью гребенчатого штампа, как это практиковалось при производстве египетской или сирийской керамики с

¹ Frankfort, *OIC*, 20, 62—65; *Ant. J.*, X, 339; Watelin, *Kish IV*, 14.

«чесаным» орнаментом. Даже обыкновенная светлая желтовато-серая керамика украшалась иногда нарезным орнаментом, хотя это явление наблюдается все реже и реже.

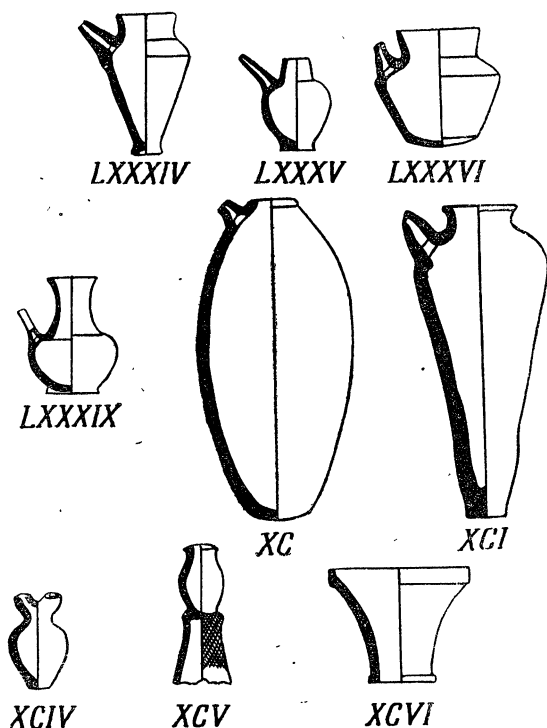

Рис. 96. Кувшины с носиками из могильника I (II) раннединастического периода в Эль-Обеиде ($1^{1/12}$).

Как в технике производства, так и в формах сосудов имеется много элементов, указывающих на непрерывность традиции между периодом Джемдет-Насра и раннединастическим периодом. Для I раннединастического периода характерны высокие кубки на массивных ножках, подобные образцу, изображенному на рис. 95, VII. Но

колоколовидные кубки (рис. 95, III), сосуды с носиками, предназначавшиеся для возлияний, и кувшины для хранения (рис. 96) ведут свое происхождение непосредственно от более древних форм. Высокие, расширяющиеся с обоих концов подставки, обычные для I и II раннединастических периодов, возможно, происходят от «жаровен», изготавливавшихся еще гончарами обейдского периода в

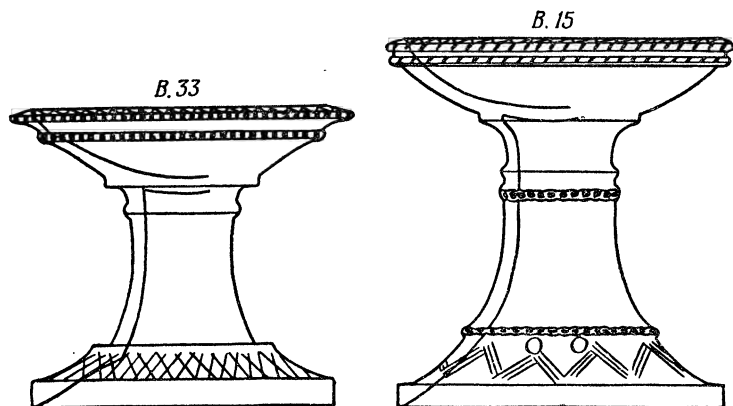

Рис. 97. Кубки на поддонах; могильник А в Кише (1/12).

Эриду, но теперь они служат для поддержания металлических или каменных кубков. Во II раннединастический период кубки и подставки иногда сливаются, образуя знаменитые кубки на поддонах (рис. 97), которые в III раннединастический период совершенно вытесняют из употребления «подставки». К началу I раннединастического периода петлеобразные ручки выходят из моды; можно, однако, встретить вертикальное ушко, прикрепленное к плечу кувшина со срезанным наискось краем. Это ушко, постепенно вырождаясь, утратило свое значение ручки, и во II раннединастический период оно начинает приобретать условную форму женского бюста¹. Результатом этой эволюции являются так называемые

¹ Hardén in Iraq, I, 1934, 30—44.

«сосуды для хранения зерна» (рис. 98), чрезвычайно распространенные в III раннединастический период в могильнике А в Кише и встречающиеся также в царских гробницах Ура, Мари и Суз¹.

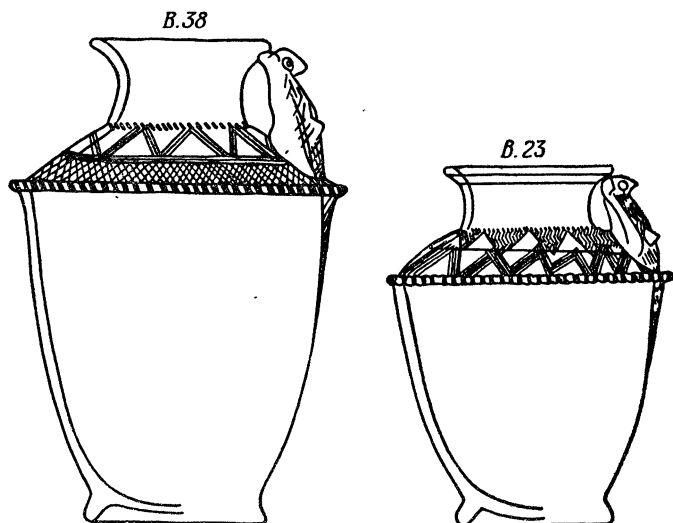

Рис. 98. Кувшины для хранения зерна, могильник А в Кише (1/12).

В храме Сина в Хафадже² был обнаружен кубок на поддоне, подобный образцу, изображенному на рис. 97, который был поставлен на модели святилища и мог перемещаться на четырех колесах. Это древнейший образец ритуальных сосудов на колесах, которые в дальнейшем приобретают такую широкую известность, судя по описанию храма Соломона и по европейским котлам на колесах, относящимся к позднебронзовому веку. В этой же связи следует упомянуть металлические сита и согнутые из металла трубочки (соломинки), употреблявшиеся при

¹ Woolley, Ur Excavations, II, pl. 187; *Antiquity*, V, 1931, 330.

² OIC, 19, 44.

ритуальном распитии пива. «Пир» — двое людей, втягивающих в себя через такие трубочки какой-то напиток из большого кувшина, — был излюбленной темой, встречающейся на многих предметах, начиная с вазы I раннединастического периода (рис. 84, внизу слева) и кончая «штанدارтом» и цилиндрическими печатями из царских гробниц в Уре.

Фаянс в раннединастическом Шумере не использовался так широко, как в Египте или Индии, и фактически его применение было ограничено изготовлением бус. К периоду Саргонидов было уже известно настоящее стекло¹, возможно, что и более древние бусы из Фары были сделаны из натурального стекла. Наши сведения о деревообделочном мастерстве носят лишь косвенный характер. Помимо уже описанных выше колесниц, мы можем упомянуть троны и кушеткообразные лежа с резными ножками в виде ног быка, как в протодинастическом Египте. Обнаружено также несколько типов арф и лир. У арфы царицы Шуб-ад деревянная дека была расположена горизонтально; к ней присоединялась стойка с одиннадцатью золотыми ключами, к которым были прикреплены струны. В лирах дека также расположена горизонтально, но девять струн прикреплялись ко второй параллельной ей горизонтальной планке, опиравшейся на мозаичные инкрустированные стойки, точно так же, как в инструменте, на котором играет осел (или человек, одетый в шкуру осла), изображенный на табл. I.

Любимыми приемами вавилонских художников раннединастического периода были инкрустация из раковины, иногда, как, например, в штандарте из Ура, в сочетании с лазуритом и красным камнем, а также резьба по раковине. Прекрасный образец резьбы по раковине показан у нас на табл. I; по мнению Гэдда², действующие лица изображенной здесь ритуальной сцены являются в действительности людьми, одетыми в шкуры животных, подобными тем, которых мы встречаем еще на палеолитических рисунках во Франции; любопытно сочетание египетского систра, на котором играет шакал,

¹ OIC, 17, 56.

² Gadd, History and Monuments of Ur, 1929, 36.

с изображенной наверху типичной фигурой шумерийского Гильгамеша. Примером круглой скульптуры (из дерева с накладкой листового золота) может уже служить голова быка, составляющая часть той же самой арфы, к которой принадлежит наш образец резьбы по раковине, хотя эта голова выполнена значительно менее удачно.

Круглая скульптура из камня так же, как барельефы, появляется еще в позднеурукский период. Наглядными образцами скульптуры раннединастического периода являются многочисленные статуэтки из Лагаша, Мари, Хафадже и Эшнунны¹. Однако этот вид искусства в целом, так же как глиптика, говорит об упадке по сравнению с великолепными образцами урукского периода и не дает, в сущности, ни одного произведения, которое могло бы сравниться с египетскими шедеврами эпохи Древнего царства. Фрэнкфорт пишет, что во II раннединастический период «изображение человеческого тела безжалостно сводится к абстрактным пластическим формам», между тем как в III период появляются попытки более реалистической передачи, которые, однако, не всегда увенчиваются успехом. Подобные же тенденции наблюдаются и в резьбе на печатях². В так называемом «парчевом стиле» I раннединастического периода условные изображения зверей и рыб, характерные для периода Джемдет-Насра, приобретают чисто геометрические формы, столь же лишенные какого-либо смыслового значения, как и узоры на печатях варварской халафской культуры. Более поздние моды опять обнаруживают тенденцию к изображению сцен — обычно мифологических или ритуальных, однако сцены эти редко отличаются той живостью, которую мы находим в изображениях на лучших геммах урукского периода.

Произведения искусства дают нам также представление об одежде шумерийцев. Наиболее распространенным видом одежды являются юбки, которые носили еще в урукскую эпоху. В III раннединастический период их делали из шерстяной ткани, покрытой кисточками, кото-

¹ Frankfort, *OIP*, XLIV и LX.

² Frankfort, *Cylinder Seals*.

рые в скульптуре изображаются таким же способом, как овечья шерсть. Мужчины в I и II раннединастические периоды изображаются обычно с бородами и длинными волосами, а в III период — чаще гладко выбритыми. Возможно, что более ранние портреты изображают искусственные бороды и парики; имеются изображения быков с несомненно искусственными бородами, а в могиле Мес-калам-дуга в Уре был найден золотой парик. Однако в противоположность существовавшему некогда мнению, моды на одежду и прически ни в коем случае не могут служить критерием при определении отличий шумерийцев от семитов. Так, например, на статуе одного из царей Мари, изображенного в типичной шумерийской одежде, вырезано семитическое имя Ламги-Мари.

Единообразие одежды на всем пространстве от Эриду до Мари является лишь одним из проявлений распространения на широкой территории одной культуры, основатели которой независимо от того, на каком бы языке они ни говорили, могут быть названы шумерийцами, так как до времени царствования Саргона мы не знаем ни одной надписи на семитическом языке.

Шумерийцы жили в одноэтажных домах из сырцового кирпича, разделенных на несколько комнат, которые, как правило, не группировались вокруг открытого внутреннего двора. Один небольшой пятикомнатный жилой дом в Хафадже¹ занимал пространство всего лишь 10 м × 6,5 м, но другое более крупное жилище из десяти комнат занимало в общей сложности площадь 30 м × 20 м. В этом доме некоторые двери были перекрыты истинной аркой с ключевым камнем (прием, наблюдаемый также в некоторых гробницах), но при этом они имели только 1,5 м в высоту! Свет проникал в комнаты через небольшие окошки. В каждом доме, конечно, была куполообразная печь для выпечки хлеба. В храмах имелись настоящие «кухонные плиты»², которые нередко принимают за гончарные печи. Дома, тесно примыкающая друг к другу, образовывали кварталы, разделенные

¹ Delougaz, The Temple Oval, *OIP*, LIII, 46; *OIC*, 17, 10—16.

² Delougaz, *OIP*, LIII, 130.

извилистыми улицами и переулками. Но внутри городских стен рядом с обширными дворами храмов имелись, очевидно, открытые пространства, по которым бродил скот, как это можно наблюдать в современных городах Индии. На этом основании Фрэнкфорт¹ считает, что население Ура, несмотря на значительную площадь, занимаемую городом даже в тот период, когда он был столицей империи, не превышало 24 000 человек, а число жителей в Хафадже в раннединастический период было в два раза меньше.

Конечно, «город, отрезанный окружающей его стеной от дикой природы, был замкнутой единицей». Однако большинство горожан были непосредственными производителями пищи, которые обрабатывали землю и ловили рыбу за пределами городских стен; в их жилищах попадаются орудия первичного производства, такие, как деревянные серпы с кремневыми вкладышами и рыболовные сети с глиняными грузилами². Но здесь процветали также и другие отрасли производства по переработке первичных продуктов, которые так же, как административные службы и служение богам, требовали особого персонала специалистов. Эти отрасли производства нуждались также в сырье, ввозившемся извне; не только металлы и самоцветы, но даже такие строительные материалы, как лес и камень, приходилось доставлять из мест, находившихся за пределами аллювиальной долины.

Возможно, что некоторые необходимые материалы попадали к шумерийцам в качестве военной добычи или дани. Шумерийские правители хвастаются иногда «экспедициями», в результате которых был доставлен камень и металл для украшения храмов. В каждом городе имелись свои ополченцы, которых обучали сражаться в фалангах; они были вооружены металлическими копьями и боевыми топорами, и их головы защищали медные кованые шлемы; впереди строя двигались воины на колесницах. Наиболее точные свидетельства относятся к использованию этих войск против таких же войск в междоусобных войнах между шумерийскими городами-

¹ Frankfort, *Town Planning Review*, XXI, 1950, 104.

² Delougaz, *The Temple Oval, OIP*, LIII, 30, 54.

государствами. Они, конечно, должны были также защищать завоевания цивилизации от набегов горцев или племен, населявших пустыню, которые все еще оставались варварами. Первые явные свидетельства об использовании этих войск для захвата сырья относятся только ко времени царствования Саргона, и даже в этом случае говорится, что он использовал вооруженные силы империи для охраны интересов мирных торговцев, которые уже начали в это время обосновываться в чужих краях. Таким образом, обеспечение городского производства сырьем осуществлялось с помощью «торговли».

Археологические источники не дают свидетельств о применении какого-либо нового сырья, кроме олова, и не открывают новых источников снабжения сырьем, помимо тех, которые уже были известны в урукский период. Не обнаружено также никаких предметов вывоза из долговечных материалов, которые могли бы свидетельствовать о широте распространения шумерийской торговли. В письменных текстах, относящихся к самому началу второго тысячелетия до н. э., говорится, что основными товарами, вывозившимися в Анатолию в обмен на металл, были различные изделия, особенно тонкие ткани, которые не могли сохраниться до нашего времени. Возможно, что такой же характер носила и торговля раннединастического периода. Однако археологам удастся проследить здесь одно удивительное новое явление: шумерийские города ввозили в этот период готовые изделия из другого центра цивилизации.

При раскопках храма Сина в Хафадже¹, относящегося ко II раннединастическому периоду, была обнаружена цилиндрическая каменная ваза, на которой было вырезано изображение дома с плетеными стенами. Единичные образцы ваз этого же типа были найдены в Мари, Уре и Сузах². Довольно большое количество таких ваз ведет свое происхождение с поселений культуры Кулли в Макране, где они изготовлялись из местной породы камня. Из Макрана они экспортировались не только на

¹ OIC, 19, 53.

² Woolley, Ur Excavations, II, pl. 178, a; Syria, XVI, 1935, pl. XXVII, 3; *Antiquity*, VI, 1932, 356; XVII, 1943, 167.

Запад, но и на Восток, в большие города долины Инда. В свою очередь изделия этих городов достигали Месопотамии. В месопотамских городах и в Сузах было собрано более тридцати печатей, которые либо были изготовлены в Индии, либо являются точными копиями индийских образцов. Только две из них были найдены в культурных слоях раннединастического периода, семь относятся к эпохе Саргонидов, а три — к еще более позднему времени¹. К периоду Саргонидов принадлежат также вырезанные из раковин пластинки для инкрустации и другие предметы, характерные для городов долины Инда, найденные в Эшнунне, расположенной на берегу Диалы².

Находки этих привозных изделий не оставляют никаких сомнений в существовании торговых связей между городами Месопотамии и городами еще одной большой речной долины, расположенной по другую сторону Иранского нагорья. Сосредоточение этих находок на берегах Диалы заставляет предполагать, что торговля осуществлялась по какому-то сухопутному пути. Более того, на одной вазе из Телль Аграба (также недалеко от Диалы) мы находим сцену, связанную, повидимому, с индийским культом³; она изображает горбатого быка зебу перед ритуальными яслями — сюжет, повторяющийся несколько раз на хараппских печатях. По стилю эта ваза представляет собою шумерийскую работу III раннединастического периода, и она была, повидимому, вырезана в этом же городе каким-то шумерийским мастером. Можно предполагать, что он сам был очевидцем отправления индийского культа в Месопотамии. В этом нет ничего удивительного, так как в торговле могли участвовать целые караваны или флотилии индийских купцов; возможно, что купцам, во всяком случае во время ярмарок, приходилось задерживаться в Шумере на несколько месяцев, чтобы распродать свой товар и запастись обратным грузом. Если предположить существование колонии индийских купцов с постоянной

¹ Piggott, *Antiquity*, XVII, 178.

² *OIC*, 16, 47—52.

³ *ILN*, Sept. 12, 1936.

резиденцией в каком-нибудь удобном для этой цели шумерийском городе, это бы вполне совпало с современной практикой и с тем, что нам известно о торговле на Востоке во II тысячелетии.

Если находки индийских изделий свидетельствуют, таким образом, о существовании непосредственных торговых связей между долиной Тигра и Евфрата и долиной Инда, то большой спрос в раннединастическую эпоху на лазурит указывает на не менее регулярные торговые отношения с северо-востоком, а именно с бассейном Окса, так как в таком большом количестве лазурит мог поступать только из Бадахшана. В этой торговле принимал участие также и Египет. Таким образом, мы имеем конкретные свидетельства о существовании к 2500 году до н. э. обширной торговой сети, охватывающей всю территорию от Тигра до Инда и Окса и на запад от Евфрата до самого Нила. Хотя основными свидетельствами торговли на Востоке являются привозные предметы, обнаруженные в городах и могильниках Шумера, эта торговля, конечно, не была односторонней. Не говоря уже о подражаниях шумерийским изделиям из металла, о которых будет упомянуто в последующих главах, нужно отметить несколько своеобразных резных бусин из сердолика, найденных в долине Инда и в Закаспии, которые вполне могли быть изготовлены в Уре¹.

Во всяком случае, с этой торговлей была связана не только перевозка товаров, но и перемещение людей. В частности, искусные мастера могли путешествовать с места на место и обосновываться на постоянное жительство в любом месте, где они находили рынок сбыта для изделий их ремесла, как это практикуется на Востоке даже в наши дни. Это создавало широкие возможности для обмена идеями. Таким образом, это было время, когда три цивилизации слили воедино свой культурный капитал, так как долина Инда владела письменностью не в меньшей мере, чем Месопотамия и Египет.

Чтобы установить относительную величину вклада, сделанного каждым из трех участников, нужно попытаться определить абсолютную хронологию раннедина-

¹ Beck, *Ant. J.*, XIII, 1933, 384.

стического периода в Месопотамии. Конец раннединастического периода, совпадающий с возвышением империи Аккада, был приурочен приблизительно к 2325 году до н. э. Древнейшим из правителей, упомянутых в списке царей, чьи памятники сохранились до нашего времени, является А-анни-падда, властитель Ура; согласно истолкованию списка царей, данному Джекобсеном, его вступление на престол должно датироваться приблизительно 2550 годом до н. э. Судя по стилю печатей и архитектуре зданий, время его царствования падает на вторую половину выделенного археологами III раннединастического периода. Все более ранние фазы являются, в сущности, доисторическими. Однако на нескольких табличках из Шуруппака имеются оттиски печатей, характерных по стилю для II раннединастического периода, а также имена, сходные с именами древнейших царей исторического периода в Кише¹. Начало периода царствования этих правителей, согласно восстановленному списку царей (не содержащему достоверных дат царствования ранних царей Киша), может быть отнесено к такой ранней дате, как 2800 год до н. э. Таким образом, II раннединастический период падает частично на двадцать девятое столетие, то есть приблизительно на время царствования Менеса, определяемое по наиболее короткой египетской хронологии.

Некоторое подтверждение правильности этих цифр мы находим в истории отдельных храмов, так как на строительство и перестройку храмов в раннединастический период затрачивалось не меньше энергии, чем в урукский период и в эпоху Джемдет-Насра. В Хафадже можно проследить не менее десяти перестроек храма Сина, причем пять из них относятся к раннединастическому периоду, а остальные к периоду Джемдет-Насра. Делюга² выдвинул специфические доводы, которые, однако, отнюдь не получили единодушного признания, что каждый

¹ Jacobsen, *The Sumerian King List*, 188—189; Frankfort, *OIC*, 20, *Commentary on the Chronological Table*.

² Delougaz, *Pre-Sargonic Temples*, *OIP*, LVIII, 126—133; ср. Frankfort, *OIC*, 19, 87. (При понижении этих цифр для согласования их с новой датой царствования Саргона получается, что II раннединастический период начинается около 3000 года до н. э.!)

храм существовал от 100 до 140 лет. По его расчетам, строительство храма Сина VI и начало I раннединастического периода относятся приблизительно к 3175 году до н. э. На этом же основании начало периода Джемдет-Насра должно восходить к 3570 году. В таком случае этот период должен захватывать значительную часть герцейской фазы в Верхнем Египте. Однако эти цифры выведены, в конечном счете, в результате хотя и обоснованных, но все же чисто умозрительных рассуждений. Относительно небольшие изменения в довольно хорошо известных керамических формах¹ между периодом Джемдет-Насра и периодом Саргонидов могут также свидетельствовать в пользу резкого сокращения этого промежуточного периода. Поскольку урукский период отличается большим оживлением в области строительства, чем период Джемдет-Насра, конец обеидской фазы в Уруке и Эриду, согласно предыдущим вычислениям, должен быть отнесен приблизительно к 4000 году до н. э. В таком случае первый обеидский храм был, повидимому, построен около 4500 года до н. э. и, следовательно, соответствует по возрасту фаюмской неолитической стадии, датированной с помощью радиоуглеродного метода!

¹ Eliot, *EMWI*, 33.

ИНДИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до н. э.

Третий центр развитой древней цивилизации на Востоке, охватывающий низменную долину Инда с его притоками, так же как Египет и Вавилония, представляет собою аллювиальную равнину, где из-за недостаточного выпадения дождей оседлое земледелие зависит прежде всего от естественного или искусственного орошения. В доисторический период сходство его с Вавилонией было еще более близким, так как Синд в те времена омывался не только с запада Индом, но и с востока водами Великого Михрана (Сарасвати) и, таким образом, представлял собою настоящее «Двуречье». Однако здесь естественно орошаемые земли простираются через весь южный Пенджаб до самого подножья гор и занимают неизмеримо большую площадь, чем в Месопотамии; широкие равнины, протянувшиеся вдоль берегов Сатледжа, Рави, Ченаба и Желума, в противоположность возвышенным равнинам Ассирии, являются естественным продолжением синдских равнин. По своему внешнему облику эта страна в наши дни сильно отличается от Ирака; мы не находим здесь ни голой пустыни, как на нынешней территории Шумера, ни болот, как в доисторическом Шумере и современном южном Ираке.

Даже в тех местах, куда благодаря плотинам больше не достигают полые воды, деревья и кустарники образуют на низменных равнинах настоящие джунгли, питающиеся подпочвенной влагой. Хотя со времени доисторического периода уровень подпочвенных вод повысился и в настоящее время на 3 или 4,5 м превышает поверхность древнего горизонта, относительный уровень поверхности равнины и русла реки, повидимому, остался неизменным.

Город Мохенджо-Даро¹ нередко подвергался наводнениям. Хотя и возможно, что наводнения в древности были менее разрушительны, чем теперь, они не в меньшей мере облегчали орошение полей, чем в наши дни. Кроме того, имеются свидетельства о том, что выпадение дождей в тот период было более обильным, чем теперь². В доисторических документах отражена фауна джунглей — тигры, слоны, носороги — в противоположность животному миру полупустыни, фигурирующему в искусстве древнего Шумера. Широкое применение обожженного кирпича в строительстве доисторических городов было бы излишней роскошью в условиях, когда выпадало малое количество дождей.

Условия жизни на аллювиальной равнине так же, как в Египте и Вавилонии, требовали организованного объединения сил для контролирования и регулирования полых вод, от которых зависело само существование людей, и для перевозки на дальние расстояния товаров, скрашивавших это существование. Таким образом, стремление человека приспособиться к местному природному окружению и подчинить его своей воле достигло наивысшего предела с созданием ремесленной и торговой городской цивилизации, достигавшей здесь еще более широких масштабов, чем на берегах Нила или Евфрата. До сих пор были исследованы руины только трех городов — Мохенджо-Даро и Чанху-Даро³ на Инде и Хараппы⁴ на Рави, которые находятся на расстоянии приблизительно 650 км друг от друга. Тем не менее культура всех трех городов удивительно однородна; все специфические черты архитектуры и планирования городов, металлических орудий и оружия, украшений и бус, искусства и эпигра-

¹ Marshall, Mackay and others, Mohenjo-daro and the Indus Civilization, London, 1932 (в ссылках Mohenjo-daro, I). Этот труд до выхода в свет книги Пиггота (Piggott, Prehistoric India, London, 1950) являлся лучшей из обобщающих работ, написанных о цивилизации долины Инда.

² Большее количество дождевой влаги было скорее результатом более обильного выпадения муссонных осадков, чем проникновения дальше на восток атлантических циклонов.

³ Mackay, Chanhu-daro Excavations, 1935—1936, New Haven, Conn., 1943.

⁴ Vats, Harappa, New Delhi, 1940.

фики, отмеченные в Мохенджо-Даро, повторяются в Хараппе. Сходство является настолько полным, что любое замечание в последующем описании приложимо в одинаковой степени ко всем поселениям, за исключением немногих случаев, в которых будут сделаны оговорки. Это сходство не является простым совпадением, которое можно было бы объяснить параллельным развитием в условиях однородного естественного окружения; здесь мы имеем дело с чем-то более искусственным, выраженным, например, в единообразии крайне индивидуализированного и самобытного керамического и глиняного искусства. Это такое единообразие, какое мы наблюдаем в памятниках архаической шумерской цивилизации на всем пространстве от Эриду до Мари. Но при этом расстояние между этими двумя городами составляет лишь половину расстояния между Чанху-Даро и Хараппой, а последние два пункта еще не определяют собою крайних пределов распространения древнеиндийской цивилизации. Остатки этой цивилизации были также обнаружены ниже по течению реки вплоть до Амри и выше — до Рупара на Верхнем Сатледже¹. Площадь, охватываемая индийской цивилизацией в хараппский период, быть может, в два раза превышает Египет эпохи Древнего царства и, вероятно, в четыре раза — территорию Шумера и Аккада.

Каково же было политическое выражение этого культурного единства? В Египте после царствования Менеса культурное единство, наблюдаемое на всем пространстве от Дельты до Первого порога, соответствовало не только однородности природного окружения, традиций, языка и этнического состава, но также и политическому объединению под властью одного монарха. В Вавилонии единство материальной культуры сопровождалось однородностью языка, религии и расового типа и удерживалось, несмотря на наличие множества независимых государств. Выразилось ли экономическое единство в долине Инда в политическом единстве так же, как оно вырази-

¹ О распространении цивилизации Хараппы, по данным на 1950 год, см. Piggett, *Prehistoric India*; открытые в 1951 году новые поселения в штате Биканир также нанесены на карту.

лось в единстве материальной культуры, религии, письма и, повидимому, языка? Мы не находим здесь большого количества военного оружия и изображений боевых сцен, которые могли бы свидетельствовать о междоусобных конфликтах между городами-государствами, как в Месопотамии, или о существовании войска, с помощью которого какой-то один царь, подобно тому, как это было в Египте, подчинив себе других, достиг внутреннего мира в стране.

В период своего существования два города — Хараппа и Мохенджо-Даро — выделяются как две столицы одной «империи» среди ряда более мелких поселений¹ — провинциальных городков, укрепленных деревень и, возможно, пограничных постов и факторий. Площадь Мохенджо-Даро исчисляется от 5400 до 63 000 кв. м ($1\frac{1}{4}$ до $15\frac{1}{2}$ акров). Но в Хараппе² еще сто лет тому назад можно было установить, что площадь, заключенная внутри городских стен, равнялась $0,8 \times 0,8$ км. По всей вероятности, Мохенджо-Даро занимал не меньшую площадь. Однако мы не можем еще определить, что служило тем центром, вокруг которого концентрировались излишки богатств или капитал, необходимый для превращения деревни в город. Только в 1947 году мы узнали, что в каждой столице имелась возвышающаяся над городом крепость, укрепленная массивной внутренней стеной из обожженного кирпича³. Крепость в Хараппе занимала площадь 460×215 ярдов; в непосредственной близости от нее находилось огромное зернохранилище площадью 50×40 м, состоящее из двух строений по шести отделений в каждом. Подобное же зернохранилище было открыто в 1950 году в Мохенджо-Даро, на этот раз внутри крепостных стен.

Совершенно очевидно, что в крепости находилась резиденция «правителя», и связанные с крепостью большие зернохранилища являются конкретным выражением его экономической мощи; как божества шумерских городов или божественные фараоны, он концентрировал в

¹ Piggott, PI, 171—174.

² Vats, Harappa, 4.

³ Wheeler, Ancient India, III, 1947, 61—76.

своих руках реальные богатства — продукцию зависевших от города территорий. Но было ли это какое-то вымышленное божество или реальный царь, наделенный божественной властью? Выстроенная на холме Мохенджо-Даро буддийская ступа и недавние могилы не дали возможности довести раскопки крепости до конца и расчистить храм или дворец¹. Наиболее внушительным сооружением, расчищенным на территории крепости Мохенджо-Даро, является общественная баня. Но о силе этой до сих пор еще не определенной власти можно судить по управлению городом, о котором свидетельствуют сами руины.

Города строились по обдуманному плану, и строители в продолжение нескольких фаз перестройки так строго придерживались этого плана, что ширина улиц всегда оставалась неизменной. В каждом городе имелась разработанная система канализационных стоков со ступенчатыми перекрытиями; стоки вели к выгребным ямам, и вся система могла функционировать только в том случае, если эти ямы периодически вычищались, что, повидимому, входило в обязанности каких-то общественных служителей.

Остатки зданий свидетельствуют о неравномерном распределении богатства среди городского населения, граничившем с разделением на классы. В Хараппе² у самого подножья холма, на котором возвышалась крепость, были выстроены ряды изолированных двухкомнатных домиков, несомненно принадлежавших ремесленникам. Они резко отличаются от просторных двухэтажных жилищ с внутренними дворами, комнатами для омовения, многочисленными жилыми помещениями и нередко с отдельным колодезем, в которых жила, если можно так выразиться, хараппская буржуазия. И однако даже в этих домах помещения в нижнем этаже служили в качестве лавок или кладовых («подвалов»).

Возможно, что городское население разделялось и в

¹ Здание, которое Маккэй называет «дворцом» (Mackay, Further Excavations at Mohenjo-daro, New Delhi, 1938) (Mohenjo-daro, II), на самом деле представляет собою лишь большой купеческий дом, такой же, как и другие окружающие его дома.

² Vats, Harappa, 63; Piggott, PI, 169.

зависимости от различной расовой принадлежности¹. Оно было явно смешанным; костяки и статуэтки, несомненно, принадлежат к нескольким различным физическим типам. В самом низу социальной лестницы мы находим примитивный «австралоидный» тип; толстые губы и мясистый нос маленькой бронзовой статуэтки (табл. XXIX) свидетельствуют о родстве этой группы с уцелевшими аборигенами южной Индии; отсюда можно сделать вывод о том положении, какое эта группа, подобно ее современным представителям, занимала в обществе. Другой, более развитый тип с таким же длинным черепом, как и у предыдущего, называют европейско-африканским или даже средиземноморским. Он, повидимому, приближается к одному из длинноголовых шумерийских типов, и это сходство особенно подчеркивается в портретных статуях (табл. XXVIII) благодаря бороде, выбритой верхней губе и длинным волосам, закрученным по шумерийской манере пучком на затылке. На третьем месте здесь, как и в Кише, в Аккаде, представлен брахицефальный альпийский или арменоидный тип. Наконец, один скелет и несколько глиняных статуэток, несомненно, принадлежат к монгольскому или монголоидному типу; они представляют собою древнейшие датированные образцы этого расового типа, но, возможно, принадлежат к послехараппской эпохе.

Большие города, дававшие приют этому смешанному населению, были выстроены почти целиком из кирпича, большей частью обожженного. В Мохенджо-Даро сырцовый кирпич вообще если и употреблялся, то только для заделки изъянов; в Хараппе стены иногда бывают сложены из чередующихся рядов обожженного и сырцового кирпича. Однако в древнейших крепостных сооружениях кирпичи обшивались деревом — этот прием, пригодный скорее при строительстве из сырцового кирпича, позднее был оставлен. Кирпичные стены были лишены каких-либо украшений, но имеются некоторые прямые свидетельства, что их облицовывали глиной, которая, как в буддийской и современной Индии, несомненно, служила декоративным целям. В строительстве применялось также

¹ Mohenjo-daro, I, 638 ff., 630; *Anthropos*, XXVIII, 1933, 148.

дерево — местная порода сиссу и кедр, который, возможно, привозили с Гималаев. Камень, повидимому, совсем не употреблялся; дверные пяточные камни, столь характерные для вавилонской архитектуры, заменялись кирпичами. В более крупных домах обычно делали колодцы и комнаты для омовения, но помещения, несомненно являвшиеся уборными, были обнаружены только в одном позднем доме.

Хозяйство в долине Инда, так же как в Египте и Вавилонии, опиралось на оросительное земледелие и скотоводство. Местные жители выращивали пшеницу ежовку (*Triticum compactum*), ячмень, финиковые пальмы, горох и кунжут. Судя по распространенной единице веса, они выращивали также рис, но прямых свидетельств этому не имеется. Лен уступает здесь место хлопку. Из домашних животных разводили горбатых индийских коров (зебу) и безгорбую породу (известную только по печатям и глиняным моделям), буйволов, коз, овец (уриа-лов), кур и слонов; попадающиеся часто кости свиньи принадлежат, повидимому, местной породе кабана и, таким образом, не могут служить свидетельством свиноводства. В позднейших слоях Мохенджо-Даро встречаются кости верблюда, осла и лошади, но эти животные не представлены ни на печатях, ни в виде глиняных моделей и, возможно, появились уже после конца хараппской цивилизации.

Города неизбежно становились центрами торговли, и даже продовольствие нередко привозилось издалека. Для облегчения передвижения люди пользовались повозками на колесах и лодками. Колеса, как в Шумере, Эламе и в современном Синде, изготавливались из трех массивных досок, на средней из которых вырезалась выпуклая ступица¹. Глиняные и бронзовые модели² указывают на I) двухколесные телеги, почти такие же, как современные телеги, употребляющиеся в индийских деревнях³, II) легкие крытые фургоны⁴, напоминающие современные эка, и двухколесные арбы, употребляю-

¹ Mackay, Chanhudaro, 162.

² Vats, Harappa, 99—100, Chanhudaro, 163.

³ Ant. J., IX, 26.

⁴ Vats, Harappa, 99—100, Chanhudaro, 163.

щиеся народами евразийских степей, и III) четырехколесные повозки с высокими щитками¹, напоминающие шумерийскую колесницу, изображенную на штандарте из Ура. Единственным засвидетельствованным тягловым животным является горбатый бык зебу. Лодка, представленная только на одной печати², напоминает современные речные лодки, но при этом не лишена также сходства с судами, изображенными на урукских табличках и печатях (рис. 64).

Торговля была настолько хорошо организована, что она обеспечивала регулярную доставку не только продовольствия из прибрежных районов, но также металла из Раджпутаны или Белуджистана, раковин *Turbinella pirum* из южной Индии и предметов роскоши из еще более отдаленных областей — лазурита из Бадахшана, жадеита из Китая или Бирмы, амазонита из Гуджерата или даже с холмов Нильгири. Мы видели, что индийские изделия, среди которых встречаются даже печати и керамические вазы с шишечным орнаментом, во второй половине III тысячелетия достигали Месопотамии. В свою очередь в долине Инда иногда встречаются копии шумерийских цилиндрических печатей и наборов туалетных принадлежностей³.

Отрасли обрабатывающей промышленности в городах хараппской культуры соответствуют ремеслам, практиковавшимся в тот же период на Тигре и на Ниле. Но техника обработки материала была различной, и в некоторых отношениях ремесленники долины Инда шли впереди своих шумерийских или египетских собратьев.

Металлурги плавил серебро, свинец и медь и обрабатывали также золото. Меделитейщики, как и в Шумере, применяли бронзу с приплавом олова, но, помимо этого, пользовались медным сплавом с 3,4—4,4-процентным содержанием мышьяка — сплавом, применявшимся также в Анау, в Закаспии. Они умели отливать предметы по восковой модели и применяли технику клепки, но, по-видимому, никогда не прибегали к паянию или сварке.

¹ Chanhu-daro, pl. LVIII, 9, 13.

² Mohenjo-daro, II, 1938, pl. LXXXIX, A.

³ Mohenjo-daro, II, 345, ARSI, 1927—1928, 73—76; 1928—1929, pl. XXVIII.

В Хараппе металлурги пользовались плавильными печами «горшечного» типа, имевшими 1 м в диаметре и 1,1 м в глубину; воздух в эти печи нагнетался, должно быть, сверху вниз через наклонные каналы с помощью каких-то сильных мехов¹. Возможно, что большие печи, достигавшие 2,5 м в длину и разделенные упиравшейся в заднюю стенку неполной кирпичной перегородкой по осевой линии на две части, принадлежали гончарам.

Орудия и оружие, изготовленные хараппскими металлургами, производят впечатление более примитивных, чем шумерийские. Наиболее важными формами являются: 1) плоские долота, более расширенные, но вместе с тем и более уплощенные к обушному концу, чем образец, изображенный на рис. 99,3; 2) плоские топоры с округленным расширяющимся лезвием; 3) небольшие пилы с прямой спинкой, напоминающие ранние египетские формы и представляющие собою точное подобие железных пил, которыми пользуются современные индийские резчики по раковине; 4) кинжалы с плоским черешком, осевым ребром и двумя очень маленькими отверстиями для заклепок у основания клинка; такие кинжалы выковывались целиком из толстой полосы металла (рис. 99,2) (они принадлежат к поздней фазе или даже к послехараппскому периоду², но в техническом отношении являются типично «индийскими»); 5) широкие плоские кованые наконечники копий с плоским черешком (рис. 99,5); 6) однолезвийные ножи с загибающимся сверху острием, прямой или скругленной спинкой и коротким черешком, но без отверстий для заклепок (рис. 99,1); 7) бритвы с широким скругленным лезвием, расположенным наподобие топора по отношению к тонкой металлической ручке и уравновешенным с противоположной стороны полукруглым выступом (рис. 99,4); 8) крючкообразное режущее орудие, какими пользуются в Индии и в наши дни; 9) бодило для погоняния быков; 10) редко встречающиеся серпы, которые, по видимому, могут быть отнесены к типу «челюстеобразных»; 11) наконечники стрел с выемчатым основанием без

¹ Vats, Harappa, 470—472.

² Piggsott, *PI*, 229.

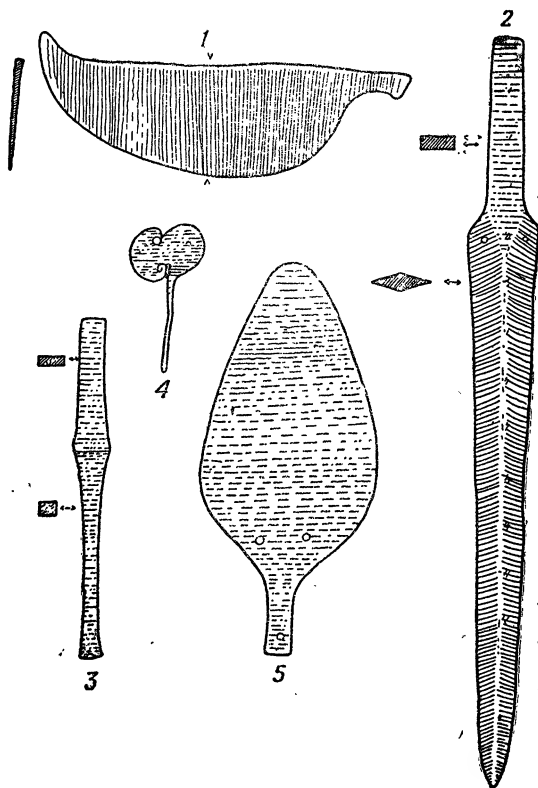

Рис. 99. Медные нож, кинжал, долото, бритва и наконечник копья, Мохенджо-Даро ($1/4$).

черешков, вырезанные из листовой меди. Вся эта серия представляет резкий контраст шумерийским формам, перечисленным на стр. 241. В частности, здесь, как правило, не применялся шумерийский способ прикрепления топора к рукояти с помощью проушного отверстия, проходившего насквозь через головку топора. Правда, в Мохенджо-Даро были найдены раскрашенная глиняная модель топора и топор-тесло, повидимому, прикрепляв-

шиеся к рукоятке таким способом¹. Но модель была найдена совершенно обособленно, и эта форма не представлена хотя бы в виде одного металлического образца, между тем как топор-тесло происходит из поверхностного слоя и относится в лучшем случае к последним дням существования хараппской цивилизации, уже клонившейся к упадку. Среди принадлежностей хараппского туалета мы обычно не находим булавок; отдельный экземпляр² с головкой в виде двойных спиралей, похожий на встречающиеся в Хиссаре II и Сялке III, должно быть, принадлежал чужестранцам. Точно так же единственный сохранившийся до нас пинцет входит в набор туалетных принадлежностей³, состоящий из нескольких инструментов с узловидными петлями, точно такими, какие мы находим в шумерийских образцах, с которых, вероятно, и был скопирован хараппский набор.

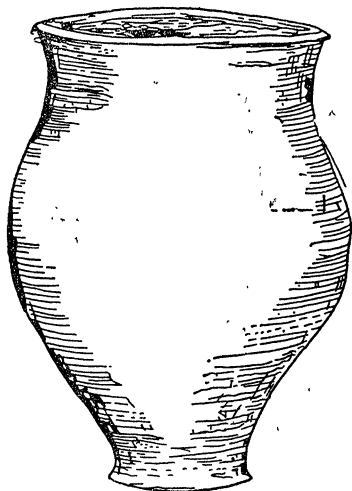

Рис. 100. Медный кубок из Мохенджо-Даро ($\frac{1}{3}$).

Из меди, серебра и свинца изготовляли также сосуды, но все формы этих сосудов повторяются в керамике (рис. 100). Золотых дел мастера редко пользовались приемом филигрانی, таким популярным в Шумере, но они умели паять и очень изящно оправляли в золото небольшие бусины. Наиболее красивыми образцами их работы являются серебряная пряжка⁴, украшенная спиральным узором из золотой проволоки, и бусы с золотыми колпачками. Из других типов золотых бус можно

¹ Mohenjo-daro, II, 458—459, pl. CXII, I, CXX, 27.

² Chanhu-daro, 195, pl. LXVIII, 9.

³ RAS, 1923—1924, 52—55.

⁴ Vats, Harappa, 64, pl. CXXXVII.

отметить бусы дисковидной формы, описанные под № 25 на стр. 246 (табл. XXXI).

Гончарное ремесло в долине Инда занимало более почетное место, чем в Шумере; здесь изготавливали красивую посуду, иногда покрытую великолепной росписью. Гончары пользовались гончарным кругом. Обычно их керамика имела палевую или розовато-красную окраску, но наряду с этим они умели, регулируя процесс обжига, изготавливать серую керамику, похожую на урукскую, описанную на стр. 193. Повидимому, они пользовались теми же техническими приемами, которыми пользуются современные горшечники в деревнях Синда¹; среди развалин Мохенджо-Даро были найдены некоторые предметы, в частности инструмент для сглаживания поверхности сосудов и своеобразные крышки, которые и сейчас можно встретить в повседневном употреблении у гончаров соседних деревень. Это тот же самый тип крышки, который употреблялся в Вавилонии в период Джемдет-Насра и изображен на рис. 65.

Более тонкие керамические изделия покрывались красной или кремовой облицовкой, причем поверхность красных сосудов иногда подвергалась лощению; даже серая керамика иногда покрывалась темносерой облицовкой, цвет которой, так же как цвет красной керамики, зависел от окиси железа, на этот раз подвергавшейся реакции восстановления². Наиболее распространенной формой является небольшая грубой работы чаша для питья со своеобразным заостренным дном (рис. 101); этими сосудами, вероятно, пользовались только один раз, после чего их разбивали, как это принято у современных индийцев. Сужающиеся, почти заостренные днища встречаются, однако, и у сосудов других форм, особенно у больших кувшинов для хранения. Носиками снабжены только неглубокие миски-рожки, представляющие собою далеко не обычное явление, а подобие ручек в виде веерообразных ушков с отверстиями мы находим лишь у одной редкой группы чаш. Узкогорлые кувшины встречаются относительно редко; длинногорлые бутылки и

¹ Mackay, *JRAI*, LX, 1930, 131—134.

² *RASI*, 1928—1929, 153.

сосуды с расширяющимися горлышками неизвестны. Вместе с тем в могилах, так же как в Шумере, часто можно встретить красные, серые и расписные кубки на высокой ножке (рис. 101). Заметно выделяется среди других еще один тип сосуда — цилиндрический кувшин с проделанными в стенках отверстиями.

Сосуды орнаментировались отпечатками веревки или путем проведения гребенчатым штампом по толстому.

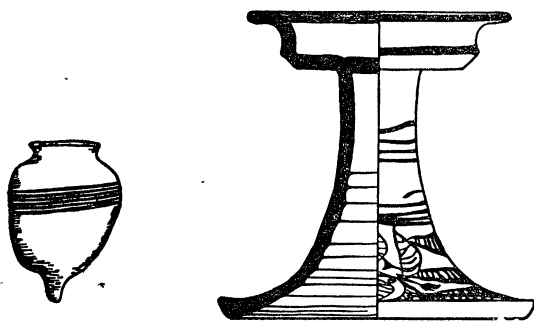

Рис. 101. Чаша для питья из Мохенджо-Даро и расписной погребальный кубок из Хараппы.

слою кремовой облицовки, подобно шумерийской керамике с частично соскобленной облицовкой; иногда они украшались маленькими шишечками, но самыми красивыми из них были расписные вазы. Краска, обычно черная, наносилась жесткой кистью поверх темнокрасной облицовки или ангобы и в виде исключения — поверх кремовой облицовки. В позднейшем культурном слое Мохенджо-Даро появляется полихромная керамика: черные узоры на кремовом фоне заполнялись красной, зеленой или желтой краской, наносившейся после обжига.

Орнамент, нанесенный черной краской по красному фону, является наилучшим свидетельством единства, оригинальности и древности индийской цивилизации; по нему мы можем судить о зрелости, уверенности мастеров и совершенно своеобразном стиле, твердо выдерживаемом на всем протяжении от Амри до Хараппы. Неотъемлемой чертой этого стиля является чередование зна-

чительных неорнаментированных участков поверхности сосуда с широкими горизонтальными и вертикальными полосами, покрытыми сплошь либо условным растительным орнаментом (деревья, ветки с листьями, лианы), либо повторяющимися узорами. Под последним термином мы подразумеваем мотивы, которые, повторяясь, могут быть бесконечно продолжены в любом направлении. Наиболее распространенным был орнамент из находящихся друг на друга кружков (образующий розетки или в сочетании с клетками — так называемый узор в виде растянутой шкуры); далее следует чешуйчатый орнамент (в основе которого лежит полукруг); иногда встречаются клетки, треугольники (последние всегда в чередовании); так, например, гладкие треугольники неизменно чередуются с примыкающими к ним с двух сторон заштрихованными треугольниками, попадают также и сложные узоры из волнистых линий, крестов, Т-образных фигур или сердечек (табл. XXXII). Подобные же узоры мы находим и в других формах искусства, например в инкрустациях из раковины. Мотивы, применяющиеся в других областях в качестве самостоятельных зональных узоров, используются здесь только как бордюры при оставлении большого неорнаментированного поля; среди них мы находим кружки, пунктирный ступенчатый орнамент и реже — перемежающиеся треугольники (заштрихованные переплетающиеся и волнистые ленты и комбинации заштрихованных треугольников с полукружьями встречаются главным образом на редких сосудах с палевой облицовкой). Фигуры животных являются исключительной редкостью; иногда между листьями изображаются маленькие павлины; на одном черепке из Хараппы¹ мы находим изображения семьи поселянина вместе со скотом. Любопытный мотив, встречающийся обычно на палевой керамике из Мохенджо-Даро, напоминает большой гребень, но возможно, что он представляет собою условное изображение быка.

В Индии было широко распространено производство изделий из фаянса. Фаянс употреблялся для изготовления браслетов (табл. XXX, *d*), статуэток (табл. XXX, *c*),

¹ Vats, Harappa, pl. LXIX, 3; № 16 изображает рыбака с сетью.

печатей и бус, так же как небольших сосудов, подражающих обычным керамическим формам. Несколько черепков глиняной посуды из ранних и средних слоев Мохенджо-Даро покрыты настоящей глазурью. Каменные вазы, напротив, встречаются редко; наиболее интересные образцы являются привозными и соответствуют резным каменным вазам, ввозившимся в Месопотамию во II раннединастический период (стр. 250).

Оружие, как мы уже говорили, является исключительной редкостью; наиболее распространенным видом оружия была праща; круглые и яйцевидные снаряды для пращи встречаются довольно часто. Попадают также наверх булав, обычно такой же шаровидной или грушевидной формы, как в Вавилонии, и в исключительных случаях — дисковидной формы. Кремневое оружие неизвестно, и вообще кремневые и каменные орудия представлены только в виде нескольких совершенно простых ножевидных пластин и нескольких больших клиновидных орудий из сланца, изготовленных с применением техники скола; одно из них, подобно северным европейским толстообушным топорам, имеет прямоугольное поперечное сечение.

После керамики наиболее отличительными произведениями индийской культуры и искусства являются печати (табл. XXX). Самым распространенным типом печатей являются квадратные стеатитовые таблички с резным изображением на лицевой стороне и с шишечкой на обратной; вслед за резьбой их покрывали глазурью. На печатях вырезаны надписи, состоящие из нерасшифрованных письменных знаков, и прекрасно выполненные изображения животных — «единорогов», короткорогих быков, быков зебу, слонов, носорогов, тигров, буйволов, крокодилов и антилоп. Похожие изображения, выполненные в таком же самобытном стиле, найдены на плоских медных табличках с «надписями» на обратной стороне. Встречаются также длинные узкие крышеобразные печати с продольным отверстием, имеющие только надпись, и прямоугольные пуговицеобразные штампы из стеатита или фаянса, украшенные только узорами геометрических форм, включающими свастику. Все эти предметы рассматриваются как печати, но ничто не сви-

детельствует о том, что они употреблялись для запечатывания чего-либо, между тем как в Месопотамии или Египте оттиски встречаются гораздо чаще, чем сами печати. В Индии наиболее близкой аналогией таким отпечаткам являются небольшие таблички из обожженной глины, на которых мы находим лишь оттиски печатей и которые сами по себе составляют самостоятельную группу предметов. Термин «печать» является, таким образом, условным; предметы с этим названием приходится рассматривать как ритуальные — научное выражение того, что мы не знаем, для чего они предназначались.

Аккуратные каменные кружочки и четырехугольники могли, так же как в Шумере, служить игральными фишками. Жители долины Инда, несомненно, играли в какую-то игру, связанную с бросанием костей; кости, так же как в Шумере, были кубической формы, однако нумерация была несколько иной.

Мужчины носили шаль, драпированную вокруг плечей, а женщины — какую-то вытканную целиком одежду, не нуждавшуюся в закалывании булавкой. В противоположность Египту и Месопотамии широкое распространение среди населения имели запястья; встречаются лощеные керамические запястья (красные или темносерые), запястья из металла, раковины из фаянса (нередко украшенные ребристыми выступами или рельефным спиральным узором). Волосы, как в Месопотамии, перехватывались узкой повязкой из золотой ленты. Вокруг шеи носили ожерелья из нескольких рядов бус. Концевые скрепления ожерелий, золотые или покрытые листовым золотом, часто имеют полукруглую форму, встречающуюся в Египте и в Библие в эпоху Древнего царства, но представленную также на черепках расписной керамики в Эламе, которые, возможно, относятся и к более раннему времени (табл. XXXI, вверху). Кроме золотых дисковидных бус, которые, как уже упоминалось, встречаются также в Шумере, Египте и даже в Трое, мы находим здесь золотые колпачки для подвесок с припаянной к ним маленькой петлей (табл. XXXI, внизу); эта форма также встречается в Трое. Многосегментные фаянсовые бусы принадлежат, повидимому, только к самой позднейшей фазе хараппской цивилизации или к эпохе сменившего ее

варварства¹. Интересны также сердоликовые бусы с вытравленными на них белыми узорами² (встречающиеся редко, чаще в виде копий из пасты), длинные биконические бусы из сердолика, такие же, как в царских гробницах Ура, и агатовые бусы уплощенно цилиндрической формы, имеющие точные аналогии среди бус из гробницы царицы Шуб-ад в могильнике Ура³. Однако наиболее типичной формой индийских бус является, по видимому, небольшой диск с гладким или зазубренным краем. Амулеты редки. Возможно, что к числу амулетов принадлежат несколько миниатюрных фаянсовых фигурок зверей. Бараны изображены в лежащем положении с подогнутыми ногами, точно так же, как сделанные из лазурита бараны и быки из царских гробниц в Уре. Вырезанный из обыкновенной или слоновой кости амулет в виде мухи представляет собою исключение и, по видимому, подражает египетским или шумерийским формам.

Височные украшения или пуговицы в виде плоско-выпуклых кружков из стеатита⁴ с двумя отверстиями в плоской стороне, сужающимися наподобие перевернутой буквы V, демонстрируют форму, известную в эпоху доисторического «медного века» в умеренном поясе Европы.

При раскопках единственного настоящего могильника в Хараппе⁵ был засвидетельствован только один обряд захоронения — вытянутое труположение в длинной могильной яме; вместе с покойником в могилу клали много сосудов, личных украшений и туалетные принадлежности; один покойник лежал в деревянном гробу, завернутый в тростниковый саван. Однако возможно, что погребения, обнаруженные недалеко от прибрежного поселения Тарро⁶ в камерах, выстроенных из нескрепленных раствором камней и имеющих 3 м в длину, 1 м в ширину и 0,5 м в высоту, относятся к хараппскому периоду. Вместе с тем, как сообщают, в обоих крупнейших рас-

¹ Anc. India, III, 123.

² JRAS, 1925, 698; Man, XXXIII, 1933, 150; Ant. J., XIII, 1933, 384.

³ Antiquity, V, 1931, 459.

⁴ Chanhu-daro, 197; Harappa, 443.

⁵ Anc. India, III, 1947, 86—89.

⁶ Piggoth, P. I., 207.

копанных поселениях были обнаружены погребения с трупосожжением и расчлененные погребения в урнах¹, между тем как в домах и на улицах были найдены целые костяки, группами и поодиночке². Но погребальный характер «захоронений в урнах» вызывает сомнение, а костяки, найденные на улицах и в домах, могли принадлежать жертвам набегов или эпидемий.

Мы уже неоднократно подчеркивали, что Индия в третьем тысячелетии с ее в высшей степени своеобразной и самобытной цивилизацией может смело выдерживать сравнение с Египтом и Вавилонией, не уступая им в техническом отношении. Совершенно очевидно, что цивилизация пустила глубокие корни в индийскую почву. Индийская цивилизация является прекрасным примером приспособления человека к специфическому природному окружению в том виде, который мог явиться лишь результатом многолетнего упорного труда. И человек выдержал здесь испытание: цивилизация носит специфически индийский характер и является основой современной индийской культуры. В архитектуре и ремесленном производстве Мохенджо-Даро и еще больше в одежде и религии обнаруживаются черты, характерные для всего исторического периода Индии. Можно назвать некоторые из этих черт.

В области архитектуры, помимо предполагаемого пользования штукатуркой, большого количества комнат для омовения и фактического отсутствия уборных, нужно отметить помещения с колодцами и стойками для кувшинов, которые, повидимому, являются предшественниками «*riau*» (специальных мест для кувшинов с водой) — этой отличительной черты индийского базара. Как мы уже отмечали, повозки и лодки очень похожи на современные, употребляющиеся в стране в наши дни. Глиняные модели кушеток изображают тип ложа, употребляющийся в Индии и теперь, но при этом они находят также аналогии в древних Сузах и Ассирии. Деревенские гончары Синда, повидимому, унаследовали свое ремесло от своих собратьев, живших в период индийской цивилиза-

¹ Mohenjo-daro, I, 86 ff.; Harappa, 161.

² Mohenjo-daro, II, 94, 117; Harappa, 197.

ции. Отсутствие булавок и пристрастие к запястьям и замысловатым украшениям для носа представляют собою специфические индийские черты. Для подведения глаз здесь, как и в других местах, пользовались сурьмой, но в Мохенджо-Даро сурьму хранили в маленьких флакончиках и наносили с помощью медных палочек, что, повидимому, практиковалось только в Индии. Гребни из слоновой кости, которые древние индийцы носили в волосах, точно соответствуют по форме деревянным гребням, до сих пор распространенным в Индии. Найденные в Мохенджо-Даро каменные или грубые керамические гладилки для массирования тела напоминают туалетные принадлежности, употребляющиеся в Индии в настоящее время, хотя они находят также аналогии и в раннединастическом Кише.

Наиболее убедительные свидетельства ярко выраженного индийского характера цивилизации долины Инда дает религия¹. Многие непонятные предметы из древних городов могут получить вполне удовлетворительное объяснение при обращении к индийскому культу. Например, бесчисленные глиняные статуэтки повсеместно находят современные аналогии. В Индии большинство статуэток изображает женщин, часто богато украшенных драгоценностями, а иногда беременных или кормящих грудью младенцев; некоторые из них, возможно, представляют собою votivные статуэтки богов, но другие могли изображать просителей или даже просто служили куклами. То же самое можно сказать и о глиняных моделях зверей: часто встречающихся среди них быков зебу можно рассматривать как священных животных, но некоторые из них, как, например, быки с подвижной головой, очевидно, служили игрушками, так же как не менее распространенные миниатюрные тележки, ложа, караван хлеба и посуда. Но некоторые предметы имеют, повидимому, значение священных символов; особенно это касается больших каменных фаллов и каменных колец, нередко с волнистыми краями, которые соответствуют лингам и иони индийских культов плодородия.

Более основательными свидетельствами служат «печати» и глиняные таблички с оттисками, гравированные

¹ Mohenjo-daro, I, 48—78.

медные таблички и штампы из фаянса. На одной «печати» из Мохенджо-Даро изображено рогатое трехликое божество, сидящее, скрестив ноги, в позе ритуального созерцания и окруженное различными дикими животными; это божество, очевидно, является прототипом Шивы, «трехликого» «владыки зверей», «царственного йоги», как это тщательно доказывает Маршалл. На нескольких глиняных табличках изображено божество мужского пола; на одной табличке изображена река, извергающаяся из лона богини. В других случаях мы находим явное изображение трех духов. Противоположность таким сюжетам, распространенным в индийской иконографии, составляют отдельные мотивы, характерные для Вавилонии, — антитетическая группа, изображающая «героя, побеждающего тигров», и чудовище получеловеческого облика, напоминающее шумерийского Энкиду в схватке с быком или тигром. Свастика и крест, часто встречающиеся на печатях-штампах и круглых табличках, служили такими же религиозными или магическими символами, как в древнейший доисторический период в Вавилонии и Эламе; такой же характер они сохранили как в других странах, так и в современной Индии.

Религиозные представления, выраженные в перечисленных выше памятниках, знакомы и современному послеведическому индуизму. Но они заметно отсутствуют в древнейших священных книгах индийцев, и, в свою очередь, мы напрасно стали бы искать в период древнейшей индийской цивилизации изображения сцен, иллюстрирующих содержание гимнов Риг-Веды. Шива в таком виде, в каком он изображался в Хараппе и Мохенджо-Даро, обычно рассматривается как «исконное местное» божество, перешедшее к ведическим арийским захватчикам и отождествляемое с малозначительным ведическим божеством Праджапати. Три духа и женские божества играли ничтожную роль в мифологии Вед; фаллический культ там не упоминается. Европейские ученые рассматривают все эти религиозные понятия как послеведическое приложение к брахманизму. В свою очередь фигуры небожителей ведического пантеона, например громовержца Индры, не встречаются в период древнейшей индийской цивилизации. Лошадь, занимающая такое

видное место в изобразительном искусстве ведического периода и служившая основным жертвенным животным, совершенно не представлена на печатях, которые, повидимому, все-таки имели религиозное значение.

Уже этих приведенных выше оснований достаточно для того, чтобы мы могли рассматривать древнейшую индийскую цивилизацию как не арийскую и доарийскую. Фактически она дает документальное освещение уже давно предполагаемых на основании сравнений источников происхождения тех «добавлений», которые отличают брахманизм от религии и ритуала, отраженных в Ведах.

Сложный и, как мы теперь видим, продолжительный процесс приспособления людей к природному окружению Индии, отразившийся в цивилизации долины Инда, мог возникнуть и охватить такую обширную территорию лишь после длительного периода созревания на одном месте. Тем не менее эта цивилизация, хотя и противопоставляющаяся египетской и шумерийской как специфически индийская, опирается в основе своей на те же идеи, открытия и изобретения, что и последние. Правда, сходные черты этих трех цивилизаций носят преимущественно общий и абстрактный характер — городской уклад жизни, выращивание злаков, одомашнение крупного рогатого скота и овец, металлургия, ткацкое ремесло, изготовление кирпичей и глиняной посуды, просверливание твердых пород камня при изготовлении бус, страсть к лазуриту, знакомство с фаянсом. Но даже при этом их едва ли можно рассматривать как самостоятельные изобретения, накапливающиеся в условиях сходного природного окружения.

Найденные в Месопотамии предметы хараппского производства, упомянутые на стр. 257—258, служат неопровержимым свидетельством наличия непосредственных торговых сношений между долиной Инда и долиной Тигра и Евфрата. Эти торговые связи могут служить объяснением некоторых поверхностных проявлений сходства, но не ими объясняется характер технологической и экономической основы двух цивилизаций. Они могут, однако, служить основанием для определения хронологии цивилизации, которая, хотя и относится уже не к допись-

менному периоду, тем не менее является для нас еще доисторической. Наиболее хорошо датированные предметы ввоза в Месопотамию, дающие нам *terminus ante quem* для хараппского периода, относятся ко времени Саргонидов. Только две-три «печати» и несколько каменных ваз, попавшие в эти долины из какого-то промежуточного центра, свидетельствуют о торговых связях, имевших место в раннединастический период, до 2350 года до н. э. Еще несколько индийских «печатей», найденных в Месопотамии в комплексе послеаккадского периода, свидетельствуют о том, что хараппская цивилизация еще существовала в 2000 году до н. э. Таким образом, совершенно ясно, что хараппская цивилизация не есть результат простого перенесения на другую почву или копирования раннединастической шумерийской цивилизации. И та и другая базируются на одних и тех же важнейших открытиях и изобретениях, которые, однако, шли различными путями развития, судя по тому, что позднейшие общие элементы, обнаруженные в Месопотамии, относятся к урукскому периоду.

В 1950 году мы располагали лишь небольшим количеством данных о дальнейшем развитии Индии в этом тысячелетии. Города долины Инда неоднократно подвергались опустошительным наводнениям. После каждой катастрофы строительный горизонт повышался; комнаты нижних этажей заполняли глиной или кирпичом, а стенки колодцев надстраивали, так что теперь они возвышаются над более ранними постройками, подобно фабричным трубам. Поэтому сохранившиеся до нашего времени отложения имеют чрезвычайно большую толщину, но, тем не менее, мы не можем проследить существенных изменений в культуре, которые позволили бы выделить последовательные слои. Хараппская цивилизация с начала своего существования и до самого конца не носит никаких признаков прогресса в области письма, искусства, металлургии или архитектуры.

И все же под крепостной стеной в Хараппе было найдено несколько черепков, которые хотя и принадлежат к сосудам, сделанным на гончарном круге, но не находят себе места в керамической серии хараппской культуры. Они заставляют предполагать существование здесь в

дохараппский период какого-то поселения деревенского типа, жители которого не знали письменности¹ и были, очевидно, родственны населению северного Белуджистана. Точно так же в долине нижнего Инда, в Синде, Маджумдар² обнаружил в Амри и на нескольких других поселениях под типичными остатками небольших хараппских городков поселения и характерную керамику, принадлежащие к какому-то более раннему периоду. Но от этой культуры Амри не сохранилось ничего, кроме отличительной керамики. Керамика Амри, как правило, изготовлена на гончарном круге; она имеет палевую окраску и украшена узорами геометрических форм (рядами треугольников, «двойных топоров», ромбовидных фигур и концентрических квадратов), выделенными по контуру черной и заполненными красновато-коричневой краской. Хотя эти культуры, признанные древнейшими в долине Инда, и представлены одной керамикой, последняя достаточно ясно свидетельствует о том, что они уже стояли на стадии технического развития, которая в Месопотамии была достигнута лишь в урукский период. Она свидетельствует также о том, что эти культуры, несмотря на некоторое сходство между Амри и Джемдет-Насром в отношении техники и композиции орнамента, не в большей степени являются аванпостами месопотамских культур или подражанием им, чем хараппская цивилизация.

О конце хараппской цивилизации известно больше, чем о ее начале. В последних стадиях перестройки хараппских городов³ наблюдаются все признаки упадка. Для постройки захудалых домишек на местах, где раньше стояли просторные дома «буржуазии», использовали старый кирпич. Городские власти не могли больше добиться соблюдения правил постройки зданий, так строго выполнявшихся в дни прежнего благоденствия, так что дома стали вдаваться в улицы.

Вскоре после этого цивилизация была уничтожена захватчиками-варварами, а города заняты чужеземцами,

¹ Piggett, PI., 142; Anc. India, III, 91—93.

² *MASI*, XLVII, 1934, 25 ff.; ср. Piggett, PI, 94.

³ Mackay, Mohenjo-daro, II, 6; Chanhu-daro, 23—25.

которые еще не были знакомы с письменностью. В Хараппе¹ они представлены только в виде вытянутых и скорченных погребений в могильнике *H* и сопровождающих их своеобразных расписных ваз. В Чанху-Даро и в Джукаре (в Синде)² хараппская цивилизация уступила место типично варварской культуре — культуре Джукара. Пользование письмом, примером чего служили надписи на «печатах», было всюду позабыто. Но, судя по керамике из могильника *H* и с поселения Джукар, а также по металлическим изделиям с этого поселения, некоторые технические традиции были продолжены. Повидимому, оставшиеся в живых гончары и металлурги продолжали работать на новых клиентов. Естественно, что они изготавливали совершенно новые предметы, сообразуясь с чужеземными вкусами.

Керамика, обнаруженная в Джукаре и в могильнике *H*, изготовлялась на гончарном круге, после чего покрывалась росписью и обжигалась, то есть технический процесс не изменился; но сосуды имеют совершенно другие формы и украшены новыми орнаментами. Металлурги культуры Джукара делали проушные топоры, вероятно, служившие также теслами, и булавки со вздутыми шейками. Прямоугольные глазированные «печати» из стеатита сменились печатями-пуговицами и печатями-бусинами из камня, фаянса или обожженной глины с орнаментом геометрических форм, включающим заполненный крест, и изредка стилизованными изображениями зверей вместо прежних надписей и животных, выполненных в реалистической манере.

Печати-пуговицы, так же как проушные топоры, были, несомненно, введены в Индии северо-западными пришельцами. Близкие аналогии джукарским печатям и одно орудие, представляющее собою точное подобие топора-тесла, были обнаружены в северном Иране (Хиссар III)³. Позднее мы будем говорить о находках в Макране и Белуджистане, которые, повидимому, служили в этом случае промежуточными звеньями. Эти совпаде-

¹ Vats, Harappa, 220 ff.; ср. Anc. India, III, 74, 98.

² Mackay, Chanhu-daro, 24, 103, 144, 188, 208.

³ Piggott, *Antiquity*, XVII, 1943, 180; Anc. India, I, 1946, 17.

ния заставляют предполагать, что среди варваров, уничтоживших хараппскую цивилизацию, были, очевидно, захватчики из северо-западного Ирана. Уилер¹ смело отождествляет их с упоминаемыми в Ведах ариями. Во всяком случае, риши пели ведические гимны во мраке доисторического периода, так как нашествие варваров совершенно оборвало письменную традицию, и до эпохи царствования Дария нам неизвестен ни один момент истории Индии, зафиксированный письменностью.

¹ Anc. India, III, 82.

ГЛАВА X

ОТ ТИГРА ДО ИНДА

Обзор археологических материалов, собранных за последнее двадцатилетие при раскопках многочисленных теллей на пространстве между Месопотамией и бассейном Инда, имеет сугубо важное значение для разрешения поставленных в нашей книге задач. Проливают ли они свет на происхождение земледелия и скотоводства; то есть неолитической революции? В какой степени они отражают распространение культуры в областях, расположенных между двумя древнейшими центрами азиатской цивилизации, двумя колыбелями городской революции в Азии?

Эта промежуточная территория занята обширным Иранским нагорьем. Неорошаемая центральная часть нагорья в наше время представляет собою пустыню. Но обступающие его параллельные хребты высоких гор получают осадки, питающие непересыхающие реки и ручьи и стремительные весенние потоки, воды которых орошают плодородную почву оазисов на склонах гор и долин между возвышающимися на западе, на юге и на востоке параллельными горными хребтами. Двойной ряд доводов приводит ботаников к предположению, что некогда вокруг плато произрастали дикие злаки. Эти места единодушно признаются родиной многих фруктовых деревьев — абрикосовых, персиковых и, возможно, винограда. На горных пастбищах до сих пор пасутся дикие овцы, изображавшиеся на сосудах доисторической эпохи. Закаспийские степи, раскинувшиеся к северу от плато, с давних пор считаются родиной быстроногих коней, где-то здесь же недалеко находится и родина бактрийского верблюда.

Таким образом, мы имеем здесь налицо все условия, необходимые для совершения неолитической революции.

Но постоянная угроза засухи и ограниченные пространства орошаемой земли заставляли скотоводов, стремившихся к увеличению своих стад и отар, прибегать к высокогорным пастбищам, то есть к сезонным миграциям из долины в горы. В конце концов те же причины могли принуждать младших сыновей в разраставшихся семьях поселян к эмиграции в поисках новой земли в другую долину. Мы не находим здесь зависящих от одной речной системы сплошных массивов, способствующих или даже вызывающих необходимость в экономическом и политическом объединении в широких масштабах. Не было здесь также недостатка в сырье, служившем здоровым стимулом в Египте, Шумере и Синде. Многие оазисы могли существовать совершенно автаркично; люди имели все возможности вести простой образ жизни, без трудоемкой организации ремесленного и торгового хозяйства. И действительно, переход к городскому укладу здесь сильно задержался. Персия не знала письменности до I тысячелетия до н. э. Белуджистан с его варварским населением, делившийся на мелкие части, принадлежавшие отдельным племенам, всегда был не более чем подчиненной страной какого-нибудь государства, уже вступившего на путь исторического развития. Вместе с тем жители этих областей были обладателями строевого леса и руд, привлекавших сюда представителей цивилизации. Такого рода общение, конечно, не превращало варварские деревни в просвещенные города, но, возможно, способствовало перепадению на долю горцев какой-то части излишков, без труда получаемых в долинах больших рек. В результате этого общения сюда проникали различные предметы ввоза, которые могут быть датированы и таким образом дают современным археологам возможность определять хронологические горизонты в теллях.

В наши дни большая часть этой территории заселена сравнительно редко. Но окаймляющие ее горы усеяны теллями, заставляющими предполагать, что в доисторический период эти места имели сравнительно плотное население. Мы обращаем внимание читателя на слово «сравнительно». В первом случае мы сравниваем с современной Бельгией или Великобританией, а во втором —

не с современным Ираном, но с Бельгией или Великобританией III тысячелетия до н. э. Ни об одной территории на всем земном шаре нельзя сказать, что она пять тысяч лет назад была «плотно населена» в современном смысле слова.

Телли протянулись цепочками вдоль большей части долин и подножий гор в западном Иране, откуда они распространяются на восток, огибая центральную пустыню, вдоль подножий Эльбурса, и вдаваясь в Туранский бассейн, повидимому, до Хельмунда. На юге долины Фарс и Макран усеяны теллями, между тем как на побережье Аравийского моря мы не находим никаких следов доисторических поселений. Продолжением того или другого ряда являются телли в горных долинах Белуджистана. Все многочисленные телли, исследованные Аврелием Штейном, дали большой урожай расписной керамики «доисторического типа». Однако черепки, давая возможность очень отчетливо проследить местные варианты, не определяют культур, которые по широте распространения и единообразию могли бы сравниться с халафской или обеидской культурами. Правда, можно отметить, что на Западе и на Севере темная роспись наносилась, повидимому, чаще по красному фону, а на Юге и на Востоке — по бледножелтому фону. В связи с этим Маккаун¹, а за ним Пиггот выделяют культуру красной керамики» и «культуру желтой керамики». Но даже эти технические особенности не имеют строгих территориальных рамок и сами по себе недостаточны для определения «культуры». Напротив, можно проследить одну общую для всей территории черту. Хотя каменные орудия попадают так же часто, как черепки, наконецники стрел представляют исключительную редкость и найденные в раскопках образцы всегда относятся к позднему времени. Вместо этого любые раскопки в северо-западном и юго-восточном Иране, а также в Закаспии дают большое количество глиняных снарядов для пращи.

В остальном мы сталкиваемся здесь с поразительным множеством местных культур и в некоторых областях можем стратиграфически определить их последовательность.

¹ The Comparative Stratigraphy of Early Iran, *OIS*, 23, 1942.

К счастью, путь торговли лазуритом и индо-шумерийские торговые пути проходили через населенные области. В результате этого в теллях было найдено несколько предметов хараппского и месопотамского производства, которые позволяют датировать отдельные горизонты. В некоторых случаях мы имеем возможность, отталкиваясь от датированного таким образом горизонта, определить возраст более ранних стадий, отраженных в нижележащих слоях.

В Сялке¹, в западном Иране, последовательный ряд стадий, начинающийся с неолитической деревни, образовавшейся после окончания культуры Джармо (стр. 167), увенчивается аванпостом письменной сузианской цивилизации. Здесь, на западной окраине пустынного бассейна центрального Ирана, пересыхающий источник образует оазис. Через этот оазис и ныне проходит с севера на юг большой торговый путь, которым пользовались, во всяком случае, в поздний период существования доисторического поселения. Развалины последовательных деревень образовали два смежных телля.

В дальнейшем поселении I, 1, составляющем основание телля, не сохранилось никаких остатков архитектуры; возможно, что жилищами являлись тростниковые хижины. Но выше скопления культурных отложений толщиной 3,8 м мы находим остатки домов с глинобитными стенами, определяющих собою четыре последовательных архитектурных слоя, от I, 2 до I, 5. Поселяне жили тем, что давало им земледелие и скотоводство в сочетании с охотой и рыболовством. Злаки, какие бы они ни были, жали серпами, сделанными из ребер животных со вставленными в паз кремневыми зубьями, то есть такими, какими пользовались натуфийцы. На ручках этих серпов, так же как на натуфийских серпах, вырезались в натуралистическом стиле фигурки; наибольший интерес представляет фигурка человека, одетого в короткую юбку со складками и швом сзади (табл. XXXIII). Жители этих деревень разводили коров и две породы овец на мясо и, возможно, также для шерсти и молока. Охотились они

¹ Ghirshman, Fouilles de Sialk, I, 1938; о костях животных см. vol. II, 1939.

на газелей и другую дичь. Охотники пользовались булавами и пращами; снаряды для пращи изготавливались из обожженной глины. Каменные тесла или наконечники мотыг изготавливались с применением техники скола; только один образец из I, 4 имеет полированные края. Напрясла свидетельствуют о текстильном производстве.

В употреблении было четыре типа керамики: 1) грубая темная посуда из глины с примесью соломы и мелкого песка; 2) очень редко встречающаяся черная посуда; 3) тонкая красная посуда, часто обмазанная облицовкой и лощеная, иногда покрытая черными пятнами вследствие неправильного обжига, и 4) светложелтая посуда из глины с примесью соломы. Во всех слоях, за исключением древнейших, наиболее широко распространен последний тип керамики, часто встречается керамика третьего типа; оба типа керамики расписаны матовой черной краской узорами, подражающими корзинному плетению (рис. 102). Формы относительно просты; иногда у плоскодонных сосудов для устойчивости дно делали слегка вогнутым, отчего с внутренней стороны получался умбон (рис. 102, а). Простые формы сосудов изготавливались также из камня.

Косметические вещества растирали в миниатюрных глиняных ступках маленькими глиняными пестиками, напоминающими каменные гвозди, которые в обеидской культуре и в «неолитической» Фессалии определяются как украшения для носа. Из украшений до нас сохранились только каменные браслеты. Поселяне Сиалка формально стоят на неолитической стадии развития, но, тем не менее, при раскопках были найдены, по меньшей мере, одна ножевидная пластина из обсидиана и два или три небольших медных шила, которые, очевидно, попали сюда в результате «торговли». Шилья, вероятно, были изготовлены из местного металла и, конечно, не отлиты, а откованы.

В Сиалке не было найдено ни статуэток, ни амулетов. Покойников по ритуалу хоронили обычно в слабо скорченном положении, под или между домами. Тело покойника густо посыпали красной охрой, так что после разложения тела кости оставались покрыты красными пятнами. В Европе этот обычай наблюдался даже в древне-

каменном веке; позднее он постоянно соблюдался в северо-восточной Европе, на юге европейской части СССР и в Китае.

Последние три культурных слоя северного холма иногда относят к особой культуре (Сиалк II, или культура Чашма Али), которая в действительности представляет собою только более развитую фазу культуры

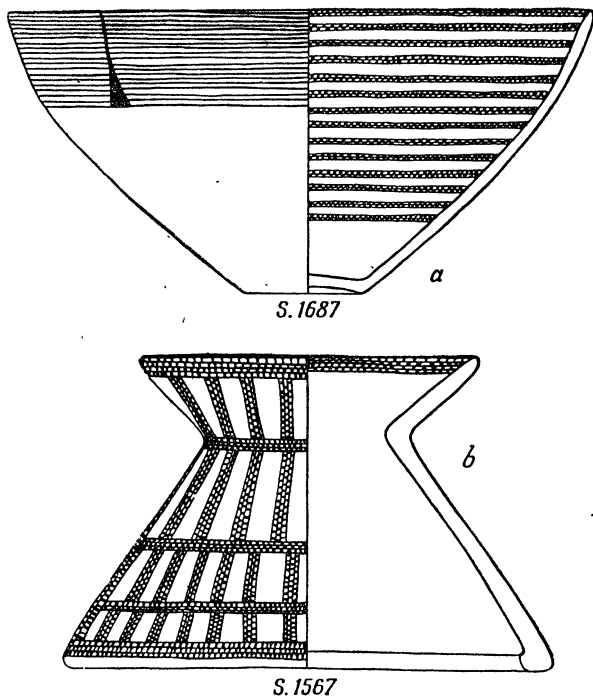

Рис. 102. Расписные сосуды из Сиалка I ($1/4$).

Сиалк I. Эта фаза характеризуется новыми чертами: появлением очень небольшого количества костей лошади и свиньи, несомненно диких; попыткой применения в строительстве сырцовых кирпичей, большим количеством тесел (или мотыг) с полированными лезвиями и расширением торговли, результатом которой теперь является

проникновение в оазис бирюзы, сердолика, раковин *Pterocera* с Персидского залива и большого количества меди. Однако предметы из металла, очевидно, изготавливали все еще путемковки, и они оставались простыми по форме. В производстве керамики теперь преобладала красная посуда, и возможно, что в позднейшем поселении эту посуду уже обжигали в настоящих гончарных печах. Сосуды часто имели кольцообразный выступ у дна или поддон. Узоры геометрических форм, подражающие корзинному плетению, в некоторых случаях отличаются большим богатством, так что иногда в них можно даже усматривать схематизированные фигуры животных. Напротив, резьба по кости больше не практикуется, прекращено также изготовление костяных ручек для серпов. Погребальные обряды не изменились. Единственными засвидетельствованными видами оружия остаются праща и булава.

Область распространения только что описанной культуры, повидимому, ограничивается северным Ираном. Стадия, выделенная под названием «Сиалк II», ярко представлена также в Чашма Али-телле, расположенном близ Райи¹. Сходство в керамике позволяет прийти к заключению о параллелизме, если не о своего рода связи с первым поселением Анау в Мервском оазисе — единственным из многочисленных теллей Туркмении, где были проведены раскопки. Только один или два довольно простых узора на глиняной посуде свидетельствуют о возможной связи с халафской культурой Месопотамии. В следующий период положение меняется.

После прекращения жизни в поселении десятого слоя люди покинули северный холм и основали на расстоянии приблизительно 1 км к югу новую деревню. Судя по керамике и погребальным обрядам, первое поселение южного холма (Сиалк III, 1) отражает в себе дальнейшее развитие культуры Сиалк II. Но почти полное подобие этой культуры было обнаружено в самых нижних слоях — I A в Тепе Хиссара², расположенного к северо-востоку от Сиалка близ Дамгхана.

¹ Раскопки не опубликованы; ср. Маккаун, *CSEI*, 3.

² Schmidt, *Excavations at Tepe Hissar, Damghan, 1931—1933*, Philadelphia, 1937, and Mus. J., XXIII, 1933.

Культура Сиалка III, 1—3 и Хиссара I A отличается от культуры Сиалка II и Чашма Али только в отдельных ее проявлениях. Горшки все еще изготавливаются вручную, но обычно обжигаются в специально выстроенных для этой цели гончарных печах (рис. 103). Хотя горшки и топливо помещались, очевидно, в одной и той же камере, сделанные в полу печи каналы создавали воздушную тягу, позволявшую поднять температуру выше температуры, достигаемой при открытом обжиге, а также регулировать ее. Орнаментация глиняной посуды отличается большим разнообразием и включает элементы природного окружения, особенно стебли растений со спиралеобразными листьями или ветками и вереницы птиц (табл. XXXIV). Медные изделия встречаются чаще (в Сиалке был даже найден один черешковый кинжал), но ничто не свидетельствует о применении техники литья. Обычным видом оружия продолжает оставаться праща, представленная глиняными снарядами, но, как сообщают, в Хиссаре было найдено два грубо сделанных наколочника стрел. Покойников, как и прежде, хоронят между домами в слабо скорченном положении, но охрой посыпают только голову, и то только в Сиалке III, 1; в Хиссаре погребения с охрой совсем не упоминаются.

Вместе с Сиалком III, 4 и Хиссаром IB наступает драматический период глубокого прогресса, не сопровождающийся, однако, каким-либо перерывом культурной традиции. Ориентация жилищ остается такой же, как и в более ранних поселениях, покойников все так же хоронят между домами, но уже больше не посыпают охрой. Горшки сохраняют прежние знакомые нам формы; они расписаны в старом стиле, хотя теперь все чаще можно встретить стилизованные изображения леопардов и других зверей или птиц. Однако теперь люди уже постигли искусство развитой металлургии; они отливают в закрытых формах топоры с поперечным лезвием или тесла, подобные образцу, изображенному на рис. 74,а, и кинжалы с продольным осевым ребром. Теперь в Сиалке и Хиссаре были уже, повидимому, свои профессиональные металлурги. Судя по тому, что глиняная посуда изготавливается теперь с помощью гончарного круга, профессионалами стали также гончары. Приблизительно в это же

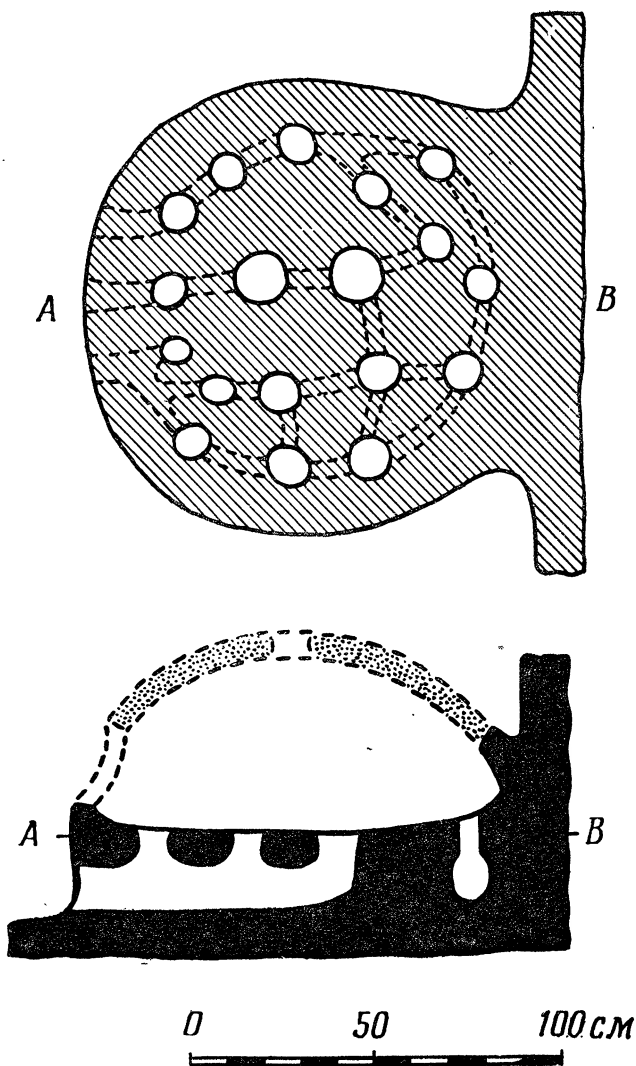

Рис. 103. Гончарная печь, Сиалк III, план и вертикальный разрез (реконструкция),

время входят в употребление печати-пуговицы. Одна такая печать была найдена в Сялке III, 1 и несколько в Хиссаре I А, но ни одной в Сялке III, 2 или в Сялке III, 3. Магический узор этих печатей (обычно — заполненный крест) переносился в виде оттисков на комочки глины. Раскопки Сялка III, 6 и Хиссара I С дали первые снабженные относительной датой образцы своеобразных алебастровых грузил¹, связанных, очевидно, с применением горизонтального ткацкого станка, которые находят параллели в Сузах В или С и в Анау III². Наконец, одно здание в Сялке III, 4 украшено контрфорсами наподобие фасадов, описанных на стр. 196.

Таким образом, здесь, в северном Иране, металлургия, гончарный круг и, возможно, даже печати-пуговицы появляются в процессе непрерывного культурного развития без каких-либо изменений в составе населения или нарушения архитектурной, художественной или погребальной традиций. Должно ли это обозначать, что эти поистине революционные открытия и изобретения были сделаны здесь, в горах Ирана, и усвоены простым земледельческо-скотоводческим населением оазисов еще до того, как они достигли более крупных деревень Месопотамии? Температура, необходимая для плавления меди, несомненно, могла быть достигнута в гончарных печах Сялка III, и Маккауна выдвигает систему относительной хронологии, которая вполне оправдывает иранский приоритет. О значении этой хронологии можно судить лишь в свете достоверных синхронистических данных, установленных на основании данных Сялка IV.

Сялка III, 7 был разрушен врагами. На его пепелище выросло поселение нового типа — очевидно, аванпост письменной, эламской цивилизации. Таблички со счетами, написанные «протоэламскими» пиктографическими знаками, и цилиндрические печати, покрытые резьбой в стиле эпохи Джемдет-Насра, заставляют предполагать, что сузиане заняли ключевую позицию на торговом пути с севером, чтобы контролировать торговлю лазуритом.

¹ Sialk, No. S223 on pl. LXXXV; Hissar, H2095, p. 58.

² Pimpelly, Anau, II, 479, fig. 6; говорят, что эта форма грузил встречается также в Анау I или II; MDP, XXV, 182.

Покойников все еще хоронили между домами, но теперь в сильно скорченном положении и часто с богатым инвентарем в виде зеркал и украшений из меди, золота и лазурита, алебастровых ваз и глиняной посуды. Посуда с черной росписью по красному фону вышла из употребления, уступив место серой керамике, характерной также для Хиссара II. Но один сосуд, покрытый красной облицовкой, но не сплошь, а с оставлением обведенных по контуру черной краской вертикальных полос, напоминает по стилю и технике изготовления керамику периода Джемдет-Насра¹. Кувшины с клювовидными носиками, подобные образцу, изображенному на рис. 75,8, и другие формы сосудов с носиками напоминают сузианские или месопотамские типы керамики позднеурукского периода, но сосуды с ручками отсутствуют. В число украшений входят амулеты в виде мухи, подобные распространенным в раннединастической Месопотамии, булавка с головкой в виде двойной спирали, аналогичная булавкам, распространенным на обширной территории от долины Инда, Анау и Хиссара II и III до Трои, Кикладских островов и Балкан², и булавка с узловидной головкой, подобная египетским булавкам герцейского периода (рис. 20).

Судя по предшествующим данным, Сиалк IV вполне может соответствовать фазе Джемдет-Насра в долине Тигра и Евфрата и, безусловно, не может быть отнесен к более раннему времени. В таком случае только произвольное предположение, что после разгрома поселения III, 7 жизнь в этом месте в течение какого-то периода не возобновлялась, может помешать отнести Сиалк III ко времени урукской фазы. Действительно, один из двух сосудов с носиками из 7-го слоя Сиалка III представляет собою типичную форму раннеурукского периода³.

Если эти совпадения имеют какое-то хронологическое значение, попытки приписать Ирану (Сиалк III, 4) какой-то приоритет перед Шумером в развитии металлургии и

¹ Sialk, S. 23, pl. XC; ср. McCown, *CSEI*, 54.

² Childe, *LAAA*, XXIII, 119; Dawn, 50, 67, 126.

³ Sialk, S. 135, pl. LXIX; ср. Lloyd, *Sumer*, IV, 1948, table 3, nos. 21, 28, 36, 37. Наиболее яркие параллели мы находим в Ниневии IV и в Гавра — VII.

применении гончарного круга оказываются мало основательными, даже если сбросить со счета обеидские сосуды из Урука, сделанные, как предполагают, на гончарном круге. Даже Сиалк I не может быть древнее архаической Хассуны.

Таким образом, мы не имеем никаких оснований считать, что какая-либо из рассмотренных культур является прародительницей культуры первых земледельцев-скотоводов или культуры первых профессиональных кузнецов в Месопотамии. Но, повидимому, было бы справедливо предполагать такую взаимосвязь между культурой Сиалка II—III — Чашма Али — Хиссара I и, по меньшей мере, одной культурой, распространенной на западной границе долины Инда.

Раскопки нескольких больших теллей в ныне засушливой горной долине реки Зхоба в северном Белуджистане дали керамику, отличающуюся поистине поразительным сходством по форме, технике и орнаментации с керамикой Хиссара I B¹. Сосуды изготовлены на гончарном круге. В некоторых случаях они покрыты красной облицовкой, хотя палевый фон встречается на Зхобе чаще, чем в северном Иране. Наконец, они украшены изображениями животных, стилизованных совершенно в стиле Хиссара, хотя здесь предпочтение отдавалось изображению быков, а не пантер и каменных козлов. Однако трудно сказать, какая группа культурных элементов связана с этими характерными сосудами и символизируется ими. В большом телле Рана-Гундай² они встречаются в средних слоях — Рана-Гундай II, расположенных над руинами более древней и более типичной «индийской» деревни.

Жители Рана-Гундай I пользовались нерасписной, изготовленной от руки посудой. Однако наряду с этим они разводили горбатых индийских быков (*Bos indicus*), овец уриалов, ослов и, возможно, даже лошадей, а также культивировали растения. Крупный рогатый скот принадлежит, несомненно, не к западной, а к индийской породе; овцы, вполне возможно, вели свое происхождение от мест-

¹ Piggott, *Antiquity*, XVII, 1943, 172—173.

² JNES, V, 1946, 284—316; ср. Piggott, *Pl.* 121—126.

ных видов. Фактически неолитические земледельцы-скотоводы жили в Белуджистане до того времени, к которому относятся первые определенные археологические свидетельства о влиянии с запада. Керамика Рана-Гундай II позволяет нам сделать только один вывод, что среди земледельцев-скотоводов Юго-Восточной Азии жило небольшое число профессиональных гончаров, которые принесли с собою из северного Ирана гончарный круг, а также свои художественные вкусы.

Верхние слои Рана-Гундай III отражают развитие местного стиля полихромной керамики, представленного в нескольких других теллях этой долины. Эти телли отмечают места расположения деревень или даже небольших городков с домами, которые были сложены из сырцового кирпича и опирались на каменные фундаменты. Они ввозили медь, лазурит и бусы из сердолика с вытравленными узорами, что свидетельствует о мирных торговых связях. Напротив, кремневые наконечники стрел¹ свидетельствуют о войнах. Большое количество запястий, каменные фаллы и многочисленные глиняные статуэтки одетых в капюшоны женщин со «смеющимся черепом вместо лица» находят скорее индийские, чем иранские аналогии. Одно из поселений долины Зхоба — Дабаркот — становится в конце концов аванпостом хараппской торговли; печати и бусины с других поселений свидетельствуют о влиянии городов долины Инда и частичном совпадении по времени с хараппской цивилизацией. Тем не менее полихромная керамика Рана-Гундай III находится в близком родстве с более ранней керамикой синдской культуры Амри и с керамикой, обнаруженной под крепостной стеною в самой Хараппе. На этом основании Пиггот² считает, что весь ряд культур в долине Зхоба, за исключением последней фазы, Рана-Гундай III, должен предшествовать хараппской цивилизации. Действительно, возможно, что западные элементы, прослеживающиеся в основе хараппской цивилизации, проникли в долину Инда через долину Зхоба.

Обратимся к южному пути. Мы не находим здесь та-

¹ *ASIM*, No. 37, 1929, 40, 86; Piggott, *PI*, 128.

² *PI*, 122—129.

кой стратиграфической последовательности культур, как в Сиалке. Правда, имеются сообщения о том, что при раскопках одного телля в Фарсе (Бакун В., близ Персеполя) ¹ были обнаружены каменные орудия и некрашенная керамика, повидимому предшествующие по времени Сузам I и близкие Сиалку I; не лишено вероятия, что дальше к востоку находки Штейна ² дают нам нечто подобное материалам из нижних слоев двух жилых холмов близ Мадавана. Однако подробных сведений об этих раскопках не имеется. Вместе с тем богато расписанная керамика из всех четырех слоев Бакуна А ³, повидимому, иллюстрирует собою ту же стадию культурного прогресса, что и Сузы I. Сосуды, хотя и сделанные от руки, обжигались в специальных гончарных печах, в которых топка и камера для обжига были, повидимому, отделены друг от друга глиняным перекрытием; в некоторых сосудах можно проследить такие ухищрения, как кольцообразная ножка и формованные края. В орнаментации этих сосудов изображения животных, стилизованных до превращения их в чисто декоративные узоры, сочетаются с мотивами геометрических форм, среди которых так же, как в Халафе и Самарре, видное место занимает мальтийский крест. Употреблялись также каменные сосуды, но лишь в небольшом количестве. Не имеется никаких упоминаний о формованных кирпичях. На выпуклой лицевой стороне пуговиц, служивших в качестве печатей, мы встречаем резные изображения заполненного креста и другие более сложные узоры, напоминающие орнаменты халафской культуры. Хлеб жали серпами с кремневыми лезвиями. Из оружия до нас сохранились только каменные наконечники булавы и глиняные снаряды для пращи. Для изготовления бус ввозили лазурит и, возможно, бирюзу. Было распространено вылепливание из глины женских статуэток и фигурок зверей.

Стиль керамического искусства и печатей может служить оправданием для отождествления культуры Бакуна А с культурой Суз I; вполне вероятно, что в могильнике,

¹ McCown, *CSEI*, 23.

² Iraq, III, 1936, 183, 186.

³ Langsdorff, McCown, Tall i Bakun A., *OIP*, LIX, 1942.

если он будет обнаружен, мы найдем не меньшее количество металла. Некоторое количество черепков и печатей, собранных Штейном¹ в различных телях, расположенных далее к востоку вплоть до оазиса Фаза, может свидетельствовать о существовании там синхронных поселений. Кроме этого, совпадение, хотя и не очень точное, в стиле орнаментации глиняной посуды может указывать на наличие одновременных и родственных Бакуну А поселений в Сеистане² и в окрестностях Кветты³. Сходные черты в орнаментации кветтской керамики и керамики Бакуна А можно было бы принять за отражение очень раннего общения между Белуджистаном и западным Ираном, если бы не тот факт, что, во всяком случае, некоторые кветтские черепки относятся, повидимому, к сосудам, сделанным на гончарном круге. Если кветтская керамика действительно является производством профессиональных гончаров, изготавливавших горшки на гончарном круге, совпадение стилистических черт должно, очевидно, объясняться теми же причинами, что и сходство между керамикой поселения Сузы I и послехарапского могильника Шахи-тумп, описание которого будет дано ниже.

Кроме этой непонятной «кветтской керамики», древнейший датируемый горизонт высоких телей, протянувшихся цепочкой вдоль закрытых долин реки Бампура и Макрана, характеризуется связями с раннединастическим Шумером и харапской цивилизацией в Индии. В Макране археологические материалы отличаются достаточной однородностью, чтобы мы могли с полным правом объединить их под одним названием «культуры Кулли», предложенным Пигготом.

Эти закрытые долины, протянувшиеся параллельно безводному побережью, в настоящее время слишком часто подвержены засухе, чтобы привлекать большое количество земледельцев, несмотря на плодородность их почв; однако они усеяны телями, в которых и были обна-

¹ Iraq, III, 150, 154.

² Stein, Innermost Asia, pl. CXIII.

³ Piggott, Anc. India, No. 3, 1947, 131—142; до сих пор мы не знаем никаких иных находок, которые были бы явно связаны с этой керамикой.

ружены остатки культуры Кулли. Они отмечают собою места больших постоянных поселений. Жилой холм Мехи¹ в долине Машкаи занимает площадь в 250 тысяч квадратных ярдов и достигает высоты 15 м! Но все эти поселения оставались деревнями, хотя некоторые, подобно поселению Шахи-тумп² в долине Кеджа, возможно, превратились в конце концов в аванпосты хараппской цивилизации. Однако наряду с земледельцами и скотоводами в этих деревнях жили профессиональные гончары и почти наверное — свои постоянные металлурги, а также, по всей вероятности, и другие специалисты-ремесленники. Путем грабежа или посредством торговли жители этих деревень получали какую-то часть излишков производства городов долины Инда, а также запас металла и лазурита. Медь, хотя она и представлена только в виде одного зеркала, одного плоского топора и нескольких мелких предметов из Кулли, имела на деле настолько широкое употребление, что камень, как в Хараппе, применялся здесь лишь для изготовления простых ножевидных пластин; существенно отметить, что каменные топоры и кремневые наконечники стрел здесь отсутствуют. К числу предметов вывоза относились фигурки девушек-танцовщиц, металлические статуэтки которых изготавливались в Хараппе (табл. XXIX, а), и украшенные резьбой каменные вазы³, поступавшие на рынки Месопотамии II раннединастического периода и городов долины Инда; несколько образцов таких ваз было обнаружено в Мехи и Шахи-тумп. Образцы, найденные на местах поселений в Сеистане и персидской части Макрана, отмечают собою путь распространения этой торговли на запад, ведущий в Сузы и Шумер.

Керамика отражает одновременно связи с Востоком и Западом. Сосуды, все изготовленные с помощью гончарного круга, обжигались в гончарных печах до приобретения розоватого оттенка, после чего обычно покрывались палевой облицовкой, а в Мехи — чаще красной ангобой; в Кулли, однако, изготавливалась также посуда, при-

¹ *ASIM*, No. 43, 154.

² *Ibid.*, 88.

³ *Antiquity*, XVII, 176 and p. 15.

обретавшая в результате реакции восстановления серую окраску. Отличительный стиль расписного орнамента базируется на изображении животного на фоне ландшафта: горбатые быки или реже животные из семейства коз изображаются стоящими между деревьями на фоне ландшафта, нередко усеянного птицами, зверями или фигурами геометрических форм, как бы в неистовом стремлении заполнить все свободное пространство (табл. XXXV, а). Хотя изображения животных покрыты черной штриховкой, а красная краска используется только для проведения нескольких чередующихся с черными полос в обрамлении рисунка, тем не менее этот стиль сильно напоминает стиль росписи на желтовато-красной керамике, распространенной в Месопотамии и в поселении Сузы D¹. При этом следует также отметить, что, по крайней мере, один сосуд в стиле культуры Кулли достиг Мохенджо-Даро². В свою очередь на всех поселениях культуры Кулли отчетливо прослеживается влияние хараппской цивилизации; местное керамическое производство характеризуется присутствием хараппских орнаментальных мотивов, как, например, листьев пипала и бордюрных узоров, и хараппскими формами, такими, как расширяющиеся подставки, кубки на поддонах и грушевидные кувшины. Сосуды хараппского производства, привезенные из долины Инда, отмечены только в Суктаген-Доре, укрепленном поселении, расположенном настолько близко к устью Дашта, что он вполне мог служить портом в каботажной торговле с центрами хараппской цивилизации.

Что касается одежды и украшений, о которых мы можем судить по глиняным статуэткам, большое распространение запястий и замысловатых украшений, несомненно, указывает на индийское влияние. В то же время полное соответствие украшений на фигурках культуры Кулли с украшениями изображенной на табл. XXIX, а бронзовой статуэтки из Хараппы³ служит гарантией подлинности последней; древнее происхождение этой статуэтки часто оспаривалось, так как до этого в доклассиче-

¹ Frankfort, *ASP*, 1932, 68—70; ср. выше, стр. 143 и 149.

² *Anc. India*, No. 5, 1949, 30, pl. VI, 70.

³ Piggott, *Anc. India*, No. 1, 1946, 16; *PI.*, 109, 178.

ской скульптуре не было известно ни одного примера такой живости в позе. В свою очередь модель повозки из Мехи свидетельствует не только о том, что колесо применялось как для изготовления горшков, так и в транспорте, но также и о том, что колесники Макрана следовали образцам, зарекомендовавшим себя в долине Инда.

Если, таким образом, более поздние поселения культуры Кулли соответствуют по времени хараппской цивилизации и обязаны в какой-то степени своим благосостоянием близости последней, то вполне возможно, что более глубокие слои высоких теллей восходят к какому-то более раннему периоду. Однако проникновение в эти истоки культуры Кулли требует дальнейших исследований. Мы располагаем более подробными сведениями о конце этой культуры. При раскопках позднейшего городка культуры Кулли в Шахи-тумп Штейн¹ обнаружил врезавшиеся в руины поселения могилы с инвентарем, свидетельствующим о совершенно чуждой традиции. Покойники были погребены в вытянутом или слабо скорченном положении; обычно они были положены на спину. С ними были найдены плоские топоры, один проушной топор (рис. 104, *a*) и однолезвийный нож из меди, алебастровые кубки, бусы из лазурита, медные печати-штампы «перегородчатого» типа (рис. 104, *b*) по определению Пиггота², и целый набор глиняных сосудов, иногда вставленных в специальные гнезда, как в могильнике Суз I. Здесь представлены и широкие блюда (табл. XXXVIII), и высокие бокалы, и приземистые горшки (но уже более не угловатых очертаний) и яйцевидные кувшины, то есть формы, встречающиеся в Сузах I; имеет свою аналогию и тройной сосуд, но только более поздний, на этом же поселении. Блюда и большинство кувшинов сделаны из сероватой глины, так сильно обожженной, что она на ощупь производит впечатление фарфора; другие сосуды не покрыты облицовкой и имеют розовую окраску. И те и другие представляют собою, в сущности, один вид керамики, только подвергнутый различному обжигу; и те и другие изготовлены из глины с примесью соломы.

¹ *ASIM*, No. 43, 88—103.

² *Antiquity*, XVII, 180.

Связь с культурой Суз I подтверждается также и в орнаментах, включающих свастику и мальтийский крест. В то же время и формы сосудов и узоры одинаково свидетельствуют о том, что гончары Шахи-тумп находились под влиянием уже позднего и упадочного воплощения керамической традиции Суз I и Бакуна А.

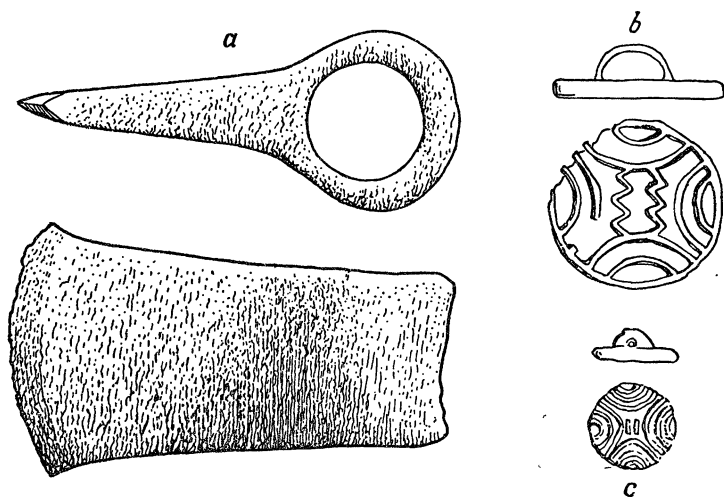

Рис. 104. Медный топор и медная печать перегородчатого типа из могильника Шахи-тумп и фаянсовая печать из Чанху-Даро II, по Пигготу (1/2).

Погребальную керамику, собранную Штейном¹ в Хурабе в долине Бампур, можно рассматривать как промежуточную стадию. Однако в некоторых могилах наряду с желтой иранской керамикой, занимающей промежуточное положение между керамикой Бакуна и Шахи-тумп, были обнаружены покрытые красной облицовкой кубки на поддонах характерной хараппской формы, медный наконечник копья и медное блюдо в хараппском стиле и каменная ваза в стиле культуры Кулли. Наконец, в од-

¹ An Archaeological Reconnaissance in North-west India and South-east Iran, 1937, 120.

ном погребении был найден медный жезл, заканчивающийся реалистическим изображением верблюда (табл. XXIX, *b*), которое является древнейшим изображением этого животного на Среднем Востоке.

О связях пришлой культуры Шахи-тумп с северо-западом свидетельствуют следующие находки: 1) проушной топор — форма, одинаково чуждая и Индии и Белуджистану; 2) перегородчатые печати, точные соответствия которым обнаружены в Хиссаре II В и III¹, Анау III¹ и Сузах, и близкие соответствия лишь с небольшими отличиями — в Библе (Сирия)¹ и в Центральной Анатолии², и, наконец, 3) найденное в Хурабе изображение верблюда. Предметы, обнаруженные вместе с найденной в Сузах печатью, и вероятные даты, приписываемые поселениям Хиссар и Анау, позволяют относить эту культуру ко времени после эпохи Саргонидов. Правильность такой датировки подтверждается находкой в поселении культуры Джукара в Чанху-Даро перегородчатой фаянсовой печати. Таким образом, могильник в Шахи-тумп, повидимому, свидетельствует о захвате Макрана какими-то пришедшими с Запада варварскими племенами, которые, сохранив кое-что из традиций керамического производства и погребальных традиций Сузианы и Фарса, прихватили где-то по пути профессиональных гончаров и металлургов и, возможно, верблюдов, но только не писцов. Они разгромили культуру Кулли приблизительно в то самое время, когда параллельная волна других варваров положила конец цивилизации в долине Инда.

Наконец, в долинах Наля и Нундары в северном Белуджистане руины больших деревень, образующие жилые холмы, расположенные всего в 250 км от Инда, свидетельствуют еще об одной культуре, опять до некоторой степени зависящей от цивилизации долины Инда, но, возможно, и в какой-то степени предшествующей ей. Главное поселение этой культуры, Сор-дамб, расположенное близ Наля³, едва ли заслуживает названия города, однако развалины сложных построек из камня и сырцо-

¹ Montet, Byblos et l'Egypte, pl. LIX, 44.

² Van der Osten, Alishar Hüyük, 1930—1932, OIP, XXIX, No. 1481.

³ MASI, No. 35.

вого кирпича занимают площадь в 30 тысяч квадратных ярдов. В некоторых комнатах были обнаружены расчлененные погребения, состоявшие из черепов или нескольких костей, похороненных вместе с глиняными сосудами; но при этом засвидетельствованы также целые погребения в облицованных кирпичом могилах.

Люди этой культуры широко использовали металл; плоские клиновидные топоры имеют изящную удлиненную форму, пилы соответствуют шумерийским формам, черешковый кинжал напоминает кинжалы долины Инда, но распространенные в долине Инда долота и наконечники копий отсутствуют. Фигурки горбатых быков, каменные кольца, мраморные вазы, употребление фаянса, одно запястье из раковины, длинные биконические бусы из твердого камня и стеатитовая печать-пуговица свидетельствуют о родстве культуры Наля с цивилизацией долины Инда. Однако женские статуэтки отсутствуют; резьба на печати выполнена не в стиле долины Инда, и другая медная печать так же, как относительно большое количество лазурита, указывают скорее на культуру Шакхитумп.

Однако керамика носит глубоко индивидуальный характер. Глина имеет самую разнообразную окраску от зеленоватой до розовой; сосуды иногда бывают покрыты кремовой или (очень редко) темнокрасной облицовкой. Характерными формами являются кубки со слегка загнутыми внутрь краями, цилиндрические пиксиды и приземистые горшки (иногда острореберные) с короткими воротничкообразными шейками. Сосуды орнаментированы узорами, обведенными по контуру черной краской и часто заполненными внутри красной, желтой, синей или зеленой краской. Краски трех последних цветов наносились после обжига, но красная краска, часто того самого синевато-красного оттенка, который употреблялся в Амри, в большинстве случаев, повидимому, закреплена обжигом.

Узоры сгруппированы тектонически широкими поясами, которые обычно, в свою очередь, делятся на вертикальные полосы. Орнаментальные мотивы включают, с одной стороны, великолепные изображения тигров, быков, рыб и листьев, выполненные в реалистической мане-

ре, но все же стилизованные настолько, насколько это было необходимо для того, чтобы они гармонировали со всем сложным узором. С другой стороны, мы имеем мотивы геометрического характера: сигмы, W, гребенчатые узоры, известные в более западных областях, и повторяющиеся узоры, такие, как находящие друг на друга круги и мотивы, показанные на табл. XXXV, b. Эти узоры, в которых различные части фигур заполнены разными по цвету красками, образуют великолепную орнаментацию, превосходящую даже роспись на хараппской керамике.

Несмотря на специфическую трактовку, многие элементы этого стиля и сама техника росписи, повидимому, ведут свое непосредственное происхождение от фазы Амри. Мы находим в Амри не только такую же облицовку и такую же синева-красную краску, как в Наля, но даже некоторые нальские мотивы и, в частности, такой специфический мотив, как крест с кружком посередине. В таком случае можно сделать вывод, что керамические стили Наля и Амри происходят от одной общей традиции. Несколько сосудов нальского производства, или по крайней мере стиля, были найдены в слоях культуры Амри в самой долине Инда¹.

Отсюда можно сделать вывод, что начало культуры Наля восходит, вероятно, к дохараппскому времени. Однако еще не совсем ясно, что следует относить к этой ранней фазе; культура Наля существовала, по меньшей мере, до времени наивысшего расцвета хараппской цивилизации бок о бок с культурой Кулли. Возможно даже, что она дожила до того времени, когда культура Кулли сменилась пришлой культурой Шахи-тумп, так как на одном типичном поселении нальской культуры была найдена, хотя и в неопределенном комплексе, перегородчатая печать. Несомненно лишь то, что деревни, расположенные в долинах Наля и Нундары, так и не превратились в города, оказавшись в этом отношении не лучше всех остальных одновременно с ними существовавших деревень Белуджистана. Цивилизация так и не проникла в эти узкие закрытые долины, между тем как она процветала в более обширных долинах Инда, Тигра и Евфрата.

¹ Anc. India, No. 5, 1949, 16—17.

Это — наиболее определенный вывод, который можно сделать на основании нашего обзора.

Предшествующие страницы содержат весьма беглый обзор доисторического развития на одной обширной территории, которая сводится, однако, к очень узкой полосе, где сумрачный свет протоистории прорезает значительно более длительные периоды беспросветного мрака. В течение, быть может, пяти столетий — скажем, с 2500 по 2000 год до н. э. — индошумерийская торговля, шедшая по этому пути, отбрасывала из Месопотамии слабый свет истории на еще варварские Иран, Сеистан и Белуджистан. После этого вновь наступает период тьмы, которая начинает рассеиваться лишь во времена Дария или даже, скорее, Александра. Конечно, эта тьма совсем не обозначает полного отсутствия какого-либо населения. В нашем распоряжении имеются большие, хотя и беспорядочные, коллекции материалов, позволяющих заполнить эти 1500 лет; варианты доисторической крашеной керамики были обнаружены только в Белуджистане. Систематические раскопки, бесспорно, помогут расположить эти коллекции в надлежащем порядке и определить, чем еще занимались люди, изготовившие эти предметы. По данным 1950 года, эти материалы могут одинаково относиться и к началу и к концу этого окутанного мраком периода; цель этой книги, однако, заключается не в размещении керамических групп в соответствии с их априорными стилистическими принципами.

Мы уже пришли на основании нашего обзора к одному твердому заключению. Второй вывод еще носит более негативный характер. Возможно, что неисследованные слои в основании какого-то телля содержат в себе разгадку возникновения земледелия и скотоводства. Во всяком случае, научные раскопки должны так же, как в западном Иране, помочь обнаружить здесь на индо-иранской границе последовательный понижающийся ряд культур. Однако вполне возможно, что древнейшие земледельцы-скотоводы на Востоке не жили в постоянных деревнях и что мы, таким образом, не можем обнаружить следов их культуры в наслоениях развалин последовательных поселений, образующих телли. Возможно, что недостающие сведения будут еще получены при раскопках

пещер, служивших жилищами. Раскопки доктора Куна в одной пещере южнее Каспийского моря позволили установить последовательность культур, начинающуюся с мезолита и переходящую в неолит, которая до сих пор еще не связана с каким-нибудь исторически обоснованным последовательным рядом культур.

Можно сделать и одно положительное утверждение. Древнейшая в бассейне Инда культура, основанная на производстве пищи, — Рана-Гундай I — носит уже отлнчительно индийский характер. Таким образом, если принять утверждение сторонников диффузии, считающих, что Рана-Гундай I и Сиалк I являются результатом одного и того же процесса культурных изменений, следует допустить, что на местную специализацию так же, как и на самый процесс диффузии, потребовалось немало времени. Оба эти процесса лежат вне круга известных археологических данных.

Однако этот круг сведений должен уже включать данные по диффузии следующего комплекса открытий и изобретений — металлургии и колеса. Совпадение в технических применениях обоих этих изобретений может в какой-то степени оправдывать постулат сторонников диффузии. Установленные пункты по обеим сторонам рассматриваемой территории, снабжающие нас хронологической шкалой, которая позволяет, хотя и весьма грубо, рассчитывать, с какой быстротой осуществлялась диффузия, позволяют предполагать, что этот процесс протекал относительно быстро. В то же время условия, благоприятствующие распространению гончарного круга или металлургии, и способы передачи этих изобретений отличаются от условий распространения навыков выращивания злаков и скотоводства.

Применение гончарного круга или металлических орудий зависит не только от овладения техническими навыками. Массовое производство легко быющихся горшков имеет смысл только в том случае, если число жителей одной деревни достигает какой-то высокой, хотя до сих пор еще не определенной цифры. Община могла пользоваться металлическими орудиями только в том случае, если излишки ее производства достигали значительных размеров. В обоих случаях граница определяется эконо-

мическим и социальным факторами — производительностью сельского хозяйства и концентрацией или, наоборот, текучестью общественных излишков. Изготовленные от руки горшки и каменные орудия могут скорее свидетельствовать о малочисленности и бедности членов общины, чем о ее древности.

Во-вторых, металлургия и производство горшков с помощью гончарного круга, а также, весьма вероятно, и изготовление повозок представляли собою отрасли ремесленного производства, находившиеся в руках специалистов-профессионалов. Такие ремесленники были освобождены от родственных обязательств, во всяком случае в экономическом отношении; с помощью своего непостижимого для других искусства они могли зарабатывать себе на жизнь в любом месте, где имелось необходимое для этого количество общественных излишков. В конце концов нормальная деревня, все население которой занимается земледелием и скотоводством, нуждается в услугах и может содержать только одного-двух кузнецов и гончаров. Младшим детям таких деревенских мастеров не оставалось ничего лучшего, как искать при²менения своему ремеслу и средств к существованию в каком-нибудь еще не обеспеченном в этом отношении соседнем селении. Таким образом, на этом этапе распространение технических приемов производства керамики и даже керамических форм не обязательно должно обозначать миграцию целого народа, а может лишь являться следствием иммиграции специалистов-гончаров. Например, сходство и различия между горшками поселений долины Зхоба и хиссарской керамикой вполне могут объясняться использованием услуг гончаров, обученных в соответствии с традицией одних технических приемов, но вынужденных работать на удовлетворение потребностей других общественных традиций в области искусства и обычаев, связанных с употреблением других предметов домашнего обихода¹. В технических приемах и орудиях

¹ Mallowan, *The Legacy of Asia*. Институт археологии Лондонского университета (Annual Report IV, 1948, 33 ff.) показывает на наглядных примерах, как в наши дни на Востоке ремесленники, твердо придерживаясь одной технической традиции, меняют стиль в зависимости от вкусов своих заказчиков.

ремесленников Месопотамии и долины Инда можно отметить, повидимому, такое же, почти полное, сходство, как между глиняными сосудами Джемдет-Насра и Хараппы¹.

Теперь мы предположим, что в Месопотамии металлургия и пользование гончарным кругом прочно утвердились к урукскому периоду, то есть за x столетий до 3000 года до н. э. Тогда металлургия и гончарный круг достигли долины Инда в фазу культуры Амри за y столетий до 2500 года до н. э. Некоторые соображения помогут нам несколько более точно определить взаимоотношение величин, подразумеваемых под x и y . В области керамики мы имеем мало данных, свидетельствующих о различных путях технического развития в каждой из этих отдаленных друг от друга областей. Напротив, в металлургии к тому времени, когда мы уже имеем возможность сравнивать продукцию одновременного производства, это расхождение становится значительным. Контраст между шумерийскими типами, перечисленными или разобранными в главе VIII, и типами изделий долины Инда, отраженными в главе IX, может, повидимому, объясняться просто как результат различия вкусов. Однако прикрепление топора к рукоятке с помощью проушного отверстия представляет собою нечто большее, чем просто местную манеру; повсеместное использование этого приема свидетельствует о его превосходстве. И все же этот наиболее целесообразный способ укрепления топора достигает Индии, а также прикаспийских степей с опозданием, только в III тысячелетии, то есть уже много времени спустя после введения металлургии. Таким образом, он не мог проникнуть сюда вместе с самим искусством металлургии.

Но, судя по тому, что проушные топоры засвидетельствованы в Сиалке III, 4 и в Сузах B и даже косвенным образом в обейдскую эпоху в Шумере, их первоначальное распространение на Средний Восток должно было начаться еще до определяемого таким образом периода. Сам проушной топор является, должно быть, результатом вторичного проникновения на Восток. Те из топоров, которые в конце концов достигли Шахи-гумп и Чанху-Даро, не являются раннединастическими месопотамскими

¹ Mackay, *JRAI*, XXX, 1930, 130—135.

формами, а, повидимому, происходят от каких-то более архаических форм, быть может тех, на которые указывают глиняные модели обеидской эпохи из Ура и Окаира. В таком случае, если допустить, что проушные топоры применялись в обеидский период, Шумер следует считать не первоначальной колыбелью металлургии, а только вторичным центром, где, возможно, и был изобретен проушной топор. Отсюда еще не следует, что существовавший в таком случае первоначальный центр находился восточнее, а не западнее Тигра, так как на берегах Нила мы находим проушные топоры не в большем количестве, чем на берегах Инда. В то же время один из древнейших специализированных типов металлических изделий — булавка с узловидной головкой — широко распространен и в Египте герцейского периода и в Сиалке IV.

МЕЖДУ «РОГАМИ» ПОЛУМЕСЯЦА ПЛОДОРОДНЫХ ЗЕМЕЛЬ¹

Обратимся в заключение еще к самому центру так называемому «Полумесяца плодородных земель». Здесь мы сталкиваемся с такими же трудностями, которые вставали перед нами при обзоре земель, расположенных к востоку от Тигра. Вся эта территория распадается на три весьма неравномерно исследованные области: 1) лесостепи Северной Месопотамии, включающие Ассирию и Северную Сирию; 2) возвышенную страну непосредственно к западу от Евфрата, включающую долину Оронта и финикийское побережье, и 3) Палестину. Все эти области пользовались естественными благами, такими, как обильное выпадение дождей, реки, камень, пригодный для изготовления орудий, и лес, то есть благами, которые отсутствовали в Шумере и Египте и которые способствовали развитию ряда отдельных доисторических культур. Во всех этих областях начало письменной цивилизации и письменной истории относится к позднему времени. Все они в той или иной степени связаны либо с одной, либо с обеими древнейшими городскими цивилизациями, но более прочная связь наблюдается между самими смежными областями. Поэтому удобнее рассмотреть каждую из них в отдельности.

1. Степная зона к северу от Синджарского хребта служила на протяжении всего исторического периода главной артерией, связывавшей Восток и Запад. Но сравнительно регулярное выпадение дождей, достаточное

¹ Полумесяцем плодородных земель принято называть плодородные низменности Месопотамии, Сирии, Палестины и Египта. В данной главе автор описывает центральную часть этого полумесяца, расположенную между его «рогами». — *Прим. ред.*

количество воды, камня и леса и близость запасов обсидиана и руды способствовали выживанию небольших, но жизнеустойчивых хозяйственных единиц, не испытывавших на себе давления концентрации населения и экономической консолидации, игравших такую серьезную роль в Египте, Шумере и долине Инда. Урбанизация и письменность пришли сюда с большим опозданием и в конце концов утвердились здесь под влиянием Юга. Письменная история началась здесь на семь столетий позднее, чем в Египте и Шумере, когда внук Саргона, Маништу-су, построил или перестроил храм Иштар в Ниневии¹, а Нарам-Син воздвиг дворец в Браке на Хабуре². Даже южнее, в Ассуре, древнейший храм Иштар³, свидетельствующий «о превращении провинциальной деревни в город с кафедральным собором», был построен не раньше III раннединастического периода, очевидно, цивилизованными «шумерийцами» из Нижней Месопотамии.

Подобное же отставание по сравнению с Нижней Месопотамией прослеживается и в доисторический период. Как указывается в главе VI, Северная Сирия и Ассирия делили обейдскую культуру с Шумером, но мы также указывали, что более ранние поселения обейдской культуры в Ассирии — Гавра — XVIII и — XVII относятся, по видимому, к тому же времени, что и более поздний обейдский храм — VIII в Эриду. В последнем слое обейдской культуры Гавра — XII относительно большое количество привозных материалов, в том числе меди, лазурита и «пасты» (фаянса?), частые находки печатей-пуговиц и кольцеобразных подвесок и даже глиняные символы хижины представляют собою явления, свойственные уже урукскому периоду. Даже керамика, сохраняющая в формах и технике производства традиции обейдской культуры, бывает иногда орнаментирована условными изображениями зверей и птиц, не встречающихся в южнообейдской традиции нигде, за исключением Окаира в Аккаде. Эта обейдская посуда имеет, кроме того, общие черты с покрытой красной облицовкой кера-

¹ LAAA, XIX, 1932, 59.

² Iraq, IX, 1947, 26.

³ Andrae, Die archaischen Ischtartempel in Assur, Leipzig, 1922; ср. Frankfort, OIC, 20, Comment on the Chronological Table at end.

микой, расписанной простыми черными узорами, которая известна также в Браке на Хабуре¹.

В противоположность Нижней Месопотамии обеидская культура не сменяется здесь какой-либо культурой типа урукской. Только в Грай Реш, расположенном, что весьма примечательно, на южном склоне Синджарского хребта, группа слоев (с — II по — V), занимающих место между обеидскими и раннединастическими или ниневийскими слоями, характеризуется «серой урукской керамикой»². Но даже здесь серая керамика, повидимому, изготовлена от руки, красная керамика отсутствует, а остальная керамика, как местного производства, так и привозная, свидетельствует об одновременности лишь с позднейшей фазой урукского периода в Месопотамии. Фактически Грай Реш — V—II освещает лишь одну сторону культуры или целой группы связанных между собою культур, процветавших в Северной Месопотамии непосредственно после обеидской фазы. Гораздо легче установить одновременность всех этих культур, чем их соотношение с последовательностью культур в Нижней Месопотамии. Определяемый таким образом период лучше всего называть периодом Гавра³, поскольку его сущность лучше всего отражена в поселениях — ХIА — VIII В в Тепе Гавра; такое наименование не допускает поспешного отрицания абсолютной даты вещевых и монументальных памятников, относящихся к тому же времени.

В период Гавра металл, конечно, уже был известен, но, тем не менее, всюду еще представлял собою редкость. В это время еще были широко распространены каменные клиновидные орудия, употреблявшиеся в качестве топоров или тесел. Уменьшение количества этих орудий от пятидесяти в Гавра — XII до двенадцати в Гавра — IX⁴ могло бы быть принято как свидетельство постепенной замены камня металлом, но в Гавра — VIII их число вновь возрастает до сорока одного⁵. Однако проушное

¹ Tobler, Gawra, II, 46—47.

² Iraq, VII, 1940, 15—19.

³ Perkins, CAEM.

⁴ Tobler, 202.

⁵ Speiser, Gawra, I, 85.

каменное тесло из Гавра — IX¹ напоминает орудие из Суз В, изображенное на рис. 76, и, так же как оно, является, повидимому, копией металлического орудия. К самому концу периода металл применяется для изготовления даже земледельческих орудий (в Гавра — VIII был найден медный серп) и приплав олова к меди доходит в некоторых случаях до 5,6 процента².

Излюбленными видами оружия попрежнему остаются булава и праща. Очень часто встречаются глиняные снаряды для пращи; наконечники стрел в Грай Реш и Гавра отсутствуют, но, как сообщается, два образца было найдено в Ниневии. Двулезвийное каменное навершие булав из Гавра — XI³ до смешного похоже на поздненеолитические датские и шведские ладьевидные топоры, и, что не менее забавно, оно было найдено в одном горизонте с кольцеобразными подвесками из раковины или фаянса⁴, которые, в свою очередь, также характерны для поздненеолитической Скандинавии.

Керамика этого периода преимущественно проста. Изготовленные вручную серые сосуды были распространены в Грай Реш — V—II и в Ниневии III, красная посуда — только в Ниневии IV В Грай Реш; Ниневии III — IV и Браке встречаются кубки со срезанным наискось краем. Но в Гавра — IX и Грай Реш встречаются кубки или чаши на высоких полых поддонах со слегка загнутыми внутрь краями. Большая часть этой керамики изготовлена от руки. Только к концу периода Гавра в ассирийских деревнях начинают селиться профессиональные гончары; в Гавра — IX было найдено только четыре сосуда, изготовленных на гончарном круге⁵, но возможно, что в Ниневии их было найдено больше.

Не имеется также достоверных свидетельств о более раннем применении повозки на колесах⁶. Конечно, единственный глиняный диск со «ступницей» посередине, найденный в Гавра — XIII, очень напоминает более поздние

¹ Speiser, *Gawra*, I, 88.

² Speiser, 192—195.

³ Tobler, pl. XCIV, d and f.

⁴ Ibid., 89, 195, pl. CLXXIII, 41, 42.

⁵ Tobler, 154.

⁶ Tobler, 167; Speiser, 74—75.

модели колес, но в слоях с — XII по — IX мы не находим больше ни одного такого образца, а в слое — VIII — сразу четырнадцать. В последнем поселении, но не ранее, глиняные модели свидетельствуют о применении в качестве средств передвижения четырех- и двухколесных повозок (или колесниц). Так как мы не знаем ни одной относящейся к этому времени фигурки лошади или осла, нужно предполагать, что они приводились в движение быками. Цилиндрические печати также были неизвестны в Ассирии в период Гавра, но печати-бусины, печати-пуговицы и печати двускатного типа представлены в значительном количестве так же, как их отпечатки на глиняных пломбах. Мы находим на них резные изображения заполненного креста и другие геометрические узоры, но наряду с этим — реалистические изображения животных (в Гавра — XI иногда сгруппированных tête-bèche *)¹ и даже людей.

Таким образом, во всех перечисленных выше отношениях Ассирия в период Гавра отставала от Нижней Месопотамии урукского периода. Религиозные здания Гавра дают нам возможность количественного сравнения с Шумером и снабжают грубым мерилom для определения длительности периода. В Гавра — XIA вершина телля, представлявшая собою в это время довольно высокий акрополь, была занята круглой крепостью 18—19 м в диаметре, окруженной толстой стеной из сырцового кирпича. Но в Гавра — XI центральная площадка, служившая некогда (в поселениях — XIX, — XVIII и — XIII) местом для обеидских храмов, была вновь использована для религиозного назначения и стала местом расположения небольшого храма величиною только 9,5 м в квадрате. Сменивший его четыре строительных периода спустя храм в Гавра — VIIIB имел 16,5 м в длину и 13 м в ширину и сообщался, как в позднеобеидском слое — XIII, с двумя другими святилищами. Так как несколько храмов было воздвигнуто на другом месте, четыре «строительных периода» не соответствуют такому же числу пере-

* То есть располагая голову одного человека или зверя к ногам другого, соблюдая при этом строгое чередование. — *Прим. ред.*

¹ Tobler, 188.

строек одного и того же храма, как это было в наслаивающихся друг на друга храмах в Эриду или Хафадже, и охватывают, очевидно, не более двух столетий.

Не лишено вероятия, что некоторые гробницы, вскрытые на акрополе в Гавра, следует рассматривать как свидетельство существования в Ассирии каких-то светских властителей, соперничавших с богами в деле сосредоточения общественных излишков. Наряду с многочисленными захоронениями детей, в том числе младенцев, которые, возможно, являются результатом жертвоприношений, в слоях с — X по — VIII встречаются погребения взрослых в кирпичных цистах; в некоторых погребениях было найдено много золотых украшений и каменных ваз, а в четырех случаях — каменные навершья булав¹. Эти булавы, из которых две имеют шишкообразные выпуклости, принадлежали скорее военачальникам, чем духовным лицам, несмотря на то, что гробницы расположены во дворах храмов или недалеко от них.

Наконец, духовная жизнь в период Гавра характеризуется широким употреблением любопытных керамических и каменных предметов, определяемых различным образом как «гири», «идолы с очкообразными глазами» и «символы» хижины, посвященные богине плодородия Иннине или соответствующей ей семитической богине Иштар² (рис. 105). Образцы из камня представлены в большом количестве в Гавра — XI A — VIII C и в Браке, а глиняные — в Грай Реш — V—II и в последнем — XII обеидском слое Гавра. Отдельные образцы, обнаруженные в составе «клада», найденного в Уруке под Э-анна, в III слое, относящемся к периоду Джемдет-Насра, и в храме Сина в Хафадже, позволяют относить эту серию, а следовательно, и весь период, ко времени Джемдет-Насра и, возможно, даже к позднеурукскому периоду, согласно последовательности культур в Нижней Месопотамии. Мы встретимся с этим ритуальным предметом в Хама К на Оронте; кроме того, Фрэнкфорт пока-

¹ Tobler, 78, 84, 92.

² Последняя работа, в которой говорится об их значении и распространении, написана ван Бёреном (van Buren, Iraq, XII, 1950, 139 ff. Cp. Mallowan, *ibid.*, IX, 1947, 34 and Frankfort, *JNES.*, VIII, 1949, 194 ff.

зывает, что последняя форма этого символа сохранилась в виде так называемых «крышек от горшков» в IV поселении Терми на Лесбосе.

Символы хижины еще не вышли из употребления, когда Брак на Хабуре, представлявший собою до этого деревню, жители которой пользовались посудой с черной

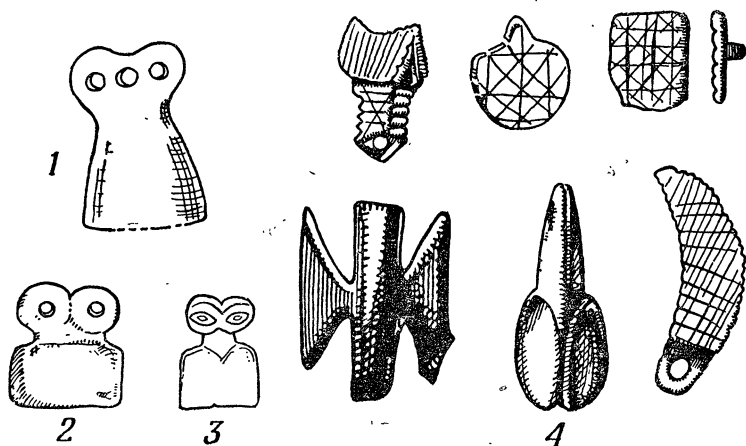

Рис. 105.

1—2—символы хижины: 1—глина, Хама К ($2/15$), 2—камень, Брак С ($2/6$); 3—идол с глазами, камень, Брак ($2/6$); 4—халафские амулеты и печати-подвески, Арпачия ($1/1$).

росписью по красному фону, сходной с посудой Гавра — XII, становится местом постройки монументального храма¹. Судя по величине этого храма и его планировке, а также по найденным в нем (впервые в степной зоне) цилиндрическим печатям, этот храм, возможно, был спроектирован и воздвигнут цивилизованными колонистами из Нижней Месопотамии. Повидимому, он трижды подвергался перестройке, но только позднейший храм — А — избежал разрушений, причиненных подземными ходами, проложенными древними грабителями.

¹ Iraq, IX, 1947.

Храм А стоял на кирпичной платформе высотой 6 м, которая, очевидно, заключала в себе основания храмов — В, С и D, обозначенных в нисходящем порядке. Центральное святилище, имеющее 18 м в длину и 6 м в ширину по внутреннему обмеру, соответствует по пропорциям и абсолютным размерам храмам Ану — D и — Е, — предшествовавшим Белому храму в Уруке. Однако все здание целиком занимало площадь 25 м × 27 м. Подиум, или алтарь, в одном конце святилища был украшен панелеобразным фризом из белого известняка и серого сланца с золотой опояской, прикрепленной серебряными гвоздями с золотыми шляпками. Внутренние стены храма покрывала мозаика из цветных глиняных конусов в сочетании с восьмилепестными розетками.

Храм А был, конечно, ограблен, как и его предшественники, но некоторые менее значительные сокровища, вероятно принадлежавшие храму С, ускользнули от внимания грабителей. Наибольший интерес представляют три алебастровые головы, из которых одна имеет 17,5 см в высоту (табл. XXXVII), — древнейшие образцы монументальной скульптуры в Северной Месопотамии, уступающие, однако, по мастерству исполнения великолепной голове из Урука. Более обычное явление представляют маленькие идылы с глазами (рис. 105,3) и символы хижины из алебастра и глины. Меллоуэн считает, что последние представляют собою выродившуюся условную форму идолов с глазами, и называет их «идолами с очкообразными глазами», но Фрэнкфорт отвергает это определение. Среди других votивных предметов мы находим многочисленные амулеты в виде фигурок животных, не отличающиеся по стилю от аналогичных амулетов из клада, найденного в — III слое Э-анна в Уруке, и также включающие фигурки обезьян. Мы находим здесь также печати в виде животных и бобообразной формы, круглые и прямоугольные печати-штампы, цилиндры в стиле Джемдет-Насра и тысячи бус, в том числе многосегментные фаянсовые бусы¹.

Цилиндры и полное сходство амулетов и зооморфных печатей с амулетами и печатями из урукского клада,

¹ Iraq, IX, 1947, 254.

зарытого в период Джемдет-Насра, служат доказательством того, что храм С — Храм Священного Ока — относится к этому периоду. Руководитель этих раскопок высказывает вполне обоснованное предположение, что храм D может относиться к позднеурукскому периоду. Сочетание на Хабуре символов хижины и печатей периода Гавра с предметами, характерными для периода Джемдет-Насра в Шумере, является желанным подтверждением частичного совпадения периодов Джемдет-Насра и Гавра даже в том случае, если мы согласимся с точкой зрения Фрэнкфорта, что идолы с глазами являются типологически более поздней формой, чем символ хижины.

Следующий период в Северной Месопотамии удачно определяется весьма характерной крашеной керамикой, изготовленной с помощью гончарного круга, и может быть назван по месту, где эта керамика была впервые обнаружена, ниневийским периодом¹. Эта керамика встречается в большом количестве; она, вероятно, изготовлялась только в Ниневии V², в первом поселении (—7) Телль Билла³ и, возможно, в Грай Реш I⁴; однако несколько сосудов этой керамики было вывезено не только в соседние деревни, такие, как Гавра — VII и — VIIIA⁵, но также в бассейн Хабур⁶ и даже в Эшнунну⁷ и Киш⁸, в Аккаде. Привозная керамика в Эшнунне приписывается I раннединастическому периоду, что позволяет определить дату ниневийского периода, подтверждающуюся находками цилиндрических печатей.

Посуда Ниневии V сделана из зеленоватой глины и напоминает керамику обеидской культуры, но она вся изготовлена на гончарном круге и покрыта облицовкой; роспись нанесена блестящей пурпурно-черной краской; формы и орнаментация носят совершенно новый характер. Излюбленными формами являются кубки на массивных ножках (рис. 106) и острореберные чаши с круглым

¹ Perkins, *CAEM.*, 185.

² *LAAS*, XIX, 1932, 252.

³ *Mus. J.*, XXIII, 252.

⁴ *Iraq*, VII, 15.

⁵ *Speiser*, 41, 47.

⁶ *Iraq*, III, 1936, 38; IV, 95.

⁷ *OIC.*, No. 19, p. 21; No. 20, pl. VII, 26—27.

⁸ Черепки в Музее Эшмоля, Оксфорд.

дном (рис. 107). В число узоров входят изображения сигмы, двойного топора и других старых мотивов, но также нарочито символизированных птиц и зверей с непомерно длинными шеями, выполненных в манере, напоминающей художественную манеру Хиссара I или даже культуры Култи. Наряду с крашеной керамикой мы

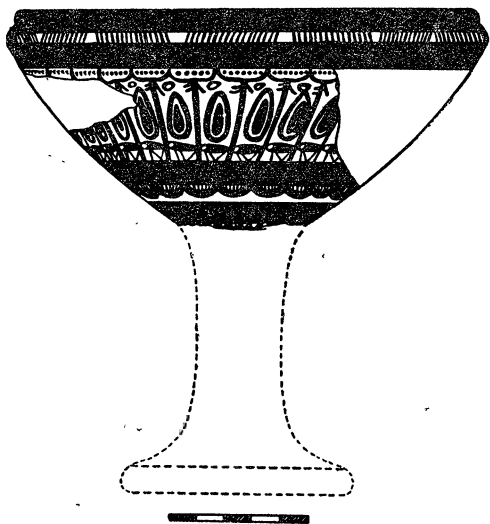

Рис. 106. Расписной кубок, Ниневия V.

находим простую керамику светлосерого или соломенного цвета, украшенную нарезным вдавленным или рельефным орнаментом (рис. 108). Этот вид посуды лучше всего известен в Билла — 7—6 и потому называется керамикой Билла¹, но он представлен также в Гавра и в Чагар Базаре на Хабуре. Чаши на ножках и некоторые другие формы сходны с керамическими формами Ниневии V, но некоторые узоры напрашиваются на сравнение с узорами, вырезанными на каменных вазах, привезенных в Шумер из Макрана (стр. 256).

В остальном ниневийский период не отражает существенных прогрессивных сдвигов по сравнению с поздней-

¹ Mus. J., XXIII, 1934.

шей фазой периода Гавра. Конечно, колесо вошло в постоянное употребление как в транспорте, так и в керамическом производстве. Сравнительно многочисленными становятся, наконец, наконечники стрел; получает более широкое распространение металл; раскопки Гавра — VII дали 42 металлических предмета по сравнению с 22 из

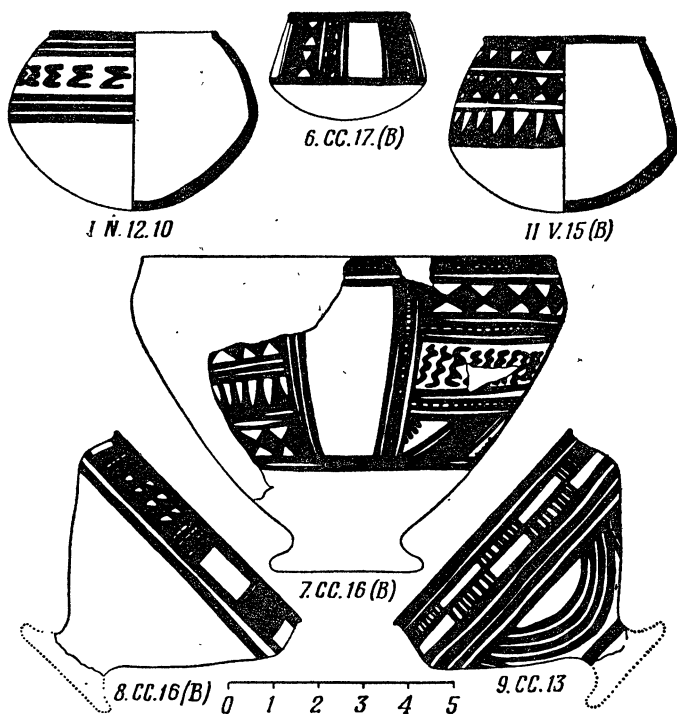

Рис. 107. Расписные чаши и кубки, Ниневия V.

Гавра — VIII и 334 из Гавра — VI. Интересно отметить пинцет характерной шумерийской формы (тип 4) и кс-ленообразные булавки с отверстием во вздутой шейке, не откованные, а отлитые в форме.

Нигде в области лесостепи мы до сих пор не обнаруживаем каких-либо следов письменности, но в Гавра — VII и Ниневии V цилиндрические печати конкурировали

с печатями-штампами. Большинство отпечатков из Ниневии V определяются по стилю как принадлежащие периоду Джемдет-Насра, но одна цилиндрическая печать относится, повидимому, к III раннединастическому периоду! Две печати из Гавра — VII отнесены к периоду Джемдет-Насра, две — ко II раннединастическому периоду, одна же ко времени после периода Джемдет-Насра ¹.

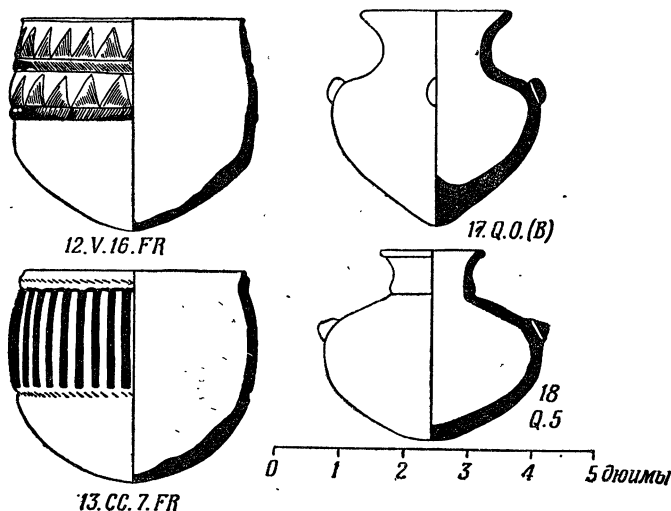

Рис. 108. Керамика Билла с нарезным орнаментом, Ниневия V.

Таким образом, свидетельства глиптики подтверждают показания керамики; ниневийский период в среднем течении Тигра и на Хабуре соответствует самому концу периода Джемдет-Насра и I—II раннединастическим периодам в Нижней Месопотамии.

Письменность и городской уклад жизни появляются не сразу после ниневийского периода. Возможно, что несколько кирпичных сводчатых гробниц под храмом Иштар в Ниневии, так же как сходные с ними гробницы в Кише или Уре, принадлежали местным «царям», но они были еще в древности опустошены грабителями. Гавра — VI и Чагар Базар III оставались простыми деревнями

¹ Perkins, *САЕМ*, 185.

с населением, не знавшим письменности. Тем не менее Гавра и, вероятно, остальные деревни могли теперь содержать постоянных металлургов и получали металл, во всяком случае косвенным образом, посредством шумерийской торговли. Местные металлурги воспроизводили все классические шумерийские типы изделий, перечисленные на стр. 241—244, и изготавливали металлические серпы и щипцы, устроенные по принципу обычного шумерийского пинцета, — орудия, лишь случайно не попавшие в число изделий Нижней Месопотамии. Широкую популярность приобретают игрушечные колеса, колесницы и тележки; крытый фургон, изображенный на рис. 109, опровергает все предположения о том, что повозки на колесах применялись главным образом для военных целей.

Следует отметить каменную фигурку скрипкообразной формы из Гавра — VI для проведения аналогий с Хиссаром III, Анатолией и островами Эгейского моря и двуглавое животное, имеющее параллели в Египте эпохи древнейших фараонов. Точные копии этих предметов были найдены в Эшнунне в комплексе II раннединастического периода¹. Таким образом, они могут в какой-то степени свидетельствовать о том, что начало Гавра — VI выходит за пределы III раннединастического периода. Однако Шеффер относит его ко времени после царствования Саргона!

Конечно, в лесной глуши Северной Месопотамии даже в эпоху Саргонидов люди продолжали еще пользоваться орудиями и оружием раннешумерийских типов. В Браке на Хабуре² в это время были еще в употреблении наконечники копий, в точности повторяющие образец, изображенный на рис. 87,з. Точно так же в верхнем течении Евфрата³ вокруг и ниже Кархемыша, все еще продол-

¹ Speiser, Gawra, I, pl. LIII, b, LIV, a; *OIC.*, No. 19, figs. 24 and 28.

² Iraq, IX, 121, pl. 32, II.

³ Большая часть материала суммирована Шеффером (Schaeffer, *Stratigraphie comparée*, 80—84, figs. 9, 79—82, 104—105). Но ср. также Woolley, *LAAA.*, VI, 1914, 87 ff.; Thureau-Dangin, Dunand, *Til-Barsib*, Paris, 1936, 96—112; в отношении повозок на колесах см. также Berytus, II, 132; Syria, XI, pl. XXXIV, C.A.H., pls., vol. I, 1927, 248 b. В отношении хронологии, хотя и слегка завышенной, см. Mallowan, *Antiquity*,

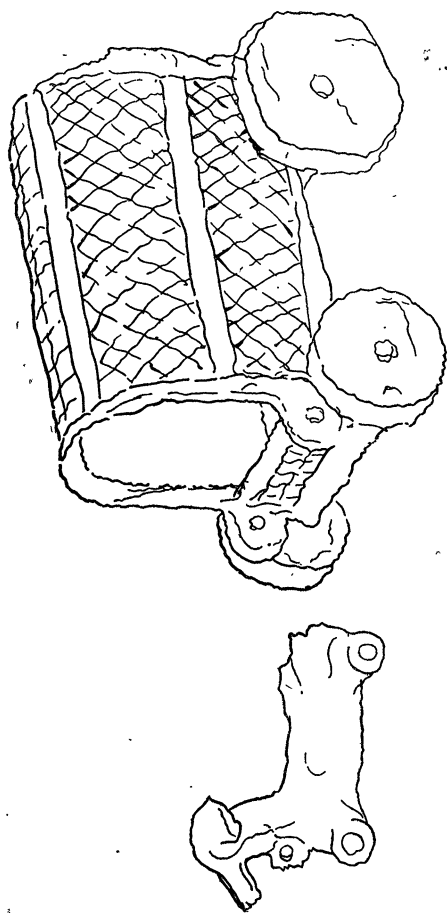

Рис. 109. Модели крытого фургона ($\frac{1}{1}$) и какого-то четвероногого животного ($\frac{2}{5}$), Гавра — VI, по Шпейзеру.

жали изготавливать кольца для поводьев и оружие раннешумерийских типов и туалетные принадлежности типа 3, 6, 9, 10a и 10b, подвергшиеся незначительным изменениям лишь в «период погребения в цистах», начало которого приходится на время непосредственно перед или непосредственно после сирийских войн Саргона и Нарам-Сина. В небольших городках и крупных деревнях под домами можно встретить богато обставленные цисты из каменных плит; в одной сводчатой гробнице в Тиль-Барсиб, сложенной из больших каменных плит и напоминающей гробницы I раннединастического периода в Мари, были, вероятно, погребены останки какого-то царька. Найденные модели свидетельствуют о применении колесниц, телег и крытых фургонов с двумя или четырьмя сплошными колесами. Профессиональные горшечники изготавливали на гончарном круге сосуды из красной глины. Жившие в деревнях металлурги не только копировали раннешумерийские модели, но вводили также и свои специфические варианты (например, наконечники копий с крючкообразным черешком) и обогащали круг своих изделий такими «финикийскими» формами, как плоский клиновидный топор с ушком в обушной части. Даже на цилиндрических печатях мы находим образцы работы местных резчиков, представляющие собою довольно грубые подражания более древним шумерийским узорам. Надписей на этих печатях нет. Мы не имеем также свидетельств тому, что местные цари ощущали потребность в писцах для наблюдения за их доходами. Местное население фактически еще не вполне подошло к стадии развития, достигнутой за тысячу лет до того шумерийцами. Мы не имеем также до сих пор никаких данных, свидетельствующих о самостоятельном местном развитии, так как эта область была колонизована земледельцами-скотоводами халафской и обеидской культур. Тем не менее мы убеждаемся в том, что именно типы металлических орудий, неизменно представленные в «погребениях в цистах», распространяются в Эгейском мире и в умеренной Европе.

XI, 1937, 235; абсолютные даты Меллоуэна должны, конечно, быть сокращены на 200 лет для приведения их в соответствие с позднейшим понижением месопотамской хронологии.

2. Но стоит нам пересечь узкое плоскогорье, отделяющее Евфрат от средиземноморского бассейна, как вся картина меняется. На западе увлажненные долины перерезаются горными хребтами Амана и Ливана. Таким образом, в Финикии и примыкающих к ней внутренних районах постоянные и обильные зимние дожди орошают посевы зерновых культур, фруктовые деревья и виноградники и питают непересыхающие реки и ручьи. При таких благоприятных условиях долина Оронта и прибрежные равнины могли обеспечить существование значительному населению, занимающемуся рыболовством, разведением хлебных злаков и скотоводством, что, особенно в сочетании с садоводством, не требовало какой-либо особой концентрации населения. Пробные раскопки, проведенные в Хама¹ на Оронте, в Телль эш-Шейке² и Джудейде³ на равнине Амука и севернее, в Сакче-Гёзи (Коба Гюйюк)⁴ в горной долине Кара Су, свидетельствуют, что долина Оронта была, повидимому, колонизована месопотамскими земледельцами-скотоводами, пришедшими сюда со своими пращами и яркой расписной керамикой; они проникли даже в Угарите (Рас-шамра)⁵ до самого побережья Средиземного моря. На всех этих поселениях были найдены снаряды для пращи и значительное количество черепков халафской культуры. Черепки самаррской и, возможно, хассунской керамики, найденные в Сакче-Гёзи и на других поселениях, вполне могут свидетельствовать о еще более ранней цивилизации.

Во всех случаях «халколитические» поселения с крашеной керамикой расположены на местах более древних «неолитических» деревень (Хама — М, Джудейде — XIV, Угарит — V), отличающихся некрашеной керамикой и наличием наконечников стрел. К сожалению, в этих глубоких слоях не сохранилось почти ничего, кроме черепков керамики. На всей территории распространены горшки из темной глины с черной или реже красной поверх-

¹ Ingholt, Rapport préliminaire, K. Danske Videnskabs Selskabs Skrifter, 1940.

² A.J.A., LIV, 1950, 62.

³ A.J.A. XLI, 1937, 10.

⁴ LAAA, XXIV, 120—140; Iraq, XII, 1950, 53—158.

⁵ Syria, XVI, 1935, 162; Ugaritica, I.

ностью. Они часто бывают орнаментированы, но узоры и даже техника нанесения орнамента на различных поселениях различны. Узор может представлять собою нарезные линии, наносившиеся до и после обжига; в других случаях узор состоит из отпечатков края раковины, образующих так называемый «колеблющийся орнамент» (зигзаг из кривых зубчатых линий), или нанесен с помощью лощила. Лощило применялось для образования блестящих черных или красных полос на матовом сером или розовом фоне. В результате мы имеем «керамику со штриховым лощением» или керамику «с лощеным орнаментом», встречающуюся в Джудейде — XIV и Угарите — V; эта керамика имеется и в Сакче-Гёзи, но там она была найдена лишь в «протохалколитическом» слое в сочетании с первой крашеной керамикой. Та же самая, в высшей степени специализированная техника встречается в «неолитических» поселениях на Самосе¹, в Троаде, в северной Греции и в Винче, на Среднем Дунае². Однако этот орнамент встречается на сосудах самой различной формы: на «пиргосской керамике» раннеминойского Крита³, на «серой урукской керамике» Киша⁴ и, наконец, на серой керамике Хиссара II и на покрытой красной ангобой или краской лощеной керамике с решетчатым орнаментом в Финикии и Палестине.

Судя по значительной толщине ее наслоений, особенно в Мерсине, принадлежащем к той же общей культуре, эта левантская неолитическая культура существовала очень долго и может соперничать в отношении своей древности с любой культурой в долине Нила или Месопотамии. Вполне возможно, что она ведет свое происхождение от натуфийской или какой-нибудь другой местной мезолитической культуры, так как область ее распространения обладает ботаническими и зоологическими условиями, необходимыми для свершения неолитической революции. Но установление связей с донеолитической стадией требует дальнейших исследований. Во всяком случае находки темной левантской керамики в халколи-

¹ Athenische Mitteilungen, LX, 1935—1936, 129.

² Childe, Dawn, s. v. stroke-burnished ware.

³ Evans, Palace of Minos, I, 1921, 59.

⁴ В музее Эшмолья, Оксфорд, № 1930, 239a, 238b.

тических слоях Сакче-Гёзи, Джудейде — XIII и Угарита — IV свидетельствуют о большой устойчивости местной традиции. В дальнейшем новые волны переселения из Северной Месопотамии принесли, повидимому, в долину Оронта традиции керамического искусства, по крайней мере северного варианта обейдской культуры, и способствовали развитию на равнине Амук местного стиля росписи, наиболее хорошо известного в Телль эш-Шейке и прослеживаемого до самого Мерсина¹ в Киликии. Однако в конце концов даже амук-обейдская керамика уступила место некрашеным сосудам, из которых некоторые напоминают серую месопотамскую посуду урукского периода².

Лучшие из опубликованных к настоящему времени материалов, помогающих установить связь между Востоком и Югом, происходят из раскопок Хама (Хамата) — поселения, расположенного весьма благоприятно с точки зрения общения с этими областями, а также с Западом. Несмотря на находки в Хама — I черенков халафской, а также обейдской культуры вместе с глиняными копиями печатей-штампов, черепки, родственные керамике Билла (Северная Месопотамия), свидетельствуют о том, что это поселение существовало почти до самого начала ниневийского периода. Вместе с тем символы хижины (рис. 105, 1), кубки со срезанным наискось краем и две фаянсовые цилиндрические печати в стиле культуры Джемдет-Насра, найденные в следующем слое К, указывают, что это поселение захватывает по времени период Гавра. Точно так же и в области искусства голова из слоя К еще более далека от натурализма скульптуры из Урука (табл. XXXVI), чем голова из Брака (табл. XXXVII), и фактически занимает промежуточное положение между ними и типично варварскими мраморными статуэтками Кикладских островов. В свою очередь возможно, что узор на одной глиняной печати-штампе представляет собою стилизованное подражание животным на одной печати из Гавра; но вместе с тем на каменных печатях-бусинах мы находим обычное изобра-

¹ AJA., LIV, 63; LAAA., XXVI, 51,

² Сакче-Гёзи, Iraq, XII, 100; Табара, Anatolian Studies, I, 1951.

жение заполненного креста. Погребальные обычаи — захоронение в больших кувшинах или пифосах — совпадают с обычаями, практиковавшимися в Кархемыше на Верхнем Евфрате до периода погребения в цистах и на побережье в Библе II. Керамика включает сделанные на гончарном круге сосуды с красной облицовкой и лощеным решетчатым орнаментом, а также (но только в последнюю фазу продолжительного существования поселения) изготовленные от руки многоцветные черные и красные сосуды «хирбет-керакской керамики».

Обе группы повторяются в Палестине: первая в период ранней бронзы II, а хирбет-керакская керамика — в период ранней бронзы III, соответствующий, как мы увидим, египетскому веку пирамид. Эта вылепленная от руки керамика, распространенная в Северной Сирии и Палестине, отражает, как показал в 1951 году Худ¹, нашествие варварских племен, возможно явившихся из Грузии и захвативших эти области, уже достаточно высоко развитые, чтобы иметь своих профессиональных гончаров. Она позволяет поставить знак равенства между последней фазой Хама К и Джудейде — XI. Вместе с тем более ранние фазы Хама охватывают Джудейде — XIII и — XII.

В дальнейшем Хама J вновь является свидетелем возрождения керамики, изготовленной на гончарном круге, а также переживает в период погребения в цистах включение бассейна Оронта в область распространения одной общей с Верхним Евфратом культуры со свойственными ей повозками на колесах, клиновидными топорами с ушком и сосудами с клеймами. В таком случае если начало Хама К совпадает с поздним этапом периода Джемдет-Насра в Месопотамии и охватывает две первые династии в Египте, то конец этой фазы мог бы приблизительно совпадать с войнами Саргона I и началом VI династии на Ниле. Но, к сожалению, сопоставления с Месопотамией и еще больше с Египтом вызывают некоторые сомнения. Более достоверные свидетельства, очевидно, могут быть добыты на побережье в Библе.

¹ Anatolian Studies, I, 1951, 117.

Этот порт — естественные ворота для вывоза кедровой древесины и другой продукции Ливана — еще на заре истории служил местом назначения египетских торговых кораблей и, согласно одному очень позднему мифу, был родиной Озириса и египетского земледелия; к несчастью, прямые свидетельства о связях с Месопотамией отсутствуют, а в доступных нам сообщениях о раскопках французских археологов многие сомнительные вопросы остаются неразрешенными.

Происхождение Библа¹ прослеживается до того времени, когда он представлял собою деревню обычной левантской неолитической культуры с населением, состоявшим из земледельцев-скотоводов и, повидимому, рыбаков. Кремневые клиновидные орудия с полированными лезвиями употреблялись в качестве долот и стамесок, а оружием служили листовидные наконечники стрел и наконечники дротиков с треугольным поперечным сечением. Сосуды, преимущественно из темной глины, бывают покрыты либо кучками отпечатков гребенчатого штампа, напоминающих следы когтей какого-то зверя, либо отпечатками веревки или веревочной сетки² в сочетании с нарезным елочным орнаментом или нарезным орнаментом в виде усеянных пунктиром лент и треугольников. Последний вид орнамента поразительно похож на узоры, украшающие кносскую неолитическую керамику Крита³, а елочный орнамент напоминает, с одной стороны, керамику Хассуны а, с другой, — неолитическую и халколитическую посуду Палестины и Мерида.

Однако Библ I с его левантской неолитической культурой в отличие от Угарита — V не уступает место халафской колонии. Библ II⁴ представлял собою деревню, состоявшую из домов криволинейного и прямолинейного плана, группировавшихся вдоль мощенных булыжником улиц; он занимает площадь более 3 га и в культурном отношении больше всего напоминает Хама — К. Так, на-

¹ RB, LVII, 1940, 584—588.

² Этот вид орнамента лучше всего представлен в Хаммаме между Библом и Угаритом, Syria, XXI, 1940, 200.

³ LAAA, X, 1923, 39.

⁴ RB, LVII, 588—591.

пример, покойников¹ здесь хоронили в больших кувшинах или пифосах, иногда в сильно скорченном колено-преклоненном положении, иногда расчлененных, а иногда, как утверждают, после совершения трупосожжения. Урны зарывали на территории поселения, часто в высеченных в скалах искусственных пещерах. Эти скальные гробницы представляли собою настоящие фамильные склепы, насчитывающие до 26 погребений взрослых покойников. Таким образом, если не считать натуфийцев, также хоронивших своих покойников группами в естественной пещере на горе Кармил, мы имеем здесь дело с первыми датированными образцами коллективных погребений — обычаем, распространенным на ранних этапах века металла по всему побережью Средиземного моря.

По описаниям, жители Библа в халколитическую эпоху были низкорослыми, темноволосыми и длинноголовыми представителями средиземноморской расы, приближающимися по своему физическому складу² к натуфийцам; однако имеются сообщения и о примеси круглоголовых элементов. В основе их хозяйства лежало выращивание оливковых деревьев и ячменя, разведение коз, овец и крупного рогатого скота, ловля силками диких голубей и, несомненно, рыболовство. Для изготовления орудий широко использовался кремнь; в число кремневых орудий входят незазубренные серповые лезвия, веерообразные скребки типа маадийских и, как утверждают, ножи³, принадлежащие к характерной группе эпохи фараонов (рис. 32, 6), но еще сильнее напоминающие более поздние ножи Древнего царства. Излюбленным видом оружия была грушевидная каменная булава.

В то же самое время могильный инвентарь свидетельствует о наличии процветающей школы металлургии, хотя организация снабжения металлом была еще несовершенной. Относительно широкое распространение имели серебряные кольца, свидетельствующие о владении

¹ Dunand, Fouilles de Byblos (Paris, 1939), 365, 373—381, 434—445.

² Bul. Mus. Beyrouth, I, 1937, 23—33; Dunand, Biblia Grammata (Beyrouth, 1945), 4, n. I.

³ Dunand, Fouilles, pl. CXII.

трудным искусством облагораживания металла. Медные кинжалы (табл. XXXIX, *b*, 2) были найдены только в пяти из 850 обследованных гробниц. Их массивные клинки с продольным осевым ребром и двумя или тремя заклепками совсем не похожи ни на месопотамские, ни на египетские. Они, очевидно, являются продуктом особой сирийско-финикийской школы металлургов, которая, возможно, снабжала также своими изделиями Хама и другие деревни в долине Оронта и даже вдохновляла древнейших металлургов эгейского мира.

Напротив, гончарный круг здесь не был в употреблении. Местные гончары лепили от руки пифосы высотой до 1,4 м, кувшины с двумя и одной ручкой, кружки с ручкой, двойные сосуды, сообщающиеся и соединенные ручкой, похожей на ручку корзины, и кубки на треножнике. Большинство сосудов изготовлено из темной глины и обычно имеет естественную окраску; как сообщают, несколько сосудов из гробниц покрыто блестящей облицовкой телесного или красновато-коричневого цвета, что вызывает искушение сравнить их с греческой древней «лаковой» керамикой. Украшения ограничиваются кольцеобразными отпечатками стебля камыша и нарезным елочным орнаментом.

Жители Библа не пользовались печатями так, как ими пользовались на Евфрате и за Евфратом, где применение печатей всегда сочеталось с употреблением крашеной керамики. Вместе с тем приблизительно на тридцати сосудах имеются оттиски печатей, или, вернее, штампов, сделанные до обжига¹. Штампы, вероятно, делались из дерева, но одна найденная при раскопках телья медная перегородчатая печать² дает отпечаток, соответствующий одному из клейм на сосудах. Мотивы клейм включают наряду с неизменным заполненным крестом так называемые пиктографические знаки и сложные узоры, которые, повидимому, так же как на глиняном штампе из Хама — К, представляют собою попытку воспроизвести на дереве узоры в зверином стиле, вырезанные на печатях периода Гавра; иногда резчик по дереву старается даже

¹ Dunand, B. G., 25—46.

² Montet, Bybles et l'Égypte, Paris, 1928, pl. LIX, 44.

воспроизвести эффект работы сверлом, которым пользовались резчики по камню. Конечно, этот обычай ставить клейма на еще не обожженные сосуды не имеет ничего общего с месопотамским обычаем делать оттиск на комочке глины, прикрепленном к готовому и наполненному сосуду. Стилистическое сравнение мотивов этих клейм с изображениями на цилиндрических печатях периода Джемдет-Насра не может иметь существенного значения для определения хронологии. Явное расхождение между некоторыми мотивами, распространенными в Библе и Хама, и узорами на печатях периода Гавра должно, однако, свидетельствовать о том, что Библ II не может быть древнее фазы северомесопотамской культуры.

Между II фазой и III фазой Дюнана¹ нет резкого разрыва. Правда, погребение покойников на территории поселения прекращается; изменяется план жилых построек и стены в некоторых случаях, как в Трое и в раннеэлладский период в Греции, возводятся на основаниях из выложенных в елку кирпичей. Традиция обработки кремня не прерывается; горшки, по крайней мере в течение некоторого времени, продолжают изготавливаться вручную. Однако теперь в Библе начинают уже селиться профессиональные гончары, которые вводят в употребление гончарный круг и гончарную печь и изготавливают красивые сосуды с красной облицовкой и орнаментом, наносившимся путем проведения по облицовке гребенчатым штампом². В числе их изделий были веретенообразные бутылки, напоминающие сосуды из египетских гробниц эпохи I династии (рис. 53), определяемые как импорт. Таким образом, можно предполагать, что к этому времени между Библом и долиной Нила уже установились торговые связи. Фактически Библ III уже прочно стоял на пути урбанизации, но еще в течение, быть может, целого столетия он оставался неукрепленным поселком-городом.

Библ IV³ был уже обведен толстой каменной стеной.

¹ RB, LVII, 591—592, 600.

² Однако такая керамика с «чесаным» орнаментом известна также в Шумере в раннединастический период: ср. Ehrich, *Early Pottery of the Jebel Region*, Mem. Amer. Phil. Society, 1939, 30.

³ RB, LVII, 593—596.

Даже в архитектуре жилых домов простые глыбы местной породы камня начинают уступать место обтесанным плитам из песчаника, а в качестве опоры для кровли и вторых этажей в дополнение к каменной кладке вводятся деревянные столбы. Местные металлурги отливают в формах характерные продолговатые плоские клиновидные топоры с широким лезвием и ушком в узкой обушной части (табл. XXXIX, в, 1), напоминающие топоры, изготовлявшиеся в период погребения в цистах в верхнем течении Евфрата.

Горшки больше не лепят от руки. Местные специалисты начинают украшать сосуды решетчатым лощеным орнаментом. На некоторых из этих сосудов имеются клейма, попрежнему сделанные до обжига, но на этот раз уже с помощью цилиндрических печатей¹. Печати, вероятно, все так же изготовлялись из дерева, но теперь резчики изображали на них вереницы стилизованных животных. Эти изображения сравнивают по стилю с изображениями на печатях периода Джемдет-Насра в Нижней Месопотамии. Но несмотря на находку в Библе, хотя и вне стратиграфических слоев, настоящей цилиндрической печати периода Джемдет-Насра, не менее обосновано в этом случае и сравнение их с цилиндрическими печатями II раннединастического периода. Во всяком случае, эти клейма имеют не больше значения для определения хронологии, чем клейма Библа II.

Дюнан называет Библ IV *la première installation urbaine* (первым городским поселением). Но мы не находим в нем ни дворца, ни храма, которые свидетельствовали бы о концентрации богатств, скапливающихся в любом преуспевающем торговом порту. После довольно продолжительного периода процветания этот первый обнесенный стеною городок погиб от пожара.

В Библе V² был воздвигнут первый храм, посвященный Ба'алат, богине Библа («здание XL»), выстроенный из известняковых плит и напоминающий по плану храм Абу в Эшнунне II раннединастического периода. Через сравнительно небольшой промежуток времени город был перепланирован.

¹ Dunand, B. G., '59—68.

² RB, LVII, 596, 601.

В эпоху Библа VI¹ храм Ба'алат («здание II») был значительно расширен; он занимал теперь площадь 28 м × 20 м; кроме этого, в другой части города был воздвигнут другой новый храм. В здании II были найдены алебастровые вазы с надписями, которые египетские фараоны от Хасехемуи до Пепи II присылали в дар Ба'алат, богине Библа. Эти надписи являются ценными документами для изучения торговли Египта с другим государством, но, конечно, такие посвященные дары должны были ревностно охраняться и их могли бы и не пожертвовать в храм, где они были найдены. Игнорируя эту возможность, Дюнан предполагает, что Библ VI существовал с 2700 года по 2200 год до н. э.²

Даже в том случае, если мы и не примем древнейшие вазы с надписями, являющиеся посвященным даром Хасехемуи, как свидетельство того, что храм Библа VI был построен в период II египетской династии, мы должны признать, что Библ III и даже Библ IV соответствуют по времени I династии, так как вполне вероятно, что некоторые бутылки и сосуды с «чесаным» и решетчатым лощеным орнаментами, завезенные в этот период в Египет, были наполнены в Финикии и вывезены на кораблях из Библа. Таким образом, вполне возможно, что капитал, необходимый для зачаточной стадии урбанизации, которую мы можем проследить в первом укрепленном городке Библа, был почерпнут из общественных излишков, скапливавшихся в руках первых фараонов. Однако вместе с тем совершенно очевидно, что профессиональные гончары, уже входившие в состав населения этого городка, не были египтянами. Несомненно также и то, что гончарный круг проник в Шумер не из Финикии и не из примыкающей к ней с противоположной бережью стороны северной Сирии; даже в том случае, если отпечатки на сосудах цилиндрических печатей и

¹ RB, LVII, 597—599.

² Брейдвуд (Braidwood, Amer. J. Sem. Lang., LVIII, 254—258) в 1941 году подверг сомнению данные, приведенные Дюнаном, как основание для датирования «здания II» временем царствования Хасехемуи; даже теперь, когда прошло около 20 лет, его сомнение нельзя считать вполне разрешенным. Ср. также Schaeffer, Strat, comp., 53—55.

свидетельствуют о синхронности между Библом IV и периодом Джемдет-Насра в Нижней Месопотамии, мы знаем, что гончарный круг употреблялся в Шумере еще задолго до начала этого периода. Это экономящее труд приспособление, должно быть, напротив, проникло из Шумера в Финикию, и вместе с ним, несомненно, явились такие приемы, как техника производства керамики с орнаментом, образованным путем проведения по облицовке гребенчатым штампом.

Металлургия к тому времени уже прочно утвердилась на Левантском побережье. В серебряных украшениях и медном оружии из гробниц Библа II не обнаруживается никаких следов месопотамского влияния; они являются продукцией совершенно самостоятельного металлургического производства, которое, возможно, даже положило начало обработке металлов в эгейском мире. Так, вполне вероятно, что, несмотря на неопределенность в хронологии Библа VI, найденные там в дальнейшем бронзовые изделия из стандартного сплава, содержащего 10 процентов олова, не уступают в древности бронзовым предметам из царского могильника в Уре и наглядно свидетельствуют о новом достижении металлургического производства Леванта.

Однако перед нами встает вопрос: действительно ли кремневые ножи с рукоятками, приписываемые Библу II, являются предметом ввоза из Египта и, таким образом, свидетельствуют о том, что эта халколитическая деревня соответствует по времени своего существования эпохе древнейших фараонов? Трудно поверить, что египтяне, только что освоив изготовление этих характерных для эпохи фараонов ножей, сразу начали вывозить их в Финикию; во всяком случае, нужно отметить, что все перечисленные образцы производят впечатление более поздних, чем ножи эпохи II династии. Вместе с тем, однако, может ли этот тип ножа вести свое происхождение из Финикии, обладающей не меньшими запасами высококачественного кремня, чем Египет? Может ли переход к производству в Египте этих ножей в начале эпохи I династии рассматриваться как археологическое подтверждение доисторического события, аллегоризированного в позднем мифе об Озирисе? И не было бы в конце концов

правильнее предполагать, что эти ножи были найдены в Библе не в своем слое и в действительности были привезены из Египта в эпоху Древнего царства одновременно с посвященными вазами?

В таком случае халколитическая деревня Библ II может быть отнесена ко времени культуры Маади и к герцейской фазе в долине Нила, что вполне согласуется с приравниванием ее через Хама — К к периоду Гавра в Северной Месопотамии. Даже в случае отсутствия пробела между Библом I и Библом II левантская неолитическая культура могла бы претендовать на значительную древность, и сопоставление ее Дюнаном с Бадари хронологически невозможно. Но археологические данные в Финикии еще слишком неполны для объективной оценки права этой области считаться одним из центров неолитической революции.

3. Более удачное расположение имеет Палестина. Наряду с наличием ботанических и зоологических ресурсов, необходимых для производства пищи, мы имеем здесь два момента, особенно благоприятных для археологов. Горы Палестины изрезаны естественными пещерами, в которых земледельцы-скотоводы, еще не привязанные к одному месту разведением фруктовых деревьев и ирригационными сооружениями, могли, подобно их предкам-охотникам, находить себе убежища и оставлять в наследство археологам памятники своей культуры. Во-вторых, здесь имелись под рукой богатые запасы прекрасного кремня для изготовления орудий и оружия. Находки на поверхности земли таких кремневых изделий могут свидетельствовать о поселениях столь временного характера, что на местах их расположения не могло образоваться никаких жилых холмов, — поселениях, жители которых не употребляли, а следовательно, и не били керамической посуды. Проводящиеся с 1935 года раскопки в Палестине открыли нашему взору длинные и твердые ряды последовательных культур на различных поселениях, значительно более древних, чем горизонты, которые мы имеем возможность датировать благодаря их связям с историческим Египтом. Однако сопоставление нескольких последовательных рядов, сопровождаемое размещением

отдельных, но одновременных друг другу местных культур по последовательным периодам, может вызвать опасность чрезмерной хронологической растянутости, ибо как Палестина ни мала, она не является областью распространения однородных культур. Широкая прибрежная равнина составляет резкий контраст с гористыми внутренними областями и расположенной за горами узкой глубокой долиной Иордана; эти зоны как бы рассекаются горой Кармил и протегающей к северу от нее плодородной долиной Эздрелон. Палестинские археологи еще больше усложнили объединение местных последовательных рядов культур в одну общую систему своим применением в различном и всегда произвольном смысле терминов «неолит», «халколит» и «ранний бронзовый век». Кстати, говоря о применении этих терминов, отметим, что под понятием «ранняя бронза» отнюдь не подразумевается сам факт применения и химический состав металлических предметов, но, тем не менее, для осторожности мы будем всюду пользоваться сокращенным обозначением: р. б.

Собранные к 1934 году коллекции кремневых орудий из пещер и с открытых поселений позволили Нейвилю¹ выделить и определить «тахунийскую» группу кремневых орудий, которая может быть отнесена к эпохе неолита. Эта группа характеризуется резцами, серповыми лезвиями и наконечниками стрел, которые могут вести свое происхождение от поздних натуфийских форм (рис. 110), а также клиновидными кремневыми топорами, заострявшимися с помощью ударов «транше», наносившихся под углом к вертикальной оси орудия. Эти поселения, видимо, представляли собою места временного пребывания полукочевых групп, занимавшихся переложным земледелием и скотоводством в сочетании с охотой, рыболовством и собирательством. Позднее Гарстанг² раскопал подобные же кремневые орудия в нижнем горизонте многослойного телля в Иерихоне.

Неолитический Иерихон уже представлял собою постоянную деревню, расположенную на берегу непересы-

¹ RB, XLIII, 1934, 255.

² LAAA, XXII, XXIII.

хающего ручья, жители которой в дополнение к выращиванию злаков и скотоводству, возможно, занимались также садоводством. О скотоводстве свидетельствуют

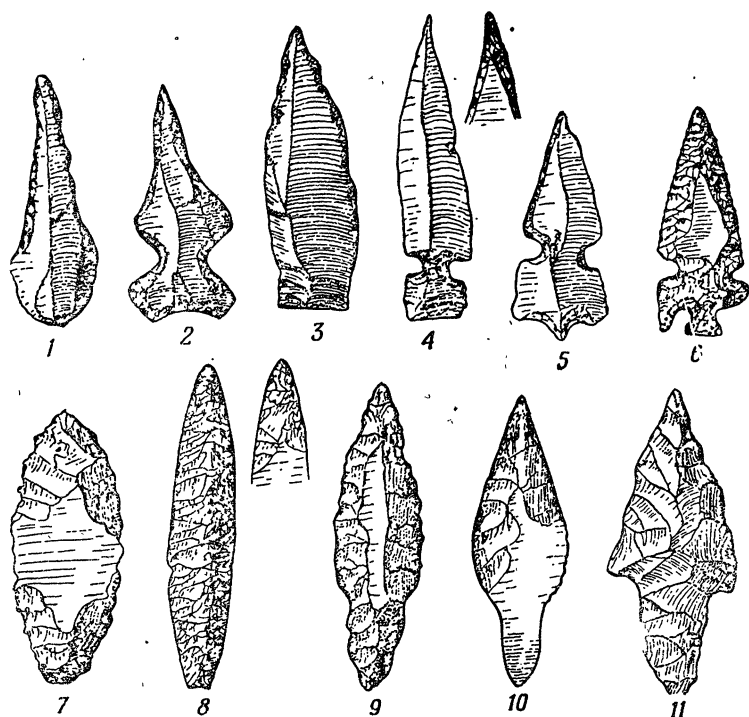

Рис. 110. Поздненатуфийские (1—5) и тахунийские (6—11) наконечники стрел, по Нейвилу (1/1).

только грубые фигурки животных из необожженной глины, а о выращивании злаков — серповые лезвия, зернотерки и, наконец, обмазанные глиной ямы для хранения зерна. Поселяне строили себе дома с глиняными, оштукатуренными изнутри известью и иногда выкрашенными стенами, крыша опиралась на деревянные столбы. Кроме кремневых клиновидных топоров, изготовленных с приме-

нением техники скола, в качестве деревообделочных орудий применялись также полированные клиновидные топоры из мелкозернистой породы камня. Керамика, очевидно, была неизвестна: вместо этого жители Иерихона вырезали чаши из кальцита и ступы из базальта и плит известняка. О торговых связях¹ свидетельствует обсидиан, встречающийся во всех неолитических и даже в более глубоких слоях; средиземноморские раковины и кусочки малахита. Одно здание из двух помещений с портиком из деревянных столбов, возможно, представляло собою святилище; внутри него и поблизости было найдено много фигурок животных из необожженной глины, а под полом одного из соседних строений были обнаружены кости двух мужчин; из которых один, очевидно, погиб насильственной смертью².

Несмотря на сомнения, выраженные по этому поводу Брейдвудом³, неолитическая культура Иерихона вполне может вести свое происхождение от мезолитической натуфийской культуры. Если она и не развивалась автономно, то, во всяком случае, нельзя решительно утверждать, что она произошла из Египта, так как серповые лезвия и наконечники стрел резко отличаются от меримдийских и тасийских.

Далее следует наслоение мусора толщиной 4,5 м, после чего в слое Иерихон — IX появляются первые черепки глиняной посуды. В этом слое, по сообщению Гарстанга⁴, были обнаружены ямы для хранения зерна, обмазанные глиной, не подвергнутой после этого обжигу, модели из необожженной глины с примесью соломы или песка и совсем хорошо обожженные сосуды из глины с примесью соломы. Эти сосуды уже снабжены небольшими ушкообразными ручками, обычно проткнутыми в горизонтальном направлении; светлая желтовато-серая поверхность сосудов иногда покрывалась красноватой облицовкой. В этом же слое при раскопках какого-то, очевидно священного, места⁵ были найдены три статуэт-

¹ LAAA, XXII, 184, 181.

² Ibid., XXIII, 70.

³ *Antiquity*, XXIV, 1950, 190.

⁴ LAAA, XXIII, 71, 77, 87.

⁵ Ibid., XXIII, 71.

ки из необожженной глины, изображающие бородатого мужчину, женщину и ребенка, во всех трех случаях — со вставленными на месте глаз раковинами, а также необожженная модель двухэтажной житницы или святилища. Таким образом, создается впечатление, что общество неолитического Иерихона объединялось вокруг культа троицы, совершавшегося, как в Шумере, в святилище, представлявшем собою нечто вроде примитивного храма.

В следующем слое — VIII, именуемом «халколитическим» Иерихоном, глина содержала чаще примесь песка, чем соломы, и поверхность сосудов в некоторых случаях покрывалась полосками блестящей красноватой краски на светлом фоне или нарезными елочными и другими орнаментами; иногда можно встретить комбинацию краски с нарезным орнаментом, напоминающую, с одной стороны, культуру Хассуны в Месопотамии, а с другой, — меримдийскую культуру Нижнего Египта. Однако к этому времени материалы, очевидно, более или менее близкие по времени неолитическому или халколитическому Иерихону, собранные в теллях на Вади-Газзе близ Газы¹ в южной Палестине, в Умм Катафа и других пещерах долины Иордана² и на месте одного поселения на реке Ямук в северной Палестине, уже свидетельствуют о существовании других культур или, во всяком случае, керамических стилей, которые могут быть определены как неолитические.

На Ямуке³ костный материал свидетельствует о разведении овец и коз и об охоте на газелей, кабанов, диких ослов и, повидимому, верблюдов; злаки жали здесь при помощи зазубренных серпов с двусторонней ретушью. Охотники пользовались кремневыми наконечниками стрел и дротиками с черешковыми наконечниками. Для обработки дерева применялись кремневые клиновидные топоры с лезвиями, полированными или заостренными с помощью удара «транше». Кремневые желваки, оббитые сколом до образования острия, с оставленной на обухе коркой, напоминают мотыги из Меримде

¹ Macdonald, Beth Pelet II, 1932, 2—7.

² Умм Катафа, Syria, XII, 1931, 29—32; Узба, BASOR., 86, 7, 89, 22.

³ Stekeli's, Israel Exploration Journal, I, 1950, 2—18.

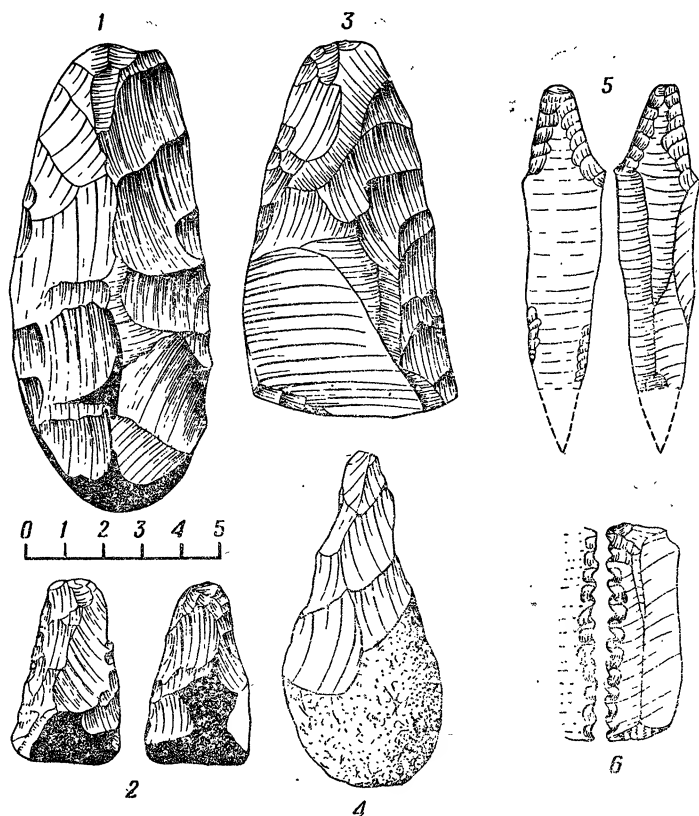

Рис. 111.

1-2 — ямуские топоры с полированными лезвиями; 3 — «транше»; 4 — мотыга; 5 — серповое лезвие; 6 — наконечник дротика, по Штекелису.

(рис. 111, 4). Посуду изготовляли из глины с примесью соломы или крупного песка. Сосуды имеют светлую поверхность, иногда покрытую красноватой облицовкой и украшенную полосами нарезного елочного орнамента. Галька со своеобразной резьбой, изображающей, очевидно, человеческие фигурки и фаллы, применялась, видимо, для ритуальных целей.

Наблюдаемое на этой стадии разнообразие в керамике и других изделиях может быть следствием как узко-

территориальных, так и хронологических различий. Однако в керамике повсюду проявляется довольно слабое сходство, с одной стороны, с Меримде, а с другой, — с Хассуной и более определенное сходство с керамикой левантской неолитической культуры Финикии из Библа I, и особенно из Хаммама¹. Но в халколитический период отчетливо выделяется еще одна культура, возникшая, возможно, восточнее Иордана, хотя она и распространяется на севере до самой долины Эздрелон² и на юге — до Вади-Газзе. Эта культура называется гхассульской по поселению Телейлат Гхассул в 5,5 км к востоку от Иордана, где она была впервые обнаружена.

Телль Гхассул³ представляет собою на самом деле группу жилых холмов высотой не более 2-м, охватывающих площадь 800 м × 400 м. Они отмечают собою местоположение деревни, состоявшей из теснившихся один к другому домов из сырцового кирпича. Стены строились из необожженных кирпичей, изготовленных не в формах, а от руки, и опирались на каменный фундамент. У некоторых домов стены изнутри были покрыты настоящей росписью. Тесла и долота заострялись не столько с помощью удара «транше», сколько путем скалывания продольных пластин, после чего край лезвия подвергался шлифовке. Чрезвычайно распространенным орудием был веерообразный скребок из слоистого кремня, похожий на скребки из Маади и Библа II. Кремневые наконечники стрел отсутствуют. Возможно, что лук был заменен пращей. Оружием служили также булавы грушевидной и дисковидной формы.

Керамическая посуда не имеет росписи; украшением служили налепные валики и углубления, сделанные пальцем. Гончарный круг не употреблялся, но, как говорят, некоторые сосуды изготовлены на «вертушках» («tournefette»); в числе гончарных приспособлений описываются также просверленные каменные диски. Среди керамических форм выделяются «рожки» — колоколовидные кубки

¹ Syria, XXI, 1940, 199, and pl. XXII, 2, f.

² Sukenik, Arch. Investigations at Affula (Jerusalem, 1948), RB, LIV, 1947, 395—400.

³ Mallon, Teleilat Ghassul, Pontifical Biblical Institute, Rome, I, 1934; II, 1940.

с удлиненным заостренным дном — и кубки с высокой ножкой и ушками. Сосуды, включая и простую форму амфорисков, снабжены ушками или простыми петлеобразными ручками. Кубки изготовляли также из базальта и других пород камня. Одним из самых распространенных личных украшений является подвеска из раковины в форме полумесяца или полукольца с отверстиями на обоих концах. Амулет в виде топора напоминает аналогичные амулеты из Меримде, с Крита и из приатлантической Европы; скрипкообразные каменные фигурки также находят северные аналогии.

Гхассульцы Трансиордании хоронили своих покойников по одному в каменных цистах, над которыми иногда насыпались круглые курганы, укрепленные по краю кольцом из валунов¹. Цисты, сложенные из семи или восьми поставленных вертикально глыб и двух или трех камней, образующих перекрытие, не достигают длины более 1,5 м и имеют в среднем 1 м в длину, 0,7 м в ширину и 0,5 м в высоту. Такие цисты не имеют ничего общего с мегалитическими гробницами Западной Европы, а более крупные сооружения того же типа в Иудее и Галилее не дают никаких материалов, указывающих на их возраст и назначение. Цисты гхассульской культуры можно скорее сравнивать с так называемыми дольменами Северной Африки и с короткими цистами под каменными насыпями курганов бронзового века в горных районах Великобритании. Вместе с тем в долине Сарона кости покойников гхассульской культуры после разложения плоти помещали в прямоугольные керамические урны — «оссуарии»². Эти урны в точности повторяют архитектуру жилых домов, начиная с плоских или двускатных крыш и кончая скобой для задвижки, запирающей дверь.

В Гхассуле обнаружено четыре последовательных культурных слоя. В сообщениях о раскопках этого поселения упоминается несколько довольно подозрительных скобообразных ручек сосудов. На этом основании можно

¹ Stekelis, Les Monuments mégalitiques de Palestine, *IPH.*, *Mem.* 15, 1935.

² J. Pal. Oriental Soc., Jerusalem, XVII, 1937, 15—30.

предполагать, что, хотя на двух поселениях остатки гхассульской культуры были обнаружены в слоях, расположенных ниже слоев р. б. I, жизнь в самом Гхассуле захватывает этот период. В позднейшем слое этого поселения было найдено два бронзовых клиновидных топора, один из которых содержал 7 процентов олова. Каково бы ни было их место в последовательном ряде культур Палестины, эти изделия из бронзы вполне выдерживают сравнение с точки зрения их абсолютной даты с бронзовыми предметами из Гавра — VIII.

В следующий период Палестина распадается на две противопоставляющиеся друг другу области распространения культур. На севере царит культура Эздрелона, определяемая Шиптоном и Райтом как верхнехалколитическая и классически представленная в Мегиддо — XIX¹, Бет-Шане — XVI² и Телль Фара (Наплуз) ³. Она характеризуется тонкой лощеной серой керамикой, главным образом в виде острореберных кубков. Однако наряду с этим остается не изжитой и старая традиция производства бледной желтовато-серой керамики, которая теперь часто бывает покрыта красноватой ангобой, и многие новые формы горшков, которые в более южных областях относятся к р. б. I, изготовлены именно из такой глины. Серая керамика в Палестине, несомненно, является пришлой. Вне всякого сомнения, она ведет свое происхождение, по крайней мере, от керамики левантской неолитической культуры Джудейде XIV, но еще больше сходства она имеет с изготовленной от руки «серой урукской посудой», встречающейся в период Гавра в Грай Реш (Ассирия) и в аналогичном культурном комплексе в Табара (равнина Амук). Нет никакого сомнения, что создатели этой культуры явились в Палестину с севера, но если они и положили начало «бронзовому веку», то, во всяком случае, не они ввели в употребление гончарный круг.

Характерная серая керамика не встречается в Иудее, где, напротив, часто можно встретить сосуды с росписью. Но многие новые формы сосудов, характерные для Иери-

¹ —VII—V «стадии» Энгберга и Шиптона: Engberg, Shipton, *OIS*, No. 10, 1934.

² *Mus. J.*, XXIV.

³ *RB*, LIV, 1947, 395—400.

хона — VII, Аи I и подобных им поселений — кувшины со скобообразными ручками, сосуды с носиками и амфориски, — встречаются среди местной светлой керамики Мегиддо — XIX и родственных ему поселений культуры Эздрелона. Поселения южной Палестины уже безоговорочно приписываются р. б. I. Однако, поскольку основные черты социального и экономического порядка, характеризующие эту фазу, и многие нововведения в области керамики являются общими для обеих областей, вполне вероятно, что различие между «верхним халколитом» и «ранним бронзовым веком» носит скорее узкотерриториальный, чем хронологический характер; в таком случае удобнее рассматривать эти два периода вместе как первый этап раннего бронзового века в Палестине — р. б. Ia¹. Начавшийся таким образом новый период, несомненно, продолжался долго, но мы будем рассматривать развитие культуры на протяжении р. б. Ia, р. б. Ib и р. б. II как один непрерывный процесс, хотя в действительности он богат катастрофами; так, например, поселение Аи дважды подвергалось разрушительному действию пожара.

В начале «бронзового века» выращивание винограда и миндаля², помимо пшеницы, ячменя, проса и чечевицы³, уже крепко привязывало земледельцев к земле; в это же время уже использовались в качестве тягловых животных ослы. Поселения постепенно превращаются в небольшие укрепленные стенами городки; так, например, Иерихон — VII⁴ занимал площадь 7—8 акров и был окружен стеною⁵ из сырцового кирпича на каменном основании. Аи⁶ и крепость Мегиддо⁶ были укреплены каменными валами толщиной в первом случае 6,5 м, а во втором — 4,5 м; часть поселения Аи, находившаяся за пределами вала, была, в свою очередь, обведена двойным кольцом укреп-

¹ Различные схемы периодизации этих поселений были предложены Олбрайтом (Albright, Arch. Pal. 194, 70—71 and A. J. A. LIII, 1949.), Шиптоном (Shipton, OIS, No. 17, 1939 and OIP., XXXIII, 1938, 143—147) и Райтом (Wright, BASOR, 63, 1936, 63).

² LAAA, XXII, 161.

³ Macdonald, Beth. Pelet II, 14.

⁴ LAAA, XXII, 151.

⁵ Marquet-Krause, Les Fouilles d'Ay, Paris, 1949.

⁶ Loud, Megiddo II, OIP, LXII, 1948, 66.

лений, возможно в качестве защиты против тактического применения пращи¹.

Внутри каждого такого огражденного поселения имелось небольшое святилище, символизирующее объединение всех обитателей поселения в служении местному божеству. Святилище в Мегиддо — XIX имело 12 м в длину и 4 м в ширину. Древнейшее святилище в Аи состояло из одного помещения, но к р. б. II оно было разделено на внутренний двор, хекал и дебир (святая святых)² по стандартному плану семитского храма. До р. б. II не было обнаружено ни одного здания, которое могло бы быть признано за дворец светского правителя. В р. б. II в Аи был построен дворец с портиком (или верандой) из деревянных колонн, отдаленно напоминающий дворец А в Кише и в большей степени дворцы хиллани поздних хеттских владык. Земледельцы же, конечно, все так же жили в домах из сырцовых кирпичей, часто попрежнему сформованных руками. В качестве жилищ использовались также естественные пещеры, даже в пределах окруженной стеной территории городка.

Покойников на протяжении всего бронзового века хоронили в коллективных погребениях, и они «спали вечным сном вместе со своими отцами» в естественных или искусственных пещерах на территории поселения или чаще — на склонах гор вне стен города. Гробницы использовались на протяжении многих поколений, о чем можно судить по изменениям в найденной в гробницах керамике и по числу покойников (в гробнице А в Иерихоне было погребено 300 человек). Кости обычно лежат в беспорядке, но, судя по отдельным целым костякам, покойников клали в скорченном положении на правый бок³. Макалистер⁴ описывает пещеру 2, II в Гезере как «крематорий», но его доводы в пользу трупосожжения не более убедительны, чем аналогичные доводы Дюнана о погребениях в кувшинах в Библие. В коллективных гробницах Палести-

¹ Как в железном веке в Англии (Wheeler, Maiden Castle, Dorset, 1943, 48—51).

² Dussaud, Syria, XVI, 1935, 345.

³ Guy, Megiddo Tombs, OIP, XXXIII, 1938, 135.

⁴ «The Excavation of Gezer», 1912, I, 285.

Египет	Палестина	Сирия	Северная Месопотамия	Шумер	Сузы	Иран	Инд
Династия VI V IV III II I	Древнее царство Эпоха древних фараонов	Хама J	Период погребения в цистах Эпоха Саргонидов Раннединастический период VI VII Ниневийский период VIII A VIII B Период Гавра XI XII XIII Обейдский период XIX Халаф Самарра Хассуна ? Джармо	Ур III III Раннединастический период II I Джемдет-Наср Позднеурукский период Раннеурукский период Позднеобейдский период Раннеобейдский период Протообейдский период		Хиссар III	Джукар
2325		р. б. III р. б. II р. б. Ib					Хараппа
2850 3200	Терейская культура Мадийская культура	Хама K			D	Сиалк IV, 2 IV, 1	Амри
3550		р. б. Ia			C		
3950	Амратская культура Бадарийская культура Меримде Гелуан	Хама L M			B I	III, 7 III, 4 III, 1 II I	
4400		Гхассульская культура Ямукская культура Тахунийская культура Иерихон Натуфийская культура					
5000							

ны мы сталкиваемся, пожалуй, с еще более точным, чем в Финикии, повторением погребальных обрядов, распространенных на заре века. металла во всем Средиземноморье вне зависимости от того, где совершалось захоронение — в естественных пещерах, в скальных гробницах или в мегалитических камерах, выстроенных на поверхности земли. По своему происхождению они, конечно, ближе к последним, чем к гхассульским дольменам.

В Палестине коллективные погребения восходят ко времени мезолита, и даже искусственные, высеченные в скалах пещеры не могут рассматриваться как подражание царским гробницам Египта. В нескольких гробницах отмечены «чашеобразные углубления», которые можно было бы сравнить с натуфийскими.

Металл был известен всюду, но, повидимому, его было еще очень мало. Возможно, что доставка и обработка металла все еще находились в руках странствующих литейщиков, а не постоянно живших в поселке профессиональных мастеров. Кремень продолжал находиться в широком употреблении, но, повидимому, он уже больше не применялся для изготовления топоров и тесел. Эти орудия, очевидно, изготавливались из меди. До нашего времени сохранился массивный медный топор, найденный в Бет-Шане — XVI. Но большинство уцелевших предметов из меди (мы имеем в виду образцы, которые при анализе не показали содержание олова) представляет собою оружие — кинжалы или наконечники копий. В Палестине были в употреблении три формы наконечников копий: 1) с сужающимся черешком¹; 2) с согнутым черешком, образующим петлю², и 3) с широким черешком, согнутые края которого образуют втулку³. Последняя типична для эпохи древнейших фараонов, а вторая представлена древнейшими датированными образцами из группы наконечников копий, широко распространенных в период погребения в цистах в верхнем течении Евфрата, в Сузах и в Иране.

¹ Mus. J., XXIV, pl. III; Бет-Шан — XVI.

² Loud, Megiddo II, pl. 283, I; Мегиддо — XVIII.

³ Gu y, Megiddo Tombs, 163.

Трудно определить степень механизации керамического производства. На протяжении всего раннего бронзового века горшки в Палестине, как правило, изготовляли от руки, но возможно, что в р. б. IIb в некоторых поселках уже имелись профессиональные мастера, пользовавшиеся гончарным кругом. Сосуды, определяемые как изготовленные с помощью гончарного круга, отмечены в Мегиддо — XVII, Бет-Шане — XV и Иерихоне — VI¹, но это определение оспаривается. Вместе с тем нужно отметить просверленные посредине каменные диски диаметром 20 см, названные «вертушками» (*«tournettes»*)².

В раннем бронзовом веке наряду с распространенной в р. б. Ia серой лощеной посудой культуры Эздрелона и кремовой облицованной расписной керамикой Иудеи мы встречаем посуду из светлой глины и такую же посуду, покрытую красной ангобой, а в р. б. Ib — тонкую, обожженную до большой прочности красную керамику, названную за ее звонкость «металлической», с которой мы уже сталкивались в Финикии. Орнамент наносился гребенчатым штампом или путем частичного соскабливания облицовки, как в Месопотамии и Финикии, или с помощью лощила. В последнем случае получалась посуда с решетчатым лощеным орнаментом, не встречающаяся в Палестине до периода р. б. II, но известная в Библие IV и, очевидно, в Хама — К. В сущности, мы имеем здесь перед собою ту же технику, которая применялась при изготовлении необлицованной керамики со штриховым лощением, неолитических культур Финикии и Северной Сирии, и, хотя теперь она применяется в орнаментации посуды из светлой глины, покрытой красной ангобой, нет никакого сомнения, что в обоих случаях она ведет свое происхождение от одной общей традиции. Но ни в одном из раскопанных поселений мы не находим керамики со штриховым лощением, достаточно поздней, чтобы предположить, что именно она являлась источником происхождения решетчатого лощения.

¹ Loud, Megiddo, II, pl. 5, Mus. J., XXIV, 10; LAAA., XIX, 1932, 156.

² Loud, Megiddo, II, 177; RB, LIV, 403; cp. Mallon, Tellilat Ghassul, I, 87 and LAAA, XXIII, 84.

Среди керамических форм бронзового века в Палестине особенно выделяются кувшины со скобообразными ручками. Эти ручки, появляющиеся в р. б. Ia вначале как простое практическое приспособление и имеющие параллели в герцейской культуре Египта, в дальнейшем развиваются совершенно иным путем, чем в Египте, где они превращаются в волнистые ручки, характерные для герцейских кувшинов. Широкое распространение имели также кувшины с носиками; некоторые кувшины имеют изогнутый носик позднеурукского и герцейского типа, между тем как укрупненная форма обеидского котла¹ приближается к раннеэлладскому аску. Начиная с р. б. Ia появляются амфориски; в Иудее они имеют красную роспись по кремовой облицовке.

Если не считать нескольких фаянсовых бусин, лучшие свидетельства о внешней торговле Палестины мы находим среди керамики. Сосуды нескольких из перечисленных выше типов керамики и форм встречаются как предметы импорта в гробницах эпохи древнейших фараонов в Абидосе, Саккара, Гелуане и Тархане. Большинство из них, без сомнения, было привезено в Египет морем из Библа. Но свидетельства о вывозе товаров в Палестину в эпоху древнейших фараонов носят такой же характер и столь же убедительны, как и свидетельства о вывозе товаров через Библ. Среди приношений из святилища в Аи² обнаружены, как в храме Ба'алат, богини Библа, алебастровые кубки египетского изготовления, между тем как в Иерихоне — VII были найдены шиферные палетки периода древнейших фараонов³. Возможно также, что некоторые из найденных в Египте «сирийских» сосудов были изготовлены и наполнены вином или оливковым маслом в Палестине и что эта страна не была совершенно обойдена в торговле Египта с Севером.

Все перечисленные виды керамики достигали Египта в период I династии. Поэтому, если предположить, что не все привозные сосуды поступали из Библа, они могут служить *termini ante quos* для нескольких этапов раннего

¹ Marquet-Krause, Ay, pl. LX, 7, No. 587.

² Ibid., 19, 29.

³ LAAA, XXIII, 68.

бронзового века. Мы не имеем никаких свидетельств о керамике с решетчатым лощеным орнаментом до р. б. II¹, а о керамике с «чесаным» орнаментом и о «металлической» керамике — до р. б. Ib². В сущности, все ввозные сосуды, о которых идет речь, принадлежат скорее к р. б. Ib или к р. б. II, чем к р. б. Ia. Таким образом, р. б. Ib и начало р. б. II должны целиком падать на период I династии. В таком случае период р. б. Ia должен частично совпадать по времени с герцейской фазой додинастического периода. Фактически амфориски из Абусир эль-Мелека вполне могут вести свое происхождение от иудейской традиции р. б. Ia. Относящиеся к этой фазе кувшины со скобообразными ручками также не далеки от возможного прототипа герцейских кувшинов с волнистыми ручками. Так как сосуды с носиками появляются только начиная с р. б. Ia, вполне возможно, что они проникали в долину Нила из того же источника. Однако древнейшие опубликованные образцы с изогнутыми носиками происходят из Бет-Шана — XIV³.

Гораздо труднее установить хронологическое соотношение культур Палестины с культурами Месопотамии. Нет никакого сомнения, что серые лощеные кубки и сосуды с носиками культуры Эздрелона ведут свое происхождение от урукской традиции, но любая традиция может существовать долго. Два сосуда из Мегиддо, приписываемые концу р. б. Ia, имеют клейма, сделанные до обжига цилиндрическими печатями. Стиль этих клейм разноречиво определяют как стиль периода Джемдет-Насра и II раннединастического периода⁴. Конечно, стилистическое сравнение деревянных цилиндров, предназначенных для клеймения необожженных сосудов, и каменных цилиндров, применявшихся для запечатывания

¹ Напр., Телль Фара, 4 (RB, LIV, 422), Бет-Шан — XIV (Mus. J., XXIV, 13).

² Например, в Телль Фара, 3 и Мегиддо — XVIII (RB, LV, 1948, 550);

³ Согласно Энгбергу и Шиптону (Engberg, Shipton, OIS., No. 10, 34), этот тип (№ 23A) встречается уже в Мегиддо — VII—V, то есть на ранних стадиях культуры Эздрелона, соответствующих р. б. Ia.

⁴ Albright, Arch. Pal., 71; Shipton, OIS., No. 17, 1939, 42.

наполненных кувшинов, имеет в Палестине не большее хронологическое значение, чем в Финикии. Тем не менее второе сопоставление, устанавливающее хронологическое равенство между II раннединастическим периодом в Месопотамии и первой египетской династией, вполне соответствует приурочиванию начала II раннединастического периода к 2900 г. до н. э. — дате, на которой сходятся результаты вычислений, проведенных независимо тремя путями¹.

Эти далекие сопоставления единодушно признаются проблематичными, между тем как неоспоримые свидетельства о связи между Египтом и Палестиной позволяют сделать несколько более определенных выводов. Укрепленные городки Аи или Иерихон — VII достигли определенной степени урбанизации без участия капитала, накопленного в эпоху первой египетской цивилизации. Не опирались они, очевидно, в своем росте и обогащении и на общественные излишки, накопленные в периоды р. б. Ib и р. б. II. В свою очередь коллективные погребения в скальных гробницах Палестины не в большей степени обязаны своим происхождением гробницам с лестничным ходом и скальным гробницам, соорудившимся для индивидуального погребения фараонов и знати эпохи I династии, чем высеченные в скалах семейные склепы Библа II. Металлургическое производство Палестины, очевидно, также не имеет отношения к египетскому и еще менее к шумерийской металлургии раннединастического периода.

Что касается «неолитической революции», то сведения о производстве пищи в Палестине восходят от истории

¹ Райт (Wright, *BASOR*, 122, 1951, 52—55) упоминает керамический материал, являющийся хорошим свидетельством в пользу синхронизма между Иерихоном — VIII и фазой в долине Оронта (Амук D), которая является промежуточной между фазами, определяемыми халафской и местной обейдской керамикой. Поскольку хронологическое соответствие между Иерихоном — VIII, с одной стороны, и гхассульской культурой и культурой Эздрелона, — с другой, до сих пор оспаривается, это устанавливает дальнейший синхронизм между амук-обейдской фазой и гхассульской культурой или культурой Эздрелона в Палестине, но при этом приравнивает также р. б. (Ia?) Палестины к урукскому периоду (Северной) Месопотамии, что совершенно несовместимо с нашими выводами.

чески датированного горизонта р. б. Ib к глубокой древности и ближе, чем в каком-либо другом месте, соприкасаются здесь со стадией собирательства. Первые керамические свидетельства содержат уже, по крайней мере, намеки на связи с древнейшими земледельцами-скотоводами Нижнего Египта и Верхней Месопотамии. Даже позднее можно отметить определенный параллелизм в развитии халколитических культур Гхассула и Маади, из которых первая, повидимому, имеет некоторый приоритет, поскольку герцейская культура, а следовательно, и культура Маади частично захватывают период р. б. Ia, являющийся на смену гхассульской культуре.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ДИФФУЗИИ

Таблица на стр. 350 имеет целью показать читателю один из путей сравнения темпов культурного прогресса в нескольких рассмотренных в предыдущих главах территориальных областях. Конечно, большинство «абсолютных дат» в первой графе является не более чем предположением; сопоставление нескольких рядов последовательных культур носит чисто умозрительный характер; ряд месопотамских культур может быть сокращен или увеличен независимо от египетского ряда, и за счет него может быть увеличен ряд последовательных культур Ирана.

При таких оговорках городская революция должна была вначале завершиться в Шумере, в урукский период; египетская, сузианская и индийская цивилизация, несомненно, возникли позднее. Но, как мы уже видели, ни одна из них не является простым повторением шумерийской. Даже письменные знаки совершенно различны.

Конечно, не лишено вероятия, что египетские писцы заимствовали каким-то образом в Шумере идею надления пиктограмм фонетическим значением. Едва ли можно предполагать, что «Менес» приглашал шумерийских писцов с целью обучить своих всем новшествам несения государственной гражданской службы, хотя, повидимому, так поступали фараоны Нового царства, стремясь пополнить служебный персонал своего «министерства иностранных дел» писцами, знающими клинопись! Конечно, и Египет и Индия еще до вступления их на путь цивилизации поддерживали прямую или косвенную связь с Шумером. Но древнейшая форма политической власти — государство — носила везде различный характер.

Можно, правда, доказывать, что идея воплощения государства в лице какого-то обожествленного монарха была заимствована Месопотамией у Египта. Вместе с тем заманчивое предположение, что все персональные божества также воплощают в своем лице государство, то есть копируют фараонов, едва ли может найти подтверждение в месопотамском искусстве урукского периода. В то же время великолепная голова эпохи Джемдет-Насра, изображенная на табл. XXXVI, так же, как хараппская танцовщица при сравнении ее с варварской скульптурой (табл. IV, XVIII, XXXVII) или даже с фигурами на палетке, изображающей сцену охоты на львов, служит не только показателем художественного критерия эпохи цивилизации. Она приводит нас к заключению, что натуралистическая трактовка изображения человека не была неизменно связана с запечатлением портретов, а следовательно, увековечением божественных царей — Скорпиона, Нармера, Джосера.

Некоторые из технических изобретений, лежавших в основе этих четырех отдельных цивилизаций, несомненно, подверглись процессу диффузии. Таблица позволяет нам в каждом отдельном случае проследить этот процесс от его исходного пункта. Например, весьма вероятно, что и повозка на колесах и гончарный круг были изобретены в урукский период в Шумере перед самым началом революции. Все колеса III тысячелетия, известные по оригиналам или моделям на всем пространстве от Инда до Оронта и от Персидского залива до Окса, изготовлены на один образец — из трех отдельных досок. Маккауэн утверждает, что исходный пункт этого процесса находился где-то в Иране; конечно, такая возможность не абсолютно исключена, но вместе с тем датированные образцы, обнаруженные западнее Тигра, свидетельствуют о постепенном распространении колес с юго-востока в Ассирию (перед самым началом периода Гавра), на Хабур (ко времени царствования Саргона) и в долине Оронта (только после военных походов Саргона в эпоху Хама — J.).

Вследствие упомянутых в главе X социологических факторов распространение гончарного круга протекало несколько иными темпами; в Гавра он появляется не

раньше начала ниневийской фазы, на Оронте — ко времени Хама — К, в Библие — только в III слое, в Палестине — в р. б. I b и даже в Египте — только к началу века пирамид. Благодаря своеобразному географическому положению Египет не нуждался в повозках на колесах, широко используя вместо этого водный транспорт. Но даже при этом идея паруса была, вероятно, заимствованной; обеидская модель парусной лодки из Эриду, несомненно, принадлежит к более раннему времени, чем «чужеземные» корабли на позднегерцейских сосудах и вообще любое другое древнее изображение паруса.

Напротив, вполне возможно, что фаянс был изобретен в Египте в герцейский период (стр. 111), откуда, согласно хронологической таблице, секрет его изготовления мог достигнуть Месопотамии в урукский период, Иранского нагорья — ко времени Сиалка IV и Индии — до начала хараппского периода.

Еще одно изобретение, которое хотя и не является техническим приспособлением, а скорее берет свое начало в недрах религиозных предрассудков, но, тем не менее, способствует осуществлению городской революции, дает нам возможность довольно точно определить место его первоначального зарождения и проследить его распространение. Древнейшими датированными печатями являются халафские «печати-подвески» Северной Месопотамии. В обеидский период они приобретают форму печатей-штампов в виде бусин или пуговиц и в эпоху Суз I (раннеурукский период) достигают Керхи, откуда через южный Иран распространяются до Персеполя и дальше. В северо-западном Иране штампы появляются в эпоху Сиалка III и Хиссара I, возможно, незадолго до гончарного круга, но, во всяком случае, в Хиссаре они не применяются для запечатывания сосудов. С таким искажением функции в виде «печати-амулета» это изобретение достигло долины Инда.

Тем временем в Шумере в позднеурукский период печати-штампы уступают место цилиндрическим печатям с петлей. В этой форме печать передается в Египет, очевидно, непосредственно, поскольку мы не находим на межлежащих территориях образцов, датированных таким

ранним временем. В степях Северной Месопотамии обычные цилиндры в стиле Джемдет-Насра употреблялись уже во времена Храма Священного Ока в Браке, но в Гавра цилиндрические печати начинают соперничать с печатями-штампами лишь в ниневийский период. Они достигают долины Оронта в период Хама — К и Джудейде — XII и уже в новом применении, предназначенные для нанесения клейм на необожженных сосудах, появляются на средиземноморском побережье в Библи IV и в Палестине приблизительно в период перехода от р. б. I а к р. б. I б.

Но печати-штампы появляются на другой стороне Евфрата раньше цилиндрических печатей, повидимому, вместе с халафской или обеидской керамикой. Они употребляются на берегах Оронта в Хама — L и Джудейде — XIII, хотя, возможно, уже и не для запечатывания керамической тары, и применяются для клеймения сосудов в Библи II. Их распространению не могли помешать ни Тавр, ни Средиземное море.

В Центральной Анатолии печати-штампы, глиняные и даже медные, и их оттиски встречаются уже в халколитической культуре Алишара¹. На другой стороне Эгейского моря глиняные штампы (и один каменный) были обнаружены вместе с крашеной керамикой и снарядами для пращи в неолитической культуре А Фессалии, а также, но уже только из глины, в культуре Гумельницы во Фракии, в культуре Кёрёша в Банате и во II дунайской культуре, или культуре Лендель в Моравии². Даже обычное изображение заполненного креста неизменно воспроизводится в Анатолии, в Фессалии и даже на Мароше, в Венгрии. Можно ли еще требовать более убедительных доказательств диффузии из Передней Азии на наш континент? К тому же корню восходят и раннеминойские печати-пуговицы, хотя они и достигли Крита через Египет, то есть кружным путем³.

¹ Van der Osten, The Alishar Hüyük, *OIP*, XXVIII, 82.

² Childe, *Dawn*, 60, 95, 103, 126; (Чайлд, цит. соч., стр. 96, 142, 155, 182); *AJA*, XLIII, 16.

³ Matz, *Die frühkretischen Siegel*, 1928, 29.

Вопрос о диффузии металлургии все еще остается близок к постулату. В начале III тысячелетия мы находим в Египте, Месопотамии и долине Инда совершенно отличные друг от друга наборы полностью дифференцированных местных типов металлических орудий. Характерные шумерийские типы могут быть прослежены через Сузы В, Силк III, 4 и Гавра — VIII, по меньшей мере, до позднеурукского периода. Путем умозаключения мы приходим к выводу, что резкая специализация орудий начинается еще в обеидскую фазу с появлением или, вернее, воспроизведением из металла проушного топора.

Судя по употреблению в Сузах С, в период Джемдет-Насра в Месопотамии, в Библе II и в герцейской культуре Египта серебра и свинца, металлургия достигает, повидимому, уже высокого технического уровня во второй половине IV тысячелетия. Опубликованные результаты анализа металлических предметов из Гавра — VIII и Телль Гхассула свидетельствуют о том, что даже бронза с приплавом олова если и не имела широкого употребления, то, во всяком случае, была открыта более чем за 3000 лет до н. э. Но из-за погрешностей при проведении раскопок размещение на карте находок металлических предметов, относящихся ко времени, предшествующему этой дате, носит настолько беспорядочный характер, что проследить по нему тяготение к какому-то единому центру не представляется возможным. Сами типы металлических предметов вначале настолько просты, что могли возникнуть самостоятельно в нескольких отдельных областях.

Первым относительно специализированным типом, который мог бы быть использован в качестве довода в пользу диффузии, является булава с узловидной головкой. Но эта форма удерживалась в употреблении очень долго и была почти одновременно обнаружена в таких отдаленных друг от друга областях, как Египет (в герцейский период) и Силк III, 4! Лишь немного позднее мы находим в Египте эпохи древнейших фараонов и в I раннединастический период в среднем течении Евфрата топор в форме полумесяца с рогообразными выступами в обухной части. Но эта форма орудия также была весьма

долговечна; лишь в конце III тысячелетия она достигает Суз, а в Финикии и Северной Сирии удерживается в качестве пережитка до самого начала II тысячелетия до н. э.

В III тысячелетии большинство отличительных шумерийских форм имело весьма ограниченное распространение. Но группа производных типов, обнаруженная впервые в виде одного ансамбля в Финикии и Северной Сирии в период погребения в цистах (после 2250 года до н. э.?), является явным результатом диффузии. Наконечники копий, ведущие свое происхождение от раннединастической шумерийской серии, но снабженные крючкообразным черешком¹, повторяются на Кипре, в Киликии, в Центральной Анатолии, в Трое и на Кикладах, но также в Хиссаре III в Иране. Образцы из Тарса и царских гробниц Алака² воспроизводят даже мельчайшие детали, как, например, щелевидные отверстия в перовой части, заметные у наконечника, изображенного на табл. XXXIX, I. Конечно, крючкообразный черешок прослеживается значительно раньше в Палестине и захватывает значительную часть II тысячелетия до н. э. Точно так же шумерийские наконечники копий без крючкообразного черешка проникают за Кавказский хребет, и мы находим их в бассейне Кубани, в погребении вождя в станице Новосвободной³.

Подобным же образом производные формы шумерийского проушно-втульчатого топора, напоминающие сегментовидным выступом на конце втулки форму, распространенную в период погребения в цистах (табл. XXXIX, I), достигают в раннеэгейский период Лемноса⁴ и затем подвергаются дальнейшей разработке в Венгрии в местный период средней бронзы. В свою очередь, провололочные шейные обручи с закрученными спиралью концами проникают в Центральную Анатолию, и, по крайней мере, один образец был найден в Центральной Европе

¹ Описаны и иллюстрированы Шеффером (Schaeffer, *Strat. comp.*, 38, figs. 80, 168, 172, 174, 239, 245; см. *Mission en Chypre*, Paris, 1936, 42 ff.

² Schaeffer, *Strat. comp.*, figs. 82, 4; 172, 4; 176, 23.

³ Childe, *Dawn*, fig. 75 (Чайлд, цит. соч., рис. 75).

⁴ *Arch. Anz.*, 1937 (*Jahrbuch d. Instituts*, LII), 170, fig. 22,

в погребении поздненеолитической баденской культуры¹.

Однако все три типа — проволоочный шейный обруч, наконечник копья с крючкообразным черешком и сложный проушно-втульчатый топор — были обнаружены, хотя и не в одном комплексе, к востоку от Тигра, до того, как они появились вместе с погребениями в цистах в верхнем течении Евфрата.

После 2000 года до н. э. эти проволоочные шейные обручи воспроизводятся в литом виде в Финикии, откуда проникают в Европу, где мы встречаем их у так называемых «носителей гривен», вместе с целой серией более древних шумерийских типов булавок и серег² и финикийской формой клиновидного топора с ушками, который превращается в Европе в итальянский клиновидный топор с закраинами и выемчатым обухом. Таковы типы металлических предметов, изготовлявшихся и распространявшихся древнейшей школой металлургов Центральной Европы, которые, таким образом, свидетельствуют о распространении металлургии через Альпы.

Перечисленные типы металлических предметов достаточно специфичны, чтобы свидетельствовать о диффузии, но едва ли это можно рассматривать как распространение самой металлургии; во всяком случае, это было бы неверно в отношении Анатолии и Эгейских островов. Хотя хронология минойского Крита и Трояды, возможно, и нуждается в сильном понижении³, тем не менее мы не можем приурочивать древнейшие металлические изделия Крита, Лесбоса и Алишара ко времени царствования Саргона. Раннеминойские кинжалы не восходят к какой-либо известной восточной форме. Напротив, совокупность данных Анатолии, Эгейских островов и Северного Ирана подтверждает гипотезу Фрэнкфорта⁴, что первоначальной колыбелью металлургии было Закавказье. В то же время кикладский мрамор в протодинастических гробницах Египта и, возможно, также прямоугольные сосуды,

¹ Childe Dawn, 113 (Чайлд, цит. соч., стр. 166).

² Schaeffer, *Ugaritica*, II, Paris, 1950, 56—115.

³ Например, Matz, *Historia*, I (Baden-Baden, 1950), 185—194; Milošić, *BSA*, XLIV, 1949, 258—306.

⁴ Ant. J., VIII, 233.

обнаруженные в том же комплексе и в раннединастическом Шумере, могут свидетельствовать о связях эгейских островитян с Египтом и даже с Месопотамией. Металлургия и другие открытия могли распространиться на Эгейские острова из Египта или Финикии, минуя при этом Анатолийское плато.

Но пользование металлом требовало как технических навыков, так и определенной организации хозяйства. Распространение металлургии должно, таким образом, обозначать одновременное заимствование навыков и соответствующей формы хозяйственной организации. Последняя возникает вместе с городской революцией. Богатства, накопленные в житницах храмов и царских дворцов Месопотамии и Египта, позволяют выделить среди населения целый класс, занятый обработкой и распространением металла и других видов сырья. Наличие богатства гарантировало рынок для сбыта товаров. Но фактически рынком или, по крайней мере, главным потребителем было государство. Так, например, в Египте государство фараонов обеспечивало не только средства для добычи и распространения меди (пищу, орудия и тягловый скот), но также и необходимые людские резервы. Медь и бирюзу доставляли из Синая¹, для чего фараоны периодически посылали туда экспедиции под охраной царских войск, защищавших их от нападений местных племен бедуинов.

Сохранились также письменные свидетельства некоторых шумерийских династов об экспедициях, которые они посылали для добычи металла, строительного камня или леса; эти экспедиции, повидимому, носили такой же характер, как экспедиции фараонов. Такие экспедиции, конечно, ничем не обогащали варваров, территории которых они пересекали.

Однако ранние шумерийские храмы едва ли могли получать сырье таким путем. Письменные документы раннединастического периода говорят о том, что они пользовались услугами дамкаров, профессиональных купцов. Даже связи между Египтом эпохи древнейших фараонов и Палестиной или Финикией носят, повидимому,

¹ Petrie, *Researches in Sinai*, London, 1906. .

в значительной степени характер взаимного товарообмена. Вне зависимости от того, носили ли экспедиции египетского государства коммерческий или иной характер, варварские общины были вынуждены примириться с такими посещениями. Египетские вазы, пожертвованные в храмы Библа и Аи, в первом случае от имени фараона, олицетворявшего собою государство, свидетельствуют о том, какими путями египтяне добывались разрешения на торговлю. Может быть, металлический кувшин позднеурукской формы, изображенный в руках спутника египетского фараона Нармера, является результатом подобного же подхода месопотамских купцов к египетскому государству. Во всяком случае, он так же, как каменные вазы, свидетельствует о том, как представление о формах сосудов, известных только в виде дешевых керамических копий, передавалось на расстояния, слишком большие для перевозки хрупких керамических ваз.

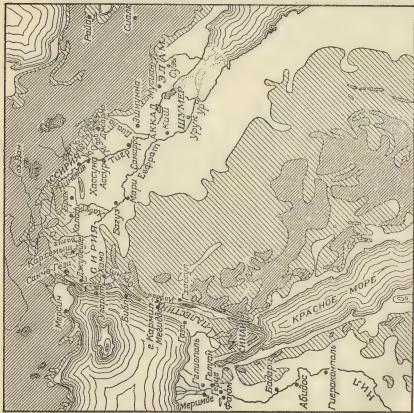
Возникавшие на такой основе регулярные рейсы между городскими рынками и копиями или каменоломнями и лесными областями способствовали распространению сырья в промежуточных областях, которые сами по себе были слишком бедны для поддержания такой регулярной торговли. Таким образом, находки среди личного инвентаря свидетельствуют о регулярном пользовании металлом для изготовления орудий и оружия в сирийских деревнях, расположенных в степи на оживленном торговом пути из Нижней Месопотамии на Аман и Тавр, между тем как в Палестине металл был редкостью и применялся исключительно для изготовления оружия, так как торговля Египта с Сирией осуществлялась тогда преимущественно по морю.

В то же время регулярная связь с городскими центрами должна была приблизить производящие и промежуточные области к организаций типа цивилизованных государств. Представитель местной общины, будь то божество или вождь, контролировал теперь излишки богатств, скапливающиеся не только в качестве добровольных пожертвований или обычных даров членов общины. Таким образом, он обладал теперь определенной экономической независимостью. Даже в тех слу-

чаях, когда сырье добывалось силой, сопротивление вооруженной агрессии в виде экспедиций, высылаемых фараонами на места разработок, или империалистических походов Саргона и его преемников в «Кедровый лес» или в «Серебряные горы» укрепляло авторитет военачальников. Свидетельством этому может служить царская гробница в Тиль-Барсиб, если только мы правильно датировем ее временем непосредственно после кампаний аккадских династов. Более того, такие военные набеги должны были помочь варварам понять ценность находившегося в их руках металла. Кремень как материал для изготовления орудий почти не уступает меди, но кремневые кинжалы значительно более ломки, что, вероятно, нередко приводило к фатальным результатам в рукопашном бою! Варвары каменного века были, повидимому, столь же беспомощны перед цивилизованными войсками с их медным оружием, как ацтеки перед испанцами.

Если, однако, потребность в металле превращалась таким образом в насущную необходимость, спорадическое пользование металлом, а следовательно, и потребность в нем проявлялись, вероятно, на довольно широкой территории еще до начала городской революции. В качестве свидетельства о территориальном расширении потребности в металле и о его распространении достаточно сослаться на картину непрерывного передвижения племен, описанную в главе II. Перемещение морских раковин в бадарийский и халафский периоды свидетельствует о том, что люди уже занимались распространением сырья. Следовательно, и идеи вскоре после осуществления неолитической революции могли также передаваться на значительное расстояние. Рост общественных излишков, обусловленный новой экономикой, создает материальные возможности для усиления и расширения этих связей. Однако их торговый характер до сих пор не доказан. А *fortiori* в настоящее время, повидимому, еще бесполезно ставить вопрос об исходном пункте и путях распространения самой неолитической революции. Можно, однако, сделать одно наблюдение. Граница между двумя обособленными территориями распространения ранненеолитических культур, из которых

одна характеризуется естественно окрашенной керамикой и применением лука, а другая светлой керамикой и применением пращи, совпадает с северосирийским водоразделом между Средиземным и Аравийским морями. Но Шиманн недавно высказал предположение, что именно эта область была первоначальным центром выращивания пшеницы. Непосредственно к югу начинается третья территория распространения культур, которая, согласно одному из существующих взглядов, захватывает и Нижний Египет. Но мнение большинства египтологов, что тасийская культура древнее культуры Меримде, заставляет предполагать существование в Африке какого-то независимого центра выращивания пшеницы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Albright W. F., The archaeology of Palestine, London, 1949.
 Baumgärtel E., The Cultures of Prehistoric Egypt, Oxford, 1947
 (CPE).
 Brunton G., Qau and Badari, I, London, 1927.
 Brunton G., Mostagedda, London, 1937.
 Brunton G., Matmar, London, 1948.
 Brunton G., Caton-Thompson, The Badarian Civilization,
 London (British School of Archaeology in Egypt), 1928.
 Capart, Primitive Art in Egypt, London, 1905.
 Caton-Thompson G., The Desert Fayum, London, 1935.
 Childe V. G., The Dawn of European Civilization, London, 1950.
 Conteneau G., Manuel d'Archéologie orientale, Paris, 1924 — 1929.
 Delougaz, Lloyd, Pre-Sargonid Temples of the Diyala Region,
 OIP., LVIII, 1942.
 Dunand M., Fouilles de Byblos, Paris, 1939.
 Dunand M., Byblia Grammata, Beyrouth, 1945 (BG.).
 Emery W. B., Hor-Aha (Excavations at Saqqara), Cairo, 1939.
 Emery W. B., Great Tombs of the First Dynasty, Cairo, 1949.
 Evans A., The Palace of Minos at Knossos, London, 1921 — 1928.
 Eliot H. W., Excavations in Mesopotamia and Western Iran, Cam-
 bridge, Mass. (Harvard University), 1950 (EMW).
 Frankfort H., Cylinder Seals, London, 1939.
 Frankfort H., Archaeology and the Sumerian Problem, OIS.,
 4, 1932 (ASP).
 Frankfort H., Studies in the Early Pottery of the Near East,
 London (R. Anthropol. Institute, Occasional Papers, 6, 8), 1925 —
 1927.
 Gawra I, see Speiser.
 Gawra II, see Tobler.
 Ghirshman R., Fouilles de Sialk, Paris, 1938 — 1939.
 Hall, Woolley, Ur Excavations, I, al'Ubaid, London, 1927.
 Harappa, See Vats.
 Mackay E., Further Excavations at Mohenjo-daro, New Delhi,
 1938 (Mohenjo-daro, II).
 Mackay E., Chanhu-daro Excavations, 1935 — 1936, New Haven, 1943.
 McCown D., The Comparative Stratigraphy of Early Iran, OIS.,
 23, 1942 (CSEI).
 MacIver R., El Amrah and Abydos, London (Egypt Exploration
 Fund), 1902.

- Marshall J., and others, Mohenjo-daro and the Indus Civilization, London, 1932 (Mohenjo-daro, I.).
- Mohenjo-daro, see Mackay, and Marshall.
- Mond, Myers, The Cemeteries of Armant, London (Egypt Exploration Society), 1937.
- Perkins A., The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia, *OIS.*, 25, 1950 (*CAEM*).
- Petrie W. M. F., Royal Tombs, I, London (Egypt Exploration Fund), 1900.
- Petrie W. M. F., Royal Tombs, II, London (Egypt Exploration Fund), 1902.
- Petrie W. M. F., Diospolis Parva, London (Egypt Exploration Fund), 1902.
- Petrie W. M. F., The Labyrinth and Gerzeh, London (British School of Archaeology in Egypt), 1911.
- Petrie W. M. F., Tarkhan, I, London (British School of Archaeology in Egypt), 1912.
- Petrie W. M. F., Tarkhan, II, London (British School of Archaeology in Egypt), 1913.
- Petrie W. M. F., Tools and Weapons, London (British School of Archaeology in Egypt), 1916.
- Petrie W. M. F., Prehistoric Egypt, London (British School of Archaeology in Egypt), 1917.
- Piggott S., Prehistoric India, London, 1950 (*PI.*).
- Reisner G., The Development of the Egyptian Tomb down to the Accession of Cheops, Cambridge, Mass. (Harvard), 1936.
- Schaeffer C. A. E., Stratigraphie Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale, Oxford, 1948.
- Scharff A., Die Altertümer der Vor-und Frühzeit Ägyptens, Staatliche Museen zu Berlin (Mitteilungen aus der ägyptischen Sammlung, 4—5), I, 1931; II, 1929.
- Scharff A., Grundzüge der ägyptischen Vorgeschichte (Morgenland, XII), Leipzig, 1927.
- Speiser E. A., Excavations at Tepe Gawra, I (Publications of the American School of Oriental Research), 1935 (Gawra I).
- Tobler, Excavations at Tepe Gawra, II, Philadelphia, 1950 (Gawra II).
- Vats M. S., Excavations at Harappa, New Delhi (Archaeological Survey of India, 1940).
- Watelin, Kish, IV, Paris, 1934.
- Winckler H., The Rockdrawings of Southern Upper Egypt, London (Egypt Exploration Society), I, 1938; II, 1939.
- Woolley L., Ur Excavations, II, The Royal Cemetery, London, 1934.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

<i>ADFU-W</i>	Ausgrabungen der Deutschen Forschungsge- meinschaft in Uruk-Warka, Berlin.
<i>AFO</i>	Archiv für Orientforschung, Vien.
<i>AJA</i>	American Journal of Archaeology.
<i>Anatolian Studies</i>	Anatolian Studies, London (British Institute of Archaeology at Ankara).
<i>Ancient India</i>	Ancient India, New Delhi (Archaeological Sur- vey of India).
<i>Annales du Service des Antiquités de l'Egypte</i>	Antiquity, Cairo.
<i>Antiquity</i>	Antiquity, Southampton.
<i>Ant. J.</i>	Antiquaries' Journal, London (Society of Anti- quaries).
<i>ÄZ</i>	Zeitschrift für ägyptische Sprache usw., Berlin.
<i>BASOR</i>	Bulletin of the American School of Oriental Research.
<i>CAH</i>	Cambridge Ancient History (First Edition).
<i>Chron. d'Egypte</i>	Chronique d'Egypte, Brussels (Musées du Cin- quantenaire).
<i>IPH., Mem.</i>	Archives de l'Institut de Paléontologie humaine, Memoires, Paris.
<i>Iraq</i>	Iraq, London (British School of Archaeology in Iraq).
<i>JEA</i>	Journal of Egyptian Archaeology, London (Egypt Exploration Society).
<i>JNES</i>	Journal of Near Eastern Studies, Chicago.
<i>JRAI</i>	Journal of the Royal Anthropological Institute, London.
<i>JRAS</i>	Journal of the Royal Asiatic Society, London.
<i>LAAA</i>	Annals of Archaeology and Anthropology, Liver- pool.
<i>L'Anthr.</i>	L'Anthropologie, Paris.
<i>MAGW</i>	Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien.
<i>Man</i>	Man, London (Royal Anthropological Institute).
<i>MASI</i>	Memoirs of the Archaeological Survey of India, New Delhi.
<i>MDOG</i>	Mitteilungen der deutschen Orient-Gesellschaft, Berlin.
<i>Mus. J.</i>	Museum Journal, Philadelphia (University of Pennsylvania).

<i>MDP</i>	Memoires de la Délégation en Perse (затем de la Mission Archéologique en Iran), Paris.
<i>OIC</i>	University of Chicago, Oriental Institute, Communications.
<i>OIP</i>	University of Chicago, Oriental Institute, Publications.
<i>OIS</i>	University of Chicago, Oriental Institute, Studies in Ancient Oriental Civilization.
<i>OIAS</i>	University of Chicago, Oriental Institute, Assyriological Studies.
<i>OLZ</i>	Orientalische Literatur-Zeitung, Berlin.
<i>PPS</i>	Proceedings of the Prehistoric Society, Cambridge, Cambs.
<i>RASI</i>	Annual Reports of the Archaeological Survey of India, New Delhi.
<i>RB</i>	Revue Biblique.
<i>Rec. Const.</i>	Recueil des notices et Memoires de la Société archéologique de Constantine.
<i>Rev. Ass.</i>	Revue d'Assyriologie, Paris.
<i>Sumer</i>	Sumer, Baghdad (Antiquities Department, Iraq).
<i>Syria</i>	Syria, Paris.
<i>UVB</i>	Vorläufige Berichte über die von der Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft in Uruk unternommenen Ausgrabungen: published in the Abhandlungen der preuss. Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Kl, Berlin (III and IV in Jg, 1932; V, 1933; VI — VII, 1935; VIII, 1936; IX, 1938; X, 1939; XI, 1940).

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абидосский могильник 136, 138—
140, 160, 247
Аи I 348
Амориты 163
Амратская культура 33, 92, 94,
100, 101, 103, 109, 122, 124,
145, 151
 керамика 101
 население 92
 обычай 104
 орудия 99
 погребения 95, 98, 105, 106, 126
 посуда 101, 102, 103
 рабство 96
 религия 95
 техника 96
 украшения 104, 105
 хозяйство 93
 частная собственность 96
Амри, культура 283, 298, 307,
311
Анау I 295
А» III 295, 305
Атерийские орудия 50, 51
Ахемениды 211

Бадари, культура 33, 81, 97, 111,
366
 жилища 81
 обычай 83
 одежда 83
 погребения 85-
 посуда 83
 украшения 84, 85
 хозяйство 82
Бакун А 299, 300, 304
 » В 299
Банту, племена 61
Белый храм 197, 198, 199, 204, 320

Бет-Шан—XIV 354
 » —XV 352
 » —XVI 347, 351
Библ I 332, 339
 » II 331, 332, 335, 336, 338,
339, 345, 355, 360, 361
 » III 335, 337
 » IV 335—338, 352, 360
 » V 336
 » VI 337, 338
Билла, керамика 322, 324, 330

Веды 280, 281, 285

Гавра — VI 323—326
 » —VII 296, 323, 324
 » —VIII 188, 315, 316, 323,
347, 361
 » —VIII А 321
 » —VIII В 317
 » —VIII С 318
 » — IX 315, 316
 » — XI 316, 317
 » — XI А 317, 318
 » — XII 185, 189, 216, 314,
315, 317, 318, 319
 » — XIII 189, 316, 317
 » — XVII 185, 186, 314, 321
 » —XVIII 314, 317
 » — XIX 186, 188
 » — XX 177
Герцейская культура 108, 109,
114, 123, 125, 128, 129, 132,
134, 141, 145, 160, 205, 296,
312, 353, 356, 359, 361
 амулеты 120
 жилища 112
 обычай 120

- орудия 109
оружие 109
погребение 113, 114, 120, 122
посуда 112, 114, 115, 118, 119, 122
предметы туалета 119, 120
техника 110, 111, 117
торговля 112, 113
Гиксосы 163
Граветтийские орудия 49, 50
Грай Реш I 315, 316, 318, 321
» »—V—II 315, 316, 318
Гумельницы, культура 360
Гхассульская культура 345—347, 355
 керамика 345
 орудия 345
 погребения 346
 украшения 346
Джармо, культура 289
Джудейде — XI 331
 » — XII 331, 360
 » — XIII 330, 331, 360
 » — XIV 328, 329, 347
Джукара, культура 284, 305
Динка, племя 31
Египетский календарь 26
Иерихон — VI 352
 » — VII 347, 348, 353, 355
 » — VIII 355
 » — IX 342
Капсийская культура 49, 60
Кветтская керамика 300
Кёрёша, культура 360
Киш А 236, 247
 » Y 225, 230, 237
Колонный храм 196, 236
Кулли, культура 222, 256, 300—305, 307, 332
«Культура желтой керамики» 288
«Культура красной керамики» 288
«Культура скругленных долот» 87
Леваллуа 47, 48, 50, 67
Лендель, культура 360
Маади, культура 125, 126, 151, 339, 356
орудия 125
погребения 126
посуда 125, 126
украшения 126
Мегиддо — XVII 352
 » — XVIII 354
 » — XIX 347—349
Меримде, культура 74, 343, 367
 жилища 74
 орудия 75, 76
 оружие 75
 погребения 77
 посуда 76
 украшения 77
 хозяйство 74
Мустье 47, 48
Наля, культура 306, 307
Наскальные рисунки 46, 53, 107, 131
Натуфийская культура 61, 329 342
 население 61, 128, 289, 333
 орудия 62, 63
 оружие 61, 64
 погребения 64
 украшения 64
Ниневия III 316
 » IV 296, 316
 » V 321—324
Обейдская культура 40, 41, 178—182, 184—186, 191, 192, 194, 204—206, 209, 225, 226, 288, 290, 314, 315, 321, 327, 330
 амулеты 189, 190
 керамика 179, 185, 355, 360
 община 186, 187, 190
 орудия 183, 184
 погребения 190
 посуда 186, 193
 религия 186, 187, 191
 система земледелия 182, 186
 торговля 184
Оранская культура 49, 60
Ориньякские орудия 49
Палермский камень 25, 29
Петроглифы 53, 60
«Пиргоская керамика» 329

- Протошумерийцы 188, 189, 191, 206
- Рана-Гундай I 297, 309
» II 297, 298
» III 298
- I раннединастический период 225, 228, 229, 237, 238, 244, 246, 247, 249, 250, 252—254, 260, 321, 327, 361
- II раннединастический период 236, 247, 248, 250, 253, 254, 256, 259, 275, 301, 324, 325, 336, 354, 355
- III раннединастический период 40, 232, 240, 244, 246, 250, 251, 253, 254, 257, 259, 314, 324, 325
- Риг-Веда 280
- Самаррская керамика 171, 172, 175, 181, 328
- Саргониды 225, 228, 241, 244, 252, 257, 260, 305, 325
- Себильская культура 51
- Семиты 194, 205, 226, 238
- «Серая урукская керамика» 315, 329
- Сиалк I 291, 297, 299, 309
» II 291—293, 297
» III 271, 295—297, 359
» III, 1 292, 293, 295
» III, 2 295
» III, 3 293, 295
» III, 4 293, 295, 296, 311, 361
» III, 6 295
» III, 7 295
» IV 295, 296, 312, 359
- Стилл Бей, орудия 51
- Субарейцы 39
- Суданские племена 68
- Сузы I 212, 216, 217, 223, 225, 226, 299, 300, 303, 304, 361
» I (A) 212, 216, 218, 225, 226
» » B 225, 226, 295, 311, 316, 361
» » C 217—220, 295, 361
» » D 219, 225, 302
» II 212, 217, 225
- Тасийская культура 68, 81, 97, 367
одежда 72
погребения 72
посуда 69—71
украшения 72
хозяйство 69
- Тахунийские орудия 340
- Телль Фара 3 354
» » 4 354
- Туринский папирус 25
- Угарит — IV 330
» — V 328, 329, 332
- Урук — IV 232
» — XIV 194
» — XVIII 185
- Урукская стела 132, 133, 204
- Урукский период 193—195, 197, 199, 203—206, 208, 209, 225—227, 238, 253, 256, 260, 282, 283, 296, 311, 314, 317, 330, 355—358
города 195
изобразительное искусство 197—199, 203, 208
керамика 193, 194, 202, 207, 208
орудия 209
оружие 209
письменность 200, 208
погребения 209
посуда 193, 202
религия 195—197, 206
система счисления 200
техника 194, 201, 210
украшения 210
- Фаюмская культура 72
одежда 73
орудия 73
оружие 73
посуда 73
торговля 74
украшения 73, 74
хозяйство 72
- Халафская культура 41, 167, 174, 178, 188, 253, 288, 292, 299, 327, 328, 366

- домашние искусства и ремесла 176
керамика 174—176, 178, 181, 355, 360
община 177
орудия 174
оружие 174
погребения 178
товарообмен 177
Халдеи 163
Хама 331, 358
» — К 318, 331, 332, 334, 339, 352, 359, 360
» — L 330, 360
» — М 328
Хараппская цивилизация 282—284, 300—303, 307
Хартумская культура 86
керамика 87
хозяйство 86, 87
Хассунская культура 171, 173, 178
керамика 171, 172, 174, 328
орудия 171
оружие 171
посуда 171
Хетты 163
«Хирбет-керакская керамика» 331
Хиссар I 297, 322, 359
» I A 293, 295
» I B 293, 297
» I C 295
» II 271, 296, 329
» II B 305
» III 284, 296, 305, 325, 362
Храм Ану 320
Храм Иннины 196, 199, 318
Храм Иштар 314, 324
Храм Священного Ока 216, 321, 360
Храм Сина 209, 210, 251, 256, 259, 318
Храм Соломона 251
Чагар Базар III 324
Чанху-Даро II 304
Шательперронские орудия 50
Шахи-тумп, культура 305—307
Шиллуки, племя 31
Шумерийцы 37—39, 104, 205, 206, 213, 226, 237, 238, 240, 241, 243, 253, 255, 327
Э-анна — III 204
» — IV 203
» — V 193
» — VII—III 193
» — XIV—VI 193
Эздрелона, культура 347, 348, 352, 354, 355
Эль-Омари, культура 78
керамика 78
орудия 78
погребения 78, 79
посуда 78, 79
хозяйство 78
Эмирийская культура 48
Эриду, культура 181
Эриду — V 194, 195
» — VI 195
» — VIII 188

МЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А-анни-падда 36, 37, 259

Адамец, Л. 88

Аmeliно 34

Амер, Мустафа 21, 124

Аркелл, А. 86, 87

Аха 238

Бакстон 237

Баумгертель, Э. 86, 92, 95, 123, 128, 186

Бенедит, Ж. 130, 131

Берос 34

Бёрен, ван 318

Брантон, Г. 34, 69, 70, 84—86

Брейдвуд, Роберт 21, 166, 337, 342

Брейль 54, 82

Бремер, В. 214, 215

Брукс 44

Брестед, Д. Г. 29

Винклер 97

Вофрэ, Р. 89

Вулли, Л. 209, 230

Гарден 207

Гарстанг, Дж. 340, 342

Геродот 237

Гузайин 99

Гэдд, К. Дж. 252

Гэррод 48

Дарий 285, 308

Дебоно, Ф. 21, 78

Делюга, П. 40, 191, 193, 259

Дерри, Д. Э. 158, 159

Джекобсен, Т. 36, 203, 259

Джер 145, 149, 152, 237

Джосер 145

Дюнан, М. 335—337, 339, 349

Дюссо, Р. 133

Зете 29, 31

Ка 157, 158

Кантор, Г. 158

Капар 103, 119

Кеньон, К. 21

Контено, Ж. 237

Куибел, Дж. Э. 133

Кун, К. С. 21, 309

Кэтон-Томпсон, Г. 71, 86

Лангдон, С. 209

Лики, Л. 52

Ллойд, С. 41, 169, 170, 172, 173, 181, 193

Люкас 97

Маджумдар, Н. Г. 283

Майерс 161

Макалистер 349

Макивер 33

Маккаун, Д. 217, 288, 292, 295, 358

Маккэй 206, 207, 265

Манефон 25, 26

Маништусу 314

Маршалл, Дж. 280

Мейер, Эдуард 28

Мейс 33

Мекенем, Р. де 212

Меллоуэн, М. Э. Л. 21, 41, 174, 175, 177, 181, 320, 327

Менгин, О. 57, 77

Менес (см. Нармер) 26, 28—31, 33, 136, 138, 156, 259, 263

Месилим 236

- Морган, Дж. де 34, 100, 158, 212, 215
 Нарам-син 314, 327
 Нармер (см. Менес) 157, 204, 238, 365
 Нейвиль, Р. 340, 341
 Ньюберри, П. 123
 Олбрайт 35, 348
 Оппенгейм 41
 Пепи II 337
 Перкинс, Энн 181, 193, 197
 Перри, В. Дж. 57, 67, 68, 86
 Петри, Флиндерс 29, 33, 34, 91, 93, 95, 97, 99, 101, 111, 115, 118, 122, 128, 131, 136, 137, 153, 158
 Пиггот, С. 21, 262, 288, 298, 300, 303, 304
 Пик, Г. 33
 Поло, Марко 237
 Райт, Г. Э. 347, 348, 355
 Рейснер 29, 133, 136, 138, 141
 Ризкана 21, 124
 Рюттан 225
 Саад, Заки 21, 141, 143
 Саргон 36, 37, 40, 240, 254, 256, 259, 314, 325, 327, 331, 358, 363, 366
 Сафар, Ф. 41, 169, 170, 172, 173, 181
 Сенусерт III 27
 Смит, Сидней 38
 Томас, Э. С. 107
 Удиму 135, 233
 Уилер, Р. Э. М. 19, 21, 285
 Уэнрайт 97
 Уэйтлин 230
 Фалькенштейн, А. 206
 Флер 33
 Фрэйзер, Дж. 30
 Фрэнкфорт, Г. 39, 40, 131, 153, 188, 193, 205, 214, 228, 253, 255, 318, 320, 321, 363
 Хаммурапи 35, 162
 Хасехемуи 337
 Хеопс 148, 150
 Хетепхерес 148, 150, 152, 160
 Холл 31
 Хорнблоуер 95
 Христиан, В. 40, 173, 228
 Худ, С. 331
 Цезарь, Юлий 26, 27
 Черри 57, 86
 Шарф, А. 86, 132
 Шеффер, К. А. Э. 325, 362
 Шиманн 367
 Шиптон, Г. М. 347, 348, 354
 Шпейзер, Э. А. 38, 205, 326
 Штейн, Аврелий 288, 299, 300, 303, 304
 Штекелис 344
 Шток 28
 Шуб-ад 252, 277
 Эдвардс 29, 136
 Элиот 193, 207, 217
 Эмери, У. Б. 21, 29, 136, 139, 146, 150
 Энгберг 347, 354
 Энгельбах, Р. 145
 Юнкер, Г. 75, 77, 86, 158

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абидос 136, 137, 140, 145, 147,
 152, 153, 155, 157, 158, 233,
 237, 353
 Абусир эль-Мелек 113, 122, 124,
 152, 354
 Аван 163
 Агаде 38
 Адаб 37
 Аи 159, 348, 349, 353, 355, 365
 Аин Маухаад 48
 Аккад 36, 40, 41, 162, 185, 197,
 240, 263, 266, 314, 321
 Акшак 38
 Амри 263, 273, 283, 306, 307
 Анатолия 201, 229, 240, 256, 325
 Анау 268, 292, 295, 296, 305
 Ану 186
 Армант 81, 102, 108, 113
 Арпачия 175—177, 183, 190, 319
 Ассирия 162, 165, 167, 173, 178,
 185, 188, 190, 192, 233, 240,
 241, 261, 278, 317, 318
 Багхуз 172
 Бадари 34, 68, 81, 82, 84, 88,
 339
 Бадахшан 112, 202, 258, 268
 Бакун 299, 300, 304
 Бампур 300, 304
 Басра 164
 Белуджистан 222, 268, 283, 284,
 287, 288, 297, 298, 300, 305,
 307, 308
 Библ 123, 146, 159, 228, 276,
 305, 331—339, 345, 349, 352,
 355, 359—361, 365, 405
 Брак 216, 315, 316, 318, 319,
 325, 330, 360
 Вади-Газзе 343
 Вади-Хаммамат 81, 93, 96, 112,
 128, 131
 Виндхья 52, 53
 Гавра 177, 185, 186, 188—192,
 216, 296, 314—318, 321, 323—
 326, 330, 334, 335, 339, 345,
 347, 358—361
 Гезер 349
 Гелиополь 29, 124, 126, 127, 158
 Геллеспонт 228
 Гелуан 19, 78, 127, 128, 141,
 143, 144, 157, 158, 236, 353, 381
 Гельма 45
 Герц 122, 124
 Гиераконполь 29, 112, 133—135,
 140, 151
 Гизэ 138, 157
 Грай Реш 203, 315, 316, 347
 Гуджерат 268
 Гутиум 163
 Гхассул 345—347
 Дабаркот 298
 Дамгхан 292
 Джармо 41, 167
 Джебель Амер 127
 Джебель Сильсиле 67
 Джебель эль-Арак 131, 133, 204
 Джемдет-Наср 193, 197, 199, 200,
 206—211, 217, 219, 227, 228,
 238, 239, 247—249, 253, 259,
 260, 272, 283, 295, 296, 318,
 320, 321, 324, 331, 335, 336,
 338, 354, 358, 360, 361
 Джудейде 328—331, 348, 360
 Джукар 284
 Диала 227, 257

- Дильмун 181
Диосполь 33, 95
- Евфрат 35, 41, 132, 161—165, 168,
172, 178, 179, 181, 194, 205,
222, 227, 258, 262, 281, 296,
307, 325, 334, 351, 360, 363
- Загр 38
Зарзи 49, 167
Зимбир 38
Зхоб 297, 298, 310
- Иерихон 90, 340, 342, 343, 347—
349, 352, 353, 355
Инд 257, 258, 261—263, 272,
276, 279, 281—283, 286, 296—
298, 301, 302, 305—307, 311,
314, 361
Индия 208, 252, 257, 274, 276,
278, 279, 282, 284, 285, 305
Ин-Эззан 107
- Кармил 174, 333, 340
Кархемьш 41, 176, 192, 325, 331
Кветта 300
Кеф Месснуэр 45
Киш 36—38, 203, 207, 225, 229,
230, 232, 233, 236, 237, 245,
247, 250, 251, 259, 266, 279,
321, 324, 329, 349
Когул 107
Кулли 301
- Лагаш 37, 189, 200, 203, 209,
236, 253
Ларса 37
- Маади 124, 126, 158, 345
Мадаван 299
Макран 256, 284, 288, 300, 303,
305, 322
Мари 172, 203, 206, 229, 236—
238, 246, 247, 251, 253, 254,
256, 263, 327
Матмар 85, 109
Мегиддо 347—349, 352, 354
Мемфис 19, 138, 139
Мерайджиб 239
Меримде 74—80, 159, 173, 332,
343, 345, 346
Мерсин 173, 329, 330
- Месопотамия 24, 35, 58, 113,
122, 159, 163, 164, 173, 176,
192, 199—201, 205, 209, 212,
220, 223, 230, 236, 238, 239,
257—259, 261, 264, 268, 275,
276, 281, 282, 286, 295—297,
301, 302, 308, 311, 315, 318,
329, 332, 336, 338, 339, 343,
352, 354, 355, 358, 359, 361,
364, 365
- Мехи 301, 303
Мохенджо-Даро 25, 262—267,
270—275, 278—280, 302
Мусиан 221—224
Мухарет-эль-Ваде 49
- Наксос 97
Наль 305—307
Негада 97, 105, 111, 112, 115,
120
Нил 73, 81, 83, 86—88, 113, 123,
238, 258, 262, 268, 329
Ниневия 178, 296, 316, 321—324
Нундара 305, 307
- Окаир 184, 200, 203, 206, 210,
239, 312, 314
Оман 240
Опис 38
- Палестина 58, 97, 153, 154, 173,
192, 194, 240, 331, 332, 339,
340, 347—349, 351—355, 359,
360, 362, 364, 365
Персеполь 299, 359
- Раджпутана 268
Рана-Гундай 297, 298
Рупар 263
- Саккара 19, 21, 138—140, 142,
144, 149, 150, 157, 158, 353
Сакче-Гёзи 172, 173, 328—330
Самарра 167, 299
Самос 329
Себил 67
Сеистан 300, 301, 308
Сиалк 222, 271, 289—297, 299,
309, 311, 312, 359—361, 400
Синай 112, 146
Синд 267, 272, 278, 283, 287
Синджар 203
Сиппар 38

- Сор-дамб 305
 Сузы 20, 203, 205, 211—213,
 216—220, 222—226, 230, 236,
 244, 247, 251, 256, 257, 278,
 295, 299—305, 311, 315, 351,
 360, 362, 388, 389
 Суктаген-Дор 302
 Тарро 277
 Тархан 142, 147, 157, 353
 Таса 34, 73, 79, 164
 Телль Аграб 257
 Телль Билл 321
 Телль-Окаир (см. Окаир) 185,
 192, 197
 Телль Фара 347, 353, 354
 Телль Халаф 174
 Телль эш-Шейк 328, 330
 Тепе Али Абад 221—223
 Тепе Гавра 315
 Тепе Хиссар 292
 Тигр 35, 41, 132, 161—164, 166—
 168, 172, 174, 179, 181, 194,
 205, 211, 222, 227, 258, 268,
 281, 296, 307, 312, 324, 358,
 363
 Тиль-Барсиб 327, 366
 Тинис 136
 Троя 228, 240, 276, 296
 Тук Че 166
 Тура 124, 127, 157, 158
 Угарит 178, 328—330, 332
 Умма 37, 236
 Умм Катафа 343
 Ур 36, 37, 40, 41, 160, 183—
 185, 187, 190, 200, 203, 209,
 220, 230, 232—237, 239, 240,
 242—244, 246, 251, 252, 254,
 256, 258, 268, 277, 312, 324,
 338
 Урук 36, 37, 40, 41, 126, 132,
 185, 186, 193, 194, 196—200,
 203, 206, 209—211, 219, 220,
 225, 232, 237, 239, 260, 297,
 318, 320, 330
 Фара 206, 252
 Фарс 299, 305
 Фаюм 74—76, 79, 80, 82, 88,
 126, 164
 Фесан 46
 Хабур 174, 177, 178, 216, 315,
 319, 321, 322, 324, 325, 358
 Халафа 299
 Хама 178, 318, 328, 330—332,
 334, 335, 339, 352, 358, 360
 Хаммам 345
 Хаммаийи 102
 Хараппа 25, 262—266, 269, 273,
 274, 277, 280, 282, 284, 298,
 301, 302
 Хассуна 41, 167—169, 171—174,
 183, 297, 332, 345
 Хафадже 203, 207, 209, 210,
 231, 240, 251, 253, 255, 256,
 259, 318
 Хельмунд 288
 Хиссар 271, 284, 293, 295—297,
 305, 325, 359, 362
 Хураб 304, 305
 Чагар Базар 177, 322, 324
 Чанху-Даро 262, 263, 284, 304,
 305, 311
 Чашма Али 292, 293, 297
 Шамирамальти 177
 Шахи-гумп 300, 301, 303—307, 311
 Шумер 19, 36, 39, 41, 42, 151,
 156, 160—162, 164, 165, 178,
 181—183, 188—192, 194, 195,
 202—205, 211, 212, 216, 220,
 225—227, 238, 241, 252, 257,
 258, 261—263, 267, 268, 271—
 273, 276, 287, 296, 300, 301,
 311—314, 321, 322, 335, 337,
 338, 343, 357, 359
 Шуруппак 37, 38, 206, 211, 247, 259
 Э-анна 193, 196, 203, 204, 210,
 219, 318, 320
 Эзбет эль-Вальда 141, 143, 381
 Элам 151, 156, 163, 203, 211,
 215, 226, 227, 267, 276
 Эль-Амра 110, 112, 133
 Эль-Обейд 178, 183, 214, 248, 249
 Эль-Омари 78—80, 124, 125, 150,
 158, 159
 Эриду 37, 38, 41, 164, 179—182,
 186, 188—192, 194, 195, 197,
 200, 203—206, 225, 237, 250,
 254, 260, 263, 314, 318, 359,
 Эшнунна 253, 321, 325, 336

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Предисловие автора к 4-му изданию	19
Глава I. От истории к предистории	23
Глава II. Образование исторической арены	42
Глава III. Древнейшие земледельцы-скотоводы Египта	66
Глава IV. Африканцы и азиаты на Ниле	92
Глава V. Возвышение фараонов	129
Глава VI. Колонизация Месопотамии	162
Глава VII. Городская революция в Месопотамии	193
Глава VIII. Раннединастический период	228
Глава IX. Индийская цивилизация III тысячелетия до н. э.	261
Глава X. От Тигра до Инда	286
Глава XI. Между «рогами» полумесяца плодородных земель	313
Глава XII. Доказательства диффузии	357
Библиография	370
Список условных сокращений	372
Предметный указатель	374
Именной указатель	378
Указатель географических названий	380

Гордон Чайлд
ДРЕВНЕЙШИЙ ВОСТОК
В СВЕТЕ НОВЫХ РАСКОПОК

Редактор *Л. З. ПОЛЯКОВА*
Технический редактор *В. И. Шаповалов*
Переплет художника *И. Д. Кричевского*

Сдано в производство 2/І 1956 г.
Подписано к печати 26/V 1956 г.
А-06823. Бумага $84 \times 108^{1/32} = 6,6$ бум. л.
Печ. л. 21,7 в т/ч 20 вкл.
Уч.-издат. л. 21,0. Изд № 6/2746
Цена 14 руб. Зак. № 10
Издательство иностранной литературы
Москва, Ново-Алексеевская, 52

20-я типография Главполиграфпрома
Министерства культуры СССР
Москва, Ново-Алексеевская, 52